

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

**Известия
Юго-Западного
государственного
университета
Серия: История и право**

Научный журнал

Том 13 № 2 / 2023

**Proceedings
of the Southwest
State University
Series: History and Law**

Scientific Journal

Vol. 13 № 2 / 2023

**Известия Юго-Западного
государственного университета.
Серия: История и право
(Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta.
Seriya: Istoriya i pravo)**

Научный рецензируемый журнал

Основан в 2011 г.

Цель издания – публичное представление научной общественности научных результатов фундаментальных, прикладных, проблемно-ориентированных научных исследованиях в таких отраслях, как теория государства и права, история политических и правовых учений, конституционное и муниципальное право, гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право, уголовное право, криминология, уголовно-процессуальное право, криминалистика, земельное право, трудовое право, отечественная история, археология, историография, политические институты, процессы и технологии, политическая регионалистика.

В журнале публикуются оригинальные работы, обзорные статьи, рецензии и обсуждения, соответствующие тематике издания.

Публикация статей в журнале для авторов бесплатна.

Целевая аудитория: научные работники, профессорско-преподавательский состав образовательных учреждений, экспертное сообщество, молодые ученые, аспиранты, заинтересованные представители широкой общественности.

Журнал придерживается политики открытого доступа. Полнотекстовые версии статей доступны на сайте журнала, научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

Журнал включен в перечень ведущих научных журналов и изданий ВАК Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора наук, кандидата наук по следующим научным специальностям:

Юридические науки: 5.1.1; 5.1.2; 5.1.3; 5.1.4.

Политология: 5.5.2; 5.5.3; 5.5.4.

Исторические науки и археология: 5.6.1; 5.6.3; 5.6.5; 5.6.6.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Богдан Варвара Владимировна, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Коровин Владимир Викторович, д-р ист. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Алихаджиева Инна Саламовна, д-р юрид. наук, доцент, Российская криминологическая ассоциация имени Азалии Ивановны Долговой (г. Москва, Россия)

Ананьева Анна Анатольевна, д-р юрид. наук, доцент, Российский государственный университет правосудия (г. Москва, Россия)

Андреев Юрий Николаевич, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Апанасенок Александр Вячеславович, д-р ист. наук, профессор, Институт научной информации по общественным наукам РАН (г. Москва, Россия)

Баумштейн Антон Борисович, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Беляев Валерий Петрович, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Брежнев Олег Викторович, д-р юрид. наук, профессор, Курская академия государственной и муниципальной службы (г. Курск, Россия)

Гаврилов Станислав Олегович, д-р ист. наук, профессор, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, Россия)

Голубцов Валерий Геннадьевич, д-р юрид. наук, профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет (г. Пермь, Россия)

Горюшкина Наталья Евгеньевна, д-р ист. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Гриненко Александр Викторович, д-р юрид. наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Дилбандян Самвел Агванович, д-р юрид. наук, профессор, Ереванский государственный университет (г. Ереван, Республика Армения)

Коростелев Станислав Валентинович, д-р полит. наук, доцент, Объединенная комиссия при Межпарламентской Ассамблее государств-участников Содружества Независимых Государств по гармонизации законодательства в сфере безопасности и противодействия новым вызовам и угрозам (г. Санкт-Петербург, Россия)

Коротеева Наталья Николаевна, д-р ист. наук, профессор, зам. Председателя Правления Курского регионального отделения «Российского общества историков-архивистов» (г. Курск, Россия)

Лагутин Игорь Борисович, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Мальшева Елена Михайловна, д-р ист. наук, профессор, Адыгейский государственный университет (г. Майкоп, Россия)

Никулenco Андрей Вячеславович, д-р юрид. наук, доцент, Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Санкт-Петербург, Россия)

Новичков Валерий Евгеньевич, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Русскевич Евгений Александрович, д-р юрид. наук, Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя (г. Москва, Россия)

Рябинина Татьяна Кимовна, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Самович Юлия Владимировна, д-р юрид. наук, профессор, Казанский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Казань, Россия)

Сафронова Елена Викторовна, д-р юрид. наук, профессор, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (г. Белгород, Россия)

Слатинов Владимир Борисович, д-р полит. наук, профессор, Курский государственный университет (г. Курск, Россия)

Соловых Светлана Жорисовна, д-р юрид. наук, доцент, Саратовская государственная юридическая академия (г. Саратов, Россия)

Татьянина Лариса Геннадьевна, д-р юрид. наук, профессор, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия)

Хисамутдинова Равиля Рахимьяновна, д-р ист. наук, профессор, Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург, Россия)

Цыбаков Дмитрий Леонидович, д-р полит. наук, доцент, Академия гражданской защиты МЧС России (г. Москва, Россия)

Шевченко Алевтина Владимировна, д-р полит. наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Шевелева Светлана Викторовна, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Учредитель и издатель:

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»

Адрес учредителя, издателя и редакции:

305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94

Телефон: (4712) 22-25-26,

Факс: (4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (ПИ №ФС77-80259 от 09.02.2021).

ISSN 2223-1501 (Print)

DOI Prefix: 10.21869

Сайт журнала: <https://swsu.ru/izvestiya/serieshistory/>

© Юго-Западный государственный университет, 2023

Материалы журнала доступны под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License

Типография:

Полиграфический центр
Юго-Западного государственного университета, 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94

Подписка и распространение:

журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс журнала 44296 в объединенном каталоге «Пресса России».

Периодичность: один раз в два месяца

Свободная цена.

Оригинал-макет подготовлен Е. Г. Анохиной

Подписано в печать 28.04.2023.
Дата выхода в свет 11.05.2023. Формат 60x84/8.
Бумага офсетная. Усл.печ.л. 30,1.
Тираж 1000 экз. Заказ 13.

Proceedings of the Southwest State University

Series: History and Law

Peer-reviewed scientific journal

Published since 2011

The purpose of the publication – public presentation of scientific results of fundamental, applied, problem-oriented research in such areas as theory of state and law, the history of political and legal doctrines, constitutional and municipal law, civil law, business law, family law, private international law, criminal law, criminal science, criminal procedure, criminology, land law, labor law, domestic history, archeology, historiography, political institutions, processes and technology, political regionalism.

The journal publishes scientific articles, critical reviews, reports and discussions in the above mentioned areas.

All papers are published free of charge.

Target readers are scientists, university professors and teachers, experts, young scholars, graduate and post-graduate students, stakeholders and interested public.

The Editorial Board of the journal pursues open access policy. Complete articles are available at the journal web-site and at eLIBRARY.RU .

The journal is included into the Register of the Top Scientific Journals of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation as a journal recommended for the publication of the findings made by the scientists working on a doctoral or candidate thesis in the following areas:

Juridical Studies: 5.1.1; 5.1.2; 5.1.3; 5.1.4.

Political Studies: 5.5.2; 5.5.3; 5.5.4.

Historical Studies and Archaeology: 5.6.1; 5.6.3; 5.6.5; 5.6.6.

EDITOR-IN-CHIEF

Varvara V. Bogdan, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University
(Kursk, Russia)

DEPUTY EDITOR

Vladimir V. Korovin, Doctor of Historical Sciences, Professor Southwest State University
(Kursk, Russia)

EDITORIAL BOARD

Inna S. Alihadzhieva, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Russian Criminological Association named after Azalia Ivanovna Dolgova (Moscow, Russia)

Anna A. Ananieva, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Russian State University of Justice (Moscow, Russia)

Yuri N. Andreev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Aleksandr V. Apanasyonok, Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of Scientific Information for Social Sciences of RAS (Moscow, Russia)

Anton B. Baumstein, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Oleg V. Breznev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Kursk Academy of State and Municipal Service (Kursk, Russia)

Valeriy P. Belyaev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Stanislav O. Gavrilov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Kemerovo State University (Kursk, Russia)

Valerij G. Golubcov, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Perm State National Research University (Perm, Russia)

Natalia E. Gorushkina, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Aleksandr V. Grinenko, Doctor of Juridical Sciences, Professor, MGIMO University (Moscow, Russia)

Samvel A. Dilbandyan, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Yerevan State University (Yerevan, Republic of Armenia)

Stanislav V. Korostelev, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Joint Commission under the Interparliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States on the Harmonization of Legislation in the field of security and countering New Challenges and Threats (St. Petersburg, Russia)

Natalia N. Koroteeva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Board of the Kursk regional branch of the Russian society of historians and archivists (Kursk, Russia)

Igor B. Lagutin, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Elena M. Malysheva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Adygea State University (Maykop, Russia)

Andrej V. Nikulenko, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Saint Petersburg, Russia)

Valeriy E. Novichkov, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Evgenij A. Russkevich, Doctor of Juridical Sciences, Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russia (Moscow, Russia)

Tat'yana K. Ryabinina, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Yuliya V. Samovich, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Kazan Branch of the Russian State University of Justice (Kazan, Russia)

Elena V. Safronova, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia)

Vladimir B. Slatinov, Doctor of Political Sciences, Professor, Kursk State University (Kursk, Russia)

Svetlana Z. Solovyh, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia)

Larisa G. Tatynina, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Udmurt State University (Izhevsk, Russia)

Ravilya R. Hisamutdinova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russia)

Dmitrij L. Cybakov, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Academy of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations of Russia (Moscow, Russia)

Alevtina V. Shevchenko, Doctor of Political Sciences, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia)

Svetlana V. Shevelyova, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Founder and Publisher :

“Southwest State University”

Official address of the Founder, Publisher and Editorial Office:

305040, Russia, Kursk, ul. 50 Let Oktyabrya, 94

Phone: (+74712) 22-25-26,

Fax: (+74712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

The Journal is officially registered by:

The Federal Supervising Authority in the Field of Communication, Information Technology and Mass media (PI №FS77-80259 of 09.02.2021).

ISSN 2223-1501 (Print)

DOI Prefix: 10.21869

Web-site: <https://swsu.ru/izvestiya/serieshistory/>

Printing office:

Printing Center

of the Southwest State University,
305040, Russia, Kursk,
ul. 50 Let Oktyabrya, 94

Subscription and distribution:

the journal is distributed by subscription.
Subscription index 44296 in the General
Catalogue “Pressa Rossii”

Frequency: once in two months

Free-of-control price.

Original lay-out design: E. G. Anohina

16+

© Southwest State University, 2023

 Publications are available in accordance with the Creative Commons Attribution 4.0 License

Sent to the printer 28.04.2023.
Release 11.05.2023. Format 60x84/8.
Offset paper. Printer's sheets: 30,1.
Circulation 1000 copies. Order 13.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ	10
Оригинальные статьи	
Значение законодательно не закрепленных источников уголовного права при оценке деяния как малозначительного.....	10
<i>Борков В. Н.</i>	
Системность фактических предпосылок движения права как новое направление развития теории юридических фактов.....	21
<i>Бакирова Д. М.</i>	
ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ	32
Оригинальные статьи	
Принципы государственного управления безопасностью и защитой жизненных интересов народа.....	32
<i>Позднякова Е. В.</i>	
ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ	43
Оригинальные статьи	
Интересы в российском праве: понятие и виды.....	43
<i>Андреев Ю. Н.</i>	
Критерии эффективного применения конкурентных процедур для удовлетворения государственных и муниципальных нужд.....	54
<i>Ден Де Ун</i>	
Научные взгляды российских цивилистов конца XIX – начала XX века на заключение договоров с использованием телефона и телеграфа.....	65
<i>Трофимов А. А.</i>	
О компенсации морального вреда по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации: теоретический и правоприменительный аспекты.....	83
<i>Шелухин К. Ю., Сурков А. Н., Коротких О. А.</i>	
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ	97
Оригинальные статьи	
Склонение несовершеннолетних к совершению самоубийства с использованием сети Интернет	97
<i>Бимбинов А. А.</i>	
Участие защитника в досудебной форме обжалования.....	110
<i>Рудакова С. В.</i>	
Процессуальное значение объяснений судей и пояснений присяжных заседателей в уголовном судопроизводстве.....	125
<i>Конин В. В., Сидоренко Е. В., Суханкина Л. И.</i>	
Разумный срок уголовного судопроизводства: возникновение принципа, практика его реализации и влияние ЕСПЧ.....	139
<i>Чистилина Д. О., Делова А. Д.</i>	
Эволюция норм отечественного уголовного законодательства об уголовно-правовом воздействии в отношении несовершеннолетних.....	154
<i>Крылов Н. Г.</i>	

Актуальные проблемы квалификации неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации.....	165
<i>Малыгин И. И.</i>	
ПОЛИТОЛОГИЯ	177
Оригинальные статьи	
Политическая трансформация социальных конфликтов в контексте глобальных политических рисков и угроз (теоретический обзор).....	177
<i>Романова Н. И.</i>	
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ	188
Оригинальные статьи	
Федор Лукич Переверзев в оппозиции к питейным преобразованиям в России (конец 1850-х – начало 1860-х годов).....	188
<i>Горюшкина Н. Е.</i>	
К вопросу о причинах перехода к новой экономической политике	198
<i>Колупаев А. А.</i>	
Высшие учебные заведения музыкального профиля в Поволжье во второй половине 1930-х – 1950-х годах: проблемы кадрового обеспечения.....	206
<i>Суетин И. Н.</i>	
К вопросу об охране материнства и детства в первые десятилетия Советской власти (по материалам Государственного архива Курской области).....	218
<i>Третьяк А. С., Волобуев В. В.</i>	
Курская крепость: к вопросу о границах и внешнем облике Знаменского мужского монастыря.....	228
<i>Петров А. А.</i>	
Боевая экипировка русского пехотинца: от кольчуги до «Ратника»	244
<i>Абрамов А. П.</i>	
К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ	259

CONTENT

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES	10
Original articles	
Significance of Non-Statutory Sources of Criminal Law When Evaluating an Act as Insignificant.....	10
<i>Viktor N. Borkov</i>	
Consistency of the Actual Prerequisites for the Movement of Law as a New Direction in the Development of the Theory of Legal Facts.....	21
<i>Diana M. Bakirova</i>	
PUBLIC LAW (STATE LEGAL) SCIENCES	32
Original articles	
Principles of State Administration for the Security and Protection of the Vital Interests of the People.....	32
<i>Elena V. Pozdnyakova</i>	
PRIVATE (CIVIL) JURISPRUDENCE	43
Original articles	
Interests in Russian law: Concept and Types.....	43
<i>Yurii N. Andreev</i>	
Criteria for the Effective Application of Competitive Procedures to Meet State and Municipal Needs.....	54
<i>Den De Un</i>	
Scientific Views of Russian Civilists of the Late XIX – Early XX Century on the Conclusion of Contracts Using the Telephone and Telegraph.....	65
<i>Anton A. Trofimov</i>	
On Compensation for Moral Damage in Cases of Protection of Honor, Dignity and Business Reputation: Theoretical and Law Enforcement Aspects.....	83
<i>Konstantin Y. Sheluhin, Alexander N. Surkov, Olga A. Korotkih</i>	
CRIMINAL LEGAL SCIENCE	97
Original articles	
Inciting Minors to Commit Suicide Using the Internet.....	97
<i>Arseniy A. Bimbinov</i>	
Participation of the Defender in the Pre-Trial form of Appeal.....	110
<i>Svetlana V. Rudakova</i>	
Procedural Significance of Explanations of Judges and Clarifications of Jurors in Criminal Proceedings.....	125
<i>Vladimir V. Konin, Elena V. Sidorenko, Lyudmila I. Sukhankina</i>	
A reasonable Period of Criminal Proceedings: the Emergence of the Principle, the Practice of its Implementation and the Impact of the ECHR.....	139
<i>Daria O. Chistilina, Anna D. Delova</i>	
Evolution of the Norms of Domestic Legislation about the Criminal Legal Impact in Relation to Minors.....	154
<i>Nikita G. Krylov</i>	
Actual Problems of Qualification of Unlawful Impact on the Critical Information Infrastructure of the Russian Federation.....	165
<i>Ivan I. Malygin</i>	

	9
POLITICAL SCIENCE	177
Original articles	
Political Transformation of Social Conflicts in the Context of Global Political Risks and Threats (Theoretical View).....	177
<i>Nataliya I. Romanova</i>	
HISTORICAL SCIENCES	188
Original articles	
Fyodor Lukich Pereverzev in Opposition to the Drinking Reforms in Russia (late 1850s – early 1860s).....	188
<i>Natalia E. Goryushkina</i>	
To the Issue of the Reasons for the Transition to a New Economic Policy.....	198
<i>Andrei A. Kolupaev</i>	
Higher Educational Institutions of the Musical Profile in the Volga Region in the Second half of the 1930s – 1950s: Problems of Personnel Support.....	206
<i>Ilya N. Suetin</i>	
On the Issue of the Protection of Motherhood and Childhood in the First Decades of Soviet Power (Based on the Materials of the State Archive of the Kursk Region).....	218
<i>Anna S. Tretyak, Vitalii V. Volobuev</i>	
Kursk Fortress: on the Question of the Boundaries and Appearance of the Znamensky Monastery.....	228
<i>Aleksander A. Petrov</i>	
Combat Equipment of the Russian Infantryman: from Chain Mail to the "Warrior".....	244
<i>Alexander P. Abramov</i>	
INFORMATION FOR AUTHORS	259

Значение законодательно не закрепленных источников уголовного права при оценке деяния как малозначительного

В. Н. Борков¹ ✉

¹Омская академия МВД России

пр. Комарова, д. 7, г. Омск 644092, Российская Федерация

✉ e-mail: borkovv@mail.ru

Резюме

Актуальность. Правильному решению сложных проблем правоприменения способствует обращение не только к законодательно закрепленным, но и к иным источникам права. Особенно важно верно определить роль неофициальных источников права при применении уголовного закона, что обусловлено его исключительным положением в системе регулирования общественных отношений, предъявляемыми к уголовно-правовым запретам требованиями четкости выражения, определенности содержания и справедливости. В теоретико-правовом исследовании нуждается вклад в содержание уголовно-правовых норм иных источников права при определении границы между преступлениями различных видов и административными правонарушениями, а также при оценке деяния как малозначительного.

Цель состоит в теоретико-правовом исследовании роли законодательно закрепленных и не закрепленных источников при применении уголовного закона.

Задачи исследования включают обоснование учета и определение роли законодательно не закрепленных источников уголовного права при квалификации преступлений и оценке деяния как малозначительного.

Методология исследования основывается на диалектическом всеобщем методе, а также включает методы анализа, синтеза, индукции, дедукции, логический и системно-структурный.

Результаты. На примере квалификации преступлений и оценки деяний как малозначительных аргументирована допустимость обращения к законодательно не оформленным источникам права, так как они играют существенную роль в процессе криминализации и при формулировании уголовно-правовых норм. Показано влияние развития охраняемых общественных отношений и модификации посягательства на содержание источников права. Обосновано значение учета данных процессов для приведения как самого уголовного закона, так и практики его применения в соответствие со складывающимися социально-экономическими и политическими условиями.

Вывод. При оценке деяния, формально содержащего признаки преступления, с точки зрения возможности признания его малозначительным обращение не только к уголовному закону, но и к иным источникам права обусловлено, во-первых, их ретроспективной ролью при криминализации деяний, во-вторых, диалектической связью правовых идей с правовой формой и правовой реальностью.

Ключевые слова: формы (источники) права; уголовный закон; источники уголовного права; криминальная общественная опасность; малозначительность деяния.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Борков В. Н. Значение законодательно не закрепленных источников уголовного права при оценке деяния как малозначительного // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 2. С. 10–20. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-2-10-20>.

Поступила в редакцию 19.02.2023

Принята к публикации 24.03.2023

Опубликована 28.04.2023

Significance of Non-Statutory Sources of Criminal Law When Evaluating an Act as Insignificant

Viktor N. Borkov¹ ✉

¹Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Komarova Ave. 7, Omsk 644092, Russian Federation

✉ e-mail: borkovv@mail.ru

Abstract

Relevance. The correct solution of complex problems of law enforcement is facilitated by the appeal not only to legislatively fixed, but also to other sources of law. It is especially important to correctly determine the role of unofficial sources of law in the application of the criminal law, which is due to its exceptional position in the system of regulation of social relations, which are imposed on criminal law prohibitions by the requirements of clarity of expression, certainty of content and fairness. The theoretical and legal research needs a contribution to the content of the criminal law norms of other sources of law in determining the boundary between crimes of various types and administrative offenses, as well as in assessing the act as insignificant.

The purpose of the study is the theoretical and legal analysis of the role of legally fixed and not fixed sources in the application of criminal law.

Objectives of the research of the study include: substantiating the accounting and determining the role of sources of criminal law that are not legally enshrined in the qualification of crimes and the assessment of the act as insignificant.

The research methodology is based on the dialectical general method, and also includes the methods of analysis, synthesis, induction, deduction, logical and system-structural.

Results. On the example of the qualification of crimes and the assessment of acts as insignificant, the admissibility of referring to sources of law not formalized by law is argued, since they play a significant role in the process of criminalization and in the formulation of criminal law norms. The influence of the development of protected public relations and the modification of encroachments on the content of sources of law is shown. The importance of taking into account these processes for bringing both the criminal law itself and the practice of its application in line with the emerging socio-economic and political conditions is substantiated.

Conclusion. When evaluating an act that formally contains signs of a crime, from the point of view of the possibility of recognizing it as insignificant, the appeal not only to the criminal law, but also to other sources of law, is due, firstly, to their retrospective role in the criminalization of acts, and secondly, to the dialectical connection of legal ideas with legal form and legal reality.

Keywords: forms (sources) of law; criminal law; sources of criminal law; criminal public danger; insignificance of the act.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Borkov V. N. Significance of Non-Statutory Sources of Criminal Law When Evaluating an Act as Insignificant. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2023; 13(2):10–20. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-2-10-20>.

Received 19.02.2023

Accepted 24.03.2023

Published 28.04.2023

Введение

Ключевое значение при осуществлении правом функции регулятора общественных отношений играет его правильное применение. Соотнесение формы

права и правовой реальности должно осуществляться на основе верного понимания содержания юридических норм. Для последних «принципиальным является признак четкости внешнего выражения. Представляется, что форма права

непрерывно имеет устойчивую внешнюю оболочку, носящую чаще языковую форму... Для нормативных правовых актов этот признак традиционно называется формальной определённостью. Другим важным признаком формы права является определенность его содержания, т. е. форма права должна содержать положения, единообразно понимаемые субъектами, адресатами норм» [1, с. 60–61]. Форма права представляет собой исходящие от государства внешние виды выражения и закрепления норм права. «Соотношение нормативного правового предписания и текста закона стоит рассматривать с позиций соотношения содержания и формы» [2, с. 85]. Официальное закрепление правовых норм в соответствующих формах придает им общеобязательность. Практика убедительно свидетельствует о том, что помимо нормативных актов заметную роль в процессе принятия законных решений и юридической оценке событий играют иные источники права: судебные прецеденты, правовые обычаи, идеи и доктрины. «Должностное лицо или орган власти, применяющие юридическую норму, должны уяснить их смысл и ознакомиться с разъяснениями, даваемыми официальными органами, наукой права» [3].

«Чтобы обеспечить требуемую правовую определенность в сфере уголовно-правового регулирования, – пишет К. В. Ображиев, – необходимо не только надлежащее технико-юридическое формулирование уголовно-правовых норм, но и адекватное нормативное отражение фактически существующей системы источников уголовного права...» [4, с. 52]. Потребность обращения к источникам права может возникнуть в процессе квалификации преступлений, когда возникают сложности с уяснением содержания уголовно-правовой нормы и юридической оценки деяния. Особенно важно учитывать диалектическую связь правовой реальности с правовыми формами и идеями при решении вопроса о призна-

нии деяния лица, «заподозренного» в нарушении уголовного закона, малозначительным, т. е. не являющимся общественно опасным по причине только формального содержания признаков какого-либо состава преступления (ч. 2 ст. 14 УК РФ).

Методология

Применение всеобщего диалектического метода послужило основой для выявления соотношения между официально закрепленными и иными источниками права в контексте развивающихся общественных отношений, а также влияния научных идей о различных источниках права на правовую реальность, а также видоизменения последней на научные воззрения. Использование общенаучных методов синтеза, анализа, дедукции, индукции позволило от доктринальных правовых идей установочного и поведенческого содержания, складывающейся правотворческой и судебной практики перейти к оценке значения законодательно не закрепленных источников права в процессе квалификации преступлений и признания деяний малозначительными. Обращение к логическому и системно-структурному методам помогло, во-первых, осмыслению правовой реальности через призму регулирующих ее принципов и норм права, содержащихся в единой системе законодательства, во-вторых, сформировать представление о системных связях уголовного права и его законодательно не закрепленных источников.

Результаты и их обсуждение

В первом приближении при квалификации преступлений и проверке похожих на них деяний на предмет малозначительности предпринимаемые попытки поиска права за пределами уголовного закона могут быть оценены критически. Предполагается, что все виды общественно опасных посягательств достаточно четко описаны путем указания на

характеризующие их признаки. «Задача законодателя состоит в оценке общественной опасности преступления и в указании на его существенные признаки, а правоприменителю нужно правильно применить уголовный закон» [5, с. 89]. Но следует учитывать, что состав преступления – это теоретический конструкт, который призван описывать бесчисленное количество конкретных посягательств соответствующего вида. Особенно сложно установить соответствие нормативного описания конкретному явлению в пограничных случаях, к которым, наряду с отграничением преступления одного вида от другого, относится оценка деяния как малозначительного.

Часто ответ на вопрос о применении или неприменении ч. 2 ст. 14 УК РФ дать очень непросто. С одной стороны, «в установлениях уголовно-правового характера нет ничего такого, что не было указано законодателем в тексте нормы» [6, с. 59], и состав преступления должен адекватно отображать объективную реальность и отражать общественную опасность запрещаемого поведения [7, с. 11], т. е. иных, помимо закрепленных в уголовном законе, оснований признания деяния преступлением быть не может. Но с другой стороны, тот же А. В. Иванчин утверждает, что «общественная опасность находится за рамками состава преступления» [8, с. 19]. Позже ученый уточняет свою позицию: «Если есть состав преступления, общественная опасность презюмируется... общественную опасность нужно специально устанавливать лишь в ситуации, когда возникает вопрос: а имеется ли она или же нет?» [9, с. 65]. Между тем нерешенным остается вопрос об основаниях и необходимой мере такой опасности. Если имеющие значение для квалификации признаки состава указаны в уголовном законе, то каковы правовые источники определения меры общественной опасности, необходимой для признания содеянного преступлением.

В качестве важного источника уголовного права выступают разъяснения Верховного Суда РФ, согласно которым показателем характера общественной опасности являются установленные признаки состава преступления о том, что характер опасности свидетельствует о ценностной сфере, на которую направлено посягательство. Степень общественной опасности, а именно ее низкий показатель, может свидетельствовать о малозначительности деяния, зависит от конкретных обстоятельств; «в частности, от характера и размера наступивших последствий, способа совершения преступления, роли подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, от вида умысла (прямой или косвенный) либо неосторожности (легкомыслие или небрежность). Обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание... (например, совершение преступления в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств либо по мотиву сострадания, особо активная роль в совершении преступления), также учитываются при определении степени общественной опасности...»¹. Получается, что вид посягательства и его направленность представляют характер общественной опасности, а степень варьируется в пределах содержания этих признаков с учетом предусмотренных законом обстоятельств, которые учитываются для дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности.

Важным источником уголовного права является судебная практика [10, с. 10–20], принципиальные положения которой трансформируются в разъяснения Верховного Суда РФ, а в отдельных случаях могут быть восприняты и законодателем. Согласно позиции Верховно-

¹ О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 дек. 2015 № 58: [ред. от 18.12.2018]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190932/ (дата обращения: 21.01.2023).

го Суда РФ, при назначении наказания могут быть учтены следующие сведения, характеризующие виновного: «данные о семейном и имущественном положении совершившего преступление лица, состоянии его здоровья, поведении в быту, наличии у него на иждивении несовершеннолетних детей, иных нетрудоспособных лиц (супруги, родителей, других близких родственников)». Не все названные обстоятельства согласуются с перечисленными в ч. 1 ст. 61 УК РФ, но, как указано в части второй данной статьи, смягчающими могут быть признаны обстоятельства, и не упомянутые в части первой. Последние выработаны судебной практикой, правовыми обычаями, представлением общества о добре и зле.

Следует исходить из того, что «расхождение между правовой формой и фактическим (материальным) содержанием позволяет понять механизм... творческой роли права. Правовая форма имеет активный характер. Она как бы “притягивает” к себе фактическое (материальное) содержание...» [11, с. 261–262]. «Фактические правоотношения, – пишет В. В. Ершов, – правовая “реальность”, объективно существующие правоотношения, регулирующие прежде всего принципами и нормами права, содержащимися в единой, развивающейся и многоуровневой системе форм национального и (или) международного права, реализуемыми в государстве» [12, с. 8]. Позиции цитируемых ученых особенно актуальны для решения сложных проблем квалификации преступлений, когда уголовно-правовые запреты необходимо рассматривать, во-первых, в системе отраслевых предписаний, во-вторых, с учетом иных законов, предусматривающих различные виды ответственности [13, с. 35–39], и в-третьих, во взаимодействии с нормами, осуществляющими позитивное регулирование охраняемых отношений.

Наряду с уголовно-правовой формой и уголовно-правовой реальностью в ка-

честве основания квалификации преступлений способны выступить уголовно-правовые идеи. С. В. Бошно подчеркивает значение при принятии юридических решений правовой доктрины как совокупности «правовых идей установочного и поведенческого содержания, определенно сложившихся в результате судебной, политико-правовой, правотворческой и правоприменительной, научной деятельности, выполняющая оценочную функцию по отношению к другим формам права...» [14, с. 45]. О значении для повышения эффективности борьбы с преступностью общих проблем права и отдельных его отраслей пишет В. Н. Кудрявцев, «так как именно на их основе могут быть правильно разрешены конкретные вопросы судебной, следственной и прокурорской практики» [15, с. 3]. Научный подход к квалификации преступлений позволяет систематизировать иерархию источников права, учесть политические и социально-экономические условия применения уголовно-правовой нормы, в том числе и «на основании выявления правовых и неправовых факторов – как предшествующих созданию нормы, так и сопровождающих ее принятие» [16, с. 7].

Авторитетные, наукоемкие, имеющие доктринальное значение правовые позиции формулирует Конституционный Суд РФ. Он представляет собой «не просто правоприменительный орган, а, в отличие от других субъектов судебной деятельности, является еще и правотворческим органом» [17, с. 298]. Решения высшего органа конституционного контроля «фактически выступают в качестве источников права...» [18, с. 544], особенно «по делам о неконституционности нормативных актов...» [19, с. 8–12]. Для достижения целей настоящего исследования решения Конституционного Суда РФ представляют интерес как источник права, проясняющий проблемы определенности, непротиворечивости уголовного закона, недопустимости его неправовой интерпретации. Положительное ре-

шение перечисленных вопросов особенно важно при определении малозначительности деяний, когда особенно важно верно установить пределы уголовно-правовой охраны, не допустить фактической избыточной криминализации.

Только формальное соответствие реально совершенного деяния лица признакам, характеризующим какое-либо посягательство, запрещенное уголовным законом, еще не свидетельствует о его общественной опасности, а следовательно, о наличии преступления. Как отметил Конституционный Суд РФ: «...преступлению, в отличие от иных правонарушений, присуща особая, а именно криминальная общественная опасность, при отсутствии которой даже деяние, формально подпадающее под признаки уголовно наказуемого, в силу малозначительности не может считаться таковым»¹. Таким образом, уголовно-правовая форма оценивается сквозь призму уголовно-правовой реальности, что предполагает учет как меры общественной опасности, предполагаемой для преступления, запрещенного «примеряемой» нормой, так и реально причиненного вреда. Например, высший орган конституционного контроля усомнился в опасности деяния осужденного за незаконное хранение боеприпасов А. В. Гомзина, который за службу в МВД был награжден пистолетом Макарова и помимо законно выданных ему 16 патронов еще 24 хранил незаконно². Подвергнута сомнению обоснованность

осуждения за разглашение государственной тайны (ч. 1 ст. 283 УК РФ) В. А. Жданова, который, занимая должность заместителя министра внутренних дел субъекта РФ, передал полученную от подчиненных справку, содержащую сведения о делах оперативного учета и лицах, разрабатываемых в связи с мошенничеством в сфере строительства жилья, губернатору, не допущенному к соответствующим сведениям³. Конституционный Суд РФ доктринально разъяснил, что деяния, «не представляющие минимума опасности, присущего преступлению», а являющиеся уголовно-противоправными лишь формально, основанием для возложения ответственности быть не могут.

В другом случае высший орган конституционного контроля обратил внимание на не вытекающие прямо из уголовного закона проявления опасности открытого способа хищения. В. Н. Исмакаев, осужденный за совершение грабежа, посчитал, что сумма похищенного 450 рублей недостаточна для признания содеянного преступлением. Согласно правовой позиции, изложенной в Определении, любое преступление против личности является одновременно грубым нарушением человеческого достоинства, применяемым к человеку произволом и насилием. Объясняя повышенную опасность грабежа в сравнении с кражей, мошенничеством, присвоением и растратой, высший орган конституционного контроля обратил внимание на то, что пре-

¹ По делу о проверке конституционности статьи 324 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Н. М. Деменьшиной: Постановление Конституционного Суда РФ от 27 февраля 2020 г. № 10-П // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_346640/ (дата обращения: 27.01.2023).

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гомзина Алексея Владимировича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 222 Уголовного кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от

7 мая 2016 г. № 1426-О // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_202162/ (дата обращения: 21.01.2023).

³ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Жданова Вячеслава Александровича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 283 Уголовного кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 26 марта 2020 г. № 805-О // КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=625643#Co3QeaTkrnP M57av> (дата обращения: 27.01.2023).

ступление, предусмотренное ст. 161 УК РФ, «не только посягает на собственность, но и ставит под угрозу неприкосновенность личности и ее достоинство»¹. В комментируемом примере предлагается не ограничиваться только суммой похищенного, а учесть посягательство на такие факультативные для основного состава грабежа объекты, как достоинство человека и его безопасность. Допустимость обращения при конституционно-правовом толковании уголовного закона не только к его тексту и судебной практике, но и к правовым идеям, обусловлена тем, что в такой деятельности востребованы «специальные юридические познания, ибо состав преступления – это юридическая конструкция, разработанная наукой уголовного права» [20, с. 442].

Известны случаи, когда заявители подвергали сомнению конституционность самой нормы о малозначительности (ч. 2 ст. 14 УК РФ), мотивируя свою позицию «отсутствием ограничений ее применения», «субъективной оценкой общественной опасности», «нарушением прав потерпевших от преступлений»². Причиной для одного из обращений послужил отказ в уголовном преследовании лиц, которые не выплатили заработную

плату осужденному за труд в исправительном учреждении. Суд признал соответствие Конституции ч. 2 ст. 14 УК РФ, а ее верное применение объяснил, сославшись на установленные судами общей юрисдикции отсутствие у сотрудников колонии корыстной заинтересованности и небольшой сумме денежных средств, подлежащих выплате.

Часть 2 ст. 14 УК РФ позволяет при определении степени общественной опасности учитывать конкретные обстоятельства содеянного, которые не позволяют констатировать наличие преступления. «В качестве таких обстоятельств могут учитываться: размер вреда и тяжесть наступивших последствий, степень осуществления преступного намерения, способ совершения преступления, роль подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии...»². Перечисленные и другие свойства деяния исследуются постольку, поскольку они характеризуют конструктивные признаки состава «вменяемого» преступления. По образному выражению В. В. Хилюты, обстоятельства реальных малозначительных деяний «не дотягивают до признаков преступления», что позволяет в целом утверждать об их отсутствии [21, с. 55].

Им не присуща криминальная общественная опасность, которая является сущностью преступления [22, с. 17].

Оценка деяния с точки зрения его малозначительности, впрочем, как и решение любой другой сложной проблемы квалификации, предполагает поиск содержания, оформленного в уголовно-правовой норме. «Форма права является способом отражения правовых предписаний, а источник права указывает на основания выражения такого содержания» [23, с. 85]. Каждый правоприменительный акт конкретен и неповторим, поэтому и «форма права приобретает свое социальное значение не в абстрактном виде, отвлеченном от конкретной действительности, а лишь в случае наполнения ее конкретным социальным, экономиче-

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Исмакаева Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями части первой статьи 161 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 401.8 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 27 сентября 2019 г. № 2318-О // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/72866834/> (дата обращения: 27.01.2022).

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Филимонова Дмитрия Ивановича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 14 Уголовного кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 16 июля 2013 г. № 1162-О // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/70455006/> (дата обращения: 27.01.2022).

ским, политическим содержанием» [24, с. 12]. Верное, соответствующее развивающимся общественным отношениям, представление о содержании уголовного закона формируется путем обращения к правовым позициям Верховного и Конституционного судов РФ, актуальной судебной практике и доктринальным идеям ученых. Например, С. В. Бошно в целях легитимации доктринальных форм права предлагает дополнить гражданское законодательство положением о том, что при его применении должны учитываться «предписания, установленные официальным и научным толкованием, а также юридической доктриной» [25, с. 14].

Выводы

Уголовный закон, выступая в качестве юридической формы права, обеспечивает возможность разграничения посягательств, предусмотренных различными нормами, отграничения преступлений от других правонарушений и деяний, за которые юридическая ответственность не предусмотрена. Если границы между преступлениями различных видов и административными правонарушениями проведены достаточно четко, то проверка «подозрительного» деяния на предмет его малозначительности предполагает исследование содержания закона и иных источников уголовного права. Указанные в дефиниции преступления (ч. 1 ст. 14 УК РФ) такие два его признака, как противоправность и общественная опасность, не предполагают поисков этой самой опасности за пределами состава преступления. Определение преступления

следует рассматривать не только как указание правоприменителю на необходимость строгого соблюдения закона, но и посыл законодателю о допустимости запрещения под страхом уголовного наказания только общественно опасных деяний. Преступлениям присуща криминальная общественная опасность, которая примеряет и гармонизирует закрепленные в УК РФ признаки состава с правовой реальностью и правовыми идеями. Такой гармонизации способствует обращение к источникам права.

При оценке деяния, формально содержащего признаки преступления, на предмет его малозначительности, обращение не только к уголовному закону, но и к иным источникам права обусловлено, во-первых, их ретроспективной ролью при криминализации деяний, во-вторых, диалектической связью между формой права, правовой реальностью и правовыми идеями. Обращение к «иным» источникам права необходимо и в случае подозрения на то, что форма уголовно-правового запрета допускает его применение к деяниям, не обладающим криминальной общественной опасностью. Возможными результатами исследования могут стать выводы об изначальном несовершенстве нормы или ее «устаревании» вследствие развития охраняемых общественных отношений и модификации посягательств на них. Актуализация уголовно-правового запрета также не может быть осуществлена без обращения к «иным» источникам права, правовым реальностям и идеям.

Список литературы

1. Бошно С. В. Источники и формы права // Право и современные государства. 2022. № 4. С. 59–71.
2. Асланян Р. Г. Понятие и содержание нормативного предписания особенной части уголовного права // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16, № 1. С. 82–90.
3. Мелехин А. В. Теория государства и права. М.: [Б. и.], 2009. 545 с.

4. Ображиев С. К. Проблемы нормативного отражения системы формальных источников российского уголовного права // Государство и право. 2017. № 5. С. 51–59.
5. Борков В. Н. О конституционно-правовом смысле криминальной общественной опасности // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 2. С. 88–91.
6. Яни П. С. Вопросы толкования права // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2012. № 4. С. 55–75.
7. Иванчин А. В. Концептуальные основы конструирования состава преступления: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2015. 50 с.
8. Иванчин А. В. Теоретическая модель предписаний Уголовного кодекса РФ об основании уголовной ответственности и малозначительности // Lex Russica. 2015. Т. СШ. № 6. С. 16–29.
9. Иванчин А. В. Еще раз о принципиальной значимости правильного толкования нормы о малозначительности (ч. 2 ст. 14 УК РФ) в следственно-судебной практике // Российский следователь. 2022. № 5. С. 64–66.
10. Жилкин М. Г., Качалов В. В., Раненкова Е. А. Судебная практика квалификации кражи в незначительном размере как малозначительного деяния // Уголовное право. 2022. № 12. С. 10–20.
11. Алексеев С. С. Проблемы теории права: в 2 т. Т. 1: Основные вопросы общей теории социалистического права / Свердловск. юрид. ин-т. Свердловск, 1972. 396 с.
12. Ершов В. В. Правоотношения: возникновение и регулирование // Правосудие/Justice. 2022. Т. 4, № 1. С. 8–27.
13. Винокуров В. Н. Определение малозначительности деяния в аспекте системного применения норм уголовного и административного права // Законность. 2022. № 9. С. 35–39.
14. Бошно С. В. Понятие правовой доктрины // Право и современные государства. 2022. № 2/3. С. 35–45.
15. Кудрявцев В. Н. Теоретические основы квалификации преступлений. М.: Госюриздат, 1963. 324 с.
16. Минникес И. А., Минникес И. В. Историческое толкование в праве: содержание и виды // Правоприменение. 2022. Т. 6, № 2. С. 5–18.
17. Минникес И. А., Пирмаев Е. В. Конституционное судебное толкование // Академический юридический журнал. 2021. Т. 22, № 4. С. 297–306.
18. Марченко М. Н. Теория государства и права. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект: Изд-во Моск. ун-та, 2018. 636 с.
19. Лозовская С. В. Постановления Конституционного Суда РФ как источник права // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 1. С. 8–12.
20. Теория государства и права / под ред. А. В. Юрковского; Иркутский юрид. ин-т (филиал) У-та прокуратуры РФ. Иркутск, 2022. 668 с.
21. Хилюта В. В. Выбор основания для прекращения уголовного дела при малозначительности деяния // Законность. 2021. № 4. С. 53–55.
22. Марцев А. И. Преступление: социально-правовой анализ. Омск: Омская акад. МВД России, 2012. 75 с.
23. Зуев А. В. Проблемы в соотношении понятий «источник права» и «форма права» // Заметки ученого. 2022. № 1. С. 84–86.
24. Шатковская Т. В., Напалкова И. Г. Развитие методологии познания источников права // Северо-Кавказский юридический вестник. 2017. № 3. С. 9–15.
25. Бошно С. В. Доктринальные формы и источники права // Государство и право. 2018. № 9. С. 5–15.

Reference

1. Boshno S. V. Istochniki i formy prava [Sources and forms of law]. *Pravo i sovremennye gosudarstva = Law and modern States*, 2022, no. 4, pp. 59–71.
2. Aslanyan R. G. Ponyatie i sodержanie normativnogo predpisaniya osobennoj chasti ugolovnogo prava [The concept and content of the normative prescription of a special part of criminal law]. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal = All-Russian Journal of Criminology*, 2022, vol. 16, no. 1, pp. 82–90.
3. Melekhin A. V. Teoriya gosudarstva i prava [Theory of State and law]. Moscow, 2009. 545 p.
4. Obrazhiev S. K. Problemy normativnogo otrazheniya sistemy formal'nyh istochnikov rossijskogo ugolovnogo prava [Problems of normative reflection of the system of formal sources of Russian criminal law]. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2017, no. 5, pp. 51–59.
5. Borkov V. N. O konstitucionno-pravovom smysle kriminal'noj obshchestvennoj opasnosti [On the constitutional and legal meaning of criminal public danger]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: experience, analysis, practice*, 2022, no. 2, pp. 88–91.
6. Yani P. S. Voprosy tolkovaniya prava [Questions of interpretation of law]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of the Moscow University. Series 11: Law*, 2012, no. 4, pp. 55–75.
7. Ivanchin A. V. Konceptual'nye osnovy konstruirovaniya sostava prestupleniya. Avtoref. diss. dokt. jurid. nauk [Conceptual foundations of the construction of the corpus delicti. Dr. legal sci. abstract diss.]. Ekaterinburg, 2015. 50 p.
8. Ivanchin A. V. Teoreticheskaya model' predpisaniy Ugolovnogo kodeksa RF ob osnovanii ugolovnoj otvetstvennosti i maloznachitel'nosti [Theoretical model of the regulations of the Criminal Code of the Russian Federation on the basis of criminal liability and insignificance]. *Lex Russica*, 2015, vol. CIII, no. 6, pp. 16–29.
9. Ivanchin A. V. Eshche raz o principial'noj znachimosti pravil'nogo tolkovaniya normy o maloznachitel'nosti (ch. 2 st. 14 UK RF) v sledstvenno-sudebnoj praktike [Once again about the fundamental importance of the correct interpretation of the norm of insignificance (Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation) in investigative and judicial practice]. *Rossijskij sledovatel' = Russian Investigator*, 2022, no. 5, pp. 64–66.
10. Zhilkin M. G., Kachalov V. V., Ranenkova E. A. Sudebnaya praktika kvalifikacii krazhi v neznachitel'nom razmere kak maloznachitel'nogo deyaniya [Judicial practice of qualifying theft in an insignificant amount as an insignificant act]. *Ugolovnoe pravo = Criminal law*, 2022, no. 12, pp. 10–20.
11. Alekseev S. S. Problemy teorii prava. T. 1. Osnovnye voprosy obshchej teorii socialisticheskogo prava [Problems of the theory of law. Vol. 1. Basic questions of the general theory of socialist law]. Sverdlovsk, Sverdlovsk. jurid. in-t Publ., 1972. 396 p.
12. Ershov V. V. Pravootnosheniya: vzniknovenie i regulirovanie [Legal relations: emergence and regulation]. *Pravosudie/Justice = Justice/Justice*, 2022, vol. 4, no. 1, pp. 8–27.
13. Vinokurov V. N. Opredelenie maloznachitel'nosti deyaniya v aspekte sistemnogo primeneniya norm ugolovnogo i administrativnogo prava [Determination of the insignificance of an act in the aspect of the systematic application of criminal and administrative law norms]. *Zakonnost' = Legality*, 2022, no. 9, pp. 35–39.
14. Boshno S. V. Ponyatie pravovoj doktriny [The concept of legal doctrine]. *Pravo i sovremennye gosudarstva = Law and modern States*, 2022, no. 2/3, pp. 35–45.
15. Kudryavcev V. N. Teoreticheskie osnovy kvalifikacii prestuplenij [Theoretical issues of crime qualification]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1963. 324 p.

16. Minnikes I. A., Minnikes I. V. Istoricheskoe tolkovanie v prave: sodержanie i vidy [Historical interpretation in law: content and types]. *Pravoprименenie = Law Enforcement*, 2022, vol. 6, no. 2, pp. 5–18.

17. Minnikes I. A., Pirmaev E. V. Konstitucionnoe sudebnoe tolkovanie [Constitutional judicial interpretation]. *Akademicheskij yuridicheskij zhurnal = Academic Law Journal*, 2021, vol. 22, no. 4, pp. 297–306.

18. Marchenko M. N. Teoriya gosudarstva i prava [Theory of State and law]. 2th ed. Moscow, Prospekt Publ., Moscow St. Univ. Publ., 2018. 636 p.

19. Lozovskaya S. V. Postanovleniya Konstitucionnogo Suda RF kak istochnik prava [Resolutions of the Constitutional Court of the Russian Federation as a source of law]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie = State power and local self-government*, 2022, no. 1, pp. 8–12.

20. Teoriya gosudarstva i prava [Theory of State and law]; ed. by A. V. Yurkovskii. Irkutsk, Irkutskij yurid. in-t (filial) U-ta prokuratury RF Publ., 2022. 668 p.

21. Hilyuta V. V. Vybora osnovaniya dlya prekrashcheniya ugovnogo dela pri maloznachitel'nosti deyaniya [The choice of the basis for the termination of a criminal case with the insignificance of the act]. *Zakonnost' = Legality*, 2021, no. 4, pp. 53–55.

22. Marcev A. I. Prestuplenie: social'no-pravovoj analiz [Crime: socio-legal analysis]. Omsk, Omskaya akad. MVD Rossii Publ., 2012. 75 p.

23. Zuev A. V. Problemy v sootnoshenii ponyatij "istochnik prava" i "forma prava" [Problems in the relationship between the concepts of "source of law" and "form of law"]. *Zametki uchenogo = Notes of the scientist*, 2022, no. 1, pp. 84–86.

24. Shatkovskaya T. V., Napalkova I. G. Razvitie metodologii poznaniya istochnikov prava [Development of the methodology of cognition of the sources of law]. *Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik = North Caucasian Legal Bulletin*, 2017, no. 3, pp. 9–15.

25. Boshno S. V. Doktrinal'nye formy i istochniki prava [Doctrinal forms and sources of law]. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2018, no. 9, pp. 5–15.

Информация об авторе / Information about the Author

Борков Виктор Николаевич, доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права, Омская академия МВД России, г. Омск, Российская Федерация, e-mail: borkovv@mail.ru, ORCID: 0000-0002-7583-5665

Viktor N. Borkov, Dr. of Sci. (Juridical), Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk, Russian Federation, e-mail: borkovv@mail.ru, ORCID: 0000-0002-7583-5665

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-2-21-31>

Системность фактических предпосылок движения права как новое направление развития теории юридических фактов

Д. М. Бакирова¹ ✉

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, д. 85, г. Белгород 308015, Российская Федерация

✉ e-mail: 1145427@bsu.edu.ru

Резюме

Актуальность. Теория юридических фактов, несмотря на достаточно длительный период своего становления и последующего развития, в настоящее время не является окончательно разработанной и требует постоянного внимания со стороны представителей как общей теории права, так и отдельных правовых отраслей. В последнее время появилась и привлекает все большее внимание идея о возможности конструирования на базе системного подхода различных комплексов юридических фактов, что способно оказать положительное воздействие на процесс формирования системы права. Было предложено понятие «большая фактическая система», однако вплоть до настоящего времени оно остается в состоянии общей идеи (концепта). Требуется более детальная его разработка и соотнесение научных представлений о нем с уже имеющимися положениями теории юридических фактов, что будет способствовать ее дальнейшему развитию.

Цель заключается в обосновании совокупности взглядов относительно системности фактических предпосылок как перспективного направления развития теории юридических фактов.

Задачи: обосновать понимание фактических комплексов с позиции системного подхода; выявить цели формирования больших фактических систем; выявить сходства и отличия фактических составов и фактических систем как разновидностей фактических объединений; обосновать необходимость дальнейшей разработки свойства системности юридических фактов.

Методология. Исследование было проведено с использованием диалектического метода научного познания, а также методов анализа, сравнения, формально-логического метода.

Результаты проведенного исследования имеют существенное значение в отношении дальнейшего развития и совершенствования теории юридических фактов как системы представлений относительно фактического основания правового регулирования

Выводы. Фактические составы и системы формируются с использованием принципов системного подхода. Отличия между ними состоят в разности их функционального назначения. Разработка свойства системности фактических предпосылок является перспективным направлением развития теории юридических фактов.

Ключевые слова: системность; фактические предпосылки; основания движения права; фактические комплексы; системный подход.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Бакирова Д. М. Системность фактических предпосылок движения права как новое направление развития теории юридических фактов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 2. С. 21–31. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-2-21-31>.

Поступила в редакцию 14.02.2023

Принята к публикации 18.03.2023

Опубликована 28.04.2023

© Бакирова Д. М., 2023

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2023; 13(2): 21–31

Consistency of the Actual Prerequisites for the Movement of Law as a New Direction in the Development of the Theory of Legal Facts

Diana M. Bakirova¹ ✉

¹Belgorod State National Research University
85 Pobedy Str., Belgorod 308015, Russian Federation

✉ e-mail: 1145427@bsu.edu.ru

Abstract

Relevance. The theory of legal facts, despite the rather long period of its formation and subsequent development, is currently not fully developed and requires constant attention from representatives of both the general theory of law and individual legal branches. Recently, the idea of the possibility of constructing various sets of legal facts based on a systematic approach has appeared and attracts increasing attention, which can have a positive impact on the process of forming a system of law. The concept of "large actual system" was introduced, but up to the present time it remains in the state of a general idea (concept).

The purpose is to substantiate the system of views regarding the consistency of the actual prerequisites as a promising direction in the development of the theory of legal facts.

Objectives are to approach; identify the goals of the formation of large actual systems; identify similarities and differences between actual compositions and actual systems as varieties of actual associations; substantiate the need for further development of the property of the systematic nature of legal facts.

Methodology. The study was conducted using the dialectical method of scientific knowledge, as well as methods of analysis, comparison, formal logical methods.

Results. The results of the study are essential in relation to the further development and improvement of the theory of legal facts as a system of ideas regarding the actual basis of legal regulation.

Conclusion. The actual compositions and systems are formed using the principles of the systems approach. The difference between them lies in the difference in their functional purpose. The development of the system property of factual prerequisites is a promising direction in the development of the theory of legal facts.

Keywords: consistency; actual prerequisites; grounds for the movement of law; actual complexes; systematic approach.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Bakirova D. M. Consistency of the Actual Prerequisites for the Movement of Law as a New Direction in the Development of the Theory of Legal Facts. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2023; 13(2): 21–31. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-2-21-31>.

Received 14.02.2023

Accepted 18.03.2023

Published 28.04.2023

Введение

В последние десятилетия сформировалось относительно новое направление в развитии теории юридических фактов, которое основывается на идее наличия системных связей между явлениями, относимыми к числу фактических предпосылок правового регулирования. Речь в данном случае идет о взаимосвязях не только между отдельными юридическими фактами с образованием фактических

(юридических) составов, но и о формировании значительно больших по объему фактических комплексов. Последние в настоящее время в теории права получили условное наименование «большие фактические системы».

Данная область знаний о фактическом основании правового регулирования представляет собой совокупность взглядов относительно объединения юридических фактов в упорядоченные фактиче-

ские общности. Некоторые из них (речь идет о фактических составах) известны уже достаточно давно, практически с момента появления самого понятия о юридических фактах и рассматриваются уже как традиционный элемент теории юридических фактов. Иные (фактические системы) стали объектом внимания со стороны правоведов сравнительно недавно.

Фактические составы, как и более крупные объединения юридически значимых обстоятельств, включают в себя упорядоченные определенным образом и взаимодействующие между собой фактические обстоятельства, образующие систему. Системное расположение элементов внутри различных фактических комплексов предполагает возможность их анализа и выявления общих их признаков и особенностей каждого из них с использованием системного подхода. Последний занимает весомое место в методологической базе практически любого (в том числе и правового) научного исследования.

Системообразующая роль юридических фактов, проявляющаяся в процессе образования фактических предпосылок комплексного характера, обнаруживает ранее не раскрытый их потенциал в формировании отдельных элементов системы права, а также повышении эффективности правового регулирования общественных отношений. Задействование данного потенциала станет возможным при более детальной проработке данного аспекта теории юридических фактов.

С учетом изложенного полагаем, имеется необходимость в выработке общих основ порядка формирования различных фактических объединений, а также выявления специфики каждого из их видов.

Методология

Методологическая база включает в себя ряд методов как общенаучного, так и частного характера. В числе общенаучных ведущее место занимает диалектиче-

ский метод, предполагающий познание явлений в их всеобщей взаимосвязи и обусловленности. В его рамках были применены такие приемы, как: анализ, синтез, индукция и дедукция. Также в работе широко использовался системный метод исследования, на основе которого были проанализированы различные комплексы юридических фактов как целостные системы, основанные на единых началах. Это позволило выявить активные центры фактических составов и систем, что обуславливает возможность их квалификации как самостоятельного целостного образования. При подведении итогов и формулировании основных выводов по результатам проведенного исследования использовался формально-логический метод.

Результаты и их обсуждение

Приступая к анализу общего и особенного в понятии, содержании и функционировании различных фактических комплексов, полагаем, следует начать с фактических составов как традиционного и более простого вида объединений юридических фактов.

Прежде всего следует отметить, что основанием возникновения правовых последствий в абсолютном большинстве случаев выступает некоторая совокупность юридически значимых обстоятельств. Причем даже в том случае, когда в качестве основания рассматривается одиночный юридический факт, при более внимательном рассмотрении оказывается, что он включает в себя обстоятельства, каждое из которых может иметь собственную правовую характеристику. Это, по мнению В. А. Витушко, обусловлено многомерностью юридических фактов, что отражается на сложности его структуры и содержания» [1, с. 165].

Рассматривая юридический состав в качестве предпосылки движения права, В. А. Витушко вводит понятие «простейшего юридического факта». Состав включает в себя совокупность таких про-

стейших обстоятельств, причем характер взаимосвязи между ними может быть различным. В частности, возможны связи горизонтального или вертикального характера. Горизонтальная связь возникает между относительно самостоятельными и несоподчиненными между собой фактами. Например, при последовательном накоплении элементов состава, являющимся основанием для возникновения права собственности в силу приобретательной давности, связь между простейшими обстоятельствами (добросовестность, открытость и непрерывность владения, а также истечение соответствующего срока) является горизонтальной. В противовес этому вертикальная связь предполагает такое соотношение между обстоятельствами, при котором один из них выступает в качестве составной части другого. При такой интерпретации сочетание простейших образует более сложные обстоятельства. В качестве примера приводится договор купли-продажи, который в качестве составных элементов включает в себя различные условия (о форме, моменте передачи, расчетах и др.) [2, с. 40–41].

Системный характер расположения отдельных юридически значимых обстоятельств внутри фактического состава ранее уже был подмечен В. Б. Исаковым в рамках специального монографического исследования таких объединений юридических фактов. Если во введении данной работы указанный состав обозначается как комплекс, то в главе о его понятии подчеркивается, что это не просто комплекс, а именно система юридических фактов [3, с. 25–27].

Характеристика состава как системы обосновывается рядом доводов. Однако прежде, чем приводить их в тексте данной работы, полагаем необходимым обратить внимание на квалифицирующие признаки самой системы.

Любая система представляет собой совокупность элементов, которые находятся между собой в отношениях взаимо-

связи и взаимозависимости. Это базовый тезис, лежащий в основе общей теории систем. При этом подобного рода множественность должна образовывать устойчивое и целостное явление. Таким образом, системой является далеко не любая совокупность связанных элементов, а только такая, которая за счет внутренней согласованности образует самостоятельное явление.

Сказанное неоднократно подчеркивалось при характеристике систем в научной литературе, посвященной системности и системному подходу. Так, одни из основателей советского направления теории систем И. В. Блауберг и Э. Г. Юдин в качестве наиболее отличительных признаков систем рассматривали наличие в ней «связи, целостности и обусловленной ими устойчивой структуры» [4, с. 177]. Анализируя отдельные аспекты системности общества, В. Г. Афанасьев отмечал то, что составные элементы системы представляют собой отдельные части в рамках единой системы [5, с. 71].

Таким образом, можно заключить, что множественность элементов можно рассматривать как систему только в том случае, если между ними наличествуют устойчивые взаимосвязи, придающие ей характер целостного образования с появлением новых свойств, не присущих составляющим ее элементам по отдельности.

Характеризуя фактический состав как систему, В. Б. Исаков обращает внимание на то, что отдельный юридический факт в рамках состава представляет собой не просто составную часть, но является его элементом, что, в свою очередь, предопределяется наличием особых связей между отдельными элементами. Именно это рассматривается как один из наиболее важных признаков системы, поскольку такие связи придают фактическому комплексу определенное единство и характеризуют его как целостное образование. Также учитывается то обстоятельство, что накопление всех элементов

состава, являющегося системой, влечет за собой новое качество в виде возможности возникновения соответствующих ему правовых последствий [3, с. 26–27]. С указанными доводами, полагаем, вполне можно согласиться, что позволяет рассматривать фактический состав как систему.

Фактический состав в качестве составляющих его элементов включает отдельные единичные юридические факты. Сам же состав, в свою очередь, является компонентом более объемного комплекса фактических обстоятельств, взаимодействующих между собой.

Впервые идея о возможности формирования значительных по объему комплексов юридических фактов была высказана В. Б. Исаковым в начале 80-х годов прошлого столетия [6, с. 86–101]. Однако в дальнейшем она более чем тридцать лет находилась в стадии сформированного замысла или, можно сказать, не до конца разработанного концепта. В настоящее время появился ряд публикаций, свидетельствующих об актуализации данной идеи применительно к современной правовой проблематике. Выделение и первичные теоретические выводы относительно отдельных аспектов фактических систем в праве обнаруживаются в немногочисленных публикациях отдельных исследователей, к примеру, А. А. Шафалович [7], Е. Ю. Цуканова [8]. Полагаем, что это только начало основательной работы по формированию детализированного знания относительно понятия больших фактических систем и их функционирования.

В качестве одного из таких объединений юридических фактов была обозначена большая фактическая система. Именно это в свое время дало основание говорить об образовании нового направления совершенствования теории юридических фактов. А. А. Шафалович в этой связи констатирует начало нового этапа в расширении представлений о фактиче-

ском основании правового регулирования [9, с. 28–29].

Появление понятия «большая фактическая система» связывают с развитием теории хаоса и ее использованием применительно к правовым аспектам. С учетом этого такую систему рассматривают как «нетипичный объект изучения», представляющий собой сложное и многоуровневое явление [10, с. 148].

С момента появления в правовой теории данного понятия прошло уже достаточно много времени, однако до сих пор оно является малоразработанным. Исследователи данной области правовых знаний, как правило, упоминают данное понятие лишь эпизодически, без каких-либо дополнительных объяснений [11; 12], либо идет проработка отдельных вопросов в большей мере в качестве постановки проблемы. Специального комплексного монографического исследования данной области теории юридических фактов пока еще не проводилось.

В этой связи можно предположить, что появление данного направления в теории юридических фактов, по всей видимости, связано с развитием идеи системного подхода в отношении различных научных направлений. Как раз в 60–70-е годы XX столетия в советской науке активно формировались основы общей теории систем и соответствующего метода, выразившегося в системном подходе. Причем последний, по всеобщему мнению его исследователей, применим не только в отношении естественных наук, но также и в социально-гуманитарной сфере [4, с. 14–39; 13, с. 21–32; 14, с. 23–37].

Каждое жизненное обстоятельство связано с иным множеством связей, каждая из которых имеет свой уникальный характер. Соответственно этому изучение общественного бытия, а также придание ему целенаправленного регулирующего воздействия будет наиболее эффективным только при условии комплексного анализа общественных явлений и их вза-

имосвязей. Для этого необходимо представить реальную действительность как упорядоченную определенным образом совокупность жизненных обстоятельств (фактов). В этой связи стоит заметить, что еще в середине XX века С. Ф. Кечекьян писал, что «в свете научных законов явления природы и общества представляются расположенными в определенном порядке и не составляют более “царства хаоса и случайностей”, какими они предстают обыденному сознанию» [15, с. 13].

Одним из аргументов в пользу наличия взаимосвязей между отдельными фрагментами социальной жизни является признание континуального характера теории юридических фактов. Континуальность права предполагает наличие неразделенной и продолжаемой взаимосвязи всех существующих общественных отношений. Данные взаимосвязи могут характеризоваться соотношениями различного характера, например, в качестве связи причины и следствия, общего и особенного, базового и смежного и т. п. Это, в свою очередь, обуславливает необходимость совместного применения как общенаучных, частных, так и специальных методов исследования [6, с. 29].

Континуальность теории юридических фактов, по мнению В. А. Витушко, основывается на признании зависимости поведения людей от сил природы и ее законов. Это, в свою очередь, говорит о наличии всеобщей связи явлений, рассматриваемых в качестве юридических фактов. Они логически вытекают один из другого, что свидетельствует об их постоянном «текущем» развитии в объективной действительности. Это как раз и рассматривается в качестве основы континуальной методологии теории юридических фактов. К отдельным составляющим такой методологии ученым отнесены следующие положения: сложносоставной характер любого жизненного обстоятельства, выступающего в качестве юридического факта; присутствие в каждом явлении объективной действитель-

ности отдельных составных частей различного, а именно имущественного, экономического, морального и иного социального характера; взаимосвязь юридических фактов, относимых к различным классификационным группам, в качестве соотношения как родового и видового объектов [17, с. 4–8].

Анализ данной континуальной теории юридических фактов свидетельствует о ее некоторой своеобразности, требующей дополнительной разработки в целях уточнения ее отдельных положений. Однако следует согласиться с автором в главном, а именно в справедливости идеи о наличии множественных связей между отдельными дискретными частями объективной действительности, каждая из которых выступает в качестве самостоятельного элемента более широкого явления, рассматриваемого как система различных фактических обстоятельств.

С учетом изложенного можно говорить о возможности системного упорядочения отдельных дискретных элементов реальной действительности, которым право придает значение юридического факта. При этом очевидна зависимость построения такой системы от того порядка взаимосвязей, который присущ объективной реальности. В этом отношении можно согласиться с А. А. Шафалович в том, что «системность юридических фактов есть отражение и продолжение системности общественных отношений» [7, с. 176]. Таким образом, диалектическое основание в виде идеи о всеобщей связи явлений в данном случае может быть использовано в качестве методологического подхода к интерпретации такого обобщения обстоятельств в качестве фактического основания правовых последствий.

Значимость идеи оперирования в правовой действительности совокупностями юридических фактов различного объема сложно переоценить. Понимая,

что целенаправленное воздействие на определенную сферу общественных отношений возможно только при комплексном учете влияния различных факторов и обстоятельств, в научной литературе предложено использовать ситуационный подход к правовому регулированию общественных отношений [18, с. 70]. Это предполагает квалификацию определенной области объективной реальности в качестве упорядоченной совокупности юридических фактов с пониманием не только их объема, но и, что более важно, системных связей между ними.

В научной литературе в этом отношении обращается внимание на то, что изучение фактических предпосылок движения права в системном их виде позволяет познать особенности не только единичного «атома» правового поля (факта), а в более системном виде – выявить связь «факт–следствие». Более важным при этом является то обстоятельство, что такой подход обуславливает реальную возможность определения перспектив развития фактической жизненной ситуации, что, в свою очередь, позволяет осуществлять управление данным процессом. Это предполагает отказ от точечного (элементарного) регулирования и переход к комплексному воздействию, которое в силу учета многих факторов будет более согласованным и стабильным. В конечном итоге это создаст более высокий уровень доступности для правоприменителя [19, с. 54].

Такой подход к оценке состояния отдельного сегмента жизненной реальности, полагаем, наиболее плодотворен в правотворческой сфере. Это обосновывается тем, что юридические факты в своей совокупности обладают свойством системности, что может положительно сказаться на правообразовании [7, с. 177]. При этом комплексный анализ фактической составляющей с большей эффективностью позволит обнаружить закономер-

ности развития данной ситуации, типизировать ее, а самое главное – выработать правовые механизмы ее регулирования. Таким образом, можно сказать, что ситуационный подход будет способствовать определению точки приложения правового воздействия с тем, чтобы ситуация развивалась в наиболее благоприятном для общества русле.

Используя ситуационный подход, следует учитывать, что отдельные фрагменты жизненной реальности представляют собой не застывшую во времени данность, а постоянно развивающиеся и сменяющие друг друга обстоятельства. С учетом этого в научной литературе говорят о потоковом развитии жизненных событий, что требует учета при формировании фактических систем. В этой связи А. А. Шафалович обращает внимание на то, что свойство системности юридических фактов должно учитываться при анализе закономерностей развития фактического потока, как сменяющих друг друга юридических фактов. Это, по мнению автора, является актуальным и перспективным [7, с. 177].

Свойство «потокowego» развития общественных взаимосвязей было подмечено еще В. Б. Исаковым, который описывает его как череду событий, которые сменяют друг друга с разной степенью активности, причем подчеркивается, что в настоящее время объектом анализа стал сам процесс и причины, его обусловившие. Ранее же, в отличие от этого, исследователи обращали внимание только на отдельные элементы такого потока [20, с. 41–42].

Таким образом, можно говорить о том, что за счет юридических фактов можно формировать образы не только отдельных фрагментарных обстоятельств, но также и целые жизненные области или процессы. В этом плане вполне можно согласиться с утверждением, согласно которому «юридические факты выступа-

ют мини-моделью большой фактической системы, то есть фактически права или, по крайней мере, одной из его ипостасей» [21, с. 596]. Вследствие этого полагаем, что определение понятия, выявление разновидностей, принципов формирования больших фактических систем, а также механизма их функционирования имеет существенное значение в развитии теоретических представлений о фактическом основании правового регулирования. Представляется, что в настоящее время это является ключевым направлением развития теории юридических фактов.

Выводы

По результатам сравнительного анализа отдельных видов комплексов юридических фактов можно сформулировать следующие выводы. Общее между фактическими составами и фактическими системами состоит в том, что они представляют собой организованные определенным образом комплексы юридических фактов. Фактические составы, как и единичные юридические факты, имеют значение применительно к отдельным конкретным правоотношениям. Вследствие этого можно говорить, что ими охватывается микроуровень фактического основания права. В противоположность этому фактические системы отражают жизненные ситуации в целом и даже отдельные социальные процессы. Вследствие этого

комплексное восприятие юридических фактов и их составов в указанных целях можно рассматривать как макроуровень фактической обоснованности правового регулирования.

Отличия между фактическими составами и системами также состоят в разности их функционального назначения. Фактический состав представляет собой такую совокупность фактических обстоятельств, которая квалифицируется как единое основание возникновения правовых последствий (чаще всего это движение правоотношения). Таким образом, свое основное назначение фактические составы реализуют в правоприменительной деятельности и, более широко, в различных аспектах реализации права. Именно в таком контексте фактические составы, как и единичные юридические факты, рассматривают в качестве элемента механизма правового регулирования.

Более крупные объединения фактических предпосылок права (включающие как отдельные юридические факты, так и их составы) имеют иное назначение, реализуемое в правотворческой сфере. Их основная функция состоит в выполнении организующей роли в процессе выстраивания системы как права, так и законодательства. Познание принципов формирования фактических систем и механизма их действия позволит решать задачи более масштабного характера.

Список литературы

1. Витушко В. А. О роли доктрины в определении понятия юридических фактов и их правоприменении // Право в современном мире: состояние и вектор развития: материалы VII Международной научно-практической конференции / отв. ред. Е. П. Чорновол. Екатеринбург: Изд-во УИУ (ф) РАНХиГС, 2018. С. 163–166.
2. Витушко В. А. Понятие юридических фактов и их правоприменение // Actual Problems of Civil Rights. 2017. № 2(10). С. 30–41.
3. Исаков В. Б. Фактический состав в механизме правового регулирования. Саратов: Изд-во Саратовского гос. ун-та, 1980. 128 с.
4. Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Становление и сущность системного подхода. М.: Наука, 1973. 271 с.

5. Афанасьев В. Г. Системность и общество. М.: Политиздат, 1980. 368 с.
6. Исаков В. Б. Юридические факты в советском праве. М.: Юридическая литература, 1984. 144 с.
7. Шафалович А. А. Системные связи с позиции теории юридических фактов // *Право.by*. 2010. № 4. С. 176–180.
8. Цуканова Е. Ю. Формирование фактических систем в теории права (на примере договорного права) // *Проблемы экономики и юридической практики*. 2021. Т. 17, № 3. С. 224–227.
9. Шафалович А. А. Стадии и прогноз развития теории юридических фактов // *Право.by*. 2016. № 6. С. 25–29.
10. Шафалович А. А. Теория юридических фактов в контексте квантовой физики // *Teisė*. 2020. Т. 115. С. 147–153.
11. Ибрагимов К. Х., Ибрагимова Ф. К. Комплекс юридических фактов как предпосылки и основания возникновения современных земельных правоотношений // *Аграрное и земельное право*. 2015. № 4 (124). С. 4–11.
12. Белоусов В. А. Соотношение и взаимосвязь юридических фактов материального и процессуального права // *Вестник Пензенского государственного университета*. 2017. № 2 (17). С. 31–36.
13. Садовский В. Н. Основания общей теории систем. Логико-методологический анализ. М.: Наука, 1974. 280 с.
14. Уемов А. И. Системный подход и общая теория систем. М.: Мысль, 1978. 272 с.
15. Кечекьян С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 187 с.
16. Витушко В. А. Континуальная теория гражданского права // *Актуальные проблемы гражданского права*. 2018. № 1(11). С. 29–61.
17. Витушко В. А. Континуальная теория юридических фактов // *Проблемы правового регулирования хозяйственной деятельности экономики переходного периода: научно-практическая конференция*. Минск: МНО, 2002. С. 3–8.
18. Волчецкая Т. С., Примак Т. К. Новая интерпретация понятия «юридический факт» с позиций ситуационного подхода // *Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2017. № 4(50). С. 69–72.
19. Дворецкая А. А. Теория юридических фактов в римском праве, его историографии и в общей теории права. Минск: Тесей, 2007. 120 с.
20. Исаков В. Б. Юридические факты в российском праве. М.: Юстицинформ, 1998. 48 с.
21. Шафалович А. А. Проблемы дефинирования понятия юридических фактов // *Научные труды Белорусского государственного экономического университета: сборник научных статей*. Минск: БГЭУ, 2018. Вып. 11. С. 595–601.

Reference

1. Vitushko V. A. [On the role of doctrine in defining the concept of legal facts and their enforcement]. *Pravo v sovremennom mire: sostoyanie i vektor razvitiya. Materialy VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Law in the modern world: state and vector of development. Materials of the VII International scientific and practical conference]; ed. by E. P. Chornovol. Ekaterinburg, UIU (f) RANHiGS Publ., 2018, pp. 163–166. (In Russ.)

2. Vitushko V. A. Ponyatie yuridicheskikh faktov i ih pravoprimerenie [The concept of legal facts and their enforcement]. *Actual Problems of Civil Rights*, 2017, no. 2(10), pp. 30–41.
3. Isakov V. B. Fakticheskij sostav v mekhanizme pravovogo regulirovaniya [The actual composition in the mechanism of legal regulation]. Saratov, Saratovskii gos. un-t Publ., 1980. 128 p.
4. Blauberg I. V., Yudin E. G. Stanovlenie i sushchnost' sistemnogo podhoda [Formation and essence of the system approach]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 271 p.
5. Afanas'ev V. G. Sistemnost' i obshchestvo [Consistency and society]. Moscow, Politizdat Publ., 1980. 368 p.
6. Isakov V. B. Yuridicheskie fakty v sovetskom prave [Legal facts in Soviet law]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1984. 144 p.
7. Shafalovich A. A. Sistemnye svyazi s pozicii teorii yuridicheskikh faktov [Systemic connections from the standpoint of the theory of legal facts]. *Pravo.by*, 2010, no. 4, pp. 176–180.
8. Cukanova E. Yu. Formirovanie fakticheskikh sistem v teorii prava (na primere dogovornogo prava) [Formation of factual systems in the theory of law (on the example of contract law)]. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki = Problems of Economics and legal practice*, 2021, vol. 17, no. 3, pp. 224–227.
9. Shafalovich A. A. Stadii i prognoz razvitiya teorii yuridicheskikh faktov [Stages and forecast of the development of the theory of legal facts]. *Pravo.by*, 2016, no. 6, pp. 25–29.
10. Shafalovich A. A. Teoriya yuridicheskikh faktov v kontekste kvantovoj fiziki [Theory of legal facts in the context of quantum physics]. *Teisè*, 2020, vol. 115, pp. 147–153.
11. Ibragimov K. H., Ibragimova F. K. Kompleks yuridicheskikh faktov kak predposylki i osnovaniya vozniknoveniya sovremennykh zemel'nykh pravootnoshenij [Complex of legal facts as prerequisites and grounds for the emergence of modern land relations]. *Agrarnoe i zemel'noe pravo = Agrarian and land law*, 2015, no. 4 (124), pp. 4–11.
12. Belousov V. A. Sootnoshenie i vzaimosvyaz' yuridicheskikh faktov material'nogo i processual'nogo prava [Correlation and interrelation of legal facts of substantive and procedural law]. *Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Penza State University*, 2017, no. 2 (17), pp. 31–36.
13. Sadovskij V. N. Osnovaniya obshchej teorii sistem. Logiko-metodologicheskij analiz [Foundations of the general theory of systems. Logical and methodological analysis]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 280 p.
14. Uemov A. I. Sistemnyj podhod i obshchaya teoriya sistem [Systems approach and general theory of systems]. Moscow, Mysl' Publ., 1978. 272 p.
15. Keчек'yan S. F. Pravootnosheniya v socialisticheskom obshchestve [Legal relations in a socialist society]. Moscow, AN SSSR Publ., 1958. 187 p.
16. Vitushko V. A. Kontinual'naya teoriya grazhdanskogo prava [Continuum theory of civil law]. *Aktual'nye problemy grazhdanskogo prava = Actual problems of civil law*, 2018, no. 1(11), pp. 29–61.
17. Vitushko V. A. [Continuum theory of legal facts]. *Problemy pravovogo regulirovaniya hozyajstvennoj deyatel'nosti ekonomiki perekhodnogo perioda. Nauchno-prakticheskaya konferenciya* [Problems of legal regulation of economic activity of the economy of the transition period. Scientific and practical conference]. Minsk, MNO Publ., 2002, pp. 3–8. (In Russ.)
18. Volcheckaya T. S., Primak T. K. Novaya interpretaciya ponyatiya "yuridicheskij fakt" s pozicij situacionnogo podhoda [A new interpretation of the concept of "legal fact" from the standpoint of the situational approach]. *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo*

universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Kaliningrad Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017, no. 4(50), pp. 69–72.

19. Dvoreckaya A. A. *Teoriya yuridicheskikh faktov v rimskom prave, ego istoriografii i v obshchej teorii prava* [Theory of legal facts in Roman law, its historiography and in the general theory of law]. Minsk, Tesej Publ., 2007. 120 p.

20. Isakov V. B. *Yuridicheskie fakty v rossijskom prave* [Legal facts in Russian law]. Moscow, Yusticinform Publ., 1998. 48 p.

21. Shafalovich A. A. [Problems of defining the concept of legal facts]. *Nauchnye trudy Belorusskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta. Sbornik nauchnyh statej* [Scientific works of the Belarusian State University of Economics. Collection of scientific articles]. Minsk, BGEU Publ., 2018, is. 11, pp. 595–601. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Бакирова Диана Максимовна, аспирант кафедры теории и истории государства и права, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Российская Федерация,
e-mail: 1145427@bsu.edu.ru,
ORCID: 0000-0002-0315-2961

Diana M. Bakirova, Post-Graduate Student of the Department of Theory and History of State and Law, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russian Federation,
e-mail: 1145427@bsu.edu.ru,
ORCID: 0000-0002-0315-2961

Принципы государственного управления безопасностью и защитой жизненных интересов народа

Е. В. Позднякова¹ ✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: elena.pozdnakova@mail.ru

Резюме

Актуальность. Системно-правовая проблематика развития единства принципов управления безопасностью и защитой жизненных интересов народа является многоплановой, сложной, во многом дискуссионной. Как конституционные, так и административные принципы управления безопасностью, а также их единство в первую очередь отвечают интересам граждан и направлены на обеспечение развития юридической защиты жизни, прав и свобод, поскольку расставляют приоритеты в пользу человека. Единство принципов как научных первоначал и основных правил поведения субъектов управления требует развития безопасности и защиты жизненных интересов народа, что в настоящее время весьма актуально.

Цель. Установление содержания конституционных и административных принципов государственного управления безопасностью и защитой жизненных интересов народа.

Задачи: определить нормативные правовые акты, содержащие принципы государственного управления безопасностью; выделить конституционные и административные принципы государственного управления безопасностью и защитой жизненных интересов народа.

Методология. В исследовании использована совокупность методов, таких как: общенаучный метод изучения правовых явлений и процессов, формально-юридический и формально-логический методы.

Результаты. В ходе исследования рассмотрены конституционные и административные принципы государственного управления безопасностью и защитой жизненных интересов народа, а также изучено их единство, направленное на защиту жизненных интересов человека.

Вывод. Единство принципов государственного управления безопасностью и защитой жизненных интересов народа дает научное представление о порядке обобщения и распространения каждого принципа на деятельность органа государственной власти и местного самоуправления, направлено на выполнение обязанностей государства по созданию безопасных условий жизни для своих граждан, в том числе и на реализацию их конституционных прав и свобод.

Ключевые слова: принцип; государственное управление; муниципальное управление; субъекты управления; безопасность граждан; управление безопасностью.

Финансирование: НИР в рамках государственного задания на 2023 год «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (номер 0851-20200033).

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Позднякова Е. В. Принципы государственного управления безопасностью и защитой жизненных интересов народа // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 2. С. 32–42. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-2-32-42>.

Поступила в редакцию 24.02.2023

Принята к публикации 24.03.2023

Опубликована 28.04.2023

Principles of State Administration for the Security and Protection of the Vital Interests of the People

Elena V. Pozdnyakova¹ ✉

¹Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: elena.pozdnakova@mail.ru

Abstract

Relevance. The systemic and legal problems of developing the unity of principles for managing the security and protection of the vital interests of the people are multifaceted, complex, and largely debatable. Both constitutional and administrative principles of security management, as well as their unity, primarily meet the interests of citizens and are aimed at ensuring the development of legal protection of life, rights and freedoms, since they prioritize in favor of a person. The unity of principles as scientific principles and the basic rules of behavior of subjects of management requires the development of security and the protection of the vital interests of the people, which is currently very important.

The purpose. Establishing the content of the constitutional and administrative principles of state management of the security and protection of the vital interests of the people.

Objectives: define regulatory legal acts containing the principles of public safety management; highlight the constitutional and administrative principles of state management of the security and protection of the vital interests of the people.

Methodology. The study used a combination of methods, such as: a general scientific method for studying legal phenomena and processes, formal legal and formal logical methods.

Results. In the course of the study, the constitutional and administrative principles of state management of the security and protection of the vital interests of the people were considered, as well as their unity, aimed at protecting the vital interests of a person, was studied.

Conclusion. The unity of the principles of state management of the security and protection of the vital interests of the people gives a scientific idea of the procedure for generalizing and extending each principle to the activities of a state authority and local self-government, aimed at fulfilling the obligations of the state to create safe living conditions for its citizens, including their implementation. constitutional rights and freedoms.

Keywords: principle; public administration; municipal administration; subjects of administration; security of citizens; security management.

Funding: Research within the framework of the state task for 2023 "Transformation of private and public law in the context of evolving individuals, society and the state" (number 0851-20200033).

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Pozdnyakova E. V. Principles of State Administration for the Security and Protection of the Vital Interests of the People. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2023; 13(2): 32–42. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-2-32-42>.

Received 24.02.2023

Accepted 24.03.2023

Published 28.04.2023

Введение

Одной из важнейших основ построения правового государства является институт управления безопасностью и защитой жизненных интересов народа. Без

эффективной защиты жизненных интересов и ценностей человека как субъекта государственного управления невозможно существование демократической и правовой систем. В гражданском обще-

стве правам человека придается значение стратегического ориентира.

Конституция Российской Федерации в статье 2 закрепляет права и свободы человека в качестве высшей ценности. Данное положение конкретизируется в ст. 17 Конституции Российской Федерации, в которой говорится о том, что основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения. И хотя в данной статье конкретно не уточняется, о каких именно правах идет речь, можно предположить, что имеются в виду права, обусловленные жизненными интересами человека.

В научной литературе существует деление прав человека на позитивные и естественные. Данному вопросу посвятили исследования ряд ученых, такие как А. В. Коломина, Ю. Г. Бубнова [1], И. В. Упоров [2], И. В. Ширкова, Е. А. Одинцова [3].

Естественные права с позиции аналитической юриспруденции имеют недостатки: они неопределенны в содержании, не ориентируются на конкретные ценности, не располагают механизмом их поддержки и защиты. Позитивные же права – это юридические нормы, в которых выражена воля государства.

В Конституции Российской Федерации используется первая и вторая доктрина прав и свобод. При этом естественно-правовая доктрина выражается в формулировках «каждый имеет право», «гражданин имеет право», а позитивистская – в формулировках «государство гарантирует», «охраняется законом» и т. п. Последнее относится и к управлению безопасностью, защитой интересов народа.

Защищая права и интересы народа, государство берет на себя ответственность за деятельность своих органов путем развития принципов государственного управления. Несмотря на исследования в данной области [4–15], принципы государственного управления безопасностью изучены недостаточно.

Методология

Исследование основано на применении общенаучного (диалектического) метода изучения правовых явлений и процессов. Проанализированы результаты, размещенные в научных статьях исследователей в сфере защиты прав и интересов человека, а также государственного управления безопасностью.

Среди специальных методов юридической науки использовались формально-юридический и формально-логический. С помощью формально-юридического метода изучалось законодательство Российской Федерации, в частности Конституция Российской Федерации, Указ Президента Российской Федерации «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципальных, городских округов и муниципальных районов», Федеральный закон «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований». Формально-логический метод послужил основой для формулирования основных выводов по результатам исследования.

Результаты и их обсуждение

В Конституции Российской Федерации (п. «н» ч. 1 ст. 72) сказано, что в совместном ведении Федерации и ее субъектов находится установление общих принципов организации системы органов государственной власти и местного самоуправления. Принцип системности находится и в основе безопасности и защиты интересов человека. В системе просматривается сочетание централизации деятельности всех органов государственной власти посредством центральной (верховой) управляющей инстанции с децентрализацией деятельности органов управления различных уровней, их подсистем в регионах. Следовательно, среди принципов сотрудничества органов управления отмечается действие принципа централизованного построения, отве-

чающего исторически сложившемуся административно-территориальному делению в России.

Вместе с тем при буквальном толковании нормы ч. 1 ст. 77 Конституции Российской Федерации необходимо было бы определить федеральным законом общие принципы не только организации, но и взаимодействия, консолидации, партнерства, распространяющиеся на систему органов государственной власти Федерации, ее субъектов и местное самоуправление.

Другие принципы: оптимальное распределение управления безопасностью и защитой жизненных интересов человека; четкое деление прав и обязанностей субъектов управления; разделение властей; информационная обеспеченность и безопасность; подотчетность и подконтрольность; наличие гарантий от беспредела власти также носят как конституционный, так и административно-правовой характер. Это объясняется тем, что административно-правовые основы взаимодействия органов государственной власти в сфере обеспечения безопасности человека охватывают наряду с нормами Конституции Российской Федерации и административно-правовые нормы. Последние закрепляют систему органов государственного управления и местного самоуправления, порядок их образования, административно-правовой статус, компетенцию органов управления, правовую основу их деятельности по обеспечению безопасности и защиты жизненных интересов народа.

Общие принципы организации системы органов государственной власти и местного самоуправления заложены непосредственно в различных нормах текста Конституции Российской Федерации (ст. 3, 5, 10, 11, 12) и положениях, содержащихся, в ч. 2 ст. 77, ст. 77, 118, 129 и др. Заложенные в главах 4-6 Конституции Российской Федерации принципы организации системы сотрудничающих законодательных и исполнитель-

ных органов государственной власти служат также моделью трансформации правоотношений в виде взаимодействия и партнерства органов государственного управления.

Таким образом, в систему принципов управления входят: принцип равенства субъектов Российской Федерации; разграничение предметов ведения между Российской Федерацией, ее субъектами и местным самоуправлением; единство системы исполнительных органов государственной власти Российской Федерации; принцип законности; принцип гласности; принцип развития правовых основ взаимодействия органов государственного управления и местного самоуправления.

Вместе с тем единство принципов управления недопустимо понимать как прямое подчинение всех органов власти субъектов Российской Федерации соответствующим федеральным органам. Каждый из уровней власти действует в пределах своей компетенции, определенной ст. 71–73 Конституции Российской Федерации. Разделение власти по вертикали, т. е. разграничение предметов ведения и полномочий между Федерацией и ее субъектами, не может рассматриваться как противостояние единству государственной власти [16]. Разграничение компетенции в федеративном государстве не означает разъединение, раздробление государственного управления. Его смысл состоит в структурировании и сбалансированности властных отношений в сфере безопасности и защиты жизненных интересов народа.

Такие принципы, как верховенство права и регионализация отношений административно-правового взаимодействия, обусловлены потребностями гражданского общества, обеспечения его целостности. В этой связи показателен Указ Президента Российской Федерации от 28 апреля 2008 г. № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципальных, городских округов и муниципальных

районов». В соответствии с данным Указом главам местных администраций предложено «ежегодно, до 1 мая, представлять в высший исполнительный орган государственной власти субъекта Российской Федерации, в границах которого расположен муниципальный, городской округ или муниципальный район, доклады о достигнутых значениях показателей для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципальных, городских округов и муниципальных районов за отчетный год и их планируемых значениях на 3-летний период»¹.

Доклад должен размещаться на официальном сайте муниципального, городского округа или муниципального района. Сводный доклад субъекта Федерации размещается на официальном сайте соответствующего субъекта до 1 октября года, следующего за отчетным. Также рекомендовано «органам исполнительной власти выделять из бюджета субъекта Российской Федерации гранты муниципальным, городским округам и муниципальным районам в целях содействия достижению и (или) поощрения достижения наилучших значений показателей деятельности органов местного самоуправления муниципальных, городских округов и муниципальных районов».

В современном обществе нельзя исключить конфликт интересов. Сюда можно отнести социальные, юридические и иные конфликты, возникающие в результате различных факторов (например, коррупции или иных проявлений неправомерного поведения). Конфликты интересов, выражая противоречия в своем движении, становятся юридическими кон-

фликтами только при определенных условиях, при которых наблюдается предельная форма обострения правомерного и неправомерного поведения сторон. Нередко все это является следствием недостатка во внутрирегиональной системе государственного и муниципального управления, когда органы управления не всегда согласованно и целенаправленно взаимодействуют под влиянием неблагоприятных внутренних и внешних условий. Поэтому важнейшим принципом взаимоотношений центра с местными органами выступает контроль и надзор государства за организацией управления безопасностью и защитой жизненных интересов народа.

В Российской Федерации Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 6-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований»² установлены не только принципы организации и деятельности этих контрольно-счетных органов, но и их общеправовые и отраслевые полномочия, составляющие основу статуса контрольно-счетных органов. Они образуются соответственно законодательным органом государственной власти субъекта Российской Федерации, представительным органом муниципального образования и подотчетны им. Данный федеральный закон закрепляет, что «контрольно-счетные органы обладают организационной и функциональной независимостью, осуществляют свою деятельность самостоятельно»².

Также актуальным для обеспечения безопасности является повышение активности самих граждан, направленной на

¹ Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципальных, городских округов и муниципальных районов: Указ Президента Российской Федерации от 28 апреля 2008 г. № 607: [ред. от 11 июня 2021 г.] // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76576/ (дата обращения: 15.02.2023).

² Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований: Федер. закон от 7 февраля 2011 г. № 6-ФЗ: [ред. от 01.07.2021] // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110266/ (дата обращения: 15.02.2023).

соблюдение действующих административно-правовых норм и на предотвращение угрозы незаконного вмешательства в процесс жизнеобеспеченности населения. При этом следует подчеркнуть единство конституционных и административно-правовых принципов управления безопасностью и защитой интересов человека. Такими принципами являются: приоритет интереса к жизни; ответственность государства за обеспечение управления безопасностью жизненных интересов; соблюдение интересов граждан, общества и государства при обеспечении управления безопасностью; программно-целевой подход к деятельности по управлению безопасностью и защитой жизненных интересов человека.

Сравнение конституционных и административно-правовых принципов управления безопасностью и защитой жизненных ценностей позволило выявить их сходства и различия. Сходство состоит в закреплении конституционного принципа соблюдения интересов личности, общества и государства при управлении безопасностью. Но принцип обеспечения безопасности требует соблюдения баланса интересов указанных субъектов, что всегда является проблематичным из-за неопределенности данной категории при одновременном определении приоритетов. Административно-правовые принципы управления безопасностью расставляют приоритеты в пользу личности по сравнению с иными интересами. Так, к примеру, к принципам развития управления безопасностью относится принцип приоритета защиты жизненных ценностей человека.

В целом принципы управления безопасностью и безопасностью в сфере защиты жизненных ценностей отличаются в части установления меры ответственности за обеспечение безопасности. Безусловно, ответственность должна быть увеличена, в том числе путем закрепле-

ния соответствующего принципа недопустимости ослабления безопасности и защиты жизненных интересов человека. Для этого следует дополнить систему принципов, действующих в сфере управления безопасностью, принципом приоритета ответственности государства за обеспечение безопасности и защиты интересов населения. Это позволит распространить указанный принцип на все сферы жизнедеятельности общества, и прежде всего на юридическую защиту жизненных ценностей человека. Настоящий принцип отвечает интересам граждан и направлен на обеспечение их жизнедеятельности с участием государства, которое создает больше возможностей для комплексных мер по достижению защищенности субъектов и объектов развития юридической защиты жизненных интересов людей.

Развитие единства конституционных и административно-правовых принципов как средства юридической защищенности от угроз включает обеспечение безопасного состояния и защищенности объектов и субъектов в общественной сфере жизнедеятельности людей. Единство здесь может включать и активное поведение самих граждан, направленное на предотвращение различным угрозам человека. Единство является одной из общих гарантий жизненных интересов народа. Становясь гарантией, основанной на конституционном и административном законодательстве, единство рассматриваемых принципов выступает научным истоком трансформации самого законодательства на этом направлении. Это обусловлено тем, что в ходе трансформации в различных сферах необходимо своевременно вносить изменения в законодательство о безопасности и защите интересов граждан, чтобы полнее закрепить их цели, задачи и функции.

Главным субъектом, обеспечивающим единство принципов, является госу-

дарство. Однако без участия граждан в процессе управления делами государства невозможно создать режим безопасности, трудно достичь высокого уровня юридической защиты жизненных интересов граждан от различных угроз, поскольку обеспечение общественной безопасности необходимо рассматривать как специальную гарантию не только безопасности, но и благополучия России. Именно поэтому на развитие юридической защиты жизненных интересов и ценностей народа направлена вся система гарантий, как общих (политических, экономических, идеологических), так и социально-юридических. К общим условиям защиты относятся те, которые гарантируют реализацию всех конституционных прав и свобод. Под социально-правовыми, юридическими гарантиями защиты жизненных интересов (ценностей) понимаются те средства, предметом обеспечения которых является предмет гарантирования – жизнь человека. В целом всю совокупность гарантий целесообразно называть законодательными [17].

Принципы правовой защиты жизненных ценностей человека прежде всего предполагают эффективную борьбу с

преступностью, коррупцией, террористическими акциями. Однако гарантии этой правовой защиты намного шире. В качестве гарантий права на жизнь в научной литературе рассматриваются системы жизнеобеспечения, включая здравоохранение, охрану от несчастных случаев на производстве, охрану частной жизни, защиту данных, пожарную и другие виды безопасности [18; 19; 20].

Выводы

Управление безопасностью как составная часть процесса обеспечения правозащиты жизненных интересов народа в целом, являясь специальной юридической гарантией права на защиту прав и свобод человека и гражданина, соответствует в большей мере индивидуальному праву на защиту личности. Это связано с тем, что в этой сфере возникает большое количество угроз жизни. Таким образом, принципы государственного управления безопасностью и защитой жизненных интересов народа на первый план ставят защиту личности по сравнению с иными интересами.

Список литературы

1. Коломина А. В., Бубнова Ю. Г. Соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина: перспективы развития и проблемы реализации // *Право и государство: теория и практика*. 2020. № 7 (187). С. 19–21.
2. Упоров И. В. Естественное право и его взаимодействие с позитивным (государственным) правом: конституционное измерение // *Гуманитарный научный вестник*. 2021. № 7. С. 179–186.
3. Ширкова И. В., Одинцова Е. А. Права человека как составная часть культурного наследия современного общества // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2019. № 4. С. 60–62.
4. Смоляров М. В. Принцип стабильности российского законодательства как основа улучшения качества государственного управления // *Юридическая техника*. 2020. № 14. С. 658–659.

5. Голубев С. С., Елфимов О. М. Повышение эффективности реализации национальных проектов и государственных программ на основе внедрения принципов проектного управления // На страже экономики. 2019. № 3(10). С. 16–24.

6. Плаксина К. Г., Остапюк В. Г. Принципы государственного управления в сфере здравоохранения Российской Федерации // Наука и образование: отечественный и зарубежный опыт: Двадцать третья Международная научно-практическая конференция. Белгород: ООО ГиК, 2019. С. 220–225.

7. Андриянов В. Н. Единство подходов к формированию принципов административного права как условие повышения качества государственного управления // Миссия современного государства и права в эпоху социальных перемен: материалы Международной научно-практической конференции. Иркутск: Иркутский гос. ун-т, 2019. С. 136–140.

8. Калинина Л. Е., Бочарникова А. Д. Современные подходы к принципам государственного управления и их реализация в судебном администрировании // Кубанское агентство судебной информации PRO-SUD-123.RU: Юридический сетевой электронный научный журнал. 2020. № 1(11). С. 54–60.

9. Айбазов Р. У. Конституция и государственное управление (социальная и правовая природа, понятийный аппарат и принципы) // Юристъ-Правоведъ. 2002. № 2(5). С. 26–31.

10. Бауэр В. П., Бурак П. И., Сухарев А. Н. Конституционализм в развитии принципа обеспечения результативности государственного управления // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 2(70). С. 32–40.

11. Миниахметов Г. В. Законодательно закрепленные принципы государственного и муниципального управления // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 10-3(73). С. 135–137.

12. Войтович В. Ю. Теоретические идеи, право и принципы государственного управления // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2021. Т. 31, № 3. С. 528–533.

13. Логинова Е. С. Законность в государственном управлении: понятие, принципы, способы и средства обеспечения // Экономическое правосудие на Дальнем Востоке России. 2019. № 2(13). С. 95–99.

14. Фомичева Т. Л. Изменение принципов государственного управления в эпоху цифровой трансформации // Развитие современной науки и технологий в условиях трансформационных процессов: сборник материалов VII Международной научно-практической конференции. СПб.: Печатный цех, 2022. С. 257–261.

15. Сивач С. О. Основные принципы государственного управления // Современный менеджмент и управление: тенденции и перспективы развития: сборник научных трудов. Симферополь: ИП Хотеева Л.В., 2021. С. 331–337.

16. Гелла А. А. Органы исполнительной власти РФ и субъектов РФ в единой системе государственной власти России // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2010. № 1 (9). С. 264–269.

17. Амельчаков О. И. Законодательные гарантии конституционного права на жизнь в Российской Федерации // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2021. № 3(98). С. 50–57.

18. Беляева О. В., Кулакова Ю. Ю. Гарантии реализации места права на жизнь в числе конституционных прав и свобод человека // Право и образование. 2020. № 12. С. 22–29.

19. Судакова О. В. Личные неимущественные права, направленные на обеспечение неприкосновенности и тайны личной жизни граждан // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9, № 1(30). С. 381–384.

20. Оганесян Т. Д., Сафронова Е. В. Право на уважение частной жизни и право на защиту данных: от общего к частному // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2020. Т. 10, № 1. С. 25–36.

References

1. Kolomina A. V., Bubnova Yu. G. Soblyudenie i zashchita prav i svobod cheloveka i grazhdanina: perspektivy razvitiya i problemy realizacii [Observance and protection of human and civil rights and freedoms: prospects for development and problems of implementation]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and the State: theory and practice*, 2020, no. 7 (187), pp. 19–21.

2. Uporov I. V. Estestvennoe pravo i ego vzaimodejstvie s pozitivnym (gosudarstvennym) pravom: konstitucionnoe izmerenie [Natural law and its interaction with positive (State) law: constitutional dimension]. *Gumanitarnyj nauchnyj vestnik = Humanitarian Scientific Bulletin*, 2021, no. 7, pp. 179–186.

3. Shirkova I. V., Odincova E. A. Prava cheloveka kak sostavnaya chast' kul'turnogo naslediya sovremennogo obshchestva [Human rights as an integral part of the cultural heritage of modern society]. *Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk = Actual problems of humanities and natural sciences*, 2019, no. 4, pp. 60–62.

4. Smolyarov M. V. Princip stabil'nosti rossijskogo zakonodatel'stva kak osnova uluchsheniya kachestva gosudarstvennogo upravleniya [The principle of stability of Russian legislation as a basis for improving the quality of public administration]. *Yuridicheskaya tekhnika = Legal Technique*, 2020, no. 14, pp. 658–659.

5. Golubev S. S., Elfimov O. M. Povyshenie effektivnosti realizacii nacional'nyh proektov i gosudarstvennyh programm na osnove vnedreniya principov proektnogo upravleniya [Improving the effectiveness of the implementation of national projects and state programs based on the implementation of project management principles]. *Na strazhe ekonomiki = On guard of the economy*, 2019, no. 3(10), pp. 16–24.

6. Plaksina K. G., Ostapyuk V. G. [Principles of public administration in the field of healthcare of the Russian Federation]. *Nauka i obrazovanie: otechestvennyj i zarubezhnyj opyt. Dvadcat' tret'ya Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya* [Science and education: domestic and foreign experience. Twenty-third International scientific and practical conference]. Belgorod, OOO GiK, 2019, pp. 220–225. (In Russ.)

7. Andriyanov V. N. [Unity of approaches to the formation of principles of administrative law as a condition for improving the quality of public administration]. *Missiya sovremennogo gosudarstva i prava v epohu social'nyh peremen. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [The mission of the modern state and law in the era of social change. Materials of the International scientific and practical conference]. Irkutsk, Irkutsk St. Univ. Publ., 2019, pp. 136–140. (In Russ.)

8. Kalinina L. E., Bocharnikova A. D. Sovremennye podhody k principam gosudarstvennogo upravleniya i ih realizaciya v sudebnom administrirovanii [Modern approaches to the principles of public administration and their implementation in judicial administration]. Kubanskoe agentstvo sudebnoj informacii PRO-SUD-123.RU: *Yuridicheskij setevoj elektronnyj nauchnyj zhurnal = Kuban Judicial Information Agency PRO-SUD-123.RU : Legal Online Electronic Scientific Journal*, 2020, no. 1(11), pp. 54–60.

9. Ajbazov R. U. Konstituciya i gosudarstvennoe upravlenie (social'naya i pravovaya priroda, ponyatijnyj apparat i principy) [The Constitution and public administration (social and le-

gal nature, conceptual apparatus and principles)]. *Yurist"-Pravoved" = Jurist-Pravoved*, 2002, no. 2(5), pp. 26–31.

10. Bauer V. P., Burak P. I., Suharev A. N. Konstitucionalizm v razvitii principa obespecheniya rezul'tativnosti gosudarstvennogo upravleniya [Constitutionalism in the development of the principle of ensuring the effectiveness of public administration]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of Tver State University. Series: Law*, 2022, no. 2(70), pp. 32–40.

11. Miniahetov G. V. Zakonodatel'no zakreplennye principy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya [Legally fixed principles of state and municipal management]. *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2022, no. 10-3(73), pp. 135–137.

12. Vojtovich V. Yu. Teoreticheskie idei, pravo i principy gosudarstvennogo upravleniya [Theoretical ideas, law and principles of public administration]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Ekonomika i pravo = Bulletin of the Udmurt University. Economics and Law Series*, 2021, vol. 31, no. 3, pp. 528–533.

13. Loginova E. S. Zakonnost' v gosudarstvennom upravlenii: ponyatie, principy, sposoby i sredstva obespecheniya [Legality in public administration: the concept, principles, methods and means of ensuring]. *Ekonomicheskoe pravosudie na Dal'nem Vostoke Rossii = Economic Justice in the Russian Far East*, 2019, no. 2(13), pp. 95–99.

14. Fomicheva T. L. [Changing the principles of public administration in the era of digital transformation]. *Razvitie sovremennoj nauki i tekhnologii v usloviyah transformacionnykh processov. Sbornik materialov VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Development of modern science and technology in the conditions of transformational processes. Collection of materials of the VII International Scientific and Practical Conference]. St. Petersburg, Pechatnyj cekh Publ., 2022, pp. 257–261. (In Russ.)

15. Sivach S. O. [Basic principles of public administration]. *Sovremennyy menedzhment i upravlenie: tendencii i perspektivy razvitiya. Sbornik nauchnykh trudov* [Modern management and management: trends and prospects of development. Collection of scientific papers]. Simferopol', IP Hoteeva L.V., 2021, pp. 331–337. (In Russ.)

16. Gella A. A. Organy ispolnitel'noj vlasti RF i sub"ektov RF v edinoj sisteme gosudarstvennoj vlasti Rossii [Executive authorities of the Russian Federation and subjects of the Russian Federation in the unified system of state power of Russia]. *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Novye gumanitarnye issledovaniya = Bulletin of the Orel State University. Series: New Humanitarian Studies*, 2010, no. 1 (9), pp. 264–269.

17. Amel'chakov O. I. Zakonodatel'nye garantii konstitucionnogo prava na zhizn' v Rossijskoj Federacii [Legislative guarantees of the constitutional right to life in the Russian Federation]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta Ministerstva vnutrennih del Rossii = Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, no. 3(98), pp. 50–57.

18. Belyaeva O. V., Kulakova Yu. Yu. Garantii realizacii mesta prava na zhizn' v chisle konstitucionnykh prav i svobod cheloveka [Guarantees of the realization of the place of the right to life among the constitutional human rights and freedoms]. *Pravo i obrazovanie = Law and education*, 2020, no. 12, pp. 22–29.

19. Sudakova O. V. Lichnye neimushchestvennye prava, napravlennye na obespechenie neprikosnovennosti i tajny lichnoj zhizni grazhdan [Personal non-property rights aimed at ensuring the inviolability and privacy of citizens' private lives]. *Baltijskij gumanitarnyj zhurnal = Baltic Humanitarian Journal*, 2020, vol. 9, no. 1(30), pp. 381–384.

20. Oganesyanyan T. D., Safronova E. V. Pravo na uvazhenie chastnoj zhizni i pravo na zashchitu dannyh: ot obshchego k chastnomu [The right to respect for privacy and the right to data protection: from general to private]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2020, vol. 10, no. 1, pp. 25–36.

Информация об авторе / Information about the Author

Позднякова Елена Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой административного и трудового права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: elena.pozdnakova@mail.ru, ORCID: 0000-0002-5053-6239

Elena V. Pozdnyakova, Cand. of Sci. (Juridical), Associate Professor, Head of the Department of Administrative and Labor Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: elena.pozdnakova@mail.ru, ORCID: 0000-0002-5053-6239

Интересы в российском праве: понятие и виды

Ю. Н. Андреев¹ ✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: andreevvrn3@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Исследование интересов в праве имеет неиссякаемое актуальное теоретическое и практическое значение, ибо, как разъяснял немецкий философ права Р. Иеринг, интересы движут миром. Действительно, социально значимые интересы, получившие правовую поддержку (признание, закрепление), активно влияют на формирование, осуществление и защиту субъективных прав, реализацию правоотношений, юридическую ответственность, достижение субъектами права желаемых материальных и духовных благ, как конечной цели праворегулирования, правореализации и правового применения. К сожалению, в юридической науке не сформированы окончательные теоретические положения о природе, поддержке, функциональном назначении и видах правовых интересов (законных интересов, интересов, охраняемых законом, интересов в праве). Автором статьи поставлена задача обозначить свою позицию по некоторым актуальным вопросам обсуждаемой темы.

Цель. Выяснить природу, понятие, содержание, целевое назначение и виды правовых интересов, взаимодействие социальных интересов с правом.

Задачи: выявить существенные черты социально-правовых интересов, сформулировать понятие законных (правовых) интересов, выявить виды правовых интересов, установить общие и специфические черты социальных и правовых интересов.

Методология. В ходе исследования обозначенной темы использованы такие общенаучные и частнонаучные методы исследования, как формально-юридический, системно-структурный, логический, сравнительно-правовой, метод анализа и синтеза.

Результаты. На основе анализа теоретических выводов известных российских исследователей автором сформулирована и обоснована собственная позиция о понятии и видах правовых интересов (интересов в российском праве), отмечается, что правовые интересы – это социально значимые интересы, нашедшие свою «прописку» в нормах позитивного права и субъективных правах, либо социальные интересы, не закрепленные в субъективных правах, но охраняемые законом на основе смысла (духа) закона, правовых принципов.

Выводы. Социально значимые интересы инициируют возникновение, изменение и прекращение правоотношений, способствуют достижению субъектами права желаемых материальных и нематериальных благ, удовлетворению своих потребностей.

Ключевые слова: законные интересы; виды правовых интересов; баланс интересов; субъективные права; охрана интересов.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Андреев Ю. Н. Интересы в российском праве: понятие и виды // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 2. С. 43–53. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-2-43-53>.

Поступила в редакцию 20.02.2023

Принята к публикации 21.03.2023

Опубликована 28.04.2023

© Андреев Ю. Н., 2023

Interests in Russian law: Concept and Types

Yurii N. Andreev¹ ✉

¹Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str., Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: andreevvrn3@yandex.ru

Abstract

Relevance. The study of interests in law has an inexhaustible topical theoretical and practical significance, because, as the German philosopher of law R. Iering explained, interests move the world. Indeed, socially significant interests that have received legal support (recognition, consolidation) actively influence the formation, exercise and protection of subjective rights, the implementation of legal relations, legal responsibility, the achievement by subjects of law of the desired material and spiritual benefits, as the ultimate goal of law regulation, law enforcement and legal application. Unfortunately, legal science has not formed the final theoretical provisions on the nature, content, functional purpose and types of legal interests (legitimate interests, interests protected by law, interests in law). The author of the article set the task to indicate his position on some topical issues of the topic under discussion.

Purpose – to find out the nature, concept, content, purpose and types of legal interests, the interaction of social interests with law.

Objectives: to identify the essential features of social and legal interests, to formulate the concept of legitimate (legal) interests, to find out the types of legal interests, to establish general and specific features of social and legal interests.

Methodology. In the course of the study of the designated topic, such general scientific and private scientific methods of research were used as formal-legal, system-structural, logical, comparative-legal, method of analysis and synthesis.

Results. Based on the analysis of the theoretical conclusions of well-known Russian researchers, the author formulated and substantiated his own position on the concept and types of legal interests (interests in Russian law), it is noted that legal interests are socially significant interests that have found their “registration” in the norms of positive law and subjective rights, or social interests not enshrined in subjective rights, but protected by law on the basis of the meaning (spirit) of the law, legal principles.

Conclusion. Socially significant interests initiate the emergence, change and termination of legal relations, contribute to the achievement by the subjects of law of the desired material and intangible benefits, the satisfaction of their needs.

Keywords. legitimate interests; types of legal interests; balance of interests; subjective rights; protection of interests.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Andreev Yu. N. Interests in Russian law: Concept and Types. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2023; 13(2): 43–53. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-2-43-53>.

Received 20.02.2023

Accepted 21.03.2023

Published 28.04.2023

Введение

Интересы в российском праве имеют чрезвычайно большое значение для правопонимания, правосознания, правотворчества, правореализации, правоприменения и правовой защиты. Правовые интересы тесно связаны с целевым назначением права, его функциями и принципа-

ми, механизмом правового регулирования и защиты, предметом и методом правового регулирования. Интересы в праве активно влияют на возникновение, изменение и прекращение правовых отношений, осуществление и защиту субъективных прав, исполнение юридических обязанностей, сами являются объектом пра-

вовой охраны (защиты). Защищая субъективные права физических и юридических лиц, публично-правовых образований, правозащитные, правоохранительные и правоприменительные органы защищают и социально значимые интересы, закрепленные в содержании этих прав. Как известно, субъективные права представляют собой меру (возможность) собственного поведения, дозволенного или разрешенного законом, договором, правовым обычаем, основами нравственности, легальную возможность требовать от обязанного лица (контрагента) должного поведения, а также получать от судебных и иных правоприменительных органов надлежащую защиту от правонарушителей (правопритязания) [1].

Социально значимые интересы, профессионально понятые и закрепленные законодателем в нормах позитивного (объективного) права, приобретают с помощью правовых норм и правомочий обладателей субъективных прав юридическое значение, нормативно-правовую определенность, обязательный для субъектов права, законодателя и правоприменителя характер, обеспеченность принудительной властно-государственной силой. Задачей правоохранительных и правоприменительных органов становится выявление и постоянная поддержка равновесия (баланса) интересов частных лиц, государства и всего общества в целом, поиск разумных путей (компромисса) в преодолении конфликта интересов в той или иной сфере регулируемых общественных отношений. Установление, легализация и правовая охрана актуальных, значимых, типичных социальных интересов, применение адекватных правовых средств в целях преодоления конфликта интересов, всесторонний учет приоритетных и второстепенных интересов участников правоотношения и судебного спора способствуют наиболее оптимальному, цивилизованному и справедливому урегулированию социальных связей и устранению коллизий в обществе.

Методология

Методологическую основу статьи составили формально-юридический, системно-структурный, логический, сравнительно-правовой, метод анализа и синтеза. Применение перечисленных методов позволило сформировать понятие, выяснить содержание и виды интересов в праве, сравнить законные интересы с потребностями субъектов права и понять место частных и публичных интересов в системе правового регулирования, правовых отношений и правовой защиты (охраны).

Результаты и их обсуждение

В отечественной юридической литературе продолжают научные споры о понятии, содержании и видах интересов в праве. Имеются мнения о понимании интереса как субъективной категории, зависимой от сознания носителя интереса. Другая группа исследователей утверждает об объективном характере интересов, возникающих и существующих независимо от сознания человека. Иные правоведы включают в генезис возникновения интереса объективные и субъективные факторы. Некоторые юристы называют правовые интересы состоянием, есть мнения о том, что интересы идентичны потребностям либо являются направленностью, стремлением субъекта, целью его деятельности.

Известный российский философ, социолог и правовед Л. И. Петражицкий именовал интересы психическими явлениями внутреннего мира человеческого бытия [2].

Известный немецкий философ Г. В. Ф. Гегель называл интересами жизненно важные требования, деятельностью по собственному выбору, мотивами, приводящими в движение волю индивида, объяснял, что многие поступки людей вытекают из их потребностей, страстей и интересов, ибо ничего не происходит без интересов и осознаваемых человеком потребностей. Каждый конкретный инди-

вид обязан учитывать не только свои интересы, но и интересы всего гражданского общества. Государство – это воплощение всеобщего интереса, проявление объективного духа, нравственной идеи [3, с. 29, 211, 213, 218; 4, с. 73, 75].

Основоположник теории интересов, философ и профессор права Р. Иеринг определял сущность субъективных прав как юридически защищенный интерес. Каждая юридическая норма – это средство, предназначенное для защиты того или иного гражданского интереса. С исчезновением интереса прекращает свое существование и правовая норма, предназначенная для его защиты. По мнению философа, право служит частным и общественным интересам, существует для того, чтобы доставлять людям известную выгоду, удовлетворять их потребности, интересы и цели. Интересы исполняют роль движущего мотива всей человеческой деятельности. Интересу конкретного человека противостоят интересы других лиц, и если право и правосудие не уравновесят их, то возможны негативные последствия. Соответствие интереса отдельного индивида с целями всего общества достигается посредством вознаграждения и наказания. Основной задачей и целью государства является защита интересов всего общества, но с учетом интересов конкретного индивида. Люди объединяются ради достижения своей цели, реализации своих интересов. Такой целью является приобретение субъектом права желаемого социального (имущественного или неимущественного) блага, экономической выгоды, пользы. Носитель интереса защищает свои права по собственному усмотрению независимо от воли других лиц [5, с. 21–40; 6, с. 5, 16, 33; 7].

Основоположник социологического учения, теоретик права профессор Н. М. Коркунов внес существенный вклад в правовое и нравственное понимание интереса, разграничение интересов между собой, охрану законных интересов

государством и правом. По его утверждению, каждая личность имеет свои интересы, иногда контрастирующие с интересами других лиц. Миссия права заключается в разграничении этих интересов. Общие интересы – это комплекс частных интересов. Вся деятельность человека и удовлетворение его интересов связаны общением с другими людьми, со всем обществом. Субъективному праву конкретной юридической личности соответствуют юридические обязанности другого участника правоотношения, способствующие удовлетворению законных интересов своих носителей. Правовые нормы предназначены для разграничения, гармонизации и обеспечения соотношения интересов участников правоотношения [8, с. 58–62, 77, 1178–1188].

Российский философ и теоретик права И. А. Ильин подчеркивал, что социальная жизнь субъектов права полна столкновением различных интересов, возникающих в общей борьбе за своё существование, их мирная экзистенция возможна лишь при соблюдении нравственных и правовых ограничений своего поведения. Подчиняясь правовым нормам, люди привыкают уважать и не нарушать чужие интересы, считаться с правами и благом других людей, согласовывать свое поведение с основными правилами человеческого общежития [9, с. 78–80, 102].

По мнению талантливого теоретика права, цивилиста, профессора Г. Ф. Шершеневича, интерес связан с повышенным вниманием к чему-либо, с осознанием и волей правообладателя и направлен на удовлетворение его материальных и духовных потребностей. Субъективное право ограничивается законом с учетом общественных интересов, интересов других лиц. Право разграничивает интересы, нормирует правовые связи со множеством интересов участников, существует в постоянной борьбе интересов. Наличие интереса у субъекта права предполагает осознание им способности социального

блага удовлетворить его потребности. Без сознания и воли нет интересов [10, с. 607–611; 11, с. 571].

Российский теоретик права, философ, профессор Л. С. Явич обоснованно утверждал, что субъективные права конкретизируют общие правовые нормы, правила поведения, превращают их в реальную действительность с учетом воли и законных интересов носителей субъективного права. Объективно обусловленный интерес – это движущая (побудительная) сила, стимул всякой деятельности человека и всего общества. Наделение субъективными правами и их реализация во многих случаях зависят от интереса субъекта права: если личный интерес не имеет социального значения, то он не отражается в субъективном праве. В субъективных правах и юридических обязанностях отражаются лишь социально значимые интересы. Только своевременное отражение назревших объективных потребностей и социальных интересов в системе субъективных прав способно обеспечить эффективное правовое регулирование общественных отношений, необходимый правопорядок и законность. Заинтересованность управомоченного лица основывается на общественных интересах. Интересы сопровождаются осознанием юридической личностью своих объективных потребностей, его сознательно-волевой деятельностью, направленной на достижение целей, соответствующих возникшему интересу [12, с. 202–203, 186–191].

Советский цивилист, профессор В. П. Грибанов обращал большое внимание на то, что характер и содержание интересов находятся под постоянным влиянием политических отношений, права, правовой идеологии, культуры, правосознания, норм морали, интеллектуальных, профессиональных, нравственно-этических, психических, религиозных и иных способностей человека [13, с. 234–239].

Профессор А. И. Экимов пришел к важному теоретическому выводу о том,

что социальные интересы тесно связаны с потребностями, правом и справедливостью, имеют объективно-субъективное происхождение, активно влияют на возникновение, содержание и цели субъективных прав. Для статики и динамики права характерно постоянное преодоление конфликтов интересов индивидов, отдельных социальных групп, общества, государства [14, с. 5–29].

В своих научных трудах профессор В. А. Патюлин характеризовал интерес как объективно-субъективное, положительное взаимодействие социальных субъектов с природными и общественными условиями внешнего мира, познаваемое и используемое в целях самосохранения, функционирования и развития носителя интереса. В интересах отражаются объективные политические, экономические, социальные, интеллектуальные, культурные и правовые условия существования человека, а в праве – социально типичные интересы, закрепляются условия и порядок их реализации в конкретных правовых ситуациях (правоотношениях) [15, с. 80–81, 87–89, 109].

Академик С. С. Алексеев убедительно разъяснил, что субъективное право – это социальная ценность, направленная на удовлетворение материальных и духовных потребностей, интересов юридической личности. В частном интересе отражается и публичный (государственный, общественный) интерес. Субъективное право действует не напрямую, а с учетом интересов, жизненных обстоятельств, социально-экономических условий и устремлений правообладателя. Интересы не входят в содержание субъективного права, но нацелены на достижение поставленных правообладателем целей и задач, побуждают его к совершению позитивных действий, являются как бы посредником между правом и реальными действиями субъекта права [16, с. 298–302; 17, с. 356–366].

Член-корреспондент РАН Г. В. Мальцев вполне обоснованно признавал об-

ществеными регуляторами социальные интересы, потребности, желания, намерения, воля, эмоции, мотивы и цели. По его мнению, интересы – это эффективные ненормативные регуляторы социальных отношений, нацеливающие человеческую энергию и ум в необходимом направлении. Все иные обозначенные факторы действуют в тесном взаимодействии с интересами и с помощью интересов. В ходе своей реализации интересы вынуждены преодолевать на своем пути самые различные препятствия, противостоять иным интересам и потребностям, создавать мощную психическую и социальную мотивацию. После соответствующего закрепления в праве социальные интересы приобретают типизированный обязательный характер, охраняются нормами права. Интересы представляют собой повышенное внимание к чему-либо или кому-либо, имеют философское, социально-экономическое и правовое значение, способствуют возникновению и проявлению воли сторон. Закон должен быть направлен на разрешение конфликта интересов, признание социально значимых интересов, облечение их в соответствующую правовую форму, координировать, обеспечивать и охранять их. Насущными задачами права являются: согласование частных (индивидуальных) и публичных интересов; создание надлежащих условий для их реализации; своевременное и профессиональное реагирование на появление новых (дополнительных) интересов, не закрепленных в праве [18, с. 265–298, 322–324, 343–352, 384–385, 388–393, 769–784].

По мнению профессора Н. И. Матюзова, законные интересы – это основанные на законе юридически значимые интересы, защищаемые законом, но не закрепленные непосредственно в нормах права. Они находятся в сфере права и должны соответствовать требованиям закона, права, потребностям общества, государства и личности [19, с. 113, 119].

Профессоры А. В. Малько и В. В. Сучбачев вполне обоснованно утверждают, что законный интерес – это отраженная в объективном праве либо вытекающая из его смысла и в определенной степени гарантированная государством юридическая дозволенность, выражающаяся в стремлениях субъекта пользоваться определенным социальным благом, обращаться за защитой к компетентным структурам в целях удовлетворения своих интересов, не противоречащих общегосударственным. Законные интересы – это конкретные устремления, опирающиеся на принципы права и взаимосвязанные с нормами объективного и субъективного права, основами нравственности. Иными словами, «законный интерес» и «охраняемый законом интерес» – тождественные понятия. Основаниями, условиями и причинами возникновения интереса являются материальные и нематериальные потребности человека, вызванные жизненными обстоятельствами. Реализация интересов тесно связана с преодолением препятствий, находящихся на их пути [20, с. 11–39, 67–90; 21, с. 362–380; 22, с. 249; 23, с. 7–15].

По убеждению С. В. Михайлова, интерес – это общественное (по форме) отношение, содержанием которого является потребность, имеющая социальный характер и проявляющаяся в сознании носителя интереса и достижении поставленных целей [24, с. 18–21, 23, 26–43].

Профессор В. М. Сырых выявил три существенных признака интереса: 1) направленность на определенный предмет; 2) достоверные знания о предмете потребности, его качественных свойствах; 3) ограничение интереса знаниями об этом предмете. По утверждению ученого, интересы тесно связаны с реальной жизнью, ориентированы на материальные и/или духовные блага, направлены на совершение активных действий, способствующих достижению намеченных целей [25, с. 243–251].

По нашему мнению, правовые интересы охватывают реальную жизнь на всех уровнях её развития, во всех её проявлениях и сферах, являются существенным фактором (причиной) многих действий человека и его объединений. Правовые интересы имеют объективно-субъективное происхождение, ибо их возникновение и функционирование вызвано конкретными социально-экономическими условиями, материальными и духовными потребностями, желаниями, стремлениями, целями, и происходит на фоне психоволевых установок, активных действий юридической личности ради получения доступа к желаемым материальным и нематериальным благам, достижения своих насущных интересов. Интерес является как бы продолжением типичных и конкретных потребностей человека, связан с его целенаправленной сознательной деятельностью, играет роль дополнительной причины социальной активности юридической личности, занимает как бы промежуточное положение между субъектом и объектом, между носителем интересов и самим благом, как конечной целью интереса. Воля и разум предоставляют своему обладателю возможность выбора наиболее оптимального варианта своего поведения и применения адекватных правовых средств для достижения насущных интересов и удовлетворения своих потребностей. Социальные интересы не имеют четкого содержания, конкретных правомочий, определенной структуры, могут быть не осознаны субъектом права (правоотношения), они не регулируются нормами права, а учитываются законодателем и принимаются во внимание правоприменителем.

Как известно, потребности – это направления нуждаемости в чем-нибудь, требующие своего удовлетворения. Существуют материальные (потребности в жилье, одежде, пище, финансовых активах и т.п.) и нематериальные (духовные, потребности в культуре, творчестве, ве-

роисповедании, образовании, отдыхе и т.п.), абсолютные и относительные, действительные или воображаемые потребности, потребности индивида, общества или государства, первичные, личные, производственные и т. д. Абрахам Маслоу различал: а) физиологические потребности; б) потребности в собственной безопасности; в) потребности в дружбе, общении и любви; г) престижные потребности; д) духовные потребности [26]. Иными словами, существуют естественные, материальные и духовные потребности. Являясь отражением реальной жизни, потребности трансформируются в сознании человека, превращаются в интерес, иницируя и организуя в дальнейшем психически-мотивационные, волевые, целенаправленные, рациональные действия человека по достижению своих потребностей.

Социальные интересы побуждают возникновение, изменение и прекращение конкретных правоотношений, осуществление и защиту субъективных прав, активизируют действия участников правоотношения к достижению материальных и нематериальных потребностей (благ) с соблюдением правовых дозволений, стимулов, поощрений, рекомендаций, ограничений и запретов. Интересы могут иметь высокую социальную значимость, но не быть закрепленными в нормах позитивного права в силу причин объективного или субъективного характера. Круг социальных интересов намного шире перечня интересов, закрепленных в праве. Несколько интересов может быть закреплено в одном субъективном праве и, наоборот, один и тот же интерес может быть обеспечен различными субъективными правами. Социальные интересы намного подвижнее, динамичнее, нежели правовые нормы, и с потерей актуальности тех или иных интересов создаются условия для упразднения обеспечивавших их правовых норм. С удовлетворением существующих интересов воз-

никают новые интересы, а вместе с ними другие цели, задачи, мотивы, волевые устремления, активные действия носителей интересов. В отличие от субъективных прав интересы имеют только два структурных элемента: 1) стремление носителя интереса приобрести желаемое благо, удовлетворить свои потребности; 2) возможность обратиться к государственным органам за защитой своих нарушенных интересов.

Для современной науки чрезвычайно важно прийти к единому пониманию интересов в праве, выявлению их существенных черт и места в общей системе правопонимания и правоприменения, решить многие вопросы дальнейшего совершенствования правовой защиты и баланса частных и публичных интересов, удовлетворения материальных и духовных потребностей граждан нашей страны, улучшения их имущественного благосостояния и культурного уровня. Баланс законных интересов – это достигнутое в добровольном или принудительном порядке равновесие однопорядковых или разноуровневых (доминирующих и второстепенных) интересов субъектов правоотношения). Необходимый баланс интересов достигается путем выявления, согласования, признания и защиты конкурирующих друг с другом интересов, достижения консенсуса между носителями этих интересов, устранения негативных препятствий на пути наиболее полного удовлетворения интересов всех участников конфликта с учетом социально-правового приоритета и значимости того или иного интереса, закрепленного в праве (субъективных правах) или охраняемого законом.

В реальной жизни действует множество различных интересов, связанных с правом: социальные и бытовые, законные и незаконные, конституционно-правовые, межотраслевые, отраслевые, частные и публичные (общественные, государственные), имущественные и личные не-

имущественные, корпоративные, наследственные, страховые, обязательственные, материальные и процессуальные, временные и постоянные, защищаемые и незащищаемые, интересы, закрепленные в праве, и интересы, не закрепленные в праве. Полагаем, что классификация правовых интересов (интересов в праве) зависит от целей и задач, критериев классификации, социальной природы, содержания и назначения самих интересов, правовых способов их форматизации и защиты (охраны), сферы действия интереса, правового статуса его носителя, вида материальной (духовной) потребности человека и иных значимых социально-экономических, юридических и психологических факторов.

Особенно острая дискуссия в научно-юридической среде развернулась относительно понимания и классификации законных интересов, интересов, охраняемых законом. Представляется, что *законные интересы* – это содержащиеся в нормах объективного права и субъективных правах социально значимые интересы, не противоречащие основам публичного и частного правопорядка и нравственности, а также интересы, не закрепленные в нормативно-правовых актах (правовых нормах), но охраняемые государством на основе смысла (духа) закона.

Выводы

Социально значимые интересы, закрепленные в субъективных правах, приобретают юридическое значение, правовое обеспечение, охраняются законом, становятся важным социальным регулятором общественных отношений, способствуют возникновению, изменению или прекращению правоотношений, удовлетворению материальных и духовных потребностей. Актуальной задачей правотворческих, правоохранительных и правоприменительных (судебных) органов является своевременное и профессиональное выявление социально значимых

интересов, нуждающихся в правовом закреплении, в их дальнейшей легализации, охране и установлении (обеспечении) их

разумного баланса. Существуют различные классификационные виды правовых (законных) интересов.

Список литературы

1. Андреев Ю. Н. Интересы в современном российском праве: теория и практика. М.: Проспект, 2023. 496 с.
2. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности: в 2 ч. Ч. 2. М.: Юрайт, 2017. 421 с.
3. Гегель Г. В. Ф. Сочинения. Т. 7: Философия права / под ред. А. Деборина, Д. Рязанова. М.; Л.: Госюриздат, 1934. 380 с.
4. Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории / пер. А. М. Водена; [вступ. ст. Ю. В. Перова, К. А. Сергеева]. СПб.: Наука, С.-Петербург. изд. фирма, 1993. 477 с.
5. Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития: [пер. с нем.]. М.: Книга по требованию, 2013. 320 с.
6. Иеринг Р. Борьба за право. М.: Феликс, 1991. 63 с.
7. Иеринг Р. Цель в праве // Сочинения. СПб.: Н. В. Муравьев, 1881. Т. 1. 412 с.
8. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 430 с.
9. Ильин И. А. Теория права и государства / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003. 400 с.
10. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права: часть теоретическая. Философия права. Вып. I. М.: Изд. Бр. Башмаковых, 1910. 839 с.
11. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. Вып. III. М.: Изд. Бр. Башмаковых, 1912. 700 с.
12. Явич Л. С. Общая теория права. Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. 287 с.
13. Грибанов В. П. Интерес в гражданском праве // Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2000. 410 с.
14. Экимов А. И. Проблема интереса в социалистическом праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Л., 1985. 30 с.
15. Патюлин В. А. Государство и личность в СССР (правовые аспекты взаимоотношений). М.: Наука, 1974. 246 с.
16. Алексеев С. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 3: Проблемы теории права. М.: Статут, 2010. 779 с.
17. Алексеев С. С. Общая теория права. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби: Проспект, 2008. 565 с.
18. Мальцев Г. В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. 799 с.
19. Матузов Н. И. Правовая система и личность. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1987. 293 с.
20. Малько А. В., Субочев В. В. Законные интересы как правовая категория. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 371 с.
21. Проблемы теории государства и права / [С. Ф. Афанасьева и др.]; под ред. А. В. Малько. М.: Юрлитинформ, 2012. 591 с.
22. Общая теория государства и права. Академический курс: в 3 т. Т. 3: Государство, право, общество / отв. ред. М. Н. Марченко. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2007. 698 с.
23. Малько А. В. Законные интересы советских граждан: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1985. 19 с.

24. Михайлов С. В. Категория интереса в российском гражданском праве. М.: Статут, 2002. 203 с.
25. Сырых В. М. Материалистическая философия частного права. М.: Юрлитинформ, 2014. 549 с.
26. Maslow A. H. Motivation and Personality. New York: Harpaer & Row, 1954. 369 p.

References

1. Andreev Yu. N. Interesy v sovremennom rossijskom prave: teoriya i praktika [Interests in Modern Russian Law: theory and practice]. Moscow, Prospekt Publ., 2023. 496 p.
2. Petrazhickij L. I. Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriej npravstvennosti [The theory of law and the State in connection with the theory of morality]. Moscow, Yurajt Publ., pt. 2, 2017. 421 p.
3. Gegel' G. V. F. Sochineniya. T. 7, Filosofiya prava [Essays. Vol. 7. Philosophy of Law]; ed. by A. Deborin, D. Ryazanov. Moscow, Leningrad, Gosyurizdat Publ., 1934. 380 p.
4. Gegel' G. V. F. Lekcii po filosofii istorii [Lectures on the philosophy of history]. St. Petersburg, Nauka Publ., S.-Peterb. izd. Firma Publ., 1993. 477 p.
5. Iering R. Duh rimskogo prava na razlichnyh stupenyah ego razvitiya [The spirit of Roman law at various stages of its development]. Moscow, Kniga po trebovaniyu Publ., 2013. 320 p.
6. Iering R. Bor'ba za pravo [The struggle for the right]. Moscow, Feliks Publ., 1991. 63 p.
7. Iering R. Cel' v prave [Goal in Law]. Sochineniya [Essays]. St. Petersburg, N. V. Murav'ev, 1881. Vol. 1. 412 p.
8. Korkunov N. M. Lekcii po obshchej teorii prava [Lectures on the general theory of law]. St. Petersburg, Yuridicheskij centr Press Publ., 2003. 430 p.
9. Il'in I. A. Teoriya prava i gosudarstva [Theory of law and the State]; ed. by V. A. Tomsinov. Moscow, Zercalo Publ., 2003 400 p.
10. Shershenevich G. F. Obshchaya teoriya prava: chast' teoreticheskaya. Filosofiya prava [General theory of law: part theoretical. Philosophy of Law]. Is. I. Moscow, Izd. Br. Bashmakovyh Publ., 1910. 839 p.
11. Shershenevich G. F. Obshchaya teoriya prava [General theory of law]. Is. III Moscow, Izd. Br. Bashmakovyh, 1912. 700 p.
12. Yavich L. S. Obshchaya teoriya prava [General theory of law]. Leningrad, LGU Publ., 1976. 287 p.
13. Gribanov V. P. Interes v grazhdanskom prave [Interest in civil law]. Osushchestvlenie i zashchita grazhdanskih prav [Implementation and protection of civil rights]. Moscow, Statut Publ., 2000. 410 p.
14. Ekimov A. I. Problema interesa v socialisticheskom prave. Avtoref. diss. dokt. jurid. nauk [The problem of interest in Socialist law. Dr. legal sci. abstract diss.]. Leningrad, 1985. 30 p.
15. Patyulin V. A. Gosudarstvo i lichnost' v SSSR (pravovye aspekty vzaimootnoshenij) [State and personality in the USSR (legal aspects of relations)]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 246 p.
16. Alekseev S. S. Sobranie sochinenij. T. 3. Problemy teorii prava [Collected works. Vol. 3. Problems of the theory of law]. Moscow, Statut Publ., 2010. 779 p.
17. Alekseev S. S. Obshchaya teoriya prava [General theory of law]. 2th ed. Moscow, TK Velbi Publ., Prospekt Publ., 2008. 565 p.
18. Mal'cev G. V. Social'nye osnovaniya prava [Social foundations of law]. Moscow, Norma Publ., 2007. 799 p.

19. Matuzov N. I. *Pravovaya sistema i lichnost'* [Legal system and personality]. Saratov, Saratovskii Univ. Publ., 1987. 293 p.
20. Mal'ko A. V., Subochev V. V. *Zakonnye interesy kak pravovaya kategoriya* [Legitimate interests as a legal category]. St. Petersburg, Yuridicheskij centr Press Publ., 2004. 371 p.
21. Afanas'eva S. F., eds. *Problemy teorii gosudarstva i prava* [Problems of the theory of state and law]; ed. by A. V. Mal'ko. Moscow, Yurlitinform Publ., 2012. 591 p.
22. *Obshchaya teoriya gosudarstva i prava. Akademicheskij kurs. T. 3. Gosudarstvo, pravo, obshchestvo* [General theory of state and law. Academic course. Vol. 3. State, law, society]; ed. by M. N. Marchenko. 3th ed. Moscow, Norma Publ., 2007. 698 p.
23. Mal'ko A. V. *Zakonnye interesy sovetskikh grazhdan. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk* [Cand. legal sci. abstract diss.]. Saratov, 1985. 19 p.
24. Mihajlov S. V. *Kategoriya interesa v rossijskom grazhdanskom prave* [Legitimate interests of Soviet citizens]. Moscow, Statut Publ., 2002. 203 p.
25. Syryh V. M. *Materialisticheskaya filosofiya chastnogo prava* [Materialistic philosophy of private law]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2014. 549 p.
26. Maslow A. H. *Motivation and Personality*. New York, Harpaer & Row, 1954. 369 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Андреев Юрий Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права, Юго-Западный государственный университет, федеральный судья в почетной отставке, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: andreevvrn3@yandex.ru

Yurii N. Andreev, Dr. of Sci. (Juridical), Professor, Professor of the Department of Civil Law, Southwest State University, Honorary Retired Federal Judge, Kursk, Russian Federation,
e-mail: andreevvrn3@yandex.ru

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-2-54-64>

Критерии эффективного применения конкурентных процедур для удовлетворения государственных и муниципальных нужд

Ден Де Ун¹ ✉

¹ Дальневосточный юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации пер. Казарменный, д. 15, г. Хабаровск 680020, Российская Федерация

✉ e-mail: dendb92@yandex.ru

Резюме

Актуальность. При заключении контрактов с государственными и муниципальными заказчиками требуется обязательное проведение формализованных процедур, направленных на определение контрагента. Низкая эффективность торговых и неторговых способов закупок влечет нерациональное расходование бюджетных средств и иных ценных ресурсов.

Цель данной работы – предложить критерии эффективного использования конкурентных процедур, направленных на удовлетворение государственных и муниципальных нужд.

Задачи: на основе эмпирического материала определить условия, при которых достигается максимальная эффективность конкурентных способов определения поставщика для государственных и муниципальных нужд.

Методология: в работе использовались общенаучные методы анализа и индукции, наблюдения и прогнозирования.

Результаты. В статье дается оценка эффективности действующей модели контрактной системы в сфере закупок товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд. В исследовании оценивается значимость таких показателей, как цена и качество товара (работы или услуги), их распространенность, уровень конкуренции в соответствующей сфере экономики и регионе, затраты на проведение конкурентной процедуры.

Приводятся статистические данные Федеральной налоговой службы о количестве зарегистрированных субъектов предпринимательской деятельности в различных федеральных округах, позволяющих прийти к выводу о необходимости дифференцированного подхода к проведению конкурентных процедур с учетом показателя, характеризующего количество субъектов предпринимательской деятельности и конкуренцию в регионе.

Отмечается, что при определении эффективности применения конкурсов и аукционов необходимо учитывать сопутствующие экономические и организационные издержки.

Выводы. Торги, будучи одним из видов конкурентных процедур, имеют ограниченный спектр применения. Автором сформулирован и обоснован вывод о том, что в число критериев эффективного применения конкурентных процедур для удовлетворения государственных и муниципальных нужд входят: верхний и нижний ценовые пределы; социально-экономическая ситуация в регионе заключения и исполнения контракта; сфера предпринимательской деятельности контрагента.

Ключевые слова: гражданское право; организационные отношения; торги; госзакупки; контрактная система; эффективность закупок.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Ден Де Ун. Критерии эффективного применения конкурентных процедур для удовлетворения государственных и муниципальных нужд // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 2. С. 54–64. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-2-54-64>.

Поступила в редакцию 01.03.2023

Принята к публикации 29.03.2023

Опубликована 28.04.2023

© Ден Де Ун, 2023

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2023; 13(2): 54–64

Criteria for the Effective Application of Competitive Procedures to Meet State and Municipal Needs

Den De Un¹ ✉

¹ Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
lane Kazarmenniy 15, Khabarovsk 680020, Russian Federation

✉ e-mail: dendb92@yandex.ru

Abstract

Relevance. When concluding contracts with state and municipal customers, it is mandatory to carry out formalized procedures aimed at determining the counterparty. Low efficiency of trade and non-trade procurement methods entails irrational expenditure of budget funds and other valuable resources.

The purpose of this work is to propose criteria for the effective use of competitive procedures aimed at meeting state and municipal needs.

Objectives: on the basis of empirical material to determine the conditions under which the maximum efficiency of competitive methods of determining a supplier for state and municipal needs is achieved.

Methodology: general scientific methods of analysis and induction, observation and forecasting were used in the work.

The results. The article assesses the effectiveness of the current model of the contract system in the field of procurement of goods, works and services for state and municipal needs. The study evaluates the importance of such indicators as the price and quality of goods (work or services), their prevalence, the level of competition in the relevant economic sphere and region, the costs of conducting a competitive procedure.

The statistical data of the Federal Tax Service on the number of registered business entities in various federal districts are presented, which allow us to come to the conclusion that there is a need for a differentiated approach to conducting competitive procedures, taking into account the indicator characterizing the number of business entities and competition in the region.

It is noted that when determining the effectiveness of the use of tenders and auctions, it is necessary to take into account the associated economic and organizational costs.

Conclusion. Bidding, being one of the types of competitive procedures, has a specific range of its application. The author formulates and substantiates the conclusion that the criteria for the effective application of competitive procedures to meet state and municipal needs include: upper and lower price limits; socio-economic situation in the region of the conclusion and execution of the contract; the scope of business activity of the counterparty.

Keywords: civil law; organizational relations; bidding; public procurement; contract system; procurement efficiency.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Den De Un. Criteria for the Effective Application of Competitive Procedures to Meet State and Municipal Needs. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2023; 13(2): 54–64. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-2-54-64>.

Received 01.03.2023

Accepted 29.03.2023

Published 28.04.2023

Введение

Публично-правовые образования участвуют в гражданском обороте непосредственно и опосредованно – через специально созданные ими юридические лица в организационно-правовых формах,

предусмотренных законодательством¹. В силу специфики правового статуса госу-

¹ Пункт 1 письма Федеральной антимонопольной службы России от 27 марта 2007 г. № АК/4056 «Об отнесении Российской Федерации, субъектов Российской Федерации,

дарственного (муниципального) заказчика законодатель предусмотрел обязательный порядок проведения организационных процедур, направленных на заключение договоров [1, с. 52].

Функционирование контрактной системы в России регламентируется Федеральным законом от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон о контрактной системе, Закон)¹. За весь период действия данного нормативного правового акта было подготовлено 98 его редакций². По мнению С. А. Порошина, регулярное внесение поправок в Закон о контрактной системе свидетельствует о недостаточном качестве регулирования отношений в сфере госзакупок [2, с. 294].

Данный факт подтверждается многолетними исследованиями, согласно которым потери государства в результате неэффективного функционирования системы государственных (муниципальных) закупок с 2013 по 2022 г. составили полтора триллиона рублей³. В связи с этим возникает вопрос о принципиальной пригодности действующей модели контракт-

ной системы для обеспечения государственных и муниципальных нужд.

Методология

Достижение обозначенной цели и решение поставленных задач научного исследования требует использования соответствующих методов. В работе использовались общенаучные методы – анализ и индукция, с помощью которых на основе фактологического материала сформирована гипотеза о пределах эффективного использования конкурентных процедур для обеспечения государственных и муниципальных нужд, а также проводилась проверка данной гипотезы. Для оценки эффективности конкурентных процедур применены методы наблюдения и прогнозирования. В исследовании анализ проведен на основе официальных статистических отчетов о количестве субъектов предпринимательской деятельности в федеральных округах Российской Федерации⁴.

Результаты и их обсуждение

Нормы Закона о контрактной системе как совокупности организационных отношений действуют преимущественно (но не исключительно) на стадии, предшествующей возникновению договорного отношения. Правила о приоритетном использовании конкурентных процедур для определения контрагента преследуют в качестве первостепенной цели повышение эффективности закупок.

Под эффективностью принято понимать оценочную характеристику результата какого-либо процесса, например, функционирования, использования, управления, развития и т.д., отражающую

муниципальных образований к аффилированным лицам // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_126157/ (дата обращения: 23.01.2023).

¹ О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федер. закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (дата обращения: 23.01.2023).

² Для сравнения: за 29 лет было подготовлено 113 редакций первой части Гражданского кодекса Российской Федерации // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 23.01.2023).

³ Рейтинг прозрачности закупок по итогам 2022 г. // Рейтинг прозрачности. URL: <https://www.nrpz.ru/nrpz2022itog> (дата обращения: 01.02.2023).

⁴ Статистика по государственной регистрации ЮЛ и ИП в целом по Российской Федерации // Федеральная налоговая служба. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/regstats/ (дата обращения: 28.02.2023).

степень выполнения поставленной задачи¹ (ст. 12).

В Законе о контрактной системе эффективность раскрывается как достижение запланированных результатов при обеспечении государственных и муниципальных нужд.

Для определения эффективности госзакупок проводится мониторинг, включающий в себя количественные показатели, характеризующие способы определения поставщика, способы обеспечения обязательств, экономию бюджетных средств, допущенные нарушения.

Недостаток подобного подхода заключается в том, что названные показатели не отражают степень удовлетворенности результатами закупки заказчиком [3, с. 205]. По мнению как заказчиков, так и поставщиков, ключевым показателем должно выступать качество поставленных товаров, работы или услуги [4, с. 84].

Соответствие результата ожиданиям заказчика возможно лишь при условии применения дополнительных критериев эффективности. Однако заказчики ориентируются лишь на формальное выполнение требований безотносительно к результату, о чем свидетельствует существующая практика.

Например, Администрацией Чкаловского района г. Екатеринбурга был заключен контракт по созданию «живой изгороди». По договору был установлен срок исполнения обязательства по высадке в уличный грунт кустарников «кизильник блестящий» с 28 октября по 14 ноября 2022 г. Сложно судить о рациональности такой сделки ввиду влияния погодных условий на посадку зеленых насаждений. Однако с правовой точки зрения закупка осуществлена надлежащим образом: сторонами составлен акт

приемки, взаимных претензий не имеется².

Эффективность закупки связывают, прежде всего, с экономным использованием бюджетных денежных средств – низкой ценой товара, работы или услуги. Взаимосвязь спроса и предложения приводит к тому, что наиболее выгодное предложение формируется в условиях высокой конкуренции.

Формально участие в торгах даже двух субъектов позволяет считать процедуру проводимой в условиях конкуренции [5, с. 62]. Повышение числа участников с двух до пяти дает экономию денежных средств на 160%, при этом в среднем заявки на участие в конкурентных процедурах подают менее трех участников³.

Исследования показывают, что в экономике России в настоящее время сохраняются факторы, сдерживающие развитие конкуренции: низкая доля малых и средних предприятий в структуре экономики страны, избыточность нормативно-правовых требований, невысокое качество госрегулирования в потенциально конкурентных сферах, необоснованная дифференциация тарифов, дисбаланс между интересами потребителей и организаций [6, с. 21].

Незначительное число участников может негативно сказаться на результате торгов. Это проявляется в согласованных действиях хозяйствующих субъектов, направленных на повышение, снижение или поддержание цен на торгах. Подобные действия конкурентов путем заключения незаконных соглашений, направленных на ограничение конкуренции и извлечение сверхприбылей, признаются

² Контракт № 36664017556 22 000079 // ЕИС Закупки. URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/contract/contractCard/common-info.html?reestrNumber=3666401755622000079> (дата обращения: 10.02.2023).

³ Рейтинг прозрачности закупок по итогам 2022 г. // Рейтинг прозрачности. URL: <https://www.nrpz.ru/nprz2022itog> (дата обращения: 01.02.2023).

¹ Большой Российский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 2002. С. 1502.

картелями [7, с. 44]. Картельные сговоры нивелируют достоинства конкурентных процедур, поскольку вариативность в выборе контрагента сводится к минимуму [8, с. 105].

Незначительное число участников конкурентных процедур может быть следствием низкой начальной (максимальной) цены контракта, обязательных требований к правовому статусу субъекта предпринимательской деятельности, особенностей географического положения заказчика и сферы его деятельности.

Изучение результатов торгов на сайте Единой информационной системы в сфере закупок позволяет сделать вывод, что нормальный уровень конкуренции – от трех до пяти участников¹ – сохраняется при начальной (максимальной) цене контракта до 2 млн рублей².

Согласно статистическим сведениям, большая часть участников закупок относится к числу микропредприятий³. Экономические возможности данных субъектов фактически исключают возможность

их участия в крупных контрактах [9, с. 12]. Однако нужды заказчиков, как правило, покрываются закупками «малого объема» [10, с. 56].

Сопоставление вышеприведенных фактов приводит к мысли о том, что наибольшую эффективность конкурентные процедуры могут показать при заключении контрактов с невысокой ценой.

Значительное влияние на уровень конкуренции оказывает обширность территории Российской Федерации и неравномерное распределение населения по ней. Наименьшее количество субъектов предпринимательской деятельности наблюдается в Дальневосточном федеральном округе – пять субъектов на 100 кв км, против 349 в Центральном федеральном округе (табл.)⁴.

Макро- и микроэкономические показатели отдельных регионов России не позволяют обеспечивать требуемый уровень конкуренции [11, с. 47]. Объективность данного факта подтверждают статистические исследования, согласно которым свыше 94% контрактов заключаются на неконкурентной основе [12, с. 223].

Полагаем, что проведение торгов в регионах с низкой плотностью населения и бизнеса имеет меньше рациональных экономических оснований, чем в регионах с высокой плотностью. Фактически неизбежный выход на последующее заключение контракта с единственным поставщиком лишь увеличивает сроки заключения договора и издержки государства. Созданная конкуренция очень часто является лишь видимостью – вынужденной мерой, поскольку действующие нормы предписывают заказчику использовать конкурентные процедуры⁴.

¹ Органы исполнительной власти субъектов используют свои методики определения эффективности закупок. Нормальным показателем уровня конкуренции обычно является от 3 до 5 участников. (См., например: Об утверждении Методики оценки эффективности осуществления закупок товаров, работ, услуг для обеспечения нужд Тюменской области: Распоряжение управления государственных закупок Тюменской области от 17 октября 2018 г. № 002-р // Администрация Тюменской области. URL: <http://www.admtuymen.ru> (дата обращения: 01.02.2023).

² Единая информационная система в сфере закупок: офиц. сайт. URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/order/extendedsearch/results.html> (дата обращения: 01.02.2023).

³ Статистика для национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» // Федеральная налоговая служба. URL: <https://ofd.nalog.ru/statistics2.html?t=1673874498297> (дата обращения: 09.02.2023).

⁴ Статистика и аналитика // Федеральная налоговая служба. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/?ysclid=leeaxkrbg9845680738 (дата обращения: 09.02.2023).

Таблица. Распределение субъектов предпринимательской деятельности по федеральным округам Российской Федерации (на 09.01.2023)**Table.** Distribution of business entities by federal districts Russian Federation (as of 09.01.2023)

Федеральный округ	Количество субъектов предпринимательской деятельности на территории округа			Площадь, кв. км	Среднее число субъектов предпринимательской деятельности на 100 кв. м
	всего	коммерческих юридических лиц	индивидуальных предпринимателей		
Центральный	2269296	1108647	1160649	650205	349
Северо-Западный	796978	387978	408626	1686972	47
Южный	791217	260206	531011	447821	176
Северо-Кавказский	273157	96607	176550	170439	160
Приволжский	1237354	563894	673460	1036975	119
Уральский	584574	266508	318066	1818497	32
Сибирский	731492	339 595	391897	4361727	16
Дальневосточный	373824	172131	201693	6952555	5

Публикуемые сведения об эффективности контрактной системы, как правило, не учитывают дополнительные затраты, связанные с организацией процедур заключения договоров: заработная плата работников контрактных служб, стоимость услуг электронных площадок, обслуживание информационных систем в сфере закупок [13, с. 201] – все эти позиции зачастую оказываются неучтенными при оценке суммарного эффекта госзакупок.

Е. М. Стырин отмечает, что лишь соответствующее техническое обеспечение и достаточная правовая регламентация позволят достичь желаемых показателей эффективности конкурентных процедур [14, с. 50].

Вместе с тем системное, осуществляемое за гранью экономической разумности соблюдение требований позитивного права и формализм, враждующие со здравым смыслом, могут привести в дол-

госрочной перспективе к правовому нигилизму. Например, в Единой информационной системе в сфере закупок было размещено более 15 000 извещений о проведении конкурсов и аукционов с начальной (максимальной) ценой контракта менее 100 рублей¹. Полагаем, что в подобной ситуации размер организационных издержек минимизирует любую выгоду, полученную по результатам конкурентных процедур.

Е. Р. Борисова аргументированно приходит к выводу, что использование контрактной системы для закупок малого объема нецелесообразно как для заказчика, так и поставщика ввиду больших затрат на преддоговорной стадии [15, с. 56].

¹ Единая информационная система в сфере закупок: офиц. сайт. URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/order/extended-search/results.html> (дата обращения: 01.02.2023).

Следует согласиться с О. А. Беляевой, полагающей, что торги сами по себе не являются самоцелью, интерес субъектов направлен на заключение договора [16, с. 22]. Интерес заказчика проявляется в обеспечении своей хозяйственной деятельности или общественного интереса, а не в создании искусственной конкуренции.

У проблемы есть и обратная сторона: участниками конкурентных процедур могут предлагаться необоснованно низкая и сверхнизкая цены, а это оказывает негативное влияние на качество закупаемых товаров (работ, услуг), приводит к заведомой невозможности добросовестного исполнения своих обязательств поставщиком. Подобное явление получило название «демпинг». В рамках государственного заказа следует понимать демпинг как продажу товаров, выполнение работ, оказание услуг по ценам, которые значительно ниже рыночного уровня цен, сложившихся на рынке, по так называемым сверхнизким ценам, которые ниже их себестоимости [17, с. 16].

При заключении государственных (муниципальных) контрактов необходимо максимально уменьшить расходование бюджетных средств, при этом сохранить определенную степень качества поставляемых товаров, работ, услуг [18, с. 43].

Самое привлекательное по цене предложение редко оказывается на практике самым выгодным. Заниженная цена часто означает, что поставщик переоценил свои возможности, работает себе в убыток или на пределе рентабельности и, следовательно, не имеет резерва надежности [19, с. 122].

Однако в определенных условиях демпинг является рациональным и не наносит ущерб ни государству, ни хозяйствующим субъектам. Явление может быть обусловлено необходимостью частичной компенсации простоя имеющихся у поставщика ресурсов (кадров, техники, оборудования, помещений и др.), потребностью в финансовых ресурсах, необходимостью получить средства для

выплаты кредитов в условиях отсутствия иных заказов, наработкой формальной квалификации в целях доступа в дальнейшем к участию в борьбе за более выгодные заказы (при выборе поставщика для исполнения которых установлены требования по опыту работы или такой опыт является одним из критериев оценки заявок), необходимостью ликвидации остатков (сезонной продукции) [20, с. 68].

Как показывает судебно-арбитражная практика, в некоторых случаях участник конкурентных процедур пренебрегает финансово-экономическими успехами по конкретной сделке ради формирования длительных партнёрских связей с заказчиком [21, с. 84].

Однако занижение стоимости поставляемых товаров как системное явление, существующее в условиях конкуренции субъектов, обладающих неравными экономическими возможностями, в дальнейшем зачастую приводит к ухудшению качества продукции.

Выходом из сложившейся ситуации могло бы быть изменение правил описания объекта закупки. В настоящее время запрещается включать требования или указания в отношении товарных знаков, знаков обслуживания, фирменных наименований, патентов, полезных моделей, промышленных образцов, наименование страны происхождения товара, требования к товарам, информации, работам, услугам при условии, что такие требования или указания влекут за собой ограничение количества участников закупки (ст. 33 Закона о контрактной системе). Однако указание родовых признаков товара, предоставление эквивалента не всегда может соответствовать нуждам заказчика.

Выводы

Применение конкурентных процедур для удовлетворения государственных и муниципальных нужд не всегда приводит к желаемому результату – экономии бюджетных средств и высокому качеству товаров, работ и услуг. Проведенное ис-

следование позволяет сделать вывод о необходимости определения новых условий применения конкурентных процедур: верхнего и нижнего ценового предела, экономической обстановки в регионе заключения и исполнения контракта; сферы предпринимательской деятельности участника закупок.

В ряде случаев в Законе о контрактной системе целесообразно и вовсе отказаться от презумпции малой эффективности закупки у единственного поставщика, поскольку установление дальнейших исключений из общих правил приведет к недопустимому увеличению интегрального индекса сложности нормативного правового акта. Администрирование частноправовых отношений заказчика и поставщика должно осуществляться ра-

зумно, с поправкой на существование норм публичного права, устанавливающих ответственность для нарушителей.

Значимой является и автоматизация закупок. Законодателем готовится фундамент для реализации данной идеи: создаются электронные информационные системы (Единая информационная система в сфере закупок, Единый агрегатор торговли), происходит частичный отказ от устаревших («молоточных») способов определения победителя конкурентной процедуры, осуществляется каталогизация товаров, работ и услуг.

Передача машинам некоторых функций по заключению и исполнению договоров позволит в ряде случаев нивелировать отрицательное действие человеческого фактора.

Список литературы

1. Нордстрем А. Е. Законодательство о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ и услуг и публичная финансовая деятельность субъектов Российской Федерации: вопросы теории и практики // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, № 2(27). С. 50–57.
2. Порошин С. А. Развитие контрактной системы в сфере закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд (шаг вперед, два шага назад) // Вопросы управления. 2016. № 2. С. 291–295.
3. Суровцева С. В. Актуальные вопросы мониторинга государственных закупок и оценки эффективности контроля // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 57. С. 203–207.
4. Проблемы и эффективность госзакупок глазами их участников / А. А. Яковлев, О. Н. Балаева, Ю. Д. Родионова, А. В. Ткаченко // Всероссийский экономический журнал ЭКО. 2020. № 3. С. 83–103.
5. Кириллова О. Ю., Хальфин Р. М., Малышев Г. К. Общественный контроль как инструмент предотвращения недобросовестной конкуренции в сфере государственных и муниципальных закупок // Российское конкурентное право и экономика. 2021. № 1. С. 60–67.
6. Алевранов В. Г., Мамий С. А. Конкуренция и монополия в России // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 12-1(81). С. 21–23.
7. Кинев А. Ю. Борьба с картелями в России // Современная конкуренция. 2010. № 6. С. 43–52.
8. Яковлева-Чернышева А. Ю., Данелян Р. Н., Яковлев-Чернышев В. А. Картельные сговоры на торгах: проблемы и направления противодействия // Право и практика. 2021. № 2. С. 104–110.
9. Тарануха Ю. В. Три эффекта конкуренции // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2020. № 49. С. 10–27.
10. Баркатунов В. Ф., Ларина О. Г. Элементы цифровых технологий, правовые новации и эффективность управления финансовыми ресурсами в процессе закупок для госу-

дарственных и муниципальных нужд // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. № 9(3). С. 53–73.

11. Лукасевич Т. А. Обеспечение конкурентоспособности регионов: возможности субъектов Дальневосточного федерального округа // Власть и управление на Востоке России. 2017. № 3. С. 45–53.

12. Хатунцев О. А. Контрактная система государственных закупок // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 2. С. 221–224.

13. Сабетова Т. В., Кремер К. И. Оценка эффективности госзакупок у единственного поставщика // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. 2016. № 38. С. 200–205.

14. Стырин Е. М. Единая информационная система в сфере закупок как государственная цифровая платформа: современное состояние и перспективы // Вопросы государственного и муниципального управления. 2020. № 3. С. 49–70.

15. Борисова Е. Р. Оценка контрактной системы государственных закупок // Вестник Российского университета кооперации. 2014. № 3. С. 54–56.

16. Беляева О. А. Предназначение торгов // Журнал российского права. 2013. № 10. С. 22–28.

17. Винокурова Д. Е., Гончаров В. В. Демпинг при размещении государственного заказа в аграрном секторе экономики // Международный технико-экономический журнал. 2012. № 2. С. 16–19.

18. Халиуллина Г. И., Кадыров Д. Р. Формирование системы ключевых показателей эффективности КРІ в контрактной сфере государственных закупок // Электронный экономический вестник. 2019. № 1. С. 41–46.

19. Беляева О. А. Торги: основы теории и проблемы практики: монография. М.: ИНФРА-М, 2016. 250 с.

20. Кузнецов К. В. Проблема демпинга и механизмы защиты от недобросовестного участника закупки // Госзаказ: управление, размещение, обеспечение. 2017. № 47. С. 66–73.

21. Цокур Е. Ф., Швырев Г. С. Институт торгов в современном гражданском законодательстве // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2017. Т. 7, № 4(25). С. 82–88.

22. Сложность российских законов. Опыт синтаксического анализа / А. В. Кнутов, С. М. Плаксин, Н. Л. Григорьева, Р. Х. Синятуллин, А. В. Чаплинский, А. М. Успенская. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2020. 311 с.

References

1. Nordstrem A. E. Zakonodatel'stvo o kontraktnoj sisteme v sfere zakupok tovarov, rabot i uslug i publichnaya finansovaya deyatel'nost' sub'ektov Rossijskoj Federacii: voprosy teorii i praktiki [Legislation on the contract system in the field of procurement of goods, works and services and public financial activity of the subjects of the Russian Federation: issues of theory and practice]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2018, vol. 8, no. 2(27), pp. 50–57.

2. Poroshin S. A. Razvitie kontraktnoj sistemy v sfere zakupok tovarov, rabot i uslug dlya obespecheniya gosudarstvennyh i municipal'nyh nuzhd (shag vpered, dva shaga nazad) [Development of the contract system in the field of procurement of goods, works and services to meet state and municipal needs (one step forward, two steps back)]. *Voprosy upravleniya = Management issues*, 2016, no. 2, pp. 291–295.

3. Surovceva S. V. Aktual'nye voprosy monitoringa gosudarstvennyh zakupok i ocenki effektivnosti kontrolya [Current issues of monitoring public procurement and evaluating the effectiveness of control]. *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2021, no. 57, pp. 203–207.

4. Yakovlev A. A., Balaeva O. N., Rodionova Yu. D., Tkachenko A. V. Problemy i effektivnost' goszakupok glazami ih uchastnikov [Problems and efficiency of public procurement through the eyes of their participants]. *Vserossijskij ekonomicheskij zhurnal EKO = All-Russian Economic Journal*, 2020, no. 3, pp. 83–103.

5. Kirillova O. Yu., Hal'fin R. M., Malyshev G. K. Obshchestvennyj kontrol' kak instrument predotvrashcheniya nedobrosovestnoj konkurencii v sfere gosudarstvennyh i municipal'nyh zakupok [Public control as a tool to prevent unfair competition in the field of state and municipal procurement]. *Rossijskoe konkurentnoe pravo i ekonomika = Russian Competition Law and Economics*, 2021, no. 1, pp. 60–67.

6. Alevranov B. G., Mamij C. A. Konkurenciya i monopoliya v Rossii [Competition and monopoly in Russia]. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika = Economics and Business: theory and practice*, 2021, no. 12-1(81), pp. 21–23.

7. Kinev A. Yu. Bor'ba s kartelyami v Rossii [The fight against cartels in Russia]. *Sovremennaya konkurenciya = Modern Competition*, 2010, no. 6, pp. 43–52.

8. Yakovleva-Chernysheva A. Yu., Danelyan R. N., Yakovlev-Chernyshev V. A. Kartel'nye sgovory na torgah: problemy i napravleniya protivodejstviya [Cartel collusion at auctions: problems and areas of counteraction]. *Pravo i praktika = Law and practice*, 2021, no. 2, pp. 104–110.

9. Taranuha Yu. V. Tri effekta konkurencii [Three effects of competition]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika = Bulletin of Tomsk State University. Economy*, 2020, no. 49, pp. 10–27.

10. Barkatunov V. F., Larina O. G. Elementy cifrovyyh tekhnologij, pravovye novacii i effektivnost' upravleniya finansovymi resursami v processe zakupok dlya gosudarstvennyh i municipal'nyh nuzhd [Elements of digital technologies, legal innovations and efficiency of financial resources management in the procurement process for state and municipal needs]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2019, no. 9(3), pp. 53–73.

11. Lukasevich T. A. Obespechenie konkurentosposobnosti regionov: vozmozhnosti sub"ektov Dal'nevostochnogo federal'nogo okruga [Ensuring the competitiveness of regions: opportunities of the subjects of the Far Eastern Federal District]. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii = Power and Management in the East of Russia*, 2017, no. 3, pp. 45–53.

12. Hatuncev O. A. Kontraktnaya sistema gosudarstvennyh zakupok [Contract system of public procurement]. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki = Problems of economics and legal practice*, 2018, no. 2, pp. 221–224.

13. Sabetova T. V., Kremer K. I. Ocenka effektivnosti goszakupok u edinstvennogo postavshchika [Evaluating the effectiveness of public procurement from a single supplier]. *Sovremennye tendencii v ekonomike i upravlenii: novyj vzglyad = Modern trends in economics and management: a new look*, 2016, no. 38, pp. 200–205.

14. Styryn E. M. Edinaya informacionnaya sistema v sfere zakupok kak gosudarstvennaya cifrovaya platforma: sovremennoe sostoyanie i perspektivy [Unified information system in the field of procurement as a state digital platform: current state and prospects]. *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya = Issues of State and municipal administration*, 2020, no. 3, pp. 49–70.

15. Borisova E. R. Ocenka kontraktnoj sistemy gosudarstvennyh zakupok [Evaluation of the contract system of public procurement]. *Vestnik Rossijskogo universiteta kooperacii = Bulletin of the Russian University of Cooperation*, 2014, no. 3, pp. 54–56.

16. Belyaeva O. A. Prednaznachenie torgov [The purpose of bidding]. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2013, no. 10, pp. 22–28.
17. Vinokurova D. E., Goncharov V. V. Demping pri razmeshchenii gosudarstvennogo zakaza v agrarnom sektore ekonomiki [Dumping when placing a state order in the agricultural sector of the economy]. *Mezhdunarodnyj tekhniko-ekonomicheskij zhurnal = International Technical and Economic Journal*, 2012, no. 2, pp. 16–19.
18. Haliullina G. I., Kadyrov D. R. Formirovanie sistemy klyuchevykh pokazatelej effektivnosti KPI v kontraktnoj sfere gosudarstvennykh zakupok [Formation of a system of key performance indicators KPIs in the contract area of public procurement]. *Elektronnyj ekonomicheskij vestnik = Electronic Economic Bulletin*, 2019, no. 1, pp. 41–46.
19. Belyaeva O. A. Torgi: osnovy teorii i problemy praktiki [Bidding: fundamentals of theory and problems of practice]. Moscow, INFRA-M Publ., 2016. 250 p.
20. Kuznecov K. V. Problema dempinga i mekhanizmy zashchity ot nedobrosovestnogo uchastnika zakupki [The problem of dumping and mechanisms of protection from an unscrupulous procurement participant]. *Goszakaz: upravlenie, razmeshchenie, obespechenie = State Order: management, placement, provision*, 2017, no. 47, pp. 66–73.
21. Cokur E. F., Shvyrev G. S. Institut torgov v sovremennom grazhdanskom zakonodatel'stve [Institute of Bidding in modern civil legislation]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2017, vol. 7, no. 4(25), pp. 82–88.
22. Knutov A. V., Plaksin S. M., Grigor'eva N. L., Sinyatullin R. H., Chaplinskij A. V., Uspenskaya A. M. Slozhnost' rossijskikh zakonov. Opyt sintaksicheskogo analiza [The complexity of Russian laws. Syntactic analysis experience]. Moscow, Izd. dom Vysshej shkoly ekonomiki Publ., 2020. 311 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Ден Де Ун, преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин, Дальневосточный юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Хабаровск
Российская Федерация,
e-mail: dendb92@yandex.ru,
ORCID: 0009-0002-4757-5250

Den De Un, Lecturer of the Department of Civil Law Disciplines, Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Khabarovsk, Russian Federation,
e-mail: dendb92@yandex.ru,
ORCID: 0009-0002-4757-5250

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-2-65-82>

Научные взгляды российских цивилистов конца XIX – начала XX века на заключение договоров с использованием телефона и телеграфа

А. А. Трофимов¹ ✉

¹ Псковский государственный университет
пл. Ленина, д. 2, г. Псков 180000, Российская Федерация

✉ e-mail: legist60@mail.ru

Резюме

Актуальность. В конце XIX – начале XX века в России осуществлялся переход к третьему технологическому укладу, основанному на применении электричества, что обусловило использование телефона и телеграфа для заключения гражданско-правовых договоров. Применение в гражданском обороте технических средств для удаленного (дистанционного) заключения договоров потребовало научного осмысления возникающих в связи с этим теоретических и практических проблем. В настоящее время в мире происходит переход к новому технологическому укладу, основанному на цифровизации общественных отношений. Договоры заключаются удаленно посредством использования цифровой среды, что требует доктринального осмысления вопросов применения цифровых средств коммуникации в гражданско-правовых отношениях. Научные концепции об удаленном заключении договоров с использованием технических средств, сформулированные русскими дореволюционными цивилистами, могут быть использованы в науке гражданского права в настоящее время. Их применение возможно для выработки теоретических положений, касающихся заключения договоров с использованием средств цифровой коммуникации.

Целью исследования является всестороннее рассмотрение научных взглядов российских цивилистов конца XIX – начала XX века на заключение договоров с использованием телефона и телеграфа.

Задачи: анализ научных концепций о генезисе развития теоретических представлений о заключении гражданско-правовых договоров с использованием телефона и телеграфа в трудах дореволюционных российских цивилистов: о правовой природе действий при заключении договоров с использованием телефона и телеграфа; об особенностях заключения, содержания, субъектного состава, формы договоров, заключаемых с использованием телефона и телеграфа; о решении проблем юридической ответственности, связанной с ошибками телеграфного сообщения в дореволюционном гражданском праве.

Методология. В процессе работы над исследованием применялись методы синтеза, анализа, индукции, дедукции, историко-правовой, сравнительно-правовой, логической.

Результаты. В процессе исследования выявлены научные воззрения российских дореволюционных цивилистов конца XIX – начала XX века на проблему заключения договоров с использованием телефона и телеграфа.

Вывод. Вопрос о заключении договоров с использованием телефона и телеграфа в конце XIX – начале XX века носил дискуссионный характер и являлся предметом всестороннего исследования в российской дореволюционной цивилистике.

Ключевые слова: дореволюционное гражданское право; момент заключения договора; форма договора; телефон; телеграф.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Трофимов А. А. Научные взгляды российских цивилистов конца XIX – начала XX века на заключение договоров с использованием телефона и телеграфа // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 2. С. 65–82. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-2-65-82>.

Поступила в редакцию 24.02.2023

Принята к публикации 27.03.2023

Опубликована 28.04.2023

© Трофимов А. А., 2023

Scientific Views of Russian Civilists of the Late XIX – Early XX Century on the Conclusion of Contracts Using the Telephone and Telegraph

Anton A. Trofimov¹ ✉

¹ Pskov State University

2 Lenin Square, Pskov 180000, Russian Federation

✉ e-mail: legist60@mail.ru

Abstract

Relevance. At the end of the 19th - beginning of the 20th century, Russia was undergoing a transition to the third technological order based on the use of electricity, which led to the use of the telephone and telegraph for the conclusion of civil law contracts. The use of technical means for the remote (remote) conclusion of contracts in civil circulation required a scientific understanding of the theoretical and practical problems arising in connection with this. Currently, the world is undergoing a transition to a new technological order based on the digitalization of social relations. Contracts are concluded remotely through the use of the digital environment, which requires a doctrinal understanding of the issues of using digital means of communication in civil law relations. Scientific concepts about the remote conclusion of contracts using technical means, formulated by Russian pre-revolutionary civilists, can be used in the science of civil law at the present time. Their application is possible for the development of theoretical provisions regarding the conclusion of contracts using digital communication tools.

The purpose of the study is a comprehensive review of the scientific views of Russian civilists of the late XIX - early XX century on the conclusion of contracts using the telephone and telegraph.

Objectives: analysis of scientific concepts on the genesis of the development of theoretical ideas about the conclusion of civil law contracts using telephone and telegraph in the works of pre-revolutionary Russian civilists: on the legal nature of actions when concluding contracts using telephone and telegraph; about the features of the conclusion, content, subject composition, form of contracts concluded using the telephone and telegraph; on solving the problems of legal liability associated with telegraph errors in pre-revolutionary civil law.

Methodology. In the process of working on the study, methods of synthesis, analysis, induction, deduction, historical and legal, comparative legal, and logical were used.

Results. In the course of the study, the scientific views of Russian pre-revolutionary civilists of the late XIX - early XX centuries on the problem of concluding contracts using the telephone and telegraph were revealed.

Conclusin. The issue of concluding contracts using the telephone and telegraph in the late 19th - early 20th century was debatable and was the subject of a comprehensive study in Russian pre-revolutionary civil law.

Keywords: Pre-revolutionary civil law; moment of conclusion of the contract; the form of the contract; telephone; telegraph.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Trofimov A. A. Scientific Views of Russian Civilists of the Late XIX – Early XX Century on the Conclusion of Contracts Using the Telephone and Telegraph. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2023; 13(2): 65–82. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-2-65-82>.

Received 24.02.2023

Accepted 27.03.2023

Published 28.04.2023

Введение

Развитие техники во второй половине XIX в. привело к появлению новых средств связи – телефона и телеграфа. Благодаря возможности быстрой переда-

чи информации на любое расстояние данные средства связи получили широкое распространение и применение в различных сферах деятельности, в том числе в гражданском и коммерческом обороте. С

использованием телефона и телеграфа участниками такого оборота заключались гражданско-правовые договоры, что потребовало научного осмысления данного явления учеными-юристами.

В конце XIX – начале XX в. русскими учеными исследованы вопросы о совершении сделок, о заключении договоров между отсутствующими и между присутствующими лицами, теории о моменте заключения договоров между отсутствующими лицами, вопросы о моменте заключения договоров посредством телеграфа и телефона, о форме договоров, заключенных посредством телеграфа и телефона, а также об ответственности за ошибки телеграфного сообщения.

Основные теоретические положения о заключении договоров, о форме договоров, о влиянии ошибок на юридическую судьбу договоров содержатся в научных трудах по гражданскому и торговому праву русских дореволюционных цивилистов: К. Н. Аненкова, Е. В. Васильковского, Ю. С. Гамбарова, А. Х. Гольмстена, Н. Л. Дювернуа, А. И. Загоровского, Д. И. Мейера, К. П. Победоносцева, И. А. Покровского, В. И. Синайского.

Вопросам заключения договоров между присутствующими и между отсутствующими лицами посвящены работы А. И. Гуляева, П. Н. Гуссаковского, А. А. Евецкого, П. П. Цитовича, Г. Ф. Шершеневича.

Научные взгляды на вопрос о заключении договоров с использованием телефона и телеграфа представлены в научных статьях Ф. Ельяшевича, В.Д. Каткова, В.М. Цвингмана.

Анализ научных представлений исследуемого периода позволяет критически взглянуть на современные подходы к трансформации правовых институтов под воздействием технологических инноваций, определить те правовые нормы и подходы, которые могут быть адаптированы под новые условия без внесения существенных изменений.

Методология

В процессе исследования использовались общенаучные методы (синтез, анализ, индукция, дедукция) и частнонаучные методы (историко-правовой, сравнительно-правовой, логический). Историко-правовой метод применен для исследования концепций момента заключения договора между «отсутствующими» лицами: теории восприятия (*Vernehmungstheorie*), теории получения (*Empfangstheorie*), теории отправления (*Uebermittlungstheorie*), теории изъяснения (*Aeusserungstheorie*). Сравнительно-правовой метод использован для выявления сходства и различий в юридической природе договоров, заключаемых посредством телеграфа и телефона. Формально-логический метод применен для выявления смысла научных положений, сформулированных русскими дореволюционными цивилистами относительно момента заключения договоров, совершаемых с помощью технических средств, их формы, а также юридической ответственности за ошибки телеграфных сообщений.

Результаты и их обсуждение

Наиболее значимой проблемой развития законодательства при появлении новых технологий связи стало определение момента заключения договора с использованием телеграфа или телефона. Для этого необходимо отметить существовавшие теоретические представления о договоре в тот исторический период. К. П. Победоносцев давал следующее определение понятия гражданско-правового договора: «Договор есть сознательное соглашение нескольких лиц, в котором все они совместно изъявляют свою волю для того, чтобы определить между собой юридическое отношение в личном своем интересе, по имуществу» [1, с. 9].

Для заключения договора необходима воля субъектов на вступление в договорные отношения, поскольку при отсутствии соответствующего намерения у од-

ного из них договор не будет заключен. Е. В. Васьковский отмечал: «В каждой сделке выражается намерение или воля одного (напр., в завещании) или нескольких лиц (напр., в договоре). Следовательно, воля является центром, ядром сделки: без нее сделка недействительна, хотя бы все внешние формальности были налицо» [2, с. 113].

Однако одной лишь воли субъекта для заключения договора недостаточно. Необходимо, чтобы намерение лица на вступление в договорные отношения было ясно и недвусмысленно выражено вовне, т. е. стало известно другим лицам. В данном случае речь идет о волеизъявлении субъекта, намеревающегося вступить в договорные отношения. И. А. Покровский указывал, что для возникновения договора, как и всякого юридического акта, необходима не только воля, но и волеизъявление [3, с. 236]. Волеизъявление лиц, вступающих в договорные отношения, выражается соответственно в оферте одного лица (например, устное предложение совершить сделку, отправление письма с предложением о заключении договора) и ее акцепте другим лицом (например, вербальное согласие контрагента; отправление телеграфной депеши о согласии с предложенными условиями договора). Ю. С. Гамбаров отмечал следующее: «Начальное волеизъявление при заключении договора называют офертой, или предложением договора; другое, присоединяющееся к нему – акцептом, или принятием договора, и объединение этих двух волеизъявлений дает понятие заключения договора» [4, с. 681].

Лицо, выступающее с предложением заключить договор, именовалось в науке гражданского права оферентом, а лицо, принимающее предложение его заключить, называлось акцептантом. В русской дореволюционной цивилистике встречаются термины «облат» и «пропонент», первое из которых обозначает оферента, второе – акцептанта [5, с. 111].

Для вступления в юридическую силу гражданско-правового договора определяющим является момент, когда предложение одного лица (оферента) принято другим лицом (акцептантом). По мнению В. И. Синайского, момент, когда предложение одного лица заключить договор принято другим лицом, а договор является совершенным, именовался в русской юридической литературе покрытием оферты акцептом или перфекцией [6, с. 24]. Когда предложение лица, направившего предложение заключить договор (оферента), принято лицом, которому оно адресовано (акцептантом), сделка является совершенной. Соглашение между сторонами при заключении договора считается состоявшимся только тогда, когда оно окончательно последовало по всем существенным пунктам договора, а также и по таким, которые сами стороны признали существенными [7, с. 696].

Договоры, заключенные между лицами, находящимися на определенном расстоянии друг от друга, российские цивилисты относили к договорам между отсутствующими. Критерий территориальной удаленности договаривающихся сторон друг от друга не является определяющим для отнесения заключенных сделок к договорам между отсутствующими. Более важным является то обстоятельство, что при совершении сделки лицами, находящимися на расстоянии друг от друга, между выражением воли одной стороны на заключение договора и аналогичным волеизъявлением другой стороны имеется определенный временной промежуток, т. е. момент волеизъявления сторон гражданско-правовой сделки, заключенной на расстоянии, не совпадает во времени. Г. Ф. Шершеневич отмечал, что между выражением воли со стороны одного контрагента и усвоением ее другим должно пройти некоторое время [8, с. 441].

Договор может быть заключен между лицами, находящимися непосредственно друг перед другом (например, в

одной комнате для переговоров). В этом случае речь идет о заключении договоров между присутствующими. П. П. Цитович применительно к договорам между присутствующими отмечал: «Присутствие сторон есть тогда, когда составляющие договор друг друга видят и слышат, или только видят (глухой), или только слышат (слепой, телефон)» [9, с. 117]. При заключении договора между присутствующими лицами их волеизъявление происходит одновременно. Предложение заключить договор (оферта) выражается оферентом в присутствии акцептанта и принимается им (акцепт) также непосредственно в присутствии оферента, т. е. покрытие оферты акцептом (перфекция) происходит практически одновременно.

До изобретения телеграфа теория договора между отсутствующими относилась к сделкам между договаривающимися сторонами, находящимися на расстоянии друг от друга (например, в разных городах или в разных странах), совершенным путем обмена письмами по почте либо посредством сношений через посыльного. До изобретения телефона теория о договоре между присутствующими применялась к сделкам, совершенным сторонами, находящимися непосредственно друг перед другом (например, в одном помещении банка или биржи).

Развитие техники привело к ускорению гражданского и торгового оборота, сделало его более динамичным. Пространственная удаленность субъектов коммерческой деятельности друг от друга уже не являлась препятствием для быстрого заключения договоров. Непосредственное присутствие на деловых встречах лиц, находящихся в разных населенных пунктах, в некоторых случаях могло быть заменено заключением договора по телефону. Длительный процесс заключения договора путем обмена корреспонденцией по почте и с посыльными отчасти мог быть заменен отсылкой телеграфных сообщений. Заключение сделок с использованием телефона и телеграфа

стало довольно частым явлением. Все это потребовало от цивилистов осмысления вопроса о моменте заключения договоров с использованием технических средств, в частности телефона и телеграфа.

Теория о договоре между отсутствующими применялась русскими цивилистами к сделкам, заключенным с использованием телеграфа. Применение указанной теории оказалось возможным, поскольку при заключении договоров указанным способом контрагенты находились на расстоянии друг от друга, момент их волеизъявления не совпадал во времени, а вместо обмена письмами стороны обменивались телеграфными депешами.

В российской цивилистике дореволюционного периода положения теории о заключении договора между присутствующими лицами использовались для объяснения момента заключения договора по телефону. Применение указанной теории было возможным, поскольку, заключая договор с использованием телефона, стороны общались друг с другом непосредственно, как если бы они находились в одном помещении.

Таким образом, договор, при заключении которого момент волеизъявления оферента и момент волеизъявления акцептанта не совпадают во времени, относится к договорам между отсутствующими. Договор, при заключении которого момент волеизъявления оферента и момент волеизъявления акцептанта совпадают во времени, относится к договорам между присутствующими.

Момент заключения договора с использованием телеграфа. До появления телеграфа заключение договора между договаривающимися сторонами, находящимися на расстоянии друг от друга, осуществлялось либо путем обмена письмами по почте, либо посредством сношений через посыльного. Сделки, совершенные таким образом, цивилисты относили к договорам между отсутствующими лицами. С появлением телеграфа заключение сделок между отсутствующи-

ми сторонами стало возможным путем обмена телеграфными депешами. Д. И. Мейер отмечал следующее: «Такие договоры между отсутствующими заключаются в действительности нередко, особенно в торговом быту: напр., одесские, московские, петербургские купцы часто заключают между собою договоры по переписке, по телеграфу» [10, с. 384–385].

При заключении сделок на расстоянии между отсутствующими лицами посредством телеграфа важным является вопрос, в какой момент договор считается совершенным, т. е. когда именно между сторонами достигнуто соглашение и стороны являются связанными взаимными обязательствами. Вопрос о моменте заключения договора между отсутствующими являлся дискуссионным как среди западных, так и среди российских цивилистов. В этой связи редакция журнала «Юридический вестник», отмечала, что вопрос о заключении договоров между отсутствующими принадлежит на Западе к числу наиболее спорных вопросов юридической теории и практики [11, с. 924]. В русской юридической науке в конце XIX – начале XX в. утвердились четыре основные теории о моменте заключения договоров между отсутствующими лицами: теория восприятия (*Vernehmungstheorie*), теория получения (*Empfangstheorie*), теория отправления (*Uebermittlungstheorie*), теория изъявления (*Aeusserungstheorie*).

Теория восприятия (*Vernehmungstheorie*). Теория восприятия в немецкой юридической литературе была впервые сформулирована немецкими учеными в начале XIX в. А. А. Евецкий отмечал, что *Vernehmungstheorie* была впервые (в 1828 г.) выражена немецким цивилистом Гассе [5, с. 112].

Л. Н. Дювернуа подразделял сделки по признаку восприятия воли на два вида: первые – сделки, включающие восприятие одним контрагентом воли другого в качестве обязательного элемента их совершения (двусторонние сделки); вторые

– сделки, не включающие такого восприятия (односторонние сделки) [12, с. 694–695]. Согласно данной теории договор считается заключенным в момент, когда лицу, сделавшему предложение о его заключении, становится известно о принятии оферты контрагентом. При заключении договора между отсутствующими лицами одна сторона направляет другой стороне посредством почты или посылного письма с предложением о заключении договора (оферта). До получения от другой стороны сведений о принятии или отклонении своего предложения оферент находится в состоянии правовой неопределенности по вопросу о заключении договора, поскольку не имеет сведений о согласии на заключение договора лица, которому сделано предложение. Такая правовая неопределенность прекращается в момент ознакомления оферента с ответом контрагента о принятии его предложения. Именно в момент восприятия лицом, предложившим заключить договор, положительного ответа лица, принявшего предложение, происходит перфекция, т. е. покрытие оферты акцептом, а договор считается совершенным.

При заключении договора посредством телеграфа облат направляет телеграмму с предложением о заключении договора пропоненту, который после ознакомления с ним направляет предложившему лицу телеграфную депешу о своем согласии. Телеграмма доставляется облату, который ознакомливается с ответом пропонента, т. е. воспринимает согласие другой стороны на заключение договора. Отсюда и термин в названии теории – «восприятие». В момент восприятия облатом телеграммы пропонента происходит перфекция, или покрытие акцептом оферты. Договор считается заключенным.

А. Х. Гольмстен применительно к теории восприятия использовал термин «четырёхактная теория» и выделял четыре обязательных стадии заключения договора: предложение, восприятие пред-

ложения, ответ в смысле принятия и восприятие ответа [13, с. 124]. Указанный автор полагал, что «четыре акта необходимы, когда стороны сообщаются при посредстве писем, телеграфа или телефона – это договоры между отсутствующими» [13, с. 127].

В. Д. Катков полагал, что договоры, заключенные между отсутствующими лицами по телеграфу, следует рассматривать с субъективной и объективной стороны. *Vernehmungstheorie* данный ученый относил к субъективной теории. Характеризуя субъективный подход, В. Д. Катков писал: «При субъективном взгляде на договор требуется, чтобы единение воли (консенс) вошло в сознание контрагентов. Это возможно в том случае, когда сделанное одной стороной предложение дошло до сознания другой стороны, принято ею, и об этом принятии сообщено первому лицу (оференту)» [14, с. 80].

Таким образом, согласно теории восприятия моментом заключения договора между отсутствующими лицами посредством телеграфа является момент ознакомления (восприятия) лица, предложившего заключить договор (оферента), с телеграммой лица, принявшего предложение (акцептанта) о согласии заключить договор.

Согласно *теории получения* (*Empfangstheorie*) договор между лицами, находящимися в разных местах, считается заключенным в тот момент, когда в адрес лица, направившего оферту, поступил ответ о ее принятии контрагентом. А. А. Евецкий считал *Empfangstheorie* наиболее совершенной в логическом отношении [5, с. 114].

Подчеркивая момент заключения договора по теории получения, П. Н. Гуссаковский отмечал: «Третья теория (*Empfangstheorie*) проводит тот взгляд, что договор между отсутствующими должен быть признан заключенным лишь с того момента, когда сделавший предложение получил извещение о его принятии» [15, с. 15]. Оферент направляет

контрагенту письмо с предложением заключить договор (оферта). Контрагент ознакомливается с данным предложением (воспринимает его) и направляет оференту ответ о своей согласии. Определяющим для совершения сделки является момент, когда посыльный или почтальон вручает оференту письмо акцептанта о согласии на заключение договора. Факт ознакомления лица, сделавшего предложение (оферента), с содержанием ответа лица, принявшего предложение (акцептанта), не имеет правового значения для определения момента заключения сделки. Покрытие оферты акцептом (перфекция) происходит, а договор между отсутствующими становится совершенным в момент вручения оференту извещения (письма) от лица, принявшего предложение. В. М. Цвингман писал, что договор между отсутствующими совершается в тот момент, когда уведомление о принятии предложения было получено предложившим, независимо от того, прочел ли он письмо или телеграмму [16, с. 158].

Для заключения договора между отсутствующими лицами посредством обмена телеграфными сообщениями стороны совершают следующие действия: облат направляет телеграмму пропоненту с предложением совершить сделку (оферта); пропонент ознакомливается с данной телеграммой; пропонент направляет телеграмму облату о принятии предложения; облат получает телеграмму с согласием пропонента. Договор считается заключенным в момент вручения облату телеграммы о согласии пропонента совершить сделку. В данный момент происходит перфекция, или покрытие акцептом оферты, а договор считается совершенным.

По нашему мнению, теория получения содержит в себе юридическую презумпцию ознакомления оферента с ответом акцептанта. Г. О. Дормидонтов в своей работе, посвященной исследованию юридических презумпций и фикций, приводил следующую точку зрения Д. И. Мейера на

презумпцию: «Предположение – это признание факта существующим по вероятности, что он существует» [17, с. 15]. Теория получения допускает предположение (презумпцию) о том, что оферент не только получил ответ от акцептанта, но и ознакомился с его содержанием, хотя в действительности такого ознакомления могло и не быть. Кроме того, ответ от лица, которому ранее было адресовано предложение о заключении договора, может быть отрицательным (отказ от заключения договора) либо содержать предложение о заключении сделки на иных условиях (встречная оферта). Следовательно, предполагается ознакомление облата именно с положительным ответом проponentа о согласии на заключение договора на предложенных условиях. Данная юридическая презумпция позволяет считать договор между отсутствующими лицами заключенным в момент получения оферентом сообщения, например телеграммы об акцепте сделанного предложения.

Таким образом, согласно теории получения моментом заключения договора между отсутствующими лицами посредством телеграфа является момент получения лицом, предложившим заключить договор (оферентом), телеграммы лица, принявшего предложение (акцептанта), о согласии заключить договор.

Согласно теории отправления (*Uebermittlungstheorie*), договор между отсутствующими лицами считается заключенным с момента отправления акцептантом сообщения оференту о своем согласии заключить договор. Лицо, предлагающее заключить сделку, направляет контрагенту по почте или с посылным соответствующее письмо (оферту), получив которую акцептант соглашается вступить в договорные отношения и совершает действия по уведомлению оферента о своем волеизъявлении. Акцептанту для уведомления оферента достаточно отправить в адрес последнего телеграмму. По теории отправления в момент сда-

чи акцептантом на почту письма о согласии на сделку происходит покрытие акцепта офертой (перфекция) и договор между отсутствующими лицами считается заключенным. П. Н. Гуссаковский применял к теории отправления наименование *Absendungstheorie* и отмечал: «По другой теории (*Absendungstheorie*) заключение договора между отсутствующими приурочивается ко времени отсылки извещения о принятии предложения тому, кем оно сделано» [15, с. 15].

Согласно теории отправления для заключения договора между отсутствующими лицами по телеграфу облат направляет проponentу предложение заключить сделку (оферту). Проponent получает телеграмму и направляет облату телеграмму о своем согласии заключить договор. Покрытие акцептом оферты (перфекция) наступает в момент сдачи проponentом на телеграф телеграммы о согласии на совершение сделки. В. Д. Катков отмечал следующее: «Для заключения договора достаточно наличности объективного сцепления воли контрагентов. Договор заключен, как только сторона, к которой обращено было предложение, отправило телеграмму о принятии» [14, с. 81].

По нашему мнению, теория отправления включает в себя юридическую презумпцию о том, что положительный ответ акцептанта доставлен оференту организацией связи и последний ознакомился с его содержанием. В момент отправки акцептантом телеграммы о согласии заключить договор последнему неизвестно, будет ли доставлена депеша оференту и ознакомится ли он с ее содержанием, поэтому следует говорить о наличии юридической презумпции в *Uebermittlungstheorie*. Данная презумпция позволяет отнести момент заключения договора к сдаче акцептантом телеграммы или письма в отделение связи.

Таким образом, согласно теории отправления моментом заключения договора между отсутствующими лицами посредством телеграфа является момент

приема телеграфной станцией от лица, принявшего предложение (акцептанта), телеграммы о согласии заключить договор, адресованной лицу, предложившему заключить договор (оференту).

А. Х. Гольмстен применительно к *теории изъявления* (Aeusserungsthtorie) использовал термин «трехактная теория» [13, с. 127–128]. В соответствии с теорией изъявления договор между отсутствующими лицами считается заключенным в момент принятия лицом, которому сделано предложение о совершении сделки (акцептантом), соответствующего предложения лица, его направившего (оферента). А. А. Евецкий относительно момента заключения договора по теории изъявления отмечал, что согласно Aeusserungsthtorie договор заключается в момент принятия облатом предложения оферента [5, с. 113].

Оферент почтовой связью или с посылным направляет в адрес предполагаемого контрагента по сделке предложение о заключении договора. Письмо оферента доставляется контрагенту, который ознакабливается с его содержанием (восприятие предложения) и соглашается на данное предложение. Покрытие акцептом оферты (перфекция) происходит в момент, когда акцептант согласился на предложение оферента заключить договор. Отсюда термин «теория изъявления», поскольку для совершения сделки акцептанту достаточно изъявить свою волю заключить договор. Совершение действий по уведомлению оферента о волеизъявлении акцептанта по теории изъявления не является обязательным.

В. И. Синайский применительно к Aeusserungsthtorie использовал термин «теория выражения воли» и подчеркивал, что заключение договора между отсутствующими возможно в момент, когда акцептант выразил согласие на оферту [6, с. 25]. При заключении договора между отсутствующими с использованием телеграфа облат направляет в адрес проponenta телеграфную депешу с соответ-

ствующим предложением. Телеграмма доставляется облату, который, ознакомившись с ее содержанием, принимает (акцептует) предложение заключить договор. В этот момент происходит перфекция, а договор является заключенным.

Aeusserungsthtorie содержит в себе юридическую презумпцию о том, что лицо, направившее предложение (оферент), осведомлено о его принятии лицом, которому оно сделано (акцептантом). Направив оферту, оферент не только не имеет сведений о доставке своего предложения контрагенту, но и не знает о принятии им оферты либо об ее отклонении. Указанная презумпция позволяет считать моментом заключения договора между отсутствующими лицами момент принятия акцептантом предложения оферента.

Таким образом, согласно теории изъявления моментом заключения договора между отсутствующими лицами посредством телеграфа является момент, когда лицо, которому направлена телеграмма о заключении договора (акцептант), принимает предложение лица, сделавшего такое предложение (оферента).

Момент заключения договора с использованием телефона. До изобретения телефона заключение сторонами договора в устной форме было возможно при их непосредственном общении друг с другом (например, стороны находятся вместе в одном из помещений банка). Такие договоры юридическая наука относила к договорам между присутствующими лицами. С появлением телефона у сторон, находящихся на определенном расстоянии друг от друга (например, в разных населенных пунктах, в разных странах), появилась возможность совершать вербальные договоры посредством телефонных переговоров. В науке гражданского права возник вопрос об отнесении сделок с использованием телефона к соглашениям либо между отсутствующими лицами, либо между лицами присутствующими. Кроме того, цивилистам необходимо было определить, в какой момент договор

по телефону считается совершенным, т. е. когда стороны достигли соглашения по всем существенным условиям договора и между данными лицами возникли обязательственные правоотношения.

При непосредственном общении лиц, находящихся друг напротив друга, предложение заключить договор (оферта) одной стороны и принятие его другой стороной (акцепт) происходят практически одновременно в ходе переговоров о заключении сделки. Аналогичной является ситуация, когда стороны ведут переговоры посредством телефонной связи. Предложение вступить в договорные отношения и его принятие следуют друг за другом в ходе одного телефонного разговора. Поскольку волеизъявление сторон по телефону происходит так же, как и при непосредственном нахождении сторон рядом друг с другом, цивилисты отнесли устные сделки, совершенные по телефону, к договорам между присутствующими лицами. Такой подход разделяли многие российские ученые. В. Д. Катков относил договор, заключенный посредством телефона, к договору между присутствующими [14, с. 79]. Г. Ф. Шершеневич приводил следующий пример: «При телефонном сношении договор, заключенный лицами, из которых одно в Петербурге, другое в Москве, будет договором между присутствующими» [18, с. 202]. П. П. Цитович писал: «Телефон не есть орудие составления договоров между отсутствующими; через него договаривающиеся слышат друг друга, а потому и присутствуют» [9, с. 122]. А. И. Гуляев отмечал: «Договор, заключенный по телефону, также является договором, состоявшимся при непосредственном участии сторон» [19, с. 86]. Ф. Ельяшевич писал следующее: «Несомненно, что тут между предложением и ответом не протечет больше времени, чем в непосредственной беседе двух лиц, находящихся в одной комнате. Следовательно, при заключении договора по телефону все дело обстоит так же, как

и в случае заключения договора между присутствующими» [20, с. 295].

При заключении договора с использованием телефона следующее от облата предложение заключить договор принимается проponentом в течение одного телефонного разговора, т. е. покрытие оферты акцептом (момент перфекции) наступает не позднее момента окончания телефонного звонка. Таким образом, договор по телефону становится заключенным, а стороны связываются гражданско-правовыми обязательствами по нему не позднее момента завершения ими телефонного разговора.

Таким образом, моментом заключения договора между присутствующими лицами посредством телефона является момент, когда лицо, которому сделано предложение о заключении договора (акцептант), вербально по телефону выражает лицу, сделавшему предложение (оференту), согласие на его заключение.

Форма договора, заключенного с использованием телеграфа или телефона. Гражданско-правовой договор имеет содержание и форму. К содержанию договора относятся установленные договором права и обязанности сторон, т. е. то, о чем стороны достигли соглашения. Под формой договора понимается способ оформления волеизъявления сторон, т. е. способ фиксации достигнутых ими договоренностей. Договор может быть совершен в устной форме, заключен фактическими (конклюдентными) действиями, оформлен письменно или другими способами.

Д. И. Мейер подчеркивал, что различие форм сделок основано на различиях в способах изъяснения сторонами воли на их совершение: «Как все существующие имеет свои пределы, которые отделяют данное существующее от других предметов и которых очертание составляет форму, так и юридические сделки являются в известных формах и без них неудобомыслимы. Но формы эти не одинаковы, а различны, соответственно тому, как раз-

личными способами выражается воля» [10, с. 139].

Е. В. Васьяковский разделял сделки на три основные группы: «По действующему русскому праву все сделки с точки зрения формы распадаются на три группы: 1) неформальные, которые могут быть совершаемы любым способом (письменно, словесно и даже безмолвно); 2) письменная, требующая непременно совершения на бумаге и 3) крепостные, подлежащие утверждению старшим нотариусом» [2, с. 124].

Применительно к вопросу о заключении сделок с использованием телефона и телеграфа следует обратить внимание на группу неформальных сделок. Поскольку для совершения неформальных сделок не требуется какой-либо определенной законом формы, то заключение таких сделок возможно любым не противоречащим законодательству способом, в том числе и посредством использования таких средств связи, как телефон и телеграф. В. И. Синайский писал следующее: «Так как договор представляет собой основной вид юридической сделки, то форма юридической сделки есть в сущности и форма договора. Поэтому каждый договор, за исключениями, указанными в законе, может быть совершен в любой форме» [6, с. 28]. В. Д. Катков приводил следующую точку зрения: «При посредстве телеграфа могут заключаться, а тем более подготовляться к заключению, не только обычная в обороте сделка купли-продажи, но и многие другие (наем, товарищество, поручение и т. д.), поскольку этому не противоречат постановления законодательств о форме сделок». А. И. Гуляев писал: «Письменные договоры должны быть иногда совершаемы по форме, указанной законом, напр., крепостное письмо на продажу судов, коносамент, накладная. В остальных же случаях форма не имеет значения: договор может быть заключен и путем писем или по телеграфу» [19, с. 85–86]. Из приведенных точек зрения русских дореволю-

ционных цивилистов следует вывод о том, что посредством телефона и телеграфа могут быть заключены любые договоры, за исключением тех, для которых законом предусмотрена определенная форма, т. е. с использованием телефона и телеграфа могут быть заключены любые неформальные сделки.

Представляется, что договоры, заключенные сторонами с использованием телефона, русские цивилисты относили к сделкам, совершенным в устной форме. Телефон как средство связи представляет сторонам договора техническую возможность обмена вербальными (устными, словесными) сообщениями. Следовательно, любая договоренность по телефону будет являться устной, а сделка, заключенная таким образом, будет относиться к договору в устной форме. Следует отметить, что среди русских дореволюционных цивилистов не велась дискуссия о форме договора, заключенного по телефону, что, по нашему мнению, свидетельствует о том, что отнесение договора, заключенного посредством телефона, к устной форме сделки, не вызывало сомнений у ученых.

Для того чтобы ответить на вопрос о том, к какой форме относится договор, заключенный с использованием телеграфа, необходимо определить, является ли такой договор сделкой в устной форме либо в письменной форме.

Известно, что вербальный договор заключается в устной (словесной) форме. Заключение договора посредством телеграфа представляет собой процесс обмена отсутствующими лицами (сторонами, находящимися на удалении друг от друга) телеграммами (оферта и акцепт). Следовательно, отсутствуют основания для отнесения договора, заключенного с использованием телеграфа, к сделкам, совершенным в устной форме.

Договор между отсутствующими лицами, заключенный с использованием телеграфа, не может быть отнесен также к письменной форме, совершенной на бу-

мажном носителе. В. М. Цвингман полагал, что письменная форма договора не может быть заменена обменом сторонами телеграммами [16, с. 156]. В. Д. Катков считал, что телеграмма не может заменять собой строгие письменные формы договоров [14, с. 84]. Из приведенных точек зрения дореволюционных ученых-юристов следует, что договор, заключенный посредством телеграфного сообщения, не относится к договору в письменной форме.

Русские дореволюционные цивилисты допускали, что гражданско-правовая сделка может быть заключена фактическими (конклюдентными) действиями. Сторонником такого подхода являлся Д. И. Мейер: «Или, наконец, сделка совершается не словесно и не письменно, а самим действием выражается совершение сделки, производится та перемена в юридическом быту, к которой клонится сделка, почему и сделка считается совершенною» [10, с. 139]. Представляется, что сделка с использованием телеграфа наиболее близка к договору, заключенному в конклюдентной форме, т. е. фактическими действиями сторон. Направление одним лицом (облатом) телеграммы о заключении договора (оферта, предложение заключить договор) и направление другой стороной (пропонентом) телеграммы о согласии заключить договор (акцепт, принятие предложения), свидетельствуют о заключении (фактически, конклюдентными действиями) гражданско-правового договора. Следует отметить, нам не удалось найти работ русских дореволюционных цивилистов, в которых договор между отсутствующими лицами с использованием телеграфа относился бы к договорам, заключенным в конклюдентной форме. Предположение о том, что договор по телеграфу заключается в форме конклюдентных действий основано, с одной стороны, на взглядах ученых, отрицавших возможность отнесения такого договора к письменным сделкам (например, В. Д. Катков, В. М. Цвингман),

а с другой стороны на взглядах ученых, допускавших заключение такого договора совершением фактических действий (например, Д. И. Мейер).

Таким образом, договор, заключенный между отсутствующими лицами с использованием телеграфа, относится к сделкам, заключенным в конклюдентной форме. Договор, заключенный между присутствующими лицами с использованием телефона, относится к сделкам, совершенным в устной форме.

Ответственность за ошибки в телеграфном сообщении (телеграмме). В практике работы телеграфных станций имели место случаи ошибок при передаче телеграфных сообщений. В гражданском и торговом обороте при заключении договоров посредством телеграфа случилось, что текст телеграммы, полученной адресатом (акцептантом), отличался от первоначального текста, составленного отправителем (оферентом). Такие случаи привлекали внимание цивилистов, которым с научной и практической точек зрения необходимо было определить как дальнейшую юридическую судьбу договора, так и лицо, ответственное за причиненные убытки.

Е. В. Васьковский полагал, что ошибка при заключении сделки может касаться мотивов, которыми руководствуется субъект при ее заключении, существенных частей сделки, а также ее несущественных частей. Указанный автор к ошибкам в существенной части сделки относил ошибки в существе сделки, предмете сделки и в лице, с которым заключается сделка [2, с. 11–118]. К. Н. Аненков отмечал, что цивилисты: Е. В. Васьковский, А. И. Загоровский, К. П. Победоносцев, К. П. Змирлов, Г. Ф. Шершеневич придерживались точки зрения, что ошибка в некоторых случаях должна влечь за собой недействительность сделки, когда она касается или лица контрагента, или содержания сделки, или же существенных качеств ее предмета [21, с. 416]. Ошибки в мотивах, которыми руковод-

ствовался субъект, заключая сделку, а также заблуждение лица в несущественных частях сделки цивилисты не относили к основаниям для признания договора недействительным. Так, А. И. Загоровский считал, что доктрина не относит к основанию недействительности сделки ни заблуждение лица в мотивах совершения сделки, ни заблуждение в остальных ее частях [22, с. 12–14]. Таким образом, ошибка лица, заключающего договор в его существенных частях, а именно в существе и предмете сделки, а также в контрагенте по сделке, по мнению российских цивилистов, являлась основанием для признания заключенного соглашения недействительным.

Основной причиной, по которой цивилисты предлагали считать недействительными договоры с ошибками в существенных его частях (существо и предмет договора, контрагент по сделке), являлось несоответствие действительной воли сторон заключенному ими соглашению. При заключении договоров по телеграфу в телеграфной депеше могли содержаться ошибки, касающиеся существенных частей сделки, в частности ошибки в существе и предмете соглашения. В. Д. Катков приводил следующие примеры ошибок при передаче телеграмм при заключении договоров посредством телеграфа: «Вместо *verkaufen Sie* телеграмма передает приказ *kaufen Sie*; вместо *by sail* (парусным судном) – *by rail* (железной дорогой) и т.д.» [14, с. 84]. В первом примере речь идет об ошибке в существе сделки. Вместо предложения о продаже (*verkaufen Sie*) в телеграфной депеше содержится предложение о покупке (*kaufen Sie*). Во втором случае следует говорить об ошибке в предмете соглашения. Вместо предложения о заключении договора перевозки водным транспортом передается телеграмма с ошибкой в предмете договора и предлагается перевозка транспортом железнодорожным. Если договор заключен на основании телеграммы, содержащей ошибку в существенных частях сделки

(например, облат просил продать ему два пуда муки, а пропонент получил телеграмму с просьбой о продаже трех пудов мыла), такой договор является недействительным. Возникает вопрос о лице, которое примет на себя ответственность за правовые последствия признания сделки недействительной (реституция) и возместит другой стороне причиненные убытки.

На первый взгляд лицо, обязанное нести ответственность, очевидно – это телеграфная станция, по чьей вине допущена ошибка в телеграмме. Ведь именно ошибка телеграфной администрации при передаче депеши и привела к заключению сторонами договора, не соответствующего их действительной воле и волеизъявлению. Однако предъявление сторонами договора к телеграфной станции каких-либо гражданско-правовых требований, связанных с ошибкой в телеграмме, исключалось. В конце XIX – начале XX в. телеграф имел важное общественное значение, использовался в том числе в области обороны, охраны правопорядка и ликвидации чрезвычайных ситуаций, в связи с чем телеграф с 1855 г. являлся предметом ведения органов государственной власти: «Никакая телеграфная линия не может принадлежать частной компании или быть в частном управлении, но должна непременно состоять в непосредственном ведении и управлении правительства» [23, с. 144]. Телеграфные станции находились в ведении Телеграфного департамента Министерства внутренних дел, за исключением станций, используемых в военных и правоохранительных целях. Поскольку в России телеграф находился в ведении государства, последнее не принимало на себя ответственность за юридические последствия неверной передачи содержания телеграфного сообщения либо ошибочного доставления телеграфной депеши лицу, не являющемуся ее адресатом.

Исключение государства из числа субъектов, ответственных за последствия

ошибок при передаче телеграфного сообщения, было закреплено на законодательном уровне. Так, в статье 10 (Глава вторая, Отделение первое) Устава телеграфного, издания 1876 г., прямо устанавливалось: «За последствия неверной передачи телеграмм и неправильного их доставления правительство ответственности не принимает» [24, с. 4]. Аналогичные нормы о том, что государство не является субъектом ответственности за допущенные при передаче телеграфных сообщений ошибки, содержались также и в международных актах, участницей которых являлась Российская империя. Например, в статье 3 Международной телеграфной конвенции, заключенной в Санкт-Петербурге в 1875 г., участниками которой являлись Россия и ряд европейских государств, устанавливалось, что участники конвенции не принимают на себя никакой ответственности в отношении международной телеграфной службы [25, с. 317].

Поскольку предъявление к телеграфной администрации требования о возмещении убытков, причиненных сторонам договора в результате передачи телеграфной станцией депеши, содержащей ошибку, исключалось, в доктрине выработалась позиция о возложении указанных убытков на одну из сторон договорных отношений.

Цивилисты считали телеграф ненадежным средством передачи юридически значимых сообщений. По этой причине, если соответствующая сторона прибегла к помощи телеграфа при заключении договора, то она должна принять на себя риск правовых последствий возможных ошибок (искажений) при передаче телеграммы, т. е. основанием возложения ответственности либо на отправителя телеграммы (оферента), либо на ее получателя (акцептанта) является то обстоятельство, что сторона воспользовалась ненадежным способом передачи предложения о заключении договора – телеграфом. В

частности, данного мнения придерживался П. П. Цитович [9, с. 122–123].

Таким образом, договор, заключенный посредством телеграфа, содержащий ошибки в существенных частях договора, является недействительной сделкой, ответственность за ошибки при передаче телеграфного сообщения возлагается как на отправителя телеграммы (оферента), так и на ее получателя (акцептанта), а основанием ответственности является факт использования ненадежного средства передачи юридически значимого сообщения – телеграфа.

Выводы

Проведенное в настоящей статье исследование научных взглядов российских цивилистов конца XIX – начала XX в. на заключение договоров с использованием телефона и телеграфа позволило сделать следующие выводы:

1. Договор, при заключении которого момент волеизъявления оферента и момент волеизъявления акцептанта не совпадают во времени, относится к договорам между отсутствующими.

2. Договор, при заключении которого момент волеизъявления оферента и момент волеизъявления акцептанта совпадают во времени, относится к договорам между присутствующими.

3. Теория о договоре между отсутствующими лицами применялась к сделкам, заключенным с использованием телеграфа.

4. Теория о заключении договора между присутствующими лицами применялась к сделкам, заключенным с использованием телеграфа.

5. К моменту заключения договоров между отсутствующими лицами применялись четыре основные теории: теория восприятия (*Vernehmungstheorie*), теория получения (*Empfangstheorie*), теория от-

правления (Uebermittlungstheorie), теория изъявления (Aeusserungstheorie).

6. Согласно теории восприятия моментом заключения договора между отсутствующими лицами посредством телеграфа является момент ознакомления (восприятия) лица, предложившего заключить договор (оферента), с телеграммой лица, принявшего предложение (акцептанта) о согласии заключить договор.

7. Согласно теории получения моментом заключения договора между отсутствующими лицами посредством телеграфа является момент получения лицом, предложившим заключить договор (оферентом), телеграммы лица, принявшего предложение (акцептанта) о согласии заключить договор.

8. Согласно теории отправления моментом заключения договора между отсутствующими лицами посредством телеграфа является момент приема телеграфной станцией от лица, принявшего предложение (акцептанта), телеграммы о согласии заключить договор, адресованной лицу, предложившему заключить договор (оференту).

9. Согласно теории изъявления моментом заключения договора между отсутствующими лицами посредством телеграфа является момент, когда лицо, которому направлена телеграмма о заключе-

нии договора (акцептант), принимает предложение лица, сделавшего такое предложение (оферента).

10. Моментом заключения договора между присутствующими лицами посредством телефона является момент, когда лицо, которому сделано предложение о заключении договора (акцептант) вербально, по телефону, выражает лицу, сделавшему предложение (оференту), согласие на его заключение.

11. Договор, заключенный между присутствующими лицами с использованием телефона, относится к сделкам, совершенным в устной форме.

12. Договор, заключенный между отсутствующими лицами с использованием телеграфа, относится к сделкам, заключенным в конклюдентной форме.

13. Договор, заключенный посредством телеграфа, содержащий ошибки в существенных частях договора, является недействительной сделкой; ответственность за ошибки при передаче телеграфного сообщения возлагается как на отправителя телеграммы (оферента), так и на ее получателя (акцептанта), а основанием ответственности является факт использования ненадежного средства передачи юридически значимого сообщения – телеграфа.

Список литературы

1. Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Ч. 3: Договоры и обязательства. М.: Статут, 2003. 622 с.
2. Васильковский Е. В. Учебник русского гражданского права. Вып. 1. Введение и общая часть. СПб.: Изд. юрид. кн. магазина Н. К. Мартынова, 1894. 169 с.
3. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. Пг.: Изд. Юрид. кн. склада «Право», 1917. 328 с.
4. Гамбаров Ю. С. Курс гражданского права. Т. 1: Часть общая. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1911. 780 с.
5. Евецкий А. А. О договоре между отсутствующими // Журнал гражданского и уголовного права. 1880. № 9. С. 110–121.

6. Синайский В. И. Русское гражданское право. Вып. II. Обязательственное, семейное, наследственное право. Киев: Тип. Р. К. Лубковского, 1915. 451 с.
7. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. Т. XXX (60). СПб.: Тип. Акц. общ. «Издательское дело», Брокгауз – Ефрон, 1900. 960 с.
8. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. Казань: Изд. кн. магазина Бр. Башмаковых, 1902. 793 с.
9. Цитович П. П. Очерк основных понятий торгового права. Киев: Тип. И. Н. Кушнера и Ко, 1886. 248 с.
10. Мейер Д. И. Русское гражданское право. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1910. 736 с.
11. Ефименко П. Договор купли-продажи по обычаям, преимущественно торговым // Юридический вестник. 1879. № 12. С. 905–942.
12. Дювернуа Н. Л. Чтения по гражданскому праву. Введение и часть общая. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1905. 286 с.
13. Гольмстен А. Х. Очерки по русскому торговому праву. Выпуск первый. СПб.: Тип. Д. В. Чичнадзе, 1895. 210 с.
14. Катков В. Д. Заключение договоров при посредстве электричества // Журнал Юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. 1896. Кн. 7. С. 77–88.
15. Гуссаковский П. Н. Договоры между отсутствующими. Пг.: Сенатская тип., 1917. 69 с.
16. Цвингман В. М. О влиянии техники на развитие договорного права // Журнал Министерства юстиции. 1902. № 8. С. 149–173.
17. Дормидонтов Г. О. Юридические фикции и презумпции. Классификация явлений юридического быта, относимых к случаям применения фикций. Казань: Типо-литогр. Императорского ун-та, 1895. 176 с.
18. Шершеневич Г. Ф. Учебник торгового права. Издание девятое (второе посмертное). М.: Московское науч. из., 1919. 373 с.
19. Гуляев А. И. Торговля и торговые установления. М.: Изд. В.М. Саблина, 1912. 293 с.
20. Ельяшевич Ф. Договор по телефону // Журнал Министерства юстиции. 1910. № 7. С. 294–300.
21. Аненков К. Н. Система русского гражданского права. Введение и Общая часть. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. 672 с.
22. Загоровский А. И. Принуждение, ошибка и обман и их влияние на юридическую сделку // Юридический вестник. 1890. № 1. С. 3–12.
23. Министерство внутренних дел. Исторический очерк. Приложение второе. Почта и телеграф в XIX столетии. СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1901. 262 с.
24. Устав телеграфный: Изд. 1876 г. СПб.: Тип. 2. Отд. Собств. е. и. вел. канцелярии, 1876. 19 с.
25. Сборник действующих трактатов, конвенций и соглашений, заключенных Россией с другими государствами и касающихся различных вопросов частного международного права. Т. 2. СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1890. 567 с.

References

1. Pobedonoscev K. P. Kurs grazhdanskogo prava. Ch. 3. Dogovory i obyazatel'stva [Course of civil law. Part 3. Contracts and obligations]. Moscow, Statut Publ., 2003. 622 p.

2. Vas'kovskij E. V. Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava. Vyp. 1. Vvedenie i obshchaya chast' [Textbook of Russian civil law. Issue 1. Introduction and general part]. St. Petersburg, Izd. jurid. kn. magazina N. K. Martynova, 1894. 169 p.
3. Pokrovskij I. A. Osnovnye problemy grazhdanskogo prava [The main problems of civil law]. Petrograd, Izd. Yurid. kn. sklada "Pravo", 1917. 328 p.
4. Gambarov Yu. S. Kurs grazhdanskogo prava. T. 1. Chast' obshchaya [Civil Law Course. Vol 1. General part]. St. Petersburg, Tip. M. M. Stasyulevicha, 1911. 780 p.
5. Eveckij A. A. O dogovore mezhdru otsutstvuyushchimi [About the contract between the absent]. *Zhurnal grazhdanskogo i ugolovno go prava = Journal of Civil and Criminal Law*, 1880, no. 9, pp. 110–121.
6. Sinajskij V. I. Russkoe grazhdanskoe pravo. Vyp. II. Obyazatel'stvennoe, semejnoe, nasledstvennoe pravo [Russian civil law. Is. II. Obligation, family, inheritance law]. Kiev, Tip. R. K. Lubkovskogo, 1915. 451 p.
7. Brokgauz F. A., Efron I. A. Enciklopedicheskij slovar' [Encyclopedic Dictionary]. Tom XXX (60). St. Petersburg, Tip. Akc. obshch. "Izdatel'skoe delo", Brokyauz – Efron, 1900. 960 p.
8. Shershenevich G. F. Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava [Textbook of Russian Civil Law]. Kazan', Izd. kn. magazina Br. Bashmakovyh, 1902. 793 p.
9. Citovich P. P. Oчерк osnovnyh ponyatij torgovogo prava [An outline of the basic concepts of commercial law]. Kiev, Tip. I. N. Kushnereva i Ko, 1886. 248 p.
10. Mejer D. I. Russkoe grazhdanskoe pravo [Russian Civil Law]. St. Petersburg, Tip. M. Merkusheva, 1910. 736 p.
11. Efimenko P. Dogovor kupli-prodazhi po obyčajam, preimushchestvenno torgovym [The contract of sale according to customs, mainly trade]. *Yuridicheskij vestnik = Legal Bulletin*, 1879, no. 12, pp. 905–942.
12. Dyuvernua N. L. Chteniya po grazhdanskomu pravu. Vvedenie i chast' obshchaya [Readings on civil law. Introduction and general part]. St. Petersburg, Tip. M. M. Stasyulevicha, 1905. 286 p.
13. Gol'msten A. H. Oчерki po russkomu torgovomu pravu [Essays on Russian commercial law]. Is. 1. St. Petersburg, Tip. D. V. Chichnadze, 1895. 210 p.
14. Katkov V. D. Zaklyuchenie dogovorov pri posredstve elektrichestva [Conclusion of contracts through electricity]. *Zhurnal Yuridicheskogo obshchestva pri Imperatorskom Sankt-Peterburgskom universitete = Journal of the Law Society at the Imperial St. Petersburg University*, 1896, book 7, pp. 77–88.
15. Gussakovskij P. N. Dogovory mezhdru otsutstvuyushchimi [Contracts between absent]. Petrograd, Senatskaya tip., 1917. 69 p.
16. Cvingman V. M. O vliyaniі tekhniki na razvitie dogovornogo prava [On the influence of technology on the development of contract law]. *Zhurnal Ministerstva yusticii = Journal of the Ministry of Justice*, 1902, no. 8, pp. 149–173.
17. Dormidontov G. O. Yuridicheskie fikcii i prezumpcii. Klassifikaciya yavlenij yuridicheskogo byta, odnosimyh k sluchayam primeneniya fikcij [Legal fictions and presumptions. Classification of the phenomena of legal life related to the cases of the use of fictions]. Kazan', Tipolitogr. Imperatorskogo un-ta, 1895. 176 p.
18. Shershenevich G. F. Uchebnik torgovogo prava [Textbook of commercial law]. Ninth edition (second posthumous). Moscow, Moskovskoe nauch. iz., 1919. 373 p.
19. Gulyaev A. I. Torgovlya i torgovyе ustanovleniya [Trade and trade regulations]. Moscow, Izd. V. M. Sablina, 1912. 293 p.
20. El'yashevich F. Dogovor po telefonu [Contract by phone]. *Zhurnal Ministerstva yusticii = Journal of the Ministry of Justice*, 1910, no. 7, pp. 294–300.

21. Anenkov K. N. Sistema russkogo grazhdanskogo prava. Vvedenie i Obshchaya chast' [The system of Russian civil law. Introduction and General part]. St. Petersburg, Tip. M. M. Stasyulevicha, 1899. 672 p.

22. Zagorovskij A. I. Prinuzhdenie, oshibka i obman i ih vliyanie na yuridicheskuyu sdelku [Coercion, error and deception and their impact on a legal transaction]. *Yuridicheskij vestnik = Legal Bulletin*, 1890, no. 1, pp. 3–12.

23. Ministerstvo vnutrennih del. Istoricheskij ocherk. Prilozhenie vtoroje. Pochta i telegraf v XIX stoletii [Ministry of Internal Affairs. Historical essay. Appendix two. Post and telegraph in the XIX century]. St. Petersburg, Tip. Ministerstva vnutrennih del, 1901. 262 p.

24. Ustav telegrafnyj [Telegraph Charter]. Izd. 1876 g. St. Petersburg, Tip. 2. Otd. Sobstv. e. i. vel. Kancelyarii, 1876. 19 p.

25. Sbornik dejstvuyushchih traktatov, konvencij i soglashenij, zaklyuchennyh Rossiej s drugimi gosudarstvami i kasayushchihsya razlichnyh voprosov chastnogo mezhdunarodnogo prava [Collection of current treaties, conventions and agreements concluded by Russia with other States and related to various issues of private international law]. Vol. 2. St. Petersburg, Tip. Trenke i Fyusno, 1890. 567 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Трофимов Антон Александрович, аспирант кафедры гражданского права и процесса, Псковский государственный университет, г. Псков, Российская Федерация, e-mail: legist60@mail.ru, ORCID: 0009-0001-9832-4729

Anton A. Trofimov, Post-Graduate Student of the Department of Civil Law and Process, Pskov State University, Pskov, Russian Federation, e-mail: legist60@mail.ru, ORCID: 0009-0001-9832-4729

О компенсации морального вреда по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации: теоретический и правоприменительный аспекты

К. Ю. Шелухин¹ ✉, А. Н. Сурков¹, О. А. Коротких¹

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: gpkursk@yandex.ru

Резюме

Актуальность. В статье исследуется проблема компенсации морального вреда как одного из способов защиты чести, достоинства и деловой репутации в соответствии со статьей 151 «Компенсация морального вреда» Гражданского кодекса Российской Федерации. Изучены доктринальные подходы к понятию морального вреда и другим категориям этого института, дается оценка тенденций правоприменительной практики по разрешению подобных споров. В работе нашли отражение новые разъяснения Верховного Суда Российской Федерации по делам о взыскании компенсации морального вреда, а также правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации в отношении положений ч. 1 статьи 151 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Целью исследования является углубление научного знания о моральном вреде как способе защиты чести, достоинства и деловой репутации и разработка теоретических и законодательных предложений, направленных на единообразное применение компенсации морального вреда по таким делам.

Задачи: проанализировать обзоры судебной практики, решения по искам о взыскании морального вреда, правовые позиции Конституционного и Верховного судов Российской Федерации и выявить проблемы в способах защиты указанных нематериальных благ гражданина.

Методологию составили общенаучные (дедукция, индукция, анализ и синтез) и частнонаучные методы (формально-юридический, логический, анализ судебной практики, системно-аналитический) в их различном сочетании.

Результаты содержат оригинальные предложения теоретико-прикладного и законодательного характера, способствующие совершенствованию института морального вреда как способа компенсации за неправомерные действия против чести, достоинства и деловой репутации гражданина.

Вывод. Формулируется позиция авторов о нецелесообразности закрепления в законе принципа «презумпции морального вреда» и необходимости модернизации редакции статей 151 и 1099 Гражданского кодекса Российской Федерации в части исключения ограничений взыскания морального вреда, причиненного человеку применительно к имущественному вреду. Констатируется наличие судебного усмотрения при определении размера компенсации морального вреда, ограничение которого возможно с учетом критериев, обозначенных в новом постановлении № 33.

Ключевые слова: моральный вред; нематериальные блага; честь; достоинство; деловая репутация; порочащие сведения; компенсация морального вреда.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Шелухин К. Ю., Сурков А. Н., Коротких О. А. О компенсации морального вреда по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации: теоретический и правоприменительный аспекты // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 2. С. 83–96. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-2-83-96>.

Поступила в редакцию 19.02.2023

Принята к публикации 13.03.2023

Опубликована 28.04.2023

© Шелухин К. Ю., Сурков А. Н., Коротких О. А., 2023

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2023; 13(2): 83–96

On Compensation for Moral Damage in Cases of Protection of Honor, Dignity and Business Reputation: Theoretical and Law Enforcement Aspects

Konstantin Y. Sheluhin¹ ✉, Alexander N. Surkov¹, Olga A. Korotkih¹

¹Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str., Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: gpkursk@yandex.ru

Abstract

Relevance. The article examines the problem of compensation for moral damage as one of the ways to protect honor, dignity and business reputation in accordance with Art. 151 «Compensation for moral damage» of the Civil Code of the Russian Federation. Doctrinal approaches to the concept of moral damage and other categories of this institute have been studied, an assessment of the trends in law enforcement practice for resolving such disputes is given. The work reflected new explanations of the Supreme Court of the Russian Federation in cases of recovery of compensation for moral damage, as well as the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, which recognized Article 151 of the Civil Code of the Russian Federation as unconstitutional in part.

The purpose of the study is to deepen scientific knowledge of moral harm as a way to protect honor, dignity and business reputation and to develop theoretical and legislative proposals aimed at the uniform application of compensation for moral damage in such cases.

Objectives: to analyze reviews of judicial practice, decisions on claims for recovery of moral damage, legal positions of the Constitutional and Supreme Courts of the Russian Federation and to identify gaps in the methods of protection of these intangible benefits of a citizen.

The methodology was compiled by general scientific (deductions, induction, analysis and synthesis) and private scientific methods (formal-legal, logical, analysis of judicial practice, system-analytical) in their various combination.

The results contain original proposals of a theoretical, applied and legislative nature, contributing to the effectiveness of the institution of moral damage as a way of compensation for unlawful actions against the honor, dignity and business reputation of a citizen.

Conclusion. The author's position is formulated on the inexpediency of the principle of "presumption of moral damage" and the need to modernize the version of Art. Art. 151 and 1099 of the Civil Code of the Russian Federation in terms of excluding restrictions on the collection of moral damage caused to a person in relation to property damage. It is stated that there is judicial discretion in determining the amount of compensation for non-pecuniary damage, the limitation of which is possible taking into account the criteria outlined in the new resolution № 33.

Keywords: moral damage; intangible goods; honor; dignity; business reputation; defamatory information; compensation for moral damage.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Sheluhin K. Y., Surkov A. N., Korotkih O. A. On Compensation for Moral Damage in Cases of Protection of Honor, Dignity and Business Reputation: Theoretical and Law Enforcement Aspects. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2023; 13(2): 83–96. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-2-83-96>.

Received 10.02.2023

Accepted 13.03.2023

Published 28.04.2023

Введение

Мировая глобализация, тотальная информатизация общества, ставшие следствием развития информационных

технологий, породили массовые случаи совершения неправомерных деяний, посягающих на честь, достоинство и деловую репутацию людей. Право граждан на защиту чести, достоинства и деловой ре-

путации является их конституционным правом¹. Одним из способов защиты гражданином этих нематериальных благ, предусмотренных ст. 12 «Способы защиты гражданских прав», ст. 151 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), является компенсация морального вреда, которая применяется для восстановления положения, существовавшего до момента их ущемления. В Обзоре практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации² Верховный Суд РФ отметил, что компенсация морального вреда является востребованным способом гражданско-правовой защиты этих нематериальных благ.

Судебная практика показывает, что особую сложность для истца представляет обоснование степени его физических и нравственных страданий, результатом чего является решение судов о небольшом размере компенсации морального вреда. Для обеспечения единства практики применения судами норм о компенсации морального вреда Верховный Суд РФ принял Постановление от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда»³ (далее – Постановление № 33) и

признал утратившими силу прежние разъяснения⁴. В нем высшая судебная инстанция особое внимание уделила рассмотрению споров о компенсации морального вреда за распространение сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию гражданина, что обуславливает актуальность избранной авторами темы.

Проблема компенсации морального вреда по делам этой категории относится к числу наиболее исследованных в науке, однако, как и прежде, дискуссионных, вызывающих множество споров среди отечественных ученых-цивилистов. Она предметно рассматривалась в монографиях, комментариях и статьях А. М. Эрделевского [1; 2], М. Н. Малеиной [3; 4], А. В. Белявского, Н. А. Придворова [5], И. А. Покровского [6], В. А. Тархова [7], И. А. Фаст [8], А. В. Шичанина [9], Р. Х. Давыдова [10] и других авторов. Несмотря на обилие публикаций в отечественной и зарубежной юридической литературе эта тематика не утрачивает своей актуальности и нуждается в дальнейшей разработке, и в том числе с учетом нового толкования многих положений закона о моральном вреде Верховным Судом России.

Методология

Для достижения поставленной цели и решения задач в процессе исследования применялся комплексный подход к изучению проблемных вопросов компенсации морального вреда как способа защиты чести, достоинства и деловой репутации человека. Общенаучные и специаль-

¹ О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 // Верховный Суд Рос. Федерации: сайт. URL: <https://www.vsrif.ru/documents/own/8288/> (дата обращения: 03.02.2023).

² Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации: утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 16 марта 2016 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 10.

³ О практике применения судами норм о компенсации морального вреда: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2022 г. № 33 // Верховный Суд Рос. Федерации: сайт. URL:

<https://www.vsrif.ru/documents/own/31761/> (дата обращения: 03.02.2023).

⁴ Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 1994 г. № 10: [ред. от 06.02.2007] // Верховный Суд Рос. Федерации: сайт. URL: <https://www.vsrif.ru/documents/own/8282/> (дата обращения: 03.02.2023).

но-юридические методы, использованные в работе, обусловлены ее темой. Методы дедукции, индукции, анализа и синтеза способствовали всестороннему изучению заявленной темы, получению объективных, научно обоснованных и достоверных результатов, позволяющих их использовать в теории и правоприменении.

Формально-юридический метод позволил установить особенности гражданско-правового регулирования института морального вреда, проанализировать, уяснить и выявить недостатки понятийно-категориального аппарата и проработать научную литературу по рассматриваемой проблеме. Метод анализа судебной практики нашел применение при изучении решений по искам о взыскании компенсации за причинение морального вреда чести, достоинству и деловой репутации в соответствии со ст. 151 ГК РФ, а также постановлений Конституционного и Верховного судов России. Логический метод использовался при систематизации и описании полученного материала, выстраивании суждений и выводов; системно-аналитический и комплексный – при формулировании теоретических положений и законодательных предложений по совершенствованию института компенсации морального вреда по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации.

Результаты и их обсуждение

Право гражданина на компенсацию морального вреда, если он причинен чести, достоинству и деловой репутации неправомерными действиями, охраняют, прежде всего, положения двух норм – ст. 12 и ст. 151 ГК РФ, а также ст. 1100–1101 ГК РФ об основаниях, способе и размере компенсации морального вреда. В основе механизма компенсации морального вреда за посягательства на честь, достоинство и деловую репутацию лежит идея защиты человеческого достоинства, поскольку эти нематериальные блага не имеют стоимостной оценки.

Именно потому вред, причиненный душевному состоянию личности, не может быть возмещен, а только компенсирован [11, с. 73].

В соответствии с ч. 1 ст. 151 ГК РФ, если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда. Компенсация морального вреда как способ защиты чести, достоинства и деловой репутации выступает в первую очередь средством охраны прав гражданина от разного рода измышлений, умаляющих или порочащих указанные блага. Согласно ч. 2 ст. 151 ГК РФ при определении размеров компенсации морального вреда суд принимает во внимание степень вины причинителя вреда, его противоправное поведение в форме действия или бездействия и иные заслуживающие внимания обстоятельства. Суд должен также учитывать степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями гражданина, которому причинен вред. К защите деловой репутации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей компенсация морального вреда не применяется.

В этой части работы следует определиться с терминологией исследования и, прежде всего, с понятием морального вреда, которое по сей день обсуждается в науке. Им принято считать те страдания гражданина, которые связаны с причинением вреда чести, достоинству личности, деловой репутации. Как подметил А. М. Эрделевский, «наличие морального вреда влечет негативные изменения в психической сфере человека, выражающиеся в претерпевании последним физических и нравственных страданий» [1, с. 188]. Ученый выделяет и виды такого

вреда – первичный и отдаленный. По его мнению, первичный – тот, что выражается в психических страданиях в связи с распространением информации, не соответствующей действительности, а вторичный может проявляться в физических страданиях от болезней, вызванных первичным вредом переживания (к примеру, гипертонический криз, инсульт и т. д.).

Правоведы полагают, что не всякие страдания гражданина влекут за собой право на компенсацию морального вреда, а исключительно нравственные переживания, необязательно связанные с физическими страданиями [7, с. 14; 12, с. 99–100]. Сторонники этой позиции настаивают на неверности толкования морального вреда как физических страданий, поскольку они есть результат причинения физической боли, а физический вред не может быть имущественным, а значит моральным [9, с. 7; 13, с. 216; 14, с. 14]. Моральный вред, как пишет М. Е. Маленина, может заключаться «в испытываемом страхе, унижении, беспомощности, стыде, разочаровании, в переживании иного дискомфортного состояния» [4, с. 52]. С учётом этих аргументов учеными предлагалось произвести замену термина «моральный вред» на термин «нематериальный вред» или «нематериальный вред» [15, с. 97] как универсальный и более точный, включающий в себя и нравственные, и физические страдания. А. М. Эрделевский предлагает здесь иное решение: поскольку ущерб наносится не морали потерпевшего, а выражается в психических страданиях в результате физического ущерба или психологической травмы, вместо термина «моральный вред» в научный и законодательный оборот следует ввести понятие «психический вред» [2, с. 39]. Такая замена, по нашему мнению, не может быть поддержана, поскольку термин «моральный вред» является устойчивым словосочетанием, давно используемым и в науке, и в практике, и его не вполне точное буквальное значение не влияет на суть принимаемых ре-

шений. Думается, в этой части дискуссия в научной литературе будет продолжена, поскольку Пленум Верховного Суда РФ в новом Постановлении № 33 избрал классическую модель и наименования, и содержания морального вреда.

Разработчики Постановления № 33 обновили понятие морального вреда и разъяснили понятия физических и нравственных страданий в отличие от текста признанного утратившим силу Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда». Приведем не полную, а часть дефиниции морального вреда применительно к теме исследования: под моральным вредом понимаются нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (например, достоинство личности, свободу, честь и доброе имя). Под физическими страданиями Верховный Суд РФ предлагает понимать физическую боль, связанную с причинением увечья, иным повреждением здоровья, либо заболеванием, в том числе перенесенное в результате нравственных страданий, ограничение возможности передвижения вследствие повреждения здоровья, неблагоприятные ощущения или болезненные симптомы. Нравственными страданиями, по мнению судей, являются страдания, относящиеся к душевному неблагополучию (нарушению душевного спокойствия) человека (чувства страха, унижения, беспомощности, стыда, разочарования, осознание своей неполноценности из-за наличия ограничений, обусловленных причинением увечья, переживания в связи с утратой родственников, потерей работы, невозможностью продолжать активную общественную жизнь, раскрытием семейной или врачебной тайны, распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих

честь, достоинство или деловую репутацию, временным ограничением или лишением каких-либо прав и другие негативные эмоции). До опубликования новой позиции Верховным Судом РФ общефедеральные суды, как показывает мониторинг решений, определяли физические или нравственные страдания как «эмоциональное состояние человека, обусловленное негативными переживаниями, возникающими под действием травмирующих его психику событий и влияющими на его настроение, самочувствие и, само собой разумеется, здоровье. Страдания, как правило, сопровождаются стрессом, чувством тревоги, страха, горя, стыда, поэтому наличие этих признаков подтверждает пережитые человеком страдания и может служить доказательством причинения ему нравственного или физического вреда»¹.

Анализ судебной практики показывает, что единого алгоритма в решениях о компенсации морального вреда за неправомерные деяния в отношении чести, достоинства или деловой репутации при использовании названной формы защиты гражданских прав нет. Мониторинг отечественного правоприменения по делам этой категории показывает:

1. *Решениями по искам о защите чести, достоинства или деловой репутации суды де-факто легализовали презумпцию морального вреда*, что недопустимо. Если судом устанавливается наличие противоправного виновного деяния в виде причинения вреда чести, достоинству или деловой репутации, требования о компенсации морального вреда как производные от основного иска удовлетворяются автоматически, по умолчанию. Здесь суд разрешает вопрос только о размере компенсации вопреки тому, что

необходимо доказать наличие самого морального вреда или физических или нравственных страданий потерпевшего из-за действий, умаляющих честь, достоинство или деловую репутацию, и причинную связь между ними [16, с. 43]. К примеру, Октябрьский районный суд г. Иваново в решении от 29.08.2019 по делу № 2-1345/2019 использовал следующую мотивировку для взыскания морального вреда: «Исходя из ст. 1100 ГК РФ в случае причинения вреда распространением сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию, *наличие морального вреда предполагается*. Суд считает установленным, что *самим фактом распространения ответчиком недостоверных сведений, порочащих честь и достоинство истца, последней был причинен вред, выразившийся в нравственных страданиях, безусловно испытываемых истцом в данной ситуации*»². В подборке судебных актов по рассмотрению этой категории дел из 250 решений с удовлетворением требований о компенсации морального вреда подобную формулировку использовали 98% судей.

Многие ученые считают такую практику верной, поскольку не представляется возможным установить наличие и степень глубины негативных изменений в психике человека, перенесшего физические и нравственные страдания в отсутствие их внешнего проявления. В теории имеется и другая позиция, что одни и те же деяния вызывают разные последствия, и кто-то из потерпевших испытывает острые переживания, а кто-то реагирует спокойно, без эмоций [17, с. 92]. Привести точные доказательства причинения морального вреда очень сложно, а потому многие исследователи поддерживают идею закрепления в законе принципа

¹ Решение Октябрьского городского суда Республики Башкортостан от 14.01.2020 по делу № 2-475/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/jdwFsruFf8Wm/?regular> (дата обращения: 09.02.2023).

² Решение Октябрьского районного суда г. Иваново от 29.08.2019 по делу № 2-1345/2019 // Судебные и нормативные акты. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/qXwoCLPcm1UT/?regular> (дата обращения: 09.02.2022).

«презумпции морального вреда» [18, с. 15]. Как пишут Ж. Ю. Юзефович и А. О. Лукашов, это позволит пострадавшим «избавиться от доказывания очевидного факта о том, что любое правонарушение, не обязательно даже затронувшее неимущественные права человека, в любом случае оставит у него чувство обиды, моральную боль и переживания, что может сказаться и на физическом здоровье. Презюмирование же причинения морального вреда упростит доказывание и так очевидных фактов в суде, и устранил противоречия между уже наработанной судебной практикой и действующим законодательством» [19, с. 77].

Полагаем, с подобными предложениями согласиться нельзя. Только суд по каждому конкретному иску должен установить тот объективный критерий, согласно которому возможно определить наличие или отсутствие страданий у лица, обратившегося за защитой нематериальных благ [20, с. 92]. Думается, учитывая эту порочную практику, высшая судебная инстанция в п. 12 нового постановления Пленума повторно разъяснила, что условиями и основаниями компенсации морального вреда его причинителем являются физические или нравственные страдания потерпевшего; неправомерные действия (бездействие) причинителя вреда; причинная связь между неправомерными действиями (бездействием) и моральным вредом; вина причинителя вреда (ст. 151, 1064, 1099 и 1100 ГК РФ). В п. 26 Верховный Суд РФ указал, что при определении размера компенсации морального вреда суд должен установить те действия или бездействие причинителя вреда, которые явились посягательством на принадлежащие заявителю нематериальные блага, причинную связь между действиями (бездействием) причинителя вреда и наступившими негативными последствиями, а также полноту мер, принятых им для снижения (исключения) вреда. Моральный вред подлежит компенсации независимо от того, причинен

ли вред умышленно или по неосторожности, однако форму и степень вины причинителя вреда суд обязан учитывать при определении размера компенсации.

2. *Формальным основанием отказа в удовлетворении иска о компенсации морального вреда при посягательстве на достоинство личности является тот факт, что действия ответчика нарушили не материальные блага, а имущественные права истца.* Статьи 151 и 1099 ГК РФ устанавливают следующее правило: имущественный вред подлежит защите путем применения данного способа, но в случаях, специально предусмотренных законом. В этой связи Конституционный Суд РФ в постановлении по делу о проверке конституционности статьи 151 ГК РФ в связи с жалобой гражданина С. Ф. Шиловского сформулировал правовую позицию о том, что ее толкование «как основание для отказа в компенсации морального вреда, причиненного гражданину совершенным в отношении него преступлением против собственности, в силу одного лишь факта квалификации данного деяния как посягающего на имущественные права» не соответствует Конституции¹. Из материалов жалобы в Конституционный Суд РФ следует, что С. Ф. Шиловский обратился с иском в суд о компенсации морального вреда после осуждения санитара морга И., получившего от заявителя путем обмана денежные средства в размере 6 тыс. руб. за услуги морга по подготовке тела его матери к погребению и выдачу ее трупа для захоронения. Всеми судебными инстанциями в удовлетворении иска заявителю было отказано в связи с причинением ему имущественного вреда. Кон-

¹ По делу о проверке конституционности статьи 151 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. Ф. Шиловского: Постановление Конституционного Суда РФ от 26 окт. 2021 г. № 45-П // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_346640/ (дата обращения: 27.01.2022).

ституционный Суд РФ указал, что спорная норма «не исключает компенсацию морального вреда в случае совершения в отношении гражданина преступления против собственности, которое нарушает не только имущественные права данного лица, но и посягает на принадлежащие ему нематериальные блага (включая достоинство личности), если при этом такое преступление причиняет указанному лицу физические или нравственные страдания. В результате, по сути, «кощунственных действий» гражданина И., которые выражались в крайне циничном, пренебрежительном отношении как к достоинству самого заявителя, так и к памяти близкого ему человека, заявителю были причинены физические и нравственные страдания (моральный вред)». Иными словами, Конституционный Суд РФ признал право на компенсацию морального вреда и за теми истцами, чести и достоинству которых был причинён ущерб и в связи с имущественными правоотношениями.

Очевидно, после принятия Конституционным Судом РФ такого решения в п. 5 Постановления № 33 появилось развернутое разъяснение о том, что гражданин, потерпевший от преступления против собственности, также имеет право на предъявление требования о компенсации морального вреда, если ему причинены физические или нравственные страдания вследствие посягательства на принадлежащие ему нематериальные блага (ч. 1 ст. 151, ст. 1099 ГК РФ и ч. 1 ст. 44 УПК РФ), например, если его имущество похитили, он стал жертвой мошенников или ему причинили имущественный ущерб путем обмана или злоупотребления доверием. С учетом издания Постановления № 33 практика будет меняться, поскольку суд уже не сможет отклонить иск из-за того, что истец ссылается на нарушение имущественного права (ч. 1), но взыскать компенсацию можно в упомянутых в законе случаях (ч. 3). Представляется вер-

ным предложение Т. Л. Пагава об исключении словосочетания «в случаях, предусмотренных законом» из текста ст. 151 и 1099 ГК РФ, сохранив в них положения, допускающие применение компенсации морального вреда за нарушения имущественных прав [21, с. 36].

3. При разрешении вопроса о сумме компенсации морального вреда суд дает оценку характеру и степени физических и нравственных страданий истца. Он учитывает и то, каким образом информация об истце способна ущемить его честь и достоинство, негативно повлиять на его положение в обществе или деловую репутацию, сформировать отрицательное общественное мнение о нем. К примеру, Краснокамский межрайонный суд Республики Башкортостан отказал Г. в удовлетворении исковых требований о взыскании морального вреда ввиду отсутствия для него таких последствий. Он не усмотрел в высказываниях ответчиков цели сформировать негативное общественное мнение об истце, являющемся публичным человеком, депутатом Совета городского округа со стороны жителей города. В решении суд сослался на то, что «спорные выражения нельзя трактовать как утверждение о фактах, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию истца. Исходя из их построения, отрывочности, нечеткости, они являются оценочным суждением и мнением, выражающими убеждения ответчиков относительно поведения и действий истца, в связи с чем оспариваемые истцом высказывания не могут быть расценены как порочащие и проверены на их соответствие действительности в рамках настоящего гражданского спора. Доказательств, что ответчики намеревались довести изложенную в письменных обращениях информацию до сведения неопределенного круга лиц, которые могут сформировать негативное общественное мнение о деловых качествах истца, а

также причинить ему вред, суду также не представлено»¹.

Напротив, Железнодорожный районный суд г. Рязани, рассмотрев иск К. к Б., который разместил объявления оскорбительного содержания, порочащие честь и достоинство истицы в общежитии, где проживают стороны, отметил следующее: «Определяя размер подлежащей взысканию с ответчика денежной компенсации морального вреда, суд принимает во внимание характер и содержание высказываний ответчика, способ и длительность распространения недостоверных сведений, степень их влияния на формирование негативного общественного мнения об истице, то, насколько ее достоинство, социальное положение при этом были затронуты, другие отрицательные для нее последствия»².

Такой подход практики при расчете возмещения за причиненный моральный вред А. М. Эрделевский считает ошибочным, отвергая необходимость анализа содержательной стороны физических и нравственных страданий истца. Он приходит к следующему выводу: «Не представляется возможным и целесообразным ни теоретически, ни практически ввести какое-либо объективное соотношение между тошнотой и удушьем, зудом и головокружением, страхом и горем, стыдом и унижением. Поэтому для определения размера компенсации следует учитывать не вид (характер) нравственных или физических страданий, а характер и значимость тех нематериальных благ, которым

причинен вред, поскольку именно их характер и значимость для человека определяют величину причиненного морального вреда» [22, с. 135]. Верховный Суд РФ практически дословно учел это предложение в п. 27 Постановления № 33 и указал, что при определении размера компенсации морального вреда судам следует принимать во внимание, в частности: существо и значимость тех нематериальных благ потерпевшего, которым причинен вред; характер и степень умаления таких прав и благ (интенсивность, масштаб и длительность неблагоприятного воздействия), которые подлежат оценке с учетом способа причинения вреда (например, унижение чести и достоинства родителей в присутствии их детей) и др.

4. При определении размера компенсации морального вреда суды учитывают, что он может быть причинён одновременно двум и более нематериальным благам – чести и достоинству, а также деловой репутации потерпевшего. Так, решением Старооскольского городского суда в пользу гражданина А., инспектора ДПС взвода в составе отдельной роты дорожно-патрульной службы ГИБДД УМВД России по г. Старому Осколу, была взыскана компенсация морального вреда в размере 5 тыс. руб. Суд принял во внимание, что «неправомерные действия ответчика в отношении истца как гражданина и как сотрудника полиции, находящегося при исполнении своих должностных обязанностей, формируют негативное мнение, подрывают авторитет истца как представителя власти, могут способствовать утрате к нему доверия, унижают честь и достоинство офицера, умаляют деловую репутацию как сотрудника правоохранительных органов, причинили ему определенные нравственные страдания, тем самым были унижены его честь и достоинство»³.

¹ Решение Краснокамского межрайонного суда Республики Башкортостан от 07.02.2019 по делу № 2-1619/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/QRZOXeGfbt1u/?regular> (дата обращения: 19.12.2022).

² Решение Железнодорожного районного суда г. Рязани от 06.06.2016 по делу № 2-889/2016 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/HUQvoOk4876m/?regular> (дата обращения: 22.12.2022).

³ Решение Старооскольского городского суда Белгородской области от 13.11.2017 по делу № 2-2777/2017 // Судебные и норматив-

5. *Существенные различия размера компенсации морального вреда за посягательства против чести, достоинства и деловой репутации при тождественных обстоятельствах.* Причина тому – отсутствие единого подхода к определению размера компенсации морального вреда, хотя в теории гражданского права четко сформулированной признается методика А. М. Эрделевского.

Не дал четкого алгоритма расчета размера компенсации морального вреда при защите чести, достоинства и деловой репутации в новом Постановлении № 33 и Верховный Суд РФ. Это означает, что сумма компенсации зависит скорее от умения сформулировать и отразить в исковом заявлении характер и глубину негативных последствий от причиненного морального вреда, чем непосредственно реальный объем страданий гражданина [23, с. 23]. Вместе с тем согласимся с Н. В. Александровой, что в этом случае «судебное решение нельзя ставить в жесткие рамки формул, т. к. в каждом конкретном случае размеры сумм компенсации морального вреда обусловлены многими заслуживающими внимания обстоятельствами. Крайне сложно предположить заранее, какой размер денежной компенсации может являться эквивалентом перенесенных страданий. Следовательно, необходимо признать, что в судебной практике решающее значение в определении размера компенсации морального вреда по-прежнему имеет судебное усмотрение» [24, с. 43].

Еще при разработке проекта Постановления № 33 его критики указывали на неверность подхода к исчислению размера компенсации, изложенного в п. 30. В нем говорится о том, что сумма компенсации морального вреда призвана помочь потерпевшему устранить страдания либо сгладить их остроту. При этом судам при определении суммы компенсации стоит

ориентироваться на обычный уровень жизни и общий уровень доходов граждан. Как отмечают цивилисты, «компенсация морального вреда должна учитывать не усредненные параметры, а индивидуальный уровень жизни и дохода гражданина, уровень жизни членов его семьи. В противном случае говорить о справедливой компенсации не представляется возможным»¹. Думается, в этом случае обновленное толкование ущемляет права потерпевших на защиту чести, достоинства и деловой репутации. А между тем еще 18 марта 2010 г. Европейский суд по правам человека в постановлении по делу «Максимов (Maksimov) против России» указывал на необходимость национальных судов приводить достаточные мотивы присуждения конкретной суммы компенсации морального вреда заявителю. По его мнению, сумма денежной компенсации должна быть адекватной и реальной, иначе взыскание несоизмеримо малой суммы компенсации будет свидетельствовать о том, что суды не рассмотрели надлежащим образом требования заявителя и не смогли действовать в соответствии с принципом адекватного и эффективного устранения нарушения².

Выводы

1. В гражданском законодательстве, в частности в ст. 151 ГК РФ, не может быть реализован принцип презумпции морального вреда в связи с противоправ-

¹ Адвокаты проанализировали проект постановления Пленума ВС о применении норм о компенсации морального вреда // Адвокатская газета. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/advokaty-proanalizirovali-proekt-postanovleniya-plenuma-vs-o-primenenii-normo-kompensatsii-moralnogo-vreda/> (дата обращения: 19.02.2023).

² Постановление Европейского суда по правам человека от 18 марта 2010 г. по делу «Максимов (Maksimov) против России» // Conventions: сайт. URL: <https://www.conventions.ru/int/14923/> (дата обращения: 19.12.2022).

ные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/YvRr2i6pzgUr/?regular> (дата обращения: 17.12.2022).

ным посягательством на личные неимущественные права человека, т. е. освобождение потерпевшего от обязанности доказывания причинения ему нравственных или физических страданий. Такой подход чреват привилегированным положением истца, которому не надо приводить доказательства действительности причинения морального вреда. Во избежание расширения судебного усмотрения и необъективности выносимых решений ориентиры судебной практики по делам данной категории должны оставаться неизменными. В противном случае следует отказаться от того подхода, который закреплен в ГК РФ: наличие неправомερных действий причинителя вреда – нравственные и психические страдания потерпевшего – причинная связь между неправомερными действиями и моральным вредом.

2. Законодатель допускает причинение физических или нравственных страданий человека в связи с нарушением его имущественных прав, только когда в законе есть специальное указание об этом, а потому следует поддержать предложение теоретиков о модернизации редакции

ст. 151 и 1099 ГК РФ в части исключения из их текста словосочетания «в случаях, предусмотренных законом». Подобное решение позволит повысить справедливость и эффективность института морального вреда как способа восстановления гражданином его нарушенных прав и (или) возмещения причиненного вреда.

3. При определении размера компенсации морального вреда за неправомερные действия в отношении чести, достоинства или деловой репутации человека наличествует судебное усмотрение. Исправить его введением специальных таблиц и методик не представляется возможным. В каждом конкретном случае ущемления нематериальных благ человека именно суду следует устанавливать обстоятельства, влияющие на сумму компенсации, руководствуясь, прежде всего, субъективной категорией «страдания». Свести же к минимуму судебское усмотрение при разрешении исков о моральном вреде можно, придерживаясь критериев определения размера компенсации морального вреда, которые в новом Постановлении № 33 подробно разъяснил Верховный Суд России.

Список литературы

1. Эрделевский А. М. Моральный вред и компенсация за страдания. М.: БЕК, 1998. 173 с.
2. Эрделевский А. М. Компенсация морального вреда. М.: Р. Валент, 2007. 270 с.
3. Малеина М. Н. Защита личных неимущественных прав советских граждан. М.: Знание, 1991. 126 с.
4. Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. М.: МЗ Пресс, 2000. 244 с.
5. Белявский А. В., Придворов Н. А. Охрана чести и достоинства личности в СССР. М.: Юрид. лит., 1971. 208 с.
6. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. 8-е изд-е. М.: Статут, 2020. 351 с.
7. Тархов В. А. О возмещении морального вреда // Вестник Саратовской государственной академии права. 1996. № 1. С. 13–19.
8. Фаст И. А. Компенсация морального вреда при причинении вреда жизни и здоровью: практические итоги 25 лет существования института в Российской Федерации // Евразийская адвокатура. 2018. № 5. С. 58–75.
9. Шичанин А. В. Проблемы становления и перспективы развития института возмещения морального вреда: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. 34 с.

10. Давыдов Р. Х. Проблемы защиты чести, достоинства и деловой репутации по законодательству Российской Федерации // Экономика. Право. Общество. 2020. Т. 5, № 1 (21). С. 57–62.
11. Колесникова М. М., Семенов А. В. Компенсация морального вреда как способ защиты чести, достоинства и деловой репутации // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 2 (44). С. 72–86.
12. Власов А. А. Проблемы судебной защиты чести, достоинства и деловой репутации. М.: Изд. им. Сабашниковых, 2000. 344 с.
13. Андреев Ю. Н. Механизм гражданско-правовой защиты. М.: Норма, 2013. 463 с.
14. Клочков А. В. Компенсация морального вреда как мера гражданско-правовой ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004. 24 с.
15. Голубев К. И., Нарижный С. В. Компенсация морального вреда как способ защиты неимущественных благ личности. 2-е изд., доп. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. 302 с.
16. Сидорова Е. Н. Процессуальные особенности защиты чести, достоинства и деловой репутации // Евразийская адвокатура. 2013. № 3 (4). С. 42–46.
17. Марусин И. С. Возмещение морального ущерба в новом Гражданском кодексе РФ // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1997. № 1. С. 91–95.
18. Кузнецова Н. В. Проблемы компенсации морального вреда в уголовном процессе. Ижевск, 1999. 174 с.
19. Юзефович Ж. Ю., Лукашов А. О. О компенсации морального вреда в делах о защите чести, достоинства и деловой репутации // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 4. С. 77–79.
20. Барсукова В. Н. Компенсация морального вреда как способ защиты чести и достоинства личности // Право и государство: теория и практика. 2019. № 11 (179). С. 90–93.
21. Пагава Т. Л. Становление и развитие правового института компенсации морального вреда как способа защиты нарушенных имущественных прав граждан // Экономика. Право. Общество. 2019. № 2 (18). С. 33–38.
22. Эрделевский А. Защита чести, достоинства и деловой репутации в судебной практике // Хозяйство и право. 2006. № 1. С. 135–139.
23. Алехина Е. Е. Особенности защиты прав граждан при возмещении морального вреда в судебном порядке // Проблемы правоохранительной деятельности. 2021. № 2. С. 22–27.
24. Александрова Н. В. Проблемы компенсации морального вреда как способа защиты гражданских прав в решениях Верховного Суда Чувашской Республики // Oeconomia et Jus. 2016. № 3. С. 42–47.

References

1. Erdelevskij A. M. Moral'nyj vred i kompensaciya za stradaniya [Moral damage and compensation for suffering]. Moscow, BEK Publ., 1998. 173 p.
2. Erdelevskij A. M. Kompensaciya moral'nogo vreda [Compensation for moral damage]. Moscow, R. Valent Publ., 2007. 270 p.
3. Maleina M. N. Zashchita lichnyh neimushchestvennyh prav sovetskih grazhdan [Protection of the personal non-property rights of Soviet citizens]. Moscow, Znanie Publ., 1991. 126 p.
4. Maleina M. N. Lichnye neimushchestvennye prava grazhdan: ponyatie, osushchestvlenie, zashchita [Personal non-property rights of citizens: concept, implementation, protection]. Moscow, MZ Press, 2001. 244 p.

5. Belyavskij A. V., Pridvorov N. A. Ohrana chesti i dostoinstva lichnosti v SSSR [Protection of the honor and dignity of the person in the USSR]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1971. 208 p.

6. Pokrovskij I. A. Osnovnye problemy grazhdanskogo prava [The main problems of civil law]. 8th ed. Moscow, Statute Publ., 2020. 351 p.

7. Tarhov V. A. O vozmeshchenii moral'nogo vreda [On compensation for moral damage]. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj akademii prava = Bulletin of the Saratov State Academy of Law*, 1996, no. 1, pp. 13–19.

8. Fast I. A. Kompensaciya moral'nogo vreda pri prichinenii vreda zhizni i zdorov'yu: prakticheskie itogi 25 let sushchestvovaniya instituta v Rossijskoj Federacii [Compensation for moral damage in causing harm to life and health: practical results of 25 years of the institute's existence in the Russian Federation]. *Evrazijskaya advokatura = Eurasian Bar*, 2018, no. 5, pp. 58–75.

9. Shichanin A. V. Problemy stanovleniya i perspektivy razvitiya instituta vozmeshcheniya moral'nogo vreda. Avtoref. diss. kand. jurid. nauk [Problems of formation and prospects for the development of the institute of compensation for moral damage. Cand. legal sci. abstract diss.]. Moscow, 1995. 34 p.

10. Davydov R. H. Problemy zashchity chesti, dostoinstva i delovoj reputacii po zakonodatel'stvu Rossijskoj Federacii [Problems of protection of honor, dignity and business reputation under the legislation of the Russian Federation]. *Ekonomika. Pravo. Obshchestvo = Economics. Right. Society*, 2020, no. 1 (21), pp. 57–62.

11. Kolesnikova M. M., Semenov A. V. Kompensaciya moral'nogo vreda kak sposob zashchity chesti, dostoinstva i delovoj reputacii [Compensation for moral damage as a way to protect honor, dignity and business reputation]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal = Leningrad Law Journal*, 2016, no. 2 (44), pp. 72–86.

12. Vlasov A. A. Problemy sudebnoj zashchity chesti, dostoinstva i delovoj reputacii [Problems of judicial protection of honor, dignity and business reputation]. Moscow, Izd. Im. Sabashnikovyx, 2000. 344 p.

13. Andreev Yu. N. Mekhanizm grazhdansko-pravovoj zashchity [Civil protection mechanism]. Moscow, Norma Publ., 2013. 463 p.

14. Klochkov A. V. Kompensaciya moral'nogo vreda kak mera grazhdansko-pravovoj otvetstvennosti. Avtoref. diss. kand. jurid. nauk [Compensation for moral damage as a measure of civil liability. Cand. legal sci. abstract diss.]. Volgograd, 2004. 24 p.

15. Golubev K. I., Narizhnij S. V. Kompensaciya moral'nogo vreda kak sposob zashchity neimushchestvennyh blag lichnosti [Compensation for moral damage, as a way to protect the immaterial benefits of the individual]. 2th ed. St. Petersburg, Yuridicheskii Centr Press Publ., 2001. 302 p.

16. Sidorova E. N. Processual'nye osobennosti zashchity chesti, dostoinstva i delovoj reputacii [Procedural features of the protection of honor, dignity and business reputation]. *Evrazijskaya advokatura = Eurasian Bar*, 2013, no. 3 (4), pp. 42–46.

17. Marusin I. S. Vozmeshchenie moral'nogo ushcherba v novom Grazhdanskom kodekse RF [Compensation for moral damage in the new Civil Code of the Russian Federation]. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie = Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie*, 1997, no. 1, pp. 91–95.

18. Kuznecova N. V. Problemy kompensacii moral'nogo vreda v ugovnom processe [Problems of compensation for moral damage in the criminal process]. Izhevsk, 1999. 174 p.

19. Yuzefovich Zh. Yu., Lukashov A. O. O kompensacii moral'nogo vreda v delah o zashchite chesti, dostoinstva i delovoj reputacii [On compensation for moral damage in cases of protection of honor, dignity and business reputation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*

= *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, no. 4, pp. 77–79.

20. Barsukova V. N. Kompensaciya moral'nogo vreda kak sposob zashchity chesti i dostoinstva lichnosti [Compensation for moral damage as a way to protect the honor and dignity of the person]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and the state: theory and practice*, 2019, no. 11 (179), pp. 90–93.

21. Pagava T. L. Stanovlenie i razvitie pravovogo instituta kompensacii moral'nogo vreda kak sposoba zashchity narushennyh imushchestvennyh prav grazhdan [Formation and development of the legal institution of compensation for moral damage as a way to protect the violated property rights of citizens]. *Ekonomika. Pravo. Obshchestvo = Economy. Right. Society*, 2019, no. 2 (18), pp. 33–38.

22. Erdelevskij A. Zashchita chesti, dostoinstva i delovoj reputacii v sudebnoj praktike [Protection of honor, dignity and business reputation in judicial practice]. *Hozyajstvo i pravo = Economy and law*, 2006, no. 1, pp. 135–139.

23. Alekhina E. E. Osobennosti zashchity prav grazhdan pri vozmeshchenii moral'nogo vreda v sudebnom poryadke [Features of protecting the rights of citizens in compensation for moral damage in court]. *Problemy pravoohranitel'noj deyatel'nosti = Problems of law enforcement*, 2021, no. 2, pp. 22–27.

24. Aleksandrova N. V. Problemy kompensacii moral'nogo vreda kak sposoba zashchity grazhdanskih prav v resheniyah Verhovnogo Suda Chuvashskoj Respubliki [Problems of compensation for moral damage as a way to protect civil rights in the decisions of the Supreme Court of the Chuvash Republic]. *Oeconomia et Jus = Economia et Jus*, 2016, no. 3, pp. 42–47.

Информация об авторах / Information about the Authors

Шелухин Константин Юрьевич, аспирант кафедры гражданского права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: gpkursk@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-1606-2313

Konstantin Y. Sheluhin, Post-Graduate Student of the Department of Civil law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: gpkursk@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-1606-2313

Сурков Александр Николаевич, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: gpkursk@yandex.ru,
Autor ID: 550219

Alexander N. Surkov, Dr. of Sci. (Juridical), Professor, Department of Civil Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: gpkursk@yandex.ru,
Autor ID: 550219

Коротких Ольга Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: korotkixol@gmail.com,
ORCID: 0000-0002-7784-3773

Olga A. Korotkih, Cand. of Sci. (Juridical), Associate Professor of the Department of Civil, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: korotkixol@gmail.com,
ORCID: 0000-0002-7784-3773

Склонение несовершеннолетних к совершению самоубийства с использованием сети Интернет

А. А. Бимбинов¹ ✉

¹ Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
ул. Садовая-Кудринская, д. 9, г. Москва 125993, Российская Федерация

✉ e-mail: bimbinnov@yandex.ru

Резюме

Актуальность. В 2015–2017 годах прокатилась волна изобличения так называемых «групп смерти» – разнообразных сообществ в социальных сетях и других интернет-ресурсах, где распространялась информация, связанная с самоубийствами несовершеннолетних, включающая в том числе призывы к необходимости подобного поведения и рекомендации по способам совершения суицида. Данное обстоятельство побудило законодателя установить уголовную ответственность за «соучастие» в самоубийстве человека.

Целью является определение содержания склонения несовершеннолетних к совершению самоубийства для целей применения уголовного закона.

Задачи: определить круг преступлений, состоящих в склонении другого лица к совершению самоубийства; установить их объективные и субъективные признаки; проанализировать квалифицирующие признаки; изучить практику применения соответствующих норм.

Методология. В процессе работы над исследованием использовались традиционные для уголовно-правового исследования частнонаучные и общенаучные методы.

Результаты. Автором раскрывается правовая характеристика указанных составов преступлений, анализируется судебная практика в части квалификации действий, направленных на самоубийство других лиц, с учетом современных позиций ученых-криминалистов. Указывается на необходимость установления по каждому уголовному делу о доведении до самоубийства причинно-следственной связи между перечисленными в законе действиями и самоубийством или попыткой самоубийства потерпевшего. В тех случаях, когда следствию или суду не удается установить прямой причинной связи между, например, жестоким обращением обвиняемого и самоубийством потерпевшего либо такая связь более чем неочевидна, необходимо исследовать возможность наличия иных причин, побудивших несовершеннолетнего совершить самоубийство. Если такие причины связаны с деятельностью лиц, которые используют другие способы, направленные на самоубийство потерпевших, отличные от угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства, то это может образовывать преступление, предусмотренное статьей 110¹ Уголовного кодекса Российской Федерации.

Вывод. Результаты исследования способны благоприятным образом сказаться на отечественном праве, в том числе для целей правоприменения по конкретным уголовным делам.

Ключевые слова: доведение до самоубийства; суицид; аутодеструктивное поведение; группы смерти; сетевые сообщества.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-78-00180).

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Бимбинов А. А. Склонение несовершеннолетних к совершению самоубийства с использованием сети Интернет // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 2. С. 97–109. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-2-97-109>.

Поступила в редакцию 27.02.2023

Принята к публикации 24.03.2023

Опубликована 28.04.2023

Inciting Minors to Commit Suicide Using the Internet

Arseniy A. Bimbinov¹ ✉

¹ Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
9 Sadovaya-Kudrinskaya Str., 125993 Moscow, Russian Federation

✉ e-mail: bimbinov@yandex.ru

Abstract

Relevance. In 2015-2017, a wave of exposure of the so-called "death groups" swept through the country – various communities in social networks and other Internet resources, where information related to the suicides of minors was distributed, including calls for the need for such behavior and recommendations on ways to commit suicide.

This circumstance prompted the legislator to establish criminal liability for "complicity" in the suicide of a person.

The Purpose of this study is to determine the content of inciting minors to commit suicide for the purposes of applying the criminal law.

Objectives: to determine the range of crimes consisting in inducing another person to commit suicide; to establish their objective and subjective signs; to analyze qualifying signs; to study the practice of applying the relevant norms.

Methodology. In the process of working on the study, traditional private scientific and general scientific methods were used for criminal law research.

Results. The author reveals the legal characteristics of these crimes, analyzes judicial practice regarding the qualification of actions aimed at the suicide of other persons, taking into account the modern positions of criminologists. It is indicated that it is necessary to establish a causal relationship between the actions listed in the law and the suicide or suicide attempt of the victim in each criminal case of bringing to suicide. In cases where the investigation or the court fails to establish a direct causal link between, for example, the ill-treatment of the accused and the suicide of the victim, or such a connection is more than not obvious, it is necessary to investigate the possibility of other reasons that prompted the minor to commit suicide. If such reasons are related to the activities of persons who use other methods aimed at the suicide of victims, other than threats, ill-treatment or systematic humiliation of human dignity, then this may constitute a crime under Article 1101 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Conclusion. The results of the study can have a positive impact on domestic law, including for the purposes of law enforcement in specific criminal cases.

Keywords: driving to suicide; suicide; auto-destructive behavior; death groups; online communities.

Funding: The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (project No. 22-78-00180).

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Bimbinov A. A. Inciting Minors to Commit Suicide Using the Internet. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2023; 13(2): 97–109. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-2-97-109>.

Received 27.02.2023

Accepted 24.03.2023

Published 28.04.2023

Введение

Развитие и распространение сети Интернет – одно из самых главных достижений человечества последних десятилетий [1]. Сегодня Интернет используется при родовспоможении, оказании медицинской помощи [2], на всех уровнях

образования, в научных исследованиях, в трудовой деятельности, во взаиморасчетах [3], при проведении досуга и, конечно же, в коммуникации между людьми [4]. Изложенное предопределяет факт того, что сеть Интернет все активнее используется в преступной деятельности: растет число преступлений, совершаемых с ис-

пользованием информационно-телекоммуникационных сетей, появляются новые способы и схемы их совершения, множатся объемы и виды причиненного вреда [5].

Исследования отечественных [6] и зарубежных [7] ученых, а также данные Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ)¹ показывают, что несовершеннолетние являются одними из самых активных пользователей интернет-ресурсов. Как и остальные пользователи сети, такие несовершеннолетние рискуют претерпеть вред от противоправной деятельности злоумышленников [8; 9; 10].

В 2015–2017 гг. по стране прокатилась волна изобличения так называемых «групп смерти» – разнообразных сообществ в социальных сетях и других интернет-ресурсах, где распространялась информация, связанная с самоубийствами несовершеннолетних, включающая в том числе призывы к необходимости подобного поведения.

Особо изощренные «группы смерти» предполагали игровой формат, при котором несовершеннолетние совершали самоубийство, проходя «суицидальный квест» [11], последовательно выполняя задания, получаемые от администраторов или других членов соответствующих сообществ («разбуди меня в 4.20», «киты плывут вверх», «#тихий дом», «ня.пока», «50 дней до моего...» и т. п.).

Изложенное повлекло дополнение Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) двумя новыми статьями, предусматривающими уголовную ответственность за склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства (ст. 110¹) и за организацию деятельности, направленной

на побуждение к совершению самоубийства (ст. 110²).

Таким образом, в настоящее время деятельность в сети Интернет, состоящая в склонении несовершеннолетних к суицидальному поведению, может быть квалифицирована по нормам ст. 110 и 110¹ УК РФ.

Методология

Исследование признаков составов преступлений, состоящих в «подстрекательстве» к самоубийству других лиц, осуществлялось посредством сопоставления действующих положений уголовного законодательства, доктринальных воззрений ученых-криминалистов и выводов, сделанных судами по конкретным уголовным делам.

В работе использовались следующие частно-юридические методы: правовой аналитики, законодательной техники, экспертных оценок, правового моделирования.

Метод правовой аналитики предполагает рассмотрение проблем на основе их деления на системно связанные части, выявления причинных взаимоотношений, учета сопутствующих факторов, прогнозирования и оценивания последствий.

Законодательная техника представляет собой совокупность средств и приемов, используемых при выработке и систематизации предложений по совершенствованию нормативно-правовых предписаний.

Метод экспертных оценок заключается в изучении мнений специалистов, обладающих глубокими знаниями или практическим опытом, в том числе в сфере смежных наук.

Особое место в методологии исследования предоставлено методу правового моделирования, посредством которого делаются выводы относительно квалификации конкретных форм преступного поведения.

¹ Подросток в социальной сети: норма жизни – или сигнал опасности? Аналитический // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/podro-stok-v-soczialnoj-seti-norma-zhizni-ili-signal-opasnosti-> (дата обращения: 28.01.2022).

Результаты и их обсуждение

Часть 2 ст. 110 УК РФ предусматривает повышенную ответственность за доведение лица до самоубийства или до покушения на самоубийство путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего, совершенное в отношении несовершеннолетнего (п. «а») посредством использования информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет (п. «д»).

В доктрине такие преступления принято относить к числу «высокотехнологичных» [12] преступлений против жизни и здоровья несовершеннолетних [13]. А. Л. Иванов пишет, что данный вид доведения лица до самоубийства или до покушения на самоубийство является сложным для практики при его раскрытии и последующей квалификации. Определяющие данное обстоятельство причины во многом связаны с реформированием уголовного закона после «информационного шока» от получивших широкое освещение в СМИ случаев самоубийств несовершеннолетних под прямым влиянием и содействием так называемых «групп смерти» в информационно-телекоммуникационном пространстве [13].

Объективная сторона этого преступления состоит в доведении несовершеннолетнего до самоубийства или до покушения на самоубийство путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего в информационно-телекоммуникационных сетях.

Доведение до самоубийства или его попытки образуют действия, которые способны вызвать у потерпевшего желание причинить себе смерть. Согласно закону к таким действиям относятся угрозы, жестокое обращение и систематическое унижение человеческого достоинства.

Законодатель не уточняет, о каких угрозах идет речь, поэтому в качестве преступления квалифицируется любое

доведение до самоубийства посредством как угроз применения насилия, так и угроз изъятия, уничтожения или повреждения имущества, а также распространения порочащей потерпевшего или его близких информации.

Жестокое обращение состоит в умышленном причинении несовершеннолетнему психических страданий. Оно может выражаться как в совершении действий, образующих самостоятельный состав преступления, так и в иных действиях, причиняющих потерпевшему определенные страдания [14].

Систематическое унижение человеческого достоинства выражается в действиях, направленных на умаление положительной самооценки личности, при этом не имеет значения, что самооценка личности может не совпадать с мнением окружающих [15]. Достоинство любого человека существует априори изначально. Не случайно в ст. 21 Конституции РФ провозглашается, что достоинство личности охраняется государством, и ничто не может быть основанием для его умаления. Унижая человеческое достоинство, виновный стремится, как правило, «возвыситься» за счет унижаемого, оскорбить его, показать его несостоятельность [16].

Совершение преступления в информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет) предполагает, что оно осуществляется путем размещения в социальных сетях, мессенджерах (чатах и группах) или других интернет-ресурсах текстов с угрозами в адрес потерпевшего, комментариев, сообщений, видеороликов, фотографий, демонстрирующих жестокое обращение к несовершеннолетнему или унижающих его человеческое достоинство.

Действия виновного в форме размещения вышеуказанных материалов на различных интернет-ресурсах должны повлечь самоубийство или покушение на самоубийство потерпевшего.

Для квалификации по ст. 110 УК РФ наличие указанных последствий обязательно. Если потерпевшим не предпринимались действия, направленные на самоубийство, в том числе в случаях, когда совершенные несовершеннолетним действия имитировали попытку самоубийства, состав преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ, отсутствует. Так, Курганский городской суд Курганской области исключил из обвинения в отношении С. три преступления, предусмотренные п. «а» ч. 2 ст. 110 УК РФ, как излишне вмененные. Из анализа совокупности исследованных доказательств, представленных стороной обвинения в подтверждение виновности С. в совершении трех инкриминируемых деяний, квалифицированных по п. «а» ч. 2 ст. 110 УК РФ, в том числе показаний самой потерпевшей, следует, что во всех случаях потерпевшая, причиняя себе неглубокие порезы и не требующие оказания медицинской помощи телесные повреждения, лишь инсценировала покушения на самоубийства, не имея намерений причинить себе смерть, т. к. боялась этого, а также рассчитывала на то, что в дальнейшем она будет проживать с бабушкой. При этом покушение на самоубийство – это неудавшаяся реальная попытка лишить себя жизни, когда потерпевший выполнил все действия, направленные на причинение себе смерти, но этого не произошло по независящим от него обстоятельствам. Смерть потерпевшей в данных случаях не наступила по зависящим от нее обстоятельствам, в связи с чем суд приходит к выводу, что действия С. излишне квалифицированы органами предварительного следствия по п. «а» ч. 2 ст. 110 УК РФ¹.

Обязательным признаком объективной стороны рассматриваемого преступ-

ления также является причинная связь между действиями виновного (угрозами, жестоким обращением или систематическим унижением человеческого достоинства) и самоубийством или покушением на самоубийство потерпевшего. Установление причинной связи при этом, как правило, зависит от определения признаков субъективной стороны преступления.

Субъективная сторона доведения до самоубийства характеризуется умышленной формой вины. Согласно закону уголовной ответственности за доведение до самоубийства подлежит лицо, совершившее это преступление с прямым или косвенным умыслом. При этом виновный осознает, что жестоким обращением, угрозами или систематическим унижением человеческого достоинства он толкает потерпевшего к самоубийству, предвидит возможность или неизбежность причинения потерпевшим себе смерти, желает либо сознательно допускает наступление этого последствия или относится к нему безразлично. В тех случаях, когда лицо не предвидит возможности совершения несовершеннолетним самоубийства или хотя и предвидит, но активно этому противодействует или рассчитывает, что этого не произойдет, состав преступления, предусмотренный ст. 110 УК РФ, также отсутствует. Так, Приговором Октябрьского районного суда Челябинской области Г. и С. оправданы, в связи с отсутствием в их действиях состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 110 УК РФ. Установлено, что все представленные стороной обвинения доказательства, тщательно исследованные в судебном заседании, не дают объективного, однозначного и безусловного вывода о том, что подсудимые осознавали, что своими действиями подталкивают потерпевшего к самоубийству, либо предвидели возможность или неизбежность лишения им себя жизни, желали или сознательно допускали наступление этих последствий, т. е. вывода о виновности Г. и С. в совершении инкриминируемого им деяния,

¹ Приговор Курганского городского суда Курганской области от 28.09.2021 по делу № 1-129/2021 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://www.sudact.ru/regular/> (дата обращения: 27.01.2022).

а именно в связи с отсутствием доказательств наличия у подсудимых прямого или косвенного умысла на доведение потерпевшего до самоубийства¹.

Субъектом преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ, является физическое вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста. В этой связи следует отметить, что к уголовной ответственности за доведение до самоубийства могут быть привлечены в том числе несовершеннолетние, которые путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства в сети Интернет вынудили потерпевшего причинить себе смерть либо попытаться это сделать. Если такие несовершеннолетние действуют совместно, предварительно сговорившись о доведении потерпевшего до самоубийства, например, посредством поочередного направления в социальной сети сообщений, содержащих угрозы, либо публично коллективного комментирования жизнедеятельности потерпевшего, причиняя ему психические страдания, то содеянное необходимо дополнительно квалифицировать по п. «г» ч. 2 ст. 110 УК РФ как преступление, совершенное группой лиц по предварительному сговору.

Доведение до самоубийства группой лиц по предварительному сговору предполагает, что лица, которым инкриминируется данное преступление, являются соисполнителями, т. е. участники данной группы должны своими действиями полностью или частично выполнять объективную сторону: каждый должен совершать действия в виде угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего².

¹ Приговор Октябрьского районного суда Челябинской области от 12.04.2019 по делу № 1-4/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://www.sudact.ru/regular/> (дата обращения: 27.01.2022).

² Апелляционное постановление Московского городского суда от 15.07.2020 по

По данному же пункту («г») надлежит квалифицировать доведение до самоубийства, совершенное организованной группой. Согласно ст. 35 УК РФ организованная группа – это устойчивая группа лиц по предварительному сговору. Об устойчивости группы могут свидетельствовать такие признаки, как стабильность ее состава, длительность ее существования или, например, постоянство методов и форм преступной деятельности. Администраторы, в том числе создатели «групп смерти», а также их соучастники могут образовывать организованную группу при наличии вышеуказанных характеристик. При этом их деятельность, повлекшая самоубийство либо попытку самоубийства несовершеннолетнего, подлежит квалификации одновременно по пп. «а», «г» и «д» ч. 2 ст. 110 УК РФ как доведение до самоубийства, совершенное в отношении несовершеннолетнего группой лиц по предварительному сговору или организованной группой в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть Интернет. Если же два или более несовершеннолетних совершили самоубийство либо попытку самоубийства, то к указанной квалификации необходимо добавить п. «в», предусматривающий ответственность за данное преступление, совершенное в отношении двух или более лиц.

А. Н. Попов считает, что квалификация по п. «в» ч. 2 ст. 110 УК РФ возможна только в случае, когда доведение до самоубийства двух или более лиц было совершено в рамках одного преступления, охватываемого единым умыслом и мотивом. В иных случаях, по мнению автора, доведение до самоубийства двух или более лиц надлежит квалифицировать по совокупности соответствующего числа преступлений, предусмотренных ст. 110 УК РФ, что повлечет ужесточение

делу № 10-12369/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://www.sudact.ru/regular/> (дата обращения: 27.01.2022).

окончательного наказания, назначаемого по правилам о совокупности преступлений (ст. 69 УК РФ) [16]. Правовых или правоприменительных оснований такого вывода в настоящее время нет. Солидаризируясь с мнением В. Б. Хатуева о том, что к данной ситуации применимо Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» [17], необходимо отметить, что квалифицирующий признак «в отношении двух или более лиц», согласно ст. 17 УК РФ, исключает совокупность преступлений в случаях совершения одного и того же преступления в отношении двух или более потерпевших вне зависимости от места или времени формирования умысла на причинение вреда тому либо иному потерпевшему.

Таким образом, организаторы, руководители или участники сообществ суицидальной направленности в сети Интернет (группы в социальных сетях, чаты в мессенджерах и иные объединения пользователей [18]) могут быть привлечены к уголовной ответственности за доведение до самоубийства по ч. 2 ст. 110 УК РФ в случаях, когда их действия, состоящие в угрозах, жестоком обращении или систематическом унижении человеческого достоинства потерпевшего, повлекли его самоубийство либо попытку его самоубийства. Важно при этом помнить, что состав указанного преступления предполагает умышленную форму вины и наличие прямой причинно-следственной связи между действиями виновного и наступлением последствий в виде самоубийства или покушения на самоубийство.

Встречаются случаи, когда следствию или суду не удается установить прямой причинной связи между жестоким обращением обвиняемого и самоубийством потерпевшего либо такая связь более чем неочевидна. В таких случаях, как правило, имеются иные причины, побудившие несовершеннолетнего совершить самоубийство. Так, Апелляционным определением Верховного суда

Республики Крым изменен приговор в отношении Г. Установлено, что аккаунт потерпевшего в социальной сети «ВКонтакте» содержит информацию о группах деструктивного характера: «Игро/клуб», «Инквизиция ставок», «Ставки на погоду», «Соль для секса», «Церковь Ринардо Мимоса» и др., что свидетельствует о наличии зависимостей у последнего и может привести его к совершению недуманных поступков. В силу своего возраста, индивидуальных личностных особенностей, незрелости личности (подростковая периодизация), некоторой подчиняемости потерпевший может принадлежать к референтной группе (АУЕ), что, в свою очередь, могло привести его к эмоциональной нестабильности и импульсивному поступку¹. Апелляционным определением Верховного суда Республики Татарстан отменен приговор Актамышского районного суда Республики Татарстан, согласно которому Г. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 110 УК РФ. По делу установлено, что вне связи с поведением подсудимого потерпевшая самостоятельно через кросс-платформенную систему Telegram вступила в «группу смерти» и выполняла задания по нанесению себе порезов на предплечья в январе 2021 г.²

В изложенных примерах попытки суицида несовершеннолетних могут быть связаны не с противоправной деятельностью подсудимых, а с деятельностью иных лиц, которые используют другие

¹ Апелляционное определение Верховного Суда Республики Крым от 01.09.2020 N 22-2064/2020 по делу № 1-354/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://www.sudact.ru/regular/> (дата обращения: 27.01.2022).

² Апелляционное определение Верховного суда Республики Татарстан от 24.05.2022 по делу № 22-2875/2022 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://www.sudact.ru/regular/> (дата обращения: 27.01.2022).

способы, направленные на самоубийство потерпевших, отличные от угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства.

Ответственность за другие способы деятельности, состоящей в склонении несовершеннолетних к самоубийству, предусмотрена ст. 110¹ УК РФ. Часть 1 указанной нормы устанавливает ответственность за склонение к совершению самоубийства путем уговоров, предложений, подкупа, обмана или иным способом при отсутствии признаков доведения до самоубийства.

По конструкции объективной стороны данный состав относится к числу формальных, что означает, что для привлечения лица к уголовной ответственности достаточно совершения хотя бы одного из перечисленных в законе действий.

Уговоры и предложения представляют собой словесные формы психического воздействия на человека, направленные на возникновение у него желания совершить самоубийство. Это могут быть в том числе и однократные высказывания (сообщения, комментарии и т. п.) о необходимости, допустимости или возможности совершить самоубийство. Как верно отмечает Т. Д. Устинова, с учетом редакции закона преступление, предусмотренное ст. 110¹ УК РФ, надлежит считать оконченным (совершенным) уже в момент произнесения первых слов независимо от последующего поведения потерпевшего [19]. При таких обстоятельствах как преступление могут быть квалифицированы высказывания лиц, не придающих буквального значения своим словам и не желающих наступления общественно опасных последствий (например, ответ «делай, что хочешь» на сообщение «думаю о смерти» или сообщение «умри и отстань», направленное в целях прекращения разговора и т. д.).

Уголовно-правовой смысл рассматриваемой нормы состоит в криминализации опасного поведения, направленного

на самоубийство потерпевшего, поэтому уговоры и предложения должны рассматриваться в качестве преступления только в том случае, когда с учетом их содержания, обстановки, способа донесения и других используемых приемов имелась реальная возможность возникновения желания у потерпевшего совершить самоубийство. Так, Апелляционным постановлением Новосибирского областного суда подтверждена квалификация действий подсудимой Б. по п. «а», «г», «д» ч. 3 ст. 110¹ УК РФ. По делу установлено, что Б. совместно и согласованно группой лиц по предварительному сговору путем предложения совершить самоубийство, указания на самоубийство как на способ решения проблемы, одобрения совершения самоубийства и использования психологических приемов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет склонила к совершению самоубийства несовершеннолетнюю Л., чего не произошло, поскольку преступные действия Б. были пресечены¹.

Вместе с тем формальная конструкция состава, наряду с установкой обеспечивать повышенную охрану интересов несовершеннолетних, может приводить к случаям необоснованного возбуждения уголовных дел. Косвенно это подтверждается тем, что в 2020 г. расследовалось 25 уголовных дел, возбужденных по ст. 110¹ УК РФ, в 2021 г. – 50 уголовных дел, а осуждено за два года всего 6 человек.

Представляется, что для целей применения ч. 1 ст. 110¹ УК РФ необходимы законодательные корректировки: в виде исключения такого способа, как «предложения», либо посредством создания специального состава, предусматривающего ответственность за предложения совершить самоубийство только в случае,

¹ Апелляционное постановление Новосибирского областного суда от 09.06.2018 по делу № 22-3060/2018 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://www.sudact.ru/regular/> (дата обращения: 27.01.2022).

когда они исходят от совершеннолетнего и адресованы несовершеннолетнему лицу. В противном случае сохранится неопределенность в отношении правовой оценки высказываний несовершеннолетних, адресованных друг к другу.

К другим указанным в законе действиям, за которые предусмотрена ответственность по ч. 1 ст. 110¹ УК РФ, относится обман и подкуп. Принимая во внимание социальные и экономические аспекты, следует сделать вывод, что такие способы характерны для квалифицированных составов рассматриваемого преступления. Склонять к самоубийству путем обмана возможно несовершеннолетних или лиц, пребывающих в беспомощном состоянии из-за психических или, что реже, психологических расстройств (п. «а» ч. 3 ст. 110¹ УК РФ). Вводить в заблуждение других лиц можно путем сообщения им недостоверной информации о состоянии здоровья, финансового положения или гибели близких. Однако рассчитывать только в связи с этим на самоубийство адресата подобной информации, как правило, не приходится. Подкуп, что отмечается учеными [19], актуален в тех случаях, когда потерпевшим предпринимаются действия, направленные на самоубийство, что, как правило, образует попытку суицида, которая требует квалификации по ч. 4, 5 или 6 анализируемой статьи.

Законодатель указывает, что склонение к совершению самоубийства может быть совершено и иным способом, подразумевая под ним любые другие, кроме перечисленных в статье, варианты склонения к совершению самоубийства. К их числу относится и так называемая игровая форма самоубийства, ставшая известной благодаря публикациям о «Синем ките» [20]. Так, Приговором Звериноголовского районного суда Курганской области П. признан виновным в совершении в том числе преступления, предусмотренного пп. «а», «в», «д» ч. 3 ст. 110¹ УК РФ. По делу установлено, что П.,

распоряжаясь в социальной сети «ВКонтакте» личной персональной электронной страницей «Валерий П.» (<http://vk.com/id272903550>), осуществлял переписку с ФИО6, использующей персональную электронную страницу «Есения Романова» (<http://vk.com/id436106233>), в ходе проведения игры «Синий кит», действуя умышленно с целью склонения несовершеннолетней к совершению самоубийства, оказывал систематическое устойчивое целенаправленное психологическое воздействие, неоднократно давая указания и призывая ФИО6 к совершению последовательных агрессивных действий, а именно: наносить порезы на различные части тела, проникать в места, опасные для жизни, забираться на высотные здания. Также П. вел с ФИО6 переписку в ночные и ранние утренние часы, т. е. во время, предназначенное для отдыха и сна, что являлось дополнительной психотравмирующей нагрузкой для ФИО6, давал обязательные для выполнения задания о необходимости просмотра и прослушивания аудио- и видеоматериалов, содержащих откровенные сцены насилия и осуществления людьми самоубийства различными способами, формирующие у потерпевшей депрессивную направленность сознания¹.

Формирование у потерпевшего умысла на самоубийство может быть достигнуто и посредством предоставления информации, в том числе научного, литературного или художественного характера, например истории о подвигах и героическом образе смерти. Такой способ также надлежит относить к иным по смыслу ч. 1 ст. 110¹ УК РФ. Так, Московский городской суд подтвердил квалификацию суда первой инстанции о том, что в дей-

¹ Приговор Звериноголовского районного суда Курганской области от 10.01.2019 по делу № 1-3/2019(1-37/2018;) // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://www.sudact.ru/regular/> (дата обращения: 27.01.2022).

ствиях подсудимого содержатся все признаки состава, предусмотренного ч. 3 ст. 110¹ УК РФ. Установлено, что обращение подсудимого, содержащее директивные установки на самоубийство, в том числе обусловленные героическим образом смерти, было сделано публично в сети Интернет, т. к. подсудимый последовательно обращается к нескольким лицам с вопросами об их готовности умереть за абстрактные понятия (см.: Апелляционное постановление Московского городского суда от 21.03.2022 по делу № 10-3714/2022).

Субъективная сторона склонения к совершению самоубийства характеризуется прямым умыслом. Виновный должен осознавать, что его действия способны

побудить потерпевшего совершить самоубийство и желать этого.

Субъектом преступления является физическое вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста.

Выводы

Таким образом, в настоящее время уголовная ответственность за деяния условного «подстрекателя», состоящие в склонении в сети Интернет несовершеннолетнего к совершению самоубийства, предусмотрена ч. 2 ст. 110 УК РФ и ч. 3-6 ст. 110¹ УК РФ. Дифференциация ответственности зависит от способа и содержания иных вышерассмотренных признаков составов преступлений.

Список литературы

1. Rzepa H. S. Science and the Internet: the World-Wide Web // *Science Progress*. 1996. Vol. 79, is. 2. P. 97–117.
2. The impact of internet development on the health of Chinese residents: Transmission mechanisms and empirical tests / Haitao Wu, Ning Ba, Siyu Ren, Lu Xu, Jingxia Chai, Muhammad Irfan, Yu Hao, Zhi-Nan Lu // *Socio-Economic Planning Sciences*. 2022. Vol 81. <http://doi.org/10.1016/j.seps.2021.101178>.
3. A brief history of the Internet / B. Leiner, V. Cerf, D. Clark, R. Kahn, L. Kleinrock, D. Lynch, J. Postel, L. Roberts, S. Wolff // *Computer Communication Review*. 2009. Vol 39. P. 22-31. <http://doi.org/10.1145/1629607.1629613>.
4. The Interaction between Internet, sustainable development, and emergence of society 5.0 / V. Roblek, M. Meško, M. P. Bach, O. Thorpe, P. Šprajc // *Data*. 2020. Vol. 5 (3) P. 80. <http://doi.org/10.3390/data5030080>.
5. Bhavna A. Exploring and analyzing Internet crimes and their behaviours // *Perspectives in Science*. 2016. Vol. 8. P. 540–542. <http://doi.org/10.1016/j.pisc.2016.06.014>.
6. Кузнецова Е. В. Предупреждение криминогенного влияния информационного пространства сети Интернет на несовершеннолетних // *Вестник экономической безопасности*. 2016. № 1. С. 131–135.
7. Minors and problematic Internet use: Evidence for better prevention / A. Rial, S. Golpe, M. Isorna, T. Braña, P. Gómez // *Computers in Human Behavior*. 2018. Vol. 87. P. 140–145. <http://doi.org/10.1016/j.chb.2018.05.030>.
8. Self-Harm, suicidal behaviours, and cyberbullying in children and young people: systematic review / A. John, A. C. Glendenning, A. Marchant, P. Montgomery, A. Stewart, S. Wood, K. Lloyd, K. Hawton // *J. Med. Internet Res*. 2018. Vol. 20 (4). <http://doi.org/10.2196/jmir.9044>.

9. Internet pathways in suicidality: a review of the evidence / T. Durkee, G. Hadlaczky, M. Westerlund, V. Carli // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2011. Vol. 8 (10). P. 3938–3952. <http://doi.org/10.3390/ijerph8103938>.
10. Taylor S. Kill me through the phone: the legality of encouraging suicide in an increasingly digital world // *BYU L. Rev.* 2019. 613 p.
11. Мальцева О. А., Чаплыгина А. Д. Особенности предотвращения доведения до самоубийства и склонения к совершению самоубийства несовершеннолетних в сети Интернет // *Современная наука*. 2021. № 1. P. 21–23. <http://doi.org/10.53039/2079-4401.2021.3.1.004>.
12. Евдокимов К. Н. Уголовная ответственность за преступления против жизни и здоровья, совершенные с использованием информационно-коммуникационных технологий // *Российский следователь*. 2021. № 12. С. 34–38.
13. Иванов А. Л. Особенности квалификации доведения до самоубийства несовершеннолетнего (п. «а» ч. 2 ст. 110 УК РФ) // *Российский следователь*. 2021. № 11. С. 59–62.
14. Child abuse and the prevalence of suicide attempts among those reporting suicide ideation / M. S. Martin, J. Dykxhoorn, T. O. Afifi, I. Colman // *Soc. Psychiatry Psychiatr Epidemiol*. 2016. Vol. 51, is. 11. P. 1477–1484. <http://doi.org/10.1007/s00127-016-1250-3>.
15. Exploring the risk factors contributing to suicide attempt among adolescents: A qualitative study / M. R. Bazrafshan, F. Sharif, Z. Molazem, A. Mani // *Iran J. Nurs Midwifery Res*. 2016. Vol. 21, is. 1. P. 93–99. <http://doi.org/10.4103/1735-9066.174747>.
16. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. Особенная часть. Разделы VII – VIII (постатейный). Т. 2 / отв. ред. В. М. Лебедев. М.: Юрайт, 2017. 371 с.
17. Хатуев В. Б. Доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство: становление, состояние и проблемы уголовно-правовой регламентации в российском уголовном законодательстве // *Актуальные проблемы российского права*. 2019. № 9. С. 27–40.
18. Does asking about suicide and related behaviours induce suicidal ideation? What is the evidence? / T. Dazzi, R. Gribble, S. Wessely, N. Fear // *Psychological Medicine*. 2014. Vol. 44, is. 16. P. 3361–3363. <http://doi.org/10.1017/S0033291714001299>.
19. Устинова Т. Д. Склонение к самоубийству или содействие самоубийству: критический анализ // *Lex russica*. 2020. № 3. С. 151–159.
20. Мурсалиева Г. Группы смерти // *Новая газета*. 16 мая 2016. URL: <https://archive.ph/20170321225918/https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/05/16/68604-gruppy-smerti-18> (дата обращения: 27.01.2023)

References

1. Rzepa H. S. Science and the Internet: the World-Wide Web. *Science Progress*, 1996, vol. 79, is. 2, pp. 97–117.
2. Haitao Wu, Ning Ba, Siyu Ren, Lu Xu, Jingxia Chai, Muhammad Irfan, Yu Hao, Zhi-Nan Lu. The impact of internet development on the health of Chinese residents: Transmission mechanisms and empirical tests. *Socio-Economic Planning Sciences*, 2022, no. 81. <http://doi.org/10.1016/j.seps.2021.101178>
3. Leiner B., Cerf V., Clark D., Kahn R., Kleinrock L., Lynch D., Postel J., Roberts L., Wolff S. A brief history of the Internet. *Computer Communication Review*, 2009, no. 39, pp. 22–31. <http://doi.org/10.1145/1629607.1629613>

4. Roblek V., Meško M., Bach M.P., Thorpe O., Šprajc P. The Interaction between Internet, sustainable development, and emergence of society 5.0. *Data*, 2020, no. 5, is. 3, pp. 80. <http://doi.org/10.3390/data5030080>
5. Bhavna A. Exploring and analyzing Internet crimes and their behaviours. *Perspectives in Science*, 2016, no. 8, pp. 540–542. <http://doi.org/10.1016/j.pisc.2016.06.014>
6. Kuznetsova E.V. Preduprezhdenie kriminogenogo vliyaniya informacionnogo prostanstva seti Internet na nesovershennoletnih [Prevention of criminogenic influence of the Internet information space on minors]. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti = Bulletin of Economic Security*, 2016, no. 1, pp. 131–135.
7. Rial A., Golpe S., Isorna M., Braña T., Gómez P. Minors and problematic Internet use: Evidence for better prevention. *Computers in Human Behavior*, 2018, no. 87, pp. 140–145. <http://doi.org/10.1016/j.chb.2018.05.030>
8. John A., Glendenning A.C., Marchant A., Montgomery P., Stewart A., Wood S., Lloyd K., Hawton K. Self-harm, suicidal behaviours, and cyberbullying in children and young people: systematic review. *J. Med. Internet Res.*, 2018, no. 20, is. 4. <http://doi.org/10.2196/jmir.9044>.
9. Durkee T., Hadlaczky G., Westerlund M., Carli V. Internet pathways in suicidality: a review of the evidence. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2011, no. 8 (10), pp. 3938–3952. <http://doi.org/10.3390/ijerph8103938>
10. Taylor S. Kill me through the phone: the legality of encouraging suicide in an increasingly digital world. *BYU L. Rev.*, 2019. 613 p.
11. Maltseva O. A., Chaplygina A. D. Osobennosti predotvrashcheniya dovedeniya do samoubijstva i skloneniya k soversheniyu samoubijstva nesovershennoletnih v seti Internet [Features of prevention of incitement to suicide and induction to commit suicide of minors on the Internet]. *Sovremennaya nauka = Modern Science*, 2021, pp. 21–23. <http://doi.org/10.53039/2079-4401.2021.3.1.004>.
12. Evdokimov K. N. Ugolovnaya otvetstvennost' za prestupleniya protiv zhizni i zdorov'ya, sovershennye s ispol'zovaniem informacionno-kommunikacionnyh tekhnologij [Criminal responsibility for crimes against life and health committed with the use of information and communication technologies]. *Rossijskij sledovatel' = Russian investigator*, 2021, no. 12, pp. 34–38.
13. Ivanov A. L. O'sobennosti kvalifikacii dovedeniya do samoubijstva nesovershennoletnego (p. "a" ch. 2 st. 110 UK RF) [Features of qualification of bringing a minor to suicide (item "a" part 2 of Article 110 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. *Rossijskij sledovatel' = Russian investigator*, 2021, no. 11, pp. 59–62.
14. Martin M.S., Dykxhoorn J., Afifi T.O., Colman I. Child abuse and the prevalence of suicide attempts among those reporting suicide ideation. *Soc. Psychiatry Psychiatr Epidemiol*, 2016, no. 51, is. 11, pp. 1477–1484. <http://doi.org/10.1007/s00127-016-1250-3>
15. Bazrafshan M.R., Sharif F., Molazem Z., Mani A. Exploring the risk factors contributing to suicide attempt among adolescents: A qualitative study. *Iran J. Nurs Midwifery Res.*, 2016, no. 21, is. 1, pp. 93–99. <http://doi.org/10.4103/1735-9066.174747>
16. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii. Osobennaya chast'. Razdely VII – VIII (postatejnyj) [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation. The special part. Sections VII–VIII (article-by-article)]; ed. by V. M. Lebedev. Moscow, Yurayt Publ., 2017, vol. 2. 371 p.
17. Khatuev V. B. Dovedenie do samoubijstva ili do pokusheniya na samoubijstvo: stanovlenie, sostoyanie i problemy ugolovno-pravovoj reglamentacii v rossijskom ugolovnom

zakonodatel'stve [Driving to suicide or attempted suicide: formation, state and problems of criminal law regulation in Russian criminal legislation]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual problems of Russian law*, 2019, no. 9, pp. 27–40.

18. Dazzi T., Gribble R., Wessely S., Fear N. Does asking about suicide and related behaviours induce suicidal ideation? What is the evidence? *Psychological Medicine*, 2014, no. 44 (16), pp. 3361–3363. <http://doi.org/10.1017/S0033291714001299>

19. Ustinova T. D. Sklonenie k samoubijstvu ili sodejstvie samoubijstvu: kriticheskij analiz [Inducement to suicide or assistance to suicide: a critical analysis]. *Lex russica*, 2020, no. 3, pp. 151–159.

20. Mursalieva G. Gruppy smerti [Death groups] *Novaya gazeta = Novaya Gazeta*, 2016, May 16. Available at: <https://archive.ph/20170321225918/https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/05/16/68604-gruppy-smerti-18> (accessed 27.01.2023)

Информация об авторе / Information about the Author

Бимбинов Арсений Александрович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: bimbinov@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-7440-293X

Arseniy A. Bimbinov, Cand. of Sci. (Juridical), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation,
e-mail: bimbinov@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7440-293X

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-2-110-124>

Участие защитника в досудебной форме обжалования

С. В. Рудакова¹ ✉

¹ Кубанский государственный университет
ул. Ставропольская, д. 149, г. Краснодар 350040, Российская Федерация

✉ e-mail: rudakovasvetlana@mail.ru

Резюме

Актуальность. Обжалование в уголовном судопроизводстве распространено на все стадии и производства. Право на обжалование возведено в ранг уголовно-процессуального принципа и входит в процессуальный статус практически каждого участника. Масштабность реализации права на обжалование, отсутствие единообразной практики и надлежащего его обеспечения обуславливают актуальность исследований в этой сфере. Особое место в системе обеспечения права на обжалование занимает защитник, не всегда обладающий как достаточным объемом полномочий, так и средствами их реализации.

Цель исследования – определение оптимального законодательного регулирования процессуального статуса защитника в досудебном уголовно-процессуальном обжаловании.

Задачи: изучение теоретических разработок и положений уголовно-процессуального законодательства в части регулирования процессуального статуса защитника в сфере обжалования; выработка авторской позиции о должном и возможном процессуальном положении защитника в указанной сфере.

Методология. При работе над исследованием использовались традиционные общенаучные, частнонаучные и специальные методы.

Результаты. Совокупность новых знаний о процессуальном потенциале защитника в уголовно-процессуальном обжаловании на досудебных этапах уголовного судопроизводства.

Выводы. Для оптимизации процессуального регулирования статуса защитника и обеспечения надлежащей помощи доверителю при осуществлении действий по обжалованию. Предлагается дополнить часть 5 статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации полномочиями суда принимать решение о возвращении жалобы для ее пересоставления; определить конкретные основания оставления жалобы без рассмотрения (дополнив статью 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации новой частью 5.1); дополнить содержание статьи 123 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации новой частью 1.1 – требования к составлению жалобы.

В сфере обжалования необходимо активно внедрять цифровые ресурсы. Для этого следует установить дополнительные требования к оформлению и содержанию электронной жалобы, обеспечить сохранение адвокатской тайны при пересылке, хранении электронного документа, его архивированию и др.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; обжалование; защитник; жалоба; полномочия; обязанность.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Рудакова С. В. Участие защитника в досудебной форме обжалования // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 2. С. 110–124. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-2-110-124>.

Поступила в редакцию 17.02.2023

Принята к публикации 24.03.2023

Опубликована 28.04.2023

© Рудакова С. В., 2023

Participation of the Defender in the Pre-Trial form of Appeal

Svetlana V. Rudakova¹ ✉

¹ Kuban State University
149 Stavropolskaya Str., Krasnodar 350020, Russian Federation

✉ e-mail: rudakovasvetlana@mail.ru

Abstract

Relevance. Appeal in criminal proceedings is extended to all stages and proceedings. The right to appeal has been elevated to the rank of a criminal procedural principle and is included in the procedural status of almost every participant. The scale of the implementation of the right to appeal, the lack of uniform practice and its proper provision determine the relevance of research in this area. A special place in the system of ensuring the right to appeal is occupied by the defender, who does not always have both sufficient powers and means of their implementation.

The purpose of the study is to determine the optimal legislative regulation of the procedural status of a defender in a pre-trial criminal procedural appeal.

Objectives: study of theoretical developments and provisions of criminal procedure legislation in terms of regulating the procedural status of the defender in the field of appeal; development of the author's position on the proper and possible procedural position of the defender in this area.

Methodology. Traditional general scientific, private scientific and special methods were used.

Results. A set of new knowledge about the procedural potential of a defense lawyer in criminal procedural appeal at the pre-trial stages of criminal proceedings.

Conclusions. To optimize the procedural regulation of the defender's status and to ensure proper assistance to the principal in the implementation of appeal actions. It is offered: supplement Part 5 of Article 125 of the Code of Criminal Procedure with the powers of the court to decide on the return of the complaint for its resubmission; determine the specific grounds for leaving the complaint without consideration (adding Article 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation with a new part 5.1); supplement the content of Article 123 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation with a new part 1.1 – requirements for drawing up a complaint.

In the field of appeal, it is necessary to actively introduce digital resources. To do this, it is necessary to establish additional requirements for the design and content of an electronic complaint, to ensure the preservation of attorney-client confidentiality when forwarding, storing an electronic document, archiving it, etc.

Keywords: criminal proceedings; appeal; defender; complaint; authority; duty.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Rudakova S. V. Participation of the Defender in the Pre-Trial form of Appeal. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2023; 13(2): 110–124. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-2-110-124>.

Received 17.02.2023

Accepted 24.03.2023

Published 28.04.2023

Введение

Защитник в досудебном производстве призван осуществлять в установленном законом порядке защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых, оказывая им юридическую помощь (ч. 1 ст. 49 УПК РФ), в том числе и в сфере обжалования. Защитник – самостоятельный участник уголовного судопроизводства, хотя ему запрещено «занимать по

делу позицию вопреки воле доверителя, за исключением случаев, когда он убежден в наличии самоговора доверителя» (п. 2 ч. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»¹). Участие за

¹ Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федер. закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (ред. от 31 июля 2020 г.) // Консультант Плюс. URL:

щитника в уголовном судопроизводстве занимает одно из основных мест в научных исследованиях [1; 2; 3; 4]. Однако, несмотря на широту научного освещения его процессуального статуса, в целом исследование этого вопроса остается недостаточным.

Подача жалобы защитником в интересах доверителя, принятие мер к продвижению ее в процессуальном поле (формулирование доводов, обоснование, аргументация, представление должностным лицам или в суд документов, участие в рассмотрении и др.) является важным и достаточно объемным направлением его деятельности, служит залогом ее эффективности. Обжалование защитником рассматривается учеными в качестве элемента для установления баланса интересов в уголовном судопроизводстве [5].

Уточним, что в качестве защитника в досудебном производстве может быть только адвокат, который получил, согласно установленному порядку, соответствующий статус и право осуществления адвокатской деятельности. Одновременно отметим, что адвокат в уголовном судопроизводстве может занимать не только процессуальное положение защитника, но иметь и иной статус. В литературе справедливо подчеркивается, что «согласно предписаниям УПК РФ наибольшими полномочиями наделен адвокат-защитник, осуществляющий защиту прав и интересов подозреваемого и обвиняемого» [6, с. 360]. При этом следует подчеркнуть, что процессуальные права адвокатов, выполняющих иную функцию (кроме защиты от предъявленного обвинения) имеют производный характер, основой для которых выступает процессуальный статус соответствующего участника уголовного судопроизводства. Так, адвокат-представитель, оказывающий юридическую помощь потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому от-

ветчику и частному обвинителю, имеет те же процессуальные права, что и представляемое им лицо; адвокат свидетеля обладает незначительной частью процессуальных прав защитника, а адвокат лица, в помещении которого производится обыск, вообще не имеет отраслевого статуса.

Учитывая, что именно адвокат-защитник обладает наибольшими процессуальными полномочиями в уголовном судопроизводстве, остановимся в нашем исследовании на анализе проблем его участия в сфере обжалования.

Процессуальные полномочия защитника в сфере обжалования включают ряд законодательных позиций, которые предусматриваются в нескольких статьях, рассредоточенных по тексту всего уголовно-процессуального закона. Основные положения закреплены в п. 10 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, где указаны полномочия защитника на подачу жалобы на процессуальные действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, прокурора, суда, и его право участвовать в рассмотрении жалоб судом.

Конкретизация указанных положений закона приводится в ч. 2 ст. 125 УПК РФ, где говорится о жалобе защитника, которую он может направить в суд. Статья 389.26 УПК РФ определяет полномочия защитника в апелляционном обжаловании и устанавливает прямую зависимость между подачей жалобы защитником и возможностью пересмотра оправдательного приговора. В соответствии со ст. 389.36 УПК РФ жалоба защитника на приговор может стать основанием для повторного апелляционного производства. В ст. 401.4 УПК РФ речь идет о кассационной жалобе защитника и условиях ее подачи. В ст. 463 УПК РФ регулируется вопрос обжалования защитником выдачи лица. Этим перечнем фактически исчерпывается уголовно-процессуальное законодательное регулирование процес-

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_202162/ (дата обращения: 21.01.2023).

суального статуса защитника в сфере обжалования.

Уголовно-процессуальный закон не единственный источник правовых предписаний для определения полномочий защитника в уголовно-процессуальном обжаловании. Отметим наличие общих для всего адвокатского сообщества правил, например, приведенных в п. 2 ч. 2 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – Закон об адвокатуре) и предписывающих составление жалоб в интересах доверителя адвокатом в порядке оказания юридической помощи. Ряд положений, касающихся участия адвоката в обжаловании (вне зависимости от формы судопроизводства и процессуального статуса), закрепляются в Кодексе профессиональной этики адвоката¹.

В п. 10 ст. 53 УПК РФ говорится о *полномочиях* (здесь и далее курсив наш. – С. Р.) защитника на обжалование. А вот в п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката указано уже иначе: «...честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои *обязанности*, активно защищать права, свободы и интересы доверителей», т. е. акцент делается на *обязанность* адвоката. Решения Федеральной палаты адвокатов, высших органов адвокатского самоуправления *обязывают* адвоката в определённых случаях обжаловать в интересах подзащитного процессуальные действия и решения. Об *обязанности* подавать жалобу говорит и Стандарт оказания адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве². Пункт 1

Разъяснения № 02/20 Комиссии по этике и стандартам о некоторых вопросах полномочий адвоката при осуществлении защиты на стадии предварительного расследования³ *обязывает* защитника обжаловать постановление суда первой инстанции об избрании его подзащитному меры пресечения при наличии его просьбы.

Указанное различие между федеральными законами и корпоративными документами существенным образом сказывается на определении действительно содержания процессуального статуса защитника и обуславливает актуальность научных исследований его реализации в сфере обжалования. Конкретнее эту проблему можно выразить в форме следующего вопроса: обязан ли адвокат-защитник обжаловать процессуальные действия, бездействие или решения в досудебном производстве по уголовным делам? И если да, то каким именно образом он должен это делать?

Близко к этой примыкает другая проблема – активизация процессуальной деятельности стороны защиты. На неэффективность восстановления или защиты конституционных прав обвиняемого в рамках судебного контроля в порядке ст. 125 УПК РФ по причине пассивной позиции защитника указывает, в частности, С. Б. Россинский [7, с. 295].

Методология

В процессе проведения данного исследования применялся диалектический метод, основанный в данном конкретном случае на применении всех ее основных

¹ Кодекс профессиональной этики адвокатов: принят I Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г. // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/12130519/> (дата обращения: 21.01.2023).

² Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве: принят VIII Всероссийским съездом адвокатов

20 апреля 2017 г. // Вестник Федеральной палаты адвокатов Рос. Федерации. 2017. № 2.

³ Разъяснение № 02/20 Комиссии по этике и стандартам о некоторых вопросах полномочий адвоката при осуществлении защиты на стадии предварительного расследования: утв. Решением Совета Федеральной палаты адвокатов от 29 апреля 2020 г. // Вестник Федеральной палаты адвокатов Рос. Федерации. 2020. № 2. С. 84–86.

законов (единства и борьбы противоположностей, перехода количественных изменений в качественные, отрицания отрицания), позволивших выявить наиболее актуальные и принципиально важные проблемы, сопровождающие участие защитника в сфере обжалования, в решении которых в настоящее время наблюдается особенно острая потребность.

Аналитический метод (в разнообразных видах: системный, функциональный, системно-структурный, логический) сделал возможным получение новых, детализированных знаний об элементах законодательной конструкции процессуального положения и полномочий защитника в сфере досудебного обжалования. Были выявлены как позитивные, так и негативные тренды развития правоприменительной практики, позволившие затем методом синтеза сформировать целостное представление о неиспользуемом потенциале и возможных перспективах дальнейшего развития уголовно-процессуального законодательства не только в части регулирования процессуального положения защитника в сфере досудебного обжалования, но и связанных с ним и его деятельностью вопросов: регламентация судебной деятельности, деятельности должностных лиц органов досудебного производства и др.

На основе метода обобщения представлены выводы и заключения автора, касающиеся предмета исследования, а также с применением метода моделирования продемонстрированы возможные пути решения теоретических, законодательных и правоприменительных проблем.

Эмпирические методы позволили получить необходимую информацию о состоянии практики в сфере уголовно-процессуального (досудебного) обжалования и привести в работе примеры, позволяющие дополнительно обосновать или проиллюстрировать сделанные выводы и заключения.

Результаты и их обсуждение

Используемые в законодательных, ведомственных подзаконных актах, а также в теории уголовного процесса формулировки, как представляется, нуждаются в комментариях. Причина внимания к этим деталям правового регулирования не случайна. Право предоставляет известную свободу процессуального поведения, включая инициативность, самостоятельность реализации. Соответствующими должны быть и процессуальные механизмы, которые законодательно определяют порядок осуществления права.

Обязанность оставляет мало пространства для самостоятельности. Обязанность означает предписание определенного правового поведения, исключая при этом альтернативность, возможность изменить правило. Процессуальный порядок выполнения обязанности должен быть точным, емким и конкретным, предписывающим определенность поведения обязанного субъекта. Обязанность, как правило, подкрепляется ответственностью за ее невыполнение или ненадлежащее выполнение.

Ответ на вопрос: право, обязанность или полномочие – позволяет существенно скорректировать регулирование многих уголовно-процессуальных механизмов, предназначенных для реализации процессуального статуса защитника в сфере обжалования.

Решая задачу по выявлению общих закономерностей формирования процессуального статуса защитника в сфере обжалования, используем метод сравнительного анализа и обратимся к следующему аспекту. Законодатель использует различную терминологию применительно к определению процессуальных возможностей участников уголовного судопроизводства. В отношении должностных лиц и государственных органов, как правило, и в большинстве случаев применяется категория «полномочия», а для

раскрытия потенциала частных лиц – права и обязанности.

Защитник занимает своеобразное положение в уголовном судопроизводстве: не является должностным лицом, но при этом не защищает свои личные интересы¹, действует в интересах иных, частных лиц (физических или юридических). При этом законодатель в ст. 53 УПК РФ, указав в заглавии статьи «полномочия», далее сразу говорит, что защитник «вправе». Аналогичные законодательные конструкции имеются в иных статьях уголовно-процессуального закона (ч. 2 ст. 53, ч. 3 ст. 86, ч. 3 ст. 165 и др.). На официальный характер полномочий защитника указывала З. В. Макарова [8, с. 77].

На наш взгляд, смешение категорий, не тождественных по смыслу, говорит о высокой степени правовой неопределенности процессуального статуса защитника, в том числе при обжаловании.

Как представляется, для ответа на заданный выше вопрос есть смысл обратиться к специфике уголовно-процессуального обжалования. Первым важным обстоятельством укажем тот факт, что в его (обжалования) основе находится именно право (ст. 19 УПК РФ). Право на обжалование как принцип уголовного судопроизводства выстраивает всю сферу обжалования на определении именно возможности для всех участников инициировать обжалование, прекратить его, участвовать или отказаться от участия в нем. Соответственно для защитника, в равной степени как и для других участников, включая должностных лиц, обжалование – это право. Подтверждение тому мы находим в многочисленных примерах судебных решений, ссылающихся именно на право защитника и его довери-

теля подавать жалобы или невозможность использования этого права².

Не менее значимым фактором являются правила взаимодействия защитника с доверителем, о которых пишут многие ученые. Приведем позицию З. В. Макаровой: «Адвокату во всех случаях следует (это его нравственный и профессиональный долг) согласовывать свою позицию по уголовному делу с позицией обвиняемого, т. е. обсудить её с ним и выработать единую позицию или получить согласие обвиняемого на изложение своей позиции» [8, с. 79; 9].

Есть мнение, что между адвокатом и его подзащитным «возникает процессуальное соучастие, а соучастники должны действовать как единый субъект уголовно-процессуального отношения [10, с. 113]. Этот тезис, при несколько критической оценке его формулировки, можно признать справедливым, тем более что существующая практика подтверждает его правильность по сути.

Считаем, что самостоятельная и инициативная позиция защитника может иметь весьма существенные негативные правовые последствия для подсудимого. Так, по одному из уголовных дел в судебном заседании, проводимом в особом порядке, защитник, выступая в интересах подсудимой, заявил, что органами досудебного производства неверно квалифицированы действия подсудимой. Суд

² См., например: «В случае несогласия с действиями (бездействием) должностного лица следственного органа по рассмотрению ходатайств обвиняемый Г. и его защитник вправе были обжаловать их в порядке ст. 124, 125 УПК РФ» (Постановление Оренбургского гарнизонного военного суда от 22 октября 2021 г. № 1–41/2021); при возвращении уголовного дела прокурору «суд не дал оценки доводам защиты о нарушении права на защиту... В связи с этим не мог воспользоваться правом обжалования постановления о продлении срока следствия в порядке ст. 124, 125 УПК РФ» (Апелляционное определение Тульского областного суда от 17 января 2022 г. по делу № 22–46/2022).

¹ При этом такое утверждение носит относительный характер и в дальнейшем изложении мы выразим свое мнение по этой проблеме.

обосновал в приговоре квалификацию по тем же составам, что содержались в обвинительном заключении, и постановил обвинительный приговор. Государственный обвинитель принес представление на приговор, указав, что «указанный довод стороны защиты требовал проверки и оценки доказательств в общем порядке»¹. Получается, что инициатива защитника причинила вред интересам доверителя.

Отношения защитник – подзащитный основываются на идее приоритета прав подзащитного, который, *во-первых*, выступает ведущим субъектом в уголовно-процессуальных отношениях с защитником и может в любой момент уголовного судопроизводства отказаться как от конкретного защитника, так и от любого защитника. *Во-вторых*, именно подзащитный определяет вектор защиты, что накладывает на защитника обязанность согласовывать с ним свои намерения и процессуальные действия.

Обжалование является важным элементом всей процессуальной деятельности. Исходя из ее значимости, опрошенные адвокаты-защитники, имеющие многолетнюю практику участия в уголовных делах, отмечают безусловную обязательность предварительного согласования с подзащитным своих действий. При этом отказ подзащитного от обжалования рассматривается как обязательный большинством из числа опрошенных. Аналогично решается практиками вопрос о подаче жалобы по требованию подзащитного: 1) как гарантии прав личности в системе уголовно-процессуальных правоотношений (75% от числа опрошенных респондентов); 2) для реализации доверителем его прав и законных интересов (90% респондентов); 3) с целью повышения качества досудебного производства и устранения недостатков в работе (45%);

¹ Апелляционное определение Тверского областного суда от 25 октября 2017 г. по делу № 22–1977/2017 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 21.01.2023).

4) обеспечивая тем самым доступ к правосудию (80%).

Соответственно при анализе процессуального положения защитника в сфере обжалования выявляется дихотомическое деление – защитник одновременно наделен правом на обжалование и аналогичной обязанностью. И в этой части показательным выглядит следующее мнение: «Реализации права на защиту в полной мере способствуют закрепленные ст. 53 УПК РФ полномочия защитника» [11], в котором автор одновременно использует обе конструкции.

Но такая раздвоенность имеет свое объяснение. Право на обжалование – принципиальное основание соответствующей уголовно-процессуальной сферы, определяющее всю ее организацию и предписывающее добровольность реализации. Обязанность обжалования либо отказа от обжалования относится к взаимодействию защитник – подзащитный. В результате можно констатировать, что право на обжалование и обязанность обжалования имеют разные процессуальные сферы своего применения и регулируют процессуальное положение защитника применительно к различным правоотношениям.

Для процессуального положения защитника принципиально важной является правильная расстановка приоритетов. Полагаем, что первичным, исходным положением является взаимодействие с подзащитным. Именно в рамках этого взаимодействия (и соответствующих правоотношений) выявляется обязанность определенного процессуального поведения защитника, в том числе в сфере обжалования. Соответственно, признав, что подача жалобы является целесообразной, необходимой, защитник обязан согласовать соответствующую деятельность с подзащитным и только после этого согласования он уполномочен вступать уже в другую сферу правоотношений – с должностными лицами и государственными органами, где действует

его право выступить субъектом обжалования. О целесообразности подачи жалобы может заявить и доверитель, что для защитника выступает сигналом к началу процессуальной деятельности по обжалованию.

Таким образом, *право на обжалование выступает производным от обязанности, связывающей защитника с подзащитным*, которая в самом общем виде может быть выражена как надлежащее оказание квалифицированной юридической помощи. Согласование позиций подзащитного и защитника выступает основанием для признания оказания этой помощи надлежащим образом.

В науке уголовного процесса существует достаточно развитое направление определения признаков неквалифицированного оказания юридической помощи. В их числе указывается чаще всего выявленное противоречие процессуальной позиции адвоката-защитника с мнением обвиняемого-доверителя. При этом позиции могут не совпадать как относительно фактической стороны дела, так и в части определения способов реализации согласованной с подзащитным позиции¹.

В связи с этим отметим ряд обстоятельств. Несогласованность позиции между защитником и обвиняемым способна стать основанием для отмены судебного решения в случае, если просьба к суду, высказанная защитником, ухудшает положение доверителя в сравнении с его собственной просьбой, о чем свидетельствует судебная практика.

В одном из приговоров отмечено такое расхождение позиций, которое, тем не менее, оставлено судом первой инстанции без комментариев. Апелляционная инстанция усмотрела нарушение в оказании квалифицированной юридиче-

ской помощи подсудимому: «Как следует из материалов уголовного дела, адвокат Ч. осуществляла защиту подсудимого Л., который по инкриминированному ему преступлению заявил, что не имел умысла на контрабанду, поскольку не знал, что заказал амфетамин, и просил признать доказательства по контрабанде недопустимыми. Между тем адвокат Ч., выступая в судебных прениях в защиту интересов подсудимого Л., заявила, что «просит назначить справедливое, минимально возможное наказание и признать исключительным обстоятельством признание вины в полном объеме и чистосердечное признание, а также признать исключительным заболевание мамы, которая находится в больнице». Тем самым адвокат Ч., осуществляя защиту интересов Л., заняла позицию, противоположную той, что занимал подзащитный, чем нарушила его право на защиту»². На этом основании приговор был отменен.

Как отмечает Е. А. Перова, «наиболее частым нарушением является противоречие позиций адвоката и обвиняемого относительно утверждения о фактических обстоятельствах» [12, с. 27].

В то же время есть вопрос, касающийся сущности расхождения позиций защитника и обвиняемого при обжаловании. В науке уголовного процесса высказана позиция о том, что «нарушением права на защиту судебная практика при-

¹ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Московского областного суда от 28 мая 2015 г. по делу № 22–3312/2015 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/HdD7eI3eZ4ZN/> (дата обращения: 21.01.2023).

² См. Апелляционное определение Московского городского суда от 5 марта 2019 г. по делу № 10–1397/2019 // КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi/> (дата обращения: 21.01.2023). Аналогичные нарушения допущено адвокатом-защитником и по другим уголовным делам: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 14 февраля 2022 г. по делу № 77–485/2022; Кассационное определение Четвёртого кассационного суда общей юрисдикции от 15 сентября 2021 г. № 77–2982/2021 // КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi/> (дата обращения: 21.01.2023).

знает несовпадение позиций адвоката и подзащитного относительно доказанности вины, квалификации действий подзащитного, форме вины, наличию умысла в совершенном деянии. ...Правовыми последствиями этих расхождений является, как правило, отвод защитника и отмена приговора суда» [13, с. 66].

Отметим существенную деталь: признание юридической помощи некавалифицированной связывается со случаями *расхождения позиций защитника и подзащитного по вопросам, имеющим отношение к фактическим обстоятельствам совершенного преступления*. Но обжалование в досудебном производстве не входит в число таких ситуаций. Возникает закономерный вопрос: будет ли расцениваться инициативное и самостоятельное (без согласования с подзащитным) обжалование защитником процессуальных действий (бездействия) или решений как расхождение позиций с подзащитным и повлечет ли это негативные правовые последствия?

В качестве основания для формирования авторской позиции по данному вопросу можно сослаться на весьма ограниченный круг существующих сведений. В научной литературе этот вопрос почти не рассматривается. Имеются лишь фрагментарные указания на подобного рода обстоятельства. Например, «непринесение адвокатом замечаний в протокол допроса, равно как и отсутствие действий по обжалованию незаконной деятельности следователя в порядке ст. 125 УПК РФ, свидетельствует о недостаточно активной работе этого адвоката по защите нарушенных прав своего доверителя» [14; 15; 16]. Упоминание об обжаловании адвокатом-защитником незаконных действий следователя отмечается вне контекста согласования обжалования подзащитным и поставленный нами ранее вопрос остается без ответа.

Прямого законодательного ответа на поставленный вопрос также не наблюдается.

В правоприменительной практике имеют место случаи, когда юридическая помощь признается некавалифицированной в связи с отказом защитника знакомиться с материалами уголовного дела¹, что можно рассматривать как аспект процессуального порядка. Но и этим обстоятельством мы не можем воспользоваться для ответа на поставленный вопрос в силу существенной разницы сути и наступающих правовых последствий неознакомления с материалами уголовного дела и несогласованного обжалования.

Полагаем, что неознакомление с материалами уголовного дела ведет к проблемам с фактическими обстоятельствами. Их знание или незнание адвокатом-защитником обуславливает потенциальную возможность (невозможность) для подзащитного получить необходимые консультации и определить наиболее перспективные пути защиты своих интересов, тогда как обжалование преследует достижение непосредственных правовых результатов, имеющих в том числе отношение не столько к фактическим обстоятельствам, сколько к решению текущих процессуальных вопросов.

Имеется ряд интересных положений в адвокатском корпоративном документе «Стандарт участия адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве» (ранее уже упоминавшемся в данном исследовании), где в п. 3 ст. 6 сказано, что «совершение защитником юридически значимых действий по делу допустимо, как правило, лишь после их согласования с подзащитным», а в ст. 7 говорится, что «в тех случаях, когда требуется незамедлительное совершение юридически значимых действий в интересах подзащитного, а у защитника отсутствует объективная воз-

¹ Постановление Президиума Московского областного суда от 21 января 2015 г. № 30 по делу № 44у-23/2015. Судебные акты отменены, дело передано на новое рассмотрение в суд первой инстанции в ином составе.

возможность предварительно выяснить его волю и позицию по вопросу их совершения, защитник действует самостоятельно, исходя из своего внутреннего убеждения и собственного понимания интересов подзащитного, с последующим уведомлением подзащитного. Если подзащитный не одобрит совершенные защитником действия, то защитнику следует принять меры к согласованию и формированию консолидированной позиции и руководствоваться этой позицией в ходе дальнейшей защиты».

Фактически эти положения – единственные, определяющие возможный вектор построения ответа на сформулированный выше вопрос с логическим продолжением и выходом на ответ по основному вопросу: обжалование в процессуальном статусе защитника – это право, обязанность или полномочие?

Истолкование приведенных правил стандарта оказания квалифицированной юридической помощи убеждает в том, что защитник обязан согласовывать свою позицию по обжалованию с подзащитным. И этот факт еще раз подтверждает высказанную нами ранее позицию относительно того, что отношения с подзащитным и согласование с ним всех значимых в правовом отношении действий являются приоритетом защитника во всех вопросах, касающихся определения направления и средств осуществления уголовно-процессуальной деятельности, включая обжалование.

Соответственно можно сформулировать следующее заключение. Процессуальный статус адвоката-защитника должен включать обязанность согласовать позицию по обжалованию с подзащитным, что становится катализатором дальнейшей процессуальной деятельности защитника, как в направлении осуществления права на обжалование, так и отказа от его реализации.

Имеется и другой вариант раскрытия процессуального положения защитника, некоторым образом изменяющий соот-

ношение право – обязанность в сфере обжалования. Деятельность защитника может быть направлена не только на обжалование процессуальных действий (бездействия), решений должностных лиц и органов досудебного производства, нарушающих (ограничивающих) права доверителя защитника, но и тех, что препятствуют личному участию адвоката в уголовном деле в качестве защитника (либо осуществлению процессуальных прав адвоката-защитника) [17; 18; 19; 20].

Нарушение может происходить посредством отказа на вступление адвоката в производство по уголовному делу и, как следствие, невозможности оказания им юридической помощи подозреваемому или обвиняемому. Эта ситуация многократно описана в научных источниках [21; 22]. Отметим, что единственным способом отстоять свои процессуальные права, обусловленные необходимостью оказания квалифицированной юридической помощи, служит обжалование незаконности действий должностных лиц органов досудебного производства или учреждений принудительного содержания (поскольку такого рода незаконные действия могут предприниматься также и сотрудниками, например, следственного изолятора)¹.

В этой сфере обжалования есть интересная деталь. Обжалование незаконности отказа в допуске адвоката в качестве защитника происходит в порядке ст. 125 УПК РФ, тогда как содержание этой статьи предусматривает обжалование действий (бездействия) и решений участников уголовного судопроизводства и иных лиц в той части, в которой они затраги-

¹ Московский городской суд. Апелляционное постановление от 23 июля 2018 г. № 10–13107/2018. Обстоятельства: постановлением суда первой инстанции удовлетворена жалоба адвоката, поданная в порядке ст. 125 УПК РФ, о признании незаконным решения следователя об отказе в допуске в качестве защитника. Постановление суда первой инстанции оставлено без изменения.

вают их (участников!) конституционные права. Однако оказание квалифицированной юридической помощи не является конституционным правом адвоката, а вот получение такого рода помощи – конституционное право. Но в таком случае обжалование должно осуществляться не самим адвокатом, а тем лицом, которое лишено возможности реализовать указанное конституционное право в силу незаконных действий органов досудебного производства.

И в этой части мы сделаем следующий вывод: в ситуации, когда адвокату незаконно препятствуют во вступлении в уголовное судопроизводство в статусе защитника (возможно и представителя), у него вообще нет ни права, ни обязанности обжаловать такого рода незаконные процессуальные действия и решения органов досудебного производства. Жалобу должен направлять тот участник, которому указанные препятствия не позволяют реализовать конституционное право на получение квалифицированной юридической помощи.

Выводы

1. Формирование процессуального статуса защитника в сфере уголовно-процессуального обжалования основано на таких общих закономерностях, как:

– законодательное определение его прав и обязанностей;

– установление надлежащих процессуальных средств осуществления прав и выполнения обязанностей;

– приоритет прав доверителя, что обуславливает наличие требования к реализации процессуального статуса защитника о предварительном согласовании с подзащитным реализации его (защитника) процессуальных прав;

– для защитника обжалование является обязанностью только в том случае, если достигнуто согласие подзащитного на совершение соответствующих действий.

Обжалование вопреки позиции подзащитного следует рассматривать как

противоречие позиции подзащитного и нарушение адвокатом условий и правил оказания квалифицированной юридической помощи. В этой части, полагаем, необходимо установить соответствующие процессуальные правила, позволяющие удостовериться в наличии согласия подзащитного на совершение защитником активных действий по обжалованию в любом из выделенных ранее видов досудебной формы обжалования.

Также считаем целесообразным установление прямого законодательного запрета на самостоятельное осуществление адвокатом-защитником своих процессуальных прав по обжалованию, без согласования с подзащитным.

2. Использование категории «полномочия» в отношении защитника считаем неудачным примером законодательной техники, поскольку она не отражает реального процессуального положения этого участника, в частности не свидетельствует о каком-либо сходстве его положения с должностными лицами досудебного производства.

3. Право защитника на обжалование в досудебных стадиях уголовного судопроизводства – это согласованное с подзащитным заявление и направление в адрес уполномоченных лиц обращение в целях защиты прав и законных интересов доверителя, с выражением несогласия с произведённым действием (бездействием) и (или) принятым решением, включающее просьбу признать незаконным соответствующее процессуальное действие (бездействие) либо принятое решение, а его результаты не имеющими юридической силы, доказательственного значения.

4. Обжалование, осуществляемое в профессиональных интересах адвоката, в случае незаконного воспрепятствования его вступлению в уголовное судопроизводство осуществляется заявителем, конституционным правам которого был причинен ущерб незаконными действиями (бездействием) и решениями должностных лиц досудебного производства

Список литературы

1. Рябинина Т. К. Разрешение вопроса о вручении копии обвинительного заключения (акта, постановления) на предварительном слушании как средство обеспечения прав и законных интересов участников процесса // Обеспечение конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства: материалы круглого стола (19 декабря 2017 г.) отв. ред. В. В. Ершов. М.: РГУП, 2018. С 160–170.
2. Мельников В. Ю. Значение участия защитника в уголовном процессе // Адвокатская практика. 2018. № 2. С. 29–37.
3. Лазарева В. А., Вершинина С. И. Процессуальный статус участников уголовного судопроизводства как фактор, обуславливающий содержание и состав системы мер пресечения // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2020. № 1. С. 17–25.
4. Гладышева О. В. Обеспечение права на квалифицированную юридическую помощь в уголовном судопроизводстве: современные проблемы и пути их решения // Эффективное противодействие преступности в условиях глобализации: проблемы и перспективы: материалы Международной научно-практической конференции. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2020. С. 10–20.
5. Дикарев И. С. Система сдержек и противовесов в досудебном производстве по уголовным делам // Журнал российского права. 2018. № 3. С. 76–83. https://doi.org/10.12737/art_2018_3_7.
6. Семенцов В. А. Полномочия адвоката по участию в собирании (формировании) доказательств в уголовном судопроизводстве // Вопросы правообразования. 2010. № 4. С. 359–381.
7. Россинский С. Б. Судебный контроль за производством следственных действий: нужны ли дальнейшие реформы? // Судебная реформа в современной России: результаты, проблемы и перспективы: материалы Международной научно-практической конференции / отв. ред. В. А. Семенцов. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2020. С. 289–297.
8. Макарова З. В. Согласованность позиций адвоката и его подзащитного // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2008. № 1 (14). С. 73–82.
9. Кленкина О. В., Симонов Н. С., Шиханова Е. Г. Проблемы правопонимания адвокатской тайны // Адвокатская практика. 2022. № 3. С. 54–57. <https://doi.org/10.18572/1999-4826-2022-3-54-57>.
10. Алиев Н. А. Свидетельский иммунитет в уголовном процессе // Правоведение. 2005. № 6. С. 109–123.
11. Михайлова Ю. Н. Реализация принципа презумпции невиновности при производстве предъявления для опознания // Российский судья. 2021. № 5. С. 29–33. <https://doi.org/10.18572/1812-3791-2021-5-29-33>.
12. Перова Е. А. Оказание неквалифицированной юридической помощи как форма нарушения права обвиняемого пользоваться помощью защитника // Адвокатская практика. 2020. № 4. С. 22–29.
13. Габдрахманов Ф. В., Ключев С. М. Правовые последствия расхождения позиций адвоката и обвиняемого (подсудимого) в судебной практике // Марийский юридический вестник. 2015. № 4 (15). С. 64–66.
14. Шаповал А. Б. О некоторых проблемах на стадии предварительного расследования // Адвокатская практика. 2021. № 2. С. 42–48.
15. Таран А. С. Процессуальные последствия конфликта интересов доверителей адвоката // Адвокатская практика. 2014. № 4. С. 34–38.

16. Купрейченко С. В. Противоречие интересов доверителей адвоката-защитника в уголовном процессе. Понятие, последствия, проблемы установления и процессуального реагирования // *Актуальные проблемы российского права*. 2017. № 9. С. 177–185. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2017.82.9.177-185>.
17. Рагулин А. В. Некоторые проблемы регламентации и практической реализации права адвоката-защитника на получение ответа на запросы // *Юридический мир*. 2012. № 8. С. 14–18.
18. Хмыров Р. В. Защита прав адвокатов в уголовном судопроизводстве // *Российский следователь*. 2022. № 4. С. 28–31.
19. Хмыров Р. В. Полномочия представителя адвокатской палаты в уголовном судопроизводстве // *Адвокатская практика*. 2022. № 2. С. 12–15.
20. Гришина Е. П. Процессуальные гарантии независимости адвоката в уголовном судопроизводстве // *Адвокатская практика*. 2019. № 1. С. 48–54.
21. Таран А. С. «Недопуск» адвоката к участию в уголовном процессе: законодательство и судебная практика // *Судебная власть и уголовный процесс*. 2012. № 1. С. 119–122.
22. Шаповал А. Б. Проблема допуска адвоката-защитника к подзащитному на стадии предварительного расследования // *Адвокатская практика*. 2021. № 4. С. 51–56.

References

1. Ryabinina T. K. [Resolution of the issue of handing over a copy of the indictment (act, resolution) at a preliminary hearing as a means of ensuring the rights and legitimate interests of participants in the process]. *Obespechenie konstitucionnyh prav i svobod uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva. Materialy kruglogo stola* [Ensuring the constitutional rights and freedoms of participants in criminal proceedings. Materials of the round table]; ed. by V. V. Ershov. Moscow, RGUP Publ., 2018, pp. 160–170. (In Russ.)
2. Mel'nikov V. Yu. Znachenie uchastiya zashchitnika v ugolovnom processe [The significance of the defender's participation in the criminal process]. *Advokatskaya praktika = Lawyer's practice*, 2018, no. 2, pp. 29–37.
3. Lazareva V. A., Vershinina S. I. Processual'nyj status uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva kak faktor, obuslavlivayushchij soderzhanie i sostav sistemy mer presecheniya [Procedural status of participants in criminal proceedings as a factor determining the content and composition of the system of preventive measures]. *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki = Vector of Science of Togliatti State University. Series: Legal Sciences*, 2020, no. 1, pp. 17–25.
4. Gladysheva O. V. [Ensuring the right to qualified legal assistance in criminal proceedings: modern problems and ways to solve them]. *Effektivnoe protivodejstvie prestupnosti v usloviyah globalizacii: problemy i perspektivy. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Effective crime prevention in the context of globalization: problems and prospects. Materials of the International scientific and practical conference]. Krasnodar, Krasnodarskij univ. MVD Rossii, 2020, pp. 10–20. (In Russ.)
5. Dikarev I. S. Sistema sderzhek i protivovesov v dosudebnom proizvodstve po ugolovnym delam [The system of checks and balances in pretrial proceedings in criminal cases]. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2018, no. 3, pp. 76–83. https://doi.org/10.12737/art_2018_3_7.
6. Semencov V. A. Polnomochiya advokata po uchastiyu v sobiranii (formirovanii) dokazatel'stv v ugolovnom sudoproizvodstve [The powers of a lawyer to participate in the collection (formation) of evidence in criminal proceedings]. *Voprosy pravovedeniya = Questions of Jurisprudence*, 2010, no. 4, pp. 359–381.

7. Rossinskij S. B. [Judicial control over the production of investigative actions: do we need further reforms?]. *Sudebnaya reforma v sovremennoj Rossii: rezul'taty, problemy i perspektivy. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Judicial reform in Modern Russia: results, problems and prospects. Materials of the International Scientific and Practical Conference]; ed. by V. A. Semencov. Krasnodar, Kuban. St. Univ. Publ., 2020, pp. 289–297. (In Russ.)

8. Makarova Z. V. Soglasovannost' pozicij advokata i ego podzashchitnogo [Consistency of the positions of the lawyer and his client]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of Omsk University. Series: Law*, 2008, no. 1 (14), pp. 73–82.

9. Klenkina O. V., Simonov N. S., Shihanova E. G. Problemy pravoponimaniya advokatskoj tajny [Problems of legal understanding of attorney-client privilege]. *Advokatskaya praktika = Lawyer practice*, 2022, no. 3, pp. 54–57. <https://doi.org/10.18572/1999-4826-2022-3-54-57>.

10. Aliev N. A. Sviditel'skij immunitet v ugolovnom processe [Witness immunity in criminal proceedings]. *Pravovedenie = Jurisprudence*, 2005, no. 6, pp. 109–123.

11. Mihajlova Yu. N. Realizaciya principa prezumpcii nevinovnosti pri proizvodstve pred'yavleniya dlya opoznaniya [Implementation of the principle of presumption of innocence in the production of presentation for identification]. *Rossijskij sud'ya = Russian judge*, 2021, no. 5, pp. 29–33. <https://doi.org/10.18572/1812-3791-2021-5-29-33>.

12. Perova E. A. Okazanie nekvalificirovannoj juridicheskoy pomoshchi kak forma narusheniya prava obvinyaemogo pol'zovat'sya pomoshch'yu zashchitnika [Rendering unqualified legal assistance as a form of violation of the right of the accused to use the help of a defender]. *Advokatskaya praktika = Lawyer's practice*, 2020, no. 4, pp. 22–29.

13. Gabdrahmanov F. V., Klyuzhev S. M. Pravovye posledstviya raskhozhdeniya pozicij advokata i obvinyaemogo (podsudimogo) v sudebnoj praktike [Legal consequences of the divergence of the positions of the lawyer and the accused (defendant) in judicial practice]. *Marijskij juridicheskij vestnik = Mari Legal Bulletin*, 2015, no. 4 (15), pp. 64–66.

14. Shapoval A. B. O nekotoryh problemah na stadii predvaritel'nogo rassledovaniya [About some problems at the stage of preliminary investigation]. *Advokatskaya praktika = Law practice*, 2021, no. 2, pp. 42–48.

15. Taran A. S. Processual'nye posledstviya konflikta interesov doveritelej advokata [Procedural consequences of the conflict of interests of the attorney's principals]. *Advokatskaya praktika = Lawyer's practice*, 2014, no. 4, pp. 34–38.

16. Kuprejchenko S. V. Protivorechie interesov doveritelej advokata-zashchitnika v ugolovnom processe. Ponyatie, posledstviya, problemy ustanovleniya i processual'nogo reagirovaniya [The conflict of interests of the clients of the lawyer-defender in the criminal process. Concept, consequences, problems of establishment and procedural response]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual problems of Russian law*, 2017, no. 9, pp. 177–185. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2017.82.9.177-185>.

17. Ragulin A. V. Nekotorye problemy reglamentacii i prakticheskoy realizacii prava advokata-zashchitnika na poluchenie otveta na zaprosy [Some problems of regulation and practical implementation of the right of a defense lawyer to receive a response to requests]. *Yuridicheskij mir = Legal World*, 2012, no. 8, pp. 14–18.

18. Hmyrov R. V. Zashchita prav advokatov v ugolovnom sudoproizvodstve [Protection of the rights of lawyers in criminal proceedings]. *Rossijskij sledovatel' = Russian Investigator*, 2022, no. 4, pp. 28–31.

19. Hmyrov R. V. Polnomochiya predstavatelya advokatskoj palaty v ugolovnom sudoproizvodstve [Powers of the representative of the Bar Chamber in criminal proceedings]. *Advokatskaya praktika = Lawyer practice*, 2022, no. 2, pp. 12–15.

20. Grishina E. P. Processual'nye garantii nezavisimosti advokata v ugovnom sudoproizvodstve [Procedural guarantees of the independence of a lawyer in criminal proceedings]. *Advokatskaya praktika = Lawyer's practice*, 2019, no. 1, pp. 48–54.

21. Taran A. S. "Nedopusk" advokata k uchastiyu v ugovnom processe: zakonodatel'stvo i sudebnaya praktika ["Non-admission" of a lawyer to participate in criminal proceedings: legislation and judicial practice]. *Sudebnaya vlast' i ugovnyj process = Judicial power and criminal procedure*, 2012, no. 1, pp. 119–122.

22. Shapoval A. B. Problema dopuska advokata-zashchitnika k podzashchitnomu na stadii predvaritel'nogo rassledovaniya [The problem of admission of a defense lawyer to a client at the stage of preliminary investigation]. *Advokatskaya praktika = Lawyer practice*, 2021, no. 4, pp. 51–56.

Информация об авторе / Information about the Author

Рудакова Светлана Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, почетный работник сферы образования РФ, доцент кафедры уголовного процесса, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Российская Федерация,
e-mail: rudakovasvetlana@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-9448-8355

Svetlana V. Rudakova, Cand. of Sci. (Juridical), Associate Professor, Honorary Worker of Education of the Russian Federation, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure, Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation,
e-mail: rudakovasvetlana@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-9448-355

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-2-125-138>

Процессуальное значение объяснений судей и пояснений присяжных заседателей в уголовном судопроизводстве

В. В. Конин¹ ✉, Е. В. Сидоренко¹, Л. И. Суханкина¹

¹Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия
Александровский парк, д. 5, г. Санкт-Петербург 197046, Российская Федерация

✉ e-mail: vkonin.kld@yandex.ru

Резюме

Актуальность статьи заключается в том, что объяснение как источник информации для принятия решения по тому или иному вопросу, возникающему в уголовном судопроизводстве, до настоящего времени имеет не до конца изученную правовую природу, что и вызывает достаточно спорные в юридической науке и практике вопросы. Но, помимо объяснения, схожую с ним правовую природу имеет и пояснение, которое недавно появилось в российском уголовном судопроизводстве. В соответствии с правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации суд апелляционной инстанции может выслушивать пояснения лиц, исполнявших обязанности присяжных заседателей по ряду вопросов, сопутствовавших вынесению вердикта. При этом дать пояснения суду является правом присяжного заседателя. Одновременно с этим судья, которому заявлен отвод, также вправе дать объяснение по поводу заявленного отвода. Законодателем не решен вопрос о том, какова правовая природа объяснения и пояснения в уголовном судопроизводстве, данных судьей и присяжным заседателем, и являются ли эти источники информации доказательством.

Цель статьи – раскрыть вопросы использования в современном уголовном судопроизводстве объяснений и пояснений судей и присяжных заседателей с тем, чтобы, выявив проблемные вопросы, предложить их для обсуждения научной общественности и практическим работникам.

Задачи: изучить эволюцию использования в уголовном процессе теории объяснений и пояснений судей и присяжных заседателей, «катехона», провести анализ и осмысление в практической деятельности.

Методология. Основу настоящего исследования составляет совокупность всеобщего диалектического метода научного познания, общенаучных методов анализа и синтеза, индукции и дедукции и частных научных методов познания, таких как: формально-логический, формально-юридический. Авторами также применялись методы изучения социальных явлений в их конкретном проявлении в конкретных условиях места и времени: изучение документов, наблюдение, сравнение.

Результаты исследования отличают прикладной характер с элементами научной новизны. Авторы рассмотрели возникающие сложности, связанные с практической имплементацией положений вопросов использования объяснений и пояснений судей и присяжных заседателей.

Выводы. Обсуждение выявленных проблем позволит обратить внимание законодателя и Верховного Суда Российской Федерации на разработку решений по устранению выявленных пробелов в уголовно-процессуальном законодательстве.

Ключевые слова: объяснения; пояснения; отвод судьи; присяжный заседатель; судебное разбирательство; доказательство.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Конин В. В., Сидоренко Е. В., Суханкина Л. И. Процессуальное значение объяснений судей и пояснений присяжных заседателей в уголовном судопроизводстве // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 2. С. 125–138. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-2-125-138>.

Поступила в редакцию 13.02.2023

Принята к публикации 10.03.2023

Опубликована 28.04.2023

© Конин В. В., Сидоренко Е. В., Суханкина Л. И., 2023

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2023; 13(2): 125–138

Procedural Significance of Explanations of Judges and Clarifications of Jurors in Criminal Proceedings

Vladimir V. Konin¹ ✉, Elena V. Sidorenko¹, Lyudmila I. Sukhankina¹

¹North-Western Branch of the Russian State University of Justice
5 Alexandrovsky Park, St. Petersburg 197046, Russian Federation

✉ e-mail: vkonin.kld@yandex.ru

Abstract

The relevance of the article lies in the fact that the explanation, as a source of information for making a decision on a particular issue arising in criminal proceedings, still has not been fully studied legal nature, which causes quite controversial issues in legal science and practice. But, in addition to the explanation, an explanation that has recently appeared in Russian criminal proceedings has a similar legal nature to it. In accordance with the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the court of appeal may hear explanations from persons who performed the duties of jurors on a number of issues that accompanied the verdict. At the same time, it is the right of a juror to give explanations to the court. At the same time, the judge to whom the challenge has been filed also has the right to give an explanation about the claimed challenge. The legislator has not resolved the question of what is the legal nature of the explanations and explanations in criminal proceedings given by the judge and the juror, and whether these sources of information are evidence.

The purpose of the article is to try to uncover the issues of using explanations and explanations of judges and jurors in modern criminal proceedings in order to identify problematic issues and offer them for discussion to the scientific community and practitioners.

Objectives: to study the evolution of the use of the theory of explanations and explanations of judges and jurors in criminal proceedings, the "catechon", its analysis and understanding in practice.

Methodology. The basis of this research is a combination of the universal dialectical method of scientific cognition, general scientific methods of analysis and synthesis, induction and deduction, and private scientific methods of cognition, such as: formal-logical, formal-legal. The authors also used methods of studying social phenomena in their concrete manifestation in specific conditions of place and time: the study of documents, observation, comparison.

The results of the study are distinguished by an applied nature with elements of scientific novelty. The authors considered the emerging difficulties associated with the practical implementation of the provisions of the use of explanations and explanations of judges and jurors.

Conclusions. The discussion of the identified problems will draw the attention of the legislator and the Supreme Court of the Russian Federation to the development of solutions to eliminate the identified gaps in the criminal procedure legislation.

Keywords: explanations; clarifications; recusal of a judge; juror; trial; proof.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Konin V. V., Sidorenko E. V., Sukhankina L. I. Procedural Significance of Explanations of Judges and Clarifications of Jurors in Criminal Proceedings. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2023; 13(2): 125–138. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-2-125-138>.

Received 13.02.2023

Accepted 10.03.2023

Published 28.04.2023

Введение

Расследование уголовного дела представляет собой деятельность различных участников, в которой достаточно значительное место занимают вопросы коммуникации, в том числе вербальной.

Традиционно одним из видов вербальной коммуникации, помимо традиционных протоколируемых в обязательном порядке следственных действий, направленных на получение следователем (дознавателем) информации от лиц, обладающих

процессуальным статусом и взаимодействующих со следователем, являлось объяснение. Но не так давно судебная практика ввела в обиход и такой вид вербальной коммуникации, как пояснение. Попробуем в рамках нашего исследования рассмотреть эти виды коммуникации и ответить на вопрос: являются ли объяснение судьи и пояснение присяжного заседателя доказательством?

Методология

В основе проведенного исследования лежит всеобщий диалектический метод научного познания. Для достижения поставленных задач авторами также были использованы общенаучные методы анализа и синтеза, индукции и дедукции. Методы дедукции и индукции позволили исследовать правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, выделить их проявление и конкретизацию в нормах Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Кроме того, авторами были использованы некоторые частнонаучные методы познания, в частности формально-юридический метод при обращении к текстам Постановлений Конституционного Суда Российской Федерации, уголовно-процессуального закона в части, относящейся к теме исследования, и формально-логический метод. Изучение документов и наблюдения применялись в процессе обобщения правоприменительной практики.

Результаты и их обсуждение

УПК РФ содержит указание на возможность участникам уголовного судопроизводства давать объяснения в тех или иных ситуациях, сложившихся в уголовном судопроизводстве, и не только на досудебной стадии (например, ст. 46, 47, 144, 399, 400, 437, 473.4 и другие статьи УПК РФ).

Оценивая значимость объяснения в уголовном судопроизводстве, авторы придерживаются традиционной точки зрения о том, что объяснение не может

являться доказательством, т. к. не отвечает требованиям, предъявляемым к доказательствам. Указанная позиция всё чаще подвергается оспариванию со стороны практических работников, которым порой не хватает доказательств для подтверждения виновности лица, привлекаемого к уголовной ответственности, и для которых велик соблазн использовать объяснения в качестве «иных документов» (п. 6 ч. 2 ст. 74 УПК РФ).

Периодически эту позицию занимают и адвокаты-защитники, когда в рамках предоставленных им полномочий УПК РФ (в том числе и понимаемых в расширительном толковании), получают объяснения с лиц, которые, по их мнению, располагают той или иной информацией, имеющей отношение к сформированному и выдвинутому в ходе предварительного расследования обвинительному тезису [1].

Необходимо отметить, что объяснения, получаемые в уголовном процессе на разных стадиях, имеют различную правовую природу, которая до конца не исследована, о чем свидетельствует научная дискуссия, в том числе и в научном сообществе других государств [2; 3; 4].

Рассматривая природу объяснений, полученных при производстве проверочных действий на досудебной стадии, ранее авторами уже высказывалось мнение о проблеме использования таких объяснений в качестве доказательств и констатировалась сложность правового обоснования правомерности оглашения подобных объяснений в суде в порядке ст. 285 УПК РФ под видом «иного документа» в случае невозможности в дальнейшем допросить лицо, давшее это объяснение. Была высказана позиция, что использование объяснений, полученных при производстве проверочных действий на досудебной стадии как доказательства при вынесении судом итогового решения по делу, войдет в противоречие с правилами, предусмотренными ст. 281 УПК РФ, об оглашении показаний не явившихся лиц, а также с п. «д» ч. 3 ст. 6 Европейской

Конвенции о защите прав человека и основных свобод, установившей право обвиняемого задать вопросы показывающему против него лицу [5].

Несколько иная правовая природа объяснения существует в постсудебных стадиях – стадии исполнения приговора, а также при судебном рассмотрении вопросов взаимодействия с компетентными органами иностранного государства о признании и принудительном исполнении вступившего в законную силу решения иностранного суда о конфискации имущества или доходов, полученных преступным путем, и находящихся на территории Российской Федерации [6; 7].

Достаточно дискуссионным до настоящего времени является вопрос о том, будут ли являться доказательством объяснения, полученные от участников процесса в стадии исполнения приговора? С одной стороны, они обладают таким свойством, как относимость, достоверность, проверяемость, и преследуют цель помочь суду в правильной оценке сложившейся правовой ситуации, и принятия судом законного и обоснованного решения по рассматриваемому вопросу. К тому же лицо, дающее объяснение суду, предупреждается об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний. Но, с другой стороны, объяснение не входит в число источников доказательств и, как справедливо было отмечено; «полученная в ходе опроса информация, в которой в той или иной части освещаются события, интересующие должностное лицо, ...должна проходить через критический анализ, поскольку, как показывает практика, всегда существуют объективные и субъективные факторы, влияющие на восприятие информации, ее полноту и правильность» [8, с. 51].

Но существует и иной способ использования объяснения в уголовном процессе. Так, например, право дать объяснения предусмотрено законодателем в случаях заявления одной из сторон отвода судьей. Согласно ч. 2 ст. 65 УПК РФ,

«судья, которому заявлен отвод, вправе до удаления остальных судей в совещательную комнату публично изложить свое объяснение по поводу заявленного ему отвода». Особо отметим, что дать объяснение – это право судьи, а не обязанность.

Следует обратить внимание, что правовой статус таких объяснений законодателем также не определен, и в данном вопросе существует значительный правовой пробел. Так, например, нет ответа на вопрос, являются ли эти объяснения доказательством, опровергающим доводы, заявленные при отводе; распространяются ли на данное объяснение требования относимости, допустимости, достоверности и достаточности; должны ли они учитываться другими судьями при вынесении решения об отказе либо удовлетворении отвода; должны ли другие судьи принимать доводы, озвученные в объяснении судьей, которому заявлен отвод, как бесспорные, поскольку они исходят от судьи (не опровергнутая презумпция добросовестности судьи как носителя судебной власти); вправе ли сторона, заявившая отвод судьей, представлять дополнительные доводы (а возможно, что и доказательства), опровергающие аргументы, приведенные судьей в объяснении? К сожалению, законодатель не раскрыл этот вопрос, что в определенной мере может в некоторых случаях повлиять на авторитет судебной власти.

В то же время объяснениям судьи перед удалением в совещательную комнату для разрешения отвода придаётся большое значение Европейским судом по правам человека.

Так, рассматривая дело «Филюткин против Российской Федерации», ЕСПЧ подробно проанализировал объяснение судьи по поводу заявленного ему отвода: «Заявитель ходатайствовал об отводе судьи Д., ссылаясь на три основания: отклонение процессуальных обращений и кассационной жалобы, поданной заявителем до окончания рассмотре-

ния дела по существу; наличие профессиональных связей между судьями Д. и М.; поведение Д., который, работая следователем, проводил расследование по другому уголовному делу с участием заявителя. Судья Д. отклонил первое и второе основания как не влияющие на его беспристрастность, но поддержал третье основание, а также добавил по собственной инициативе четвертое основание, а именно проживание его семьи по соседству с семьей заявителя. Европейский суд отмечает, что судья Д. не просто сослался на последние два основания как на факты, которые «объективно» могли поставить под сомнение его беспристрастность, но он прямо подчеркнул, что указанные обстоятельства «наложили на отношения между ним и заявителем отпечаток неприязненности». Иными словами, этот судья проявлял пристрастность по отношению к заявителю¹. Трудно оценить, насколько было юридически обоснованным решение ЕСПЧ, но тем не менее правовая позиция по проблемному вопросу была озвучена.

При этом вопросы дачи объяснений судьями и присяжными заседателями, на которых в период исполнения обязанностей присяжного заседателя распространяются все гарантии правового статуса судьи, получили свое развитие в решениях Конституционного Суда Российской Федерации. Так, например, после вынесения Конституционным Судом Российской Федерации Постановления от 7 июля 2020 г. № 33-П по делу о проверке конституционности п. 1 ч. 3 ст. 56 УПК РФ в связи с жалобой гражданина Р. А. Алиева², в уголовное судопроизводство было введено понятие «пояснение».

¹ Постановление ЕСПЧ от 24 июля 2018 г. по делу «Филлоткин против Российской Федерации» // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_346640/ (дата обращения: 10.02.2023).

² По делу о проверке конституционности п. 1 ч. 3 ст. 56 УПК РФ в связи с жалобой гражданина Р. А. Алиева: Постановление

В чем оно выразилось? Конституционный Суд Российской Федерации в указанном Постановлении справедливо напомнил о том, что факты «способные поставить под сомнение справедливость, безупречность и правосудность судебного решения в целом, не могут быть оставлены судом апелляционной инстанции без внимания» и, соответственно, в таком случае возникает потребность заслушать пояснения присяжного заседателя, который в момент участия в коллегии присяжных заседателей в ходе рассмотрения уголовного дела обладает всеми гарантиями неприкосновенности наравне с профессиональным судьей.

В дальнейшем Конституционный Суд Российской Федерации еще раз уточнил свою позицию, указав, что присяжный, входящий в состав суда, рассматривающего уголовное дело, не может в том же самом деле иметь статус свидетеля, и соответственно, дать пояснение – это право, а не обязанность присяжного заседателя³.

Таким образом, в юридический словарь уголовно-процессуального права было введено понятие «пояснение», отсутствовавшее до этого времени. В связи с этим, как представляется, в настоящее время не только вопросы объяснений, но и порожденные судебной практикой Конституционного Суда Российской Федерации вопросы пояснений в уголовном судопроизводстве занимают достаточно

Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июля 2020 г. № 33-П // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_346640/ (дата обращения: 10.02.2023).

³ По делу о проверке конституционности частей первой, второй, пункта 1 части третьей статьи 56 и статьи 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданина В. И. Борисова: Постановление Конституционного Суда РФ от 27 сент. 2022 г. № 35-П // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_427699/ (дата обращения: 10.02.2023).

значимое место, и в то же время законодатель до сих пор в этом вопросе оставляет самое широкое поле для возможности расширительного толкования.

Возникающая неопределенность уже вызвала интерес ученых [9; 10 и др.].

Имеются ли различия между понятиями «пояснения» и «объяснения»? С точки зрения лингвистического смысла слов да, имеются. В случае пояснения лицо что-то уточняет, в случае объяснения – описывает какую-либо сложившуюся ситуацию, объясняет либо оправдывает какие-либо действия, но вместе с тем объяснение и пояснение служат средством доведения информации до иных лиц.

Вместе с тем, исходя из правовых позиций, озвученных Конституционным Судом Российской Федерации, в настоящее время разница между пояснением и объяснением с точки зрения уголовного судопроизводства видится авторам только в том, что объяснения даются различными участниками процесса и на различных стадиях, в том числе судьями, а пояснения – исключительно в суде апелляционной инстанции лицами, ранее исполнявшими обязанности присяжного заседателя. При этом вновь осталась без рассмотрения и оценки правовая природа пояснений. Но, как представляется, термин «пояснения», будучи введенным в уголовное судопроизводство Конституционным Судом Российской Федерации, еще не раз прозвучит в правоприменительной практике.

В рассматриваемых Постановлениях, вынесенных Конституционным Судом Российской Федерации, речь шла о праве суда апелляционной инстанции пригласить присяжного заседателя, наделив его правом дать пояснения. Вопрос возник в связи с необходимостью проверки фактов возможной попытки нарушения тайны совещательной комнаты, попытки воздействовать на присяжных заседателей при принятии ими решения, голосовании. В то же время, отталкиваясь от практиче-

ского опыта авторов, необходимо отметить, что на практике и ранее встречались случаи востребованности дачи пояснений присяжным заседателем, в том числе и при проверке законности состава коллегии, когда речь шла об обстоятельствах, исключающих участие кого-либо из присяжных заседателей в рассмотрении уголовного дела.

Практика показывает, что существует потребность проверить не только факты, перечисленные в вышеуказанных постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации (например, общение с лицами, не входящими в состав суда, по поводу обстоятельств этого дела, о собирании данных по делу вне судебного заседания либо ином противоправном поведении самих присяжных или других лиц, оказании давления со стороны кого-либо из участников коллегии присяжных заседателей на остальных присяжных заседателей и т. д.), но и иные факты, которые могут повлиять на беспристрастность присяжного заседателя, а необходимость подобной проверки может возникнуть не только в суде апелляционной инстанции, но и при рассмотрении уголовного дела судом первой инстанции. При этом правила ч. 4 ст. 333 УПК РФ, регулирующие вопросы отстранения присяжного заседателя по ходатайству сторон или по инициативе суда или по основаниям, заявленным одной из сторон в качестве причин для отстранения от участия в рассмотрении уголовного дела, не содержат указаний о том, что присяжный заседатель имеет право дать пояснения.

Нам представляется, что таким правом присяжный заседатель должен быть наделен в обязательном порядке, поскольку оценка таких пояснений позволит принять справедливое решение об отстранении присяжного заседателя от дальнейшего участия в рассмотрении дела или об отказе в отстранении, поскольку это может отразиться на законности состава суда и в конечном итоге на спра-

ведливости, безупречности и правосудности итогового решения.

Правоприменители периодически сталкиваются с подобными проблемами, о чем говорит проведенный опрос сотрудников прокуратуры¹ и адвокатов², но отсутствие законодательного регулирования не позволяет принять судам законное решение. Подобная ситуация возникла, например, в ходе рассмотрения Ленинградским областным судом уголовного дела в отношении К., обвинявшегося в совершении особо тяжких преступлений. Стороной защиты было сделано заявление о нарушении тремя присяжными заседателями их обязанностей. Как указывала сторона защиты, во время перерыва в судебном заседании в коридоре суда эти присяжные заседатели (в том числе старшина), негативно высказались о сестре подсудимого. Суд апелляционной инстанции, отменяя приговор Ленинградского областного суда, указал на нарушения процессуального закона, выразившись в том, что присяжные заседатели, «давшие объяснения, фактически были допрошены об их поведении после судебного заседания в коридоре суда, старшине присяжных заседателей Л. и присяжным заседателям Н. и Г. были заданы вопросы для выяснения этих обстоя-

тельств».³ Из решения апелляционного суда следует, что объяснения присяжных заседателей оценены как результат допроса. Вместе с тем, как справедливо указал Конституционный Суд Российской Федерации, присяжные заседатели не могут быть допрошены по вопросам, составляющим «тайну совещания присяжных», а также по вопросам, которые могут быть расценены «в качестве сведений, ставших известными присяжным в связи с участием в производстве по уголовному делу» (применительно к п. 1 ч. 3 ст. 56 УПК РФ). В приведенной ситуации по делу К. ни одно из названных обстоятельств не исследовалось, устанавливались возможные нарушения присяжными заседателями процессуального закона.

В любом случае, как нам представляется, обстоятельства, названные стороной защиты при заявлении ходатайства об отстранении присяжного заседателя, не должны были остаться без внимания. Для справедливого разрешения ходатайства об отстранении присяжных заседателей должны были быть заслушаны указанные присяжные заседатели, поскольку их пояснения были не только уместны, но и позволяли разрешить возникший правовой конфликт по существу. Но законодатель не предусмотрел право присяжного заседателя дать пояснения по вопросам, возникшим в связи с заявленным отводом. Вместе с тем, действуя по аналогии с действиями профессионального судьи при заявлении ему отвода (ч. 2 ст. 65 УПК РФ), законодатель, усматривая схожесть ситуации и статуса, должен предусмотреть право для присяжных заседателей дать пояснения в суде первой инстанции, рассматривающей уголовное

¹ Были опрошены 17 сотрудников районных прокуратур г. Санкт-Петербурга, участвовавшие в поддержании государственного обвинения в суде с участием присяжных заседателей: Пушкинской районной прокуратуры, Кировской районной прокуратуры, Адмиралтейской районной прокуратуры, Центральной районной прокуратуры, Петроградской районной прокуратуры.

² Были опрошены 15 адвокатов Невской коллегии адвокатов Адвокатской палаты Санкт-Петербурга, а также 14 адвокатов, учредившие адвокатские кабинеты, принимавшие участие в рассмотрении уголовных дел с участием присяжных заседателей в качестве защитников подсудимых и представителей потерпевших.

³ Апелляционное определение Верховного Суда РФ по уголовному делу Ленинградского областного суда от 13 ноября 2014 г. N 33-АПУ14-24сп // Кодексы и законы. URL: <https://www.zakonrf.info/suddoc/ba886260f68f5b4284e49ab828ac21c5> (дата обращения: 10.02.2023).

дело с участием присяжных заседателей по существу.

Возможно, что для выяснения обстоятельств предполагаемых нарушений, влекущих исключение из дальнейшего участия в рассмотрении уголовного дела присяжного заседателя, нам представляется обоснованным предоставить профессиональному судье, председательствующему по делу, возможность в необходимых случаях дать пояснения в суде апелляционной инстанции по аналогии с правом присяжного заседателя, без придания ему процессуального статуса свидетеля. При этом мы не подвергаем сомнению справедливость указания в законе о запрете допроса судьи об обстоятельствах уголовного дела (п. 1 ч. 3 ст. 56 УПК РФ), поскольку пояснение не является допросом и не относится к перечню доказательств, перечисленных в ст. 74 УПК РФ.

Соответственно, при даче пояснений присяжным заседателем в суде апелляционной инстанции ему не должны задаваться вопросы от участников процесса со стороны обвинения и защиты, иначе дача пояснений превратится в допрос, что прямо запрещено законом.

Нашу позицию разделяют и другие ученые. Так, например, К. Б. Калиновский убежден, что позиция Конституционного суда РФ является сбалансированной, и «профессиональный судья, так же как и присяжный заседатель, вправе давать пояснения в вышестоящей инстанции, если обсуждается вопрос о нарушении им тайны совещания при постановлении приговора» [11, с. 9].

Схожую позицию занимает и Н. А. Колоколов, полагая, что «если “судьи факта” пришли в суд второй инстанции, чтобы рассказать об имевших место нарушениях и давлении на них, их следует выслушать». Но при этом Н. А. Колоколов пошел еще дальше, предположив, что «федеральный законодатель не лишен возможности урегулировать процессуальные особенности такого участия присяжных, выносивших вердикт в первой инстан-

ции, в заседании суда апелляционной инстанции, в том числе их ответственность за дачу ложных показаний» [12, с. 84; 13], тем самым превращая присяжных заседателей в свидетелей, что противоречит не только правовым позициям Конституционного суда Российской Федерации, но и закону. Полагаем, что указанная позиция Н. А. Колоколова является достаточно дискуссионной.

Как было справедливо отмечено некоторыми авторами: «Апелляция превращает обстановку формирования вердикта, на основе этого делает вывод о его законности/незаконности. Другой возможности получить информацию от присяжных заседателей у суда второй инстанции нет (еще раз повторим: либо надо исходить из доверия к присяжным заседателям, либо их опрашивать)» [14].

Полагаем, что следует ответить на основной вопрос о назначении (цели), которая должна быть достигнута при получении объяснений и пояснений, и их правовом статусе. Для чего должна быть предусмотрена возможность дать объяснения судье, присяжному заседателю по заявленному отводу? Для чего требуется присяжному заседателю дать пояснения в суде апелляционной инстанции?

Нам представляется, что в данном случае преследуются разные цели. С одной стороны, объяснения судьи адресованы в первую очередь другим судьям для обоснования предстоящего решения по итогам рассмотрения конкретного правового вопроса – отвода судьи для последующей оценки и обоснования предстоящего решения, поскольку любое процессуальное решение в уголовном судопроизводстве должно быть не только законным, но и обоснованным. Но одновременно с этим это объяснение адресуется и вышестоящему суду, который при последующей проверке итогового судебного решения по рассмотренному уголовному делу должен проверить и дать оценку в том числе и законности и обоснованности отвода судье либо отказа в удовлетворении заявленного отвода судье

[15]. И в данном случае нельзя ставить вопрос о достоверности и достаточности полученной от судьи информации по поводу заявленного отвода, поскольку стороны в момент обсуждения вопроса не располагают должным объемом информации, которая позволит ответить и на эти вопросы.

Пояснения присяжного заседателя, данные суду апелляционной инстанции, преследует лишь только одну цель – выяснение наличия либо отсутствия нарушений при вынесении вердикта, в том числе и таких, которые самым существенным образом повлияли на выводы присяжных заседателей о доказанности либо недоказанности виновности подсудимого [16; 17; 18; 19; 20].

В связи с этим закономерен следующий вопрос: является ли такое объяснение или пояснение доказательством, если на него имеется ссылка в итоговом процессуальном решении?

Объяснения или пояснения, данные судьей, присяжным заседателем в суде первой инстанции, апелляционной инстанции, подлежат оценке в совокупности с другой информацией, которой располагает суд, рассматривающий по существу вопрос (отвод судьи или присяжного заседателя; законности, обоснованности и справедливости вердикта, вынесенного коллегией присяжных заседателей; приговора, постановленного судом первой инстанции, или иные вопросы, возникающие в процессе осуществления правосудия). Но поскольку допрос судьи и присяжного заседателя об обстоятельствах рассмотрения уголовного дела и мотивах принятия итогового решения прямо запрещен действующим законодательством, то та информация, которая изложена этими субъектами в объяснениях и пояснениях, в силу их процессуального статуса не будет являться доказательством, но может выступать исключительно в качестве информации, имеющей ориентирующее значение.

Наш вывод согласуется и с позицией Конституционного Суда Российской Фе-

дерации¹, который рассматривал пояснения присяжного заседателя в суде апелляционной инстанции не как новое доказательство, а исключительно как средство, позволяющее апелляционному суду сделать обоснованный вывод о законности вынесенного вердикта, поскольку в предмет доказывания, предусмотренный ст. 73 УПК РФ, не входит обстоятельство доказывания законности состава суда и обоснованности вынесенного решения.

Необходимо отметить, что на присяжных заседателей в период реализации ими полномочий по осуществлению правосудия распространяются установленные Конституцией Российской Федерации гарантии независимости и неприкосновенности, которые закреплены в том числе в Конституционном федеральном законе № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»², Законе РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»³, Федеральном законе от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных контролирующих органов»⁴, а также в Федеральном законе от 20 августа 2004 г. № 113-ФЗ «О присяжных заседателях»⁵.

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 7 июля 2020 г. № 33-П.

² О судебной системе Российской Федерации: Федер. конституционный закон от 31 дек. 1996 г. № 1-ФКЗ (последняя редакция) // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12843/ (дата обращения: 10.02.2023).

³ О статусе судей в Российской Федерации: Закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 (ред. от 05.04.2021) // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_648/ (дата обращения: 10.02.2023).

⁴ О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов: Федер. закон от 20 апр. 1995 г. № 45-ФЗ (последняя редакция) // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6425/ (дата обращения: 10.02.2023).

⁵ О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской

Отметим, что в России ни один из вышеперечисленных законов, а также закон, регулирующий профессиональную деятельность адвокатов¹, не предусматривает возможность опроса присяжных заседателей участниками процесса как со стороны обвинения, так и со стороны защиты. В то же время, как отмечают некоторые авторы, в ряде стран допрос присяжных заседателей предусмотрен действующим законодательством, отмечая, что «допрос присяжных является признанным средством обеспечения их независимости и беспристрастности» [21].

В завершение уместно привести выдержку из решения Конституционного Суда РФ о том, что в сфере уголовно-правового регулирования «особое значение приобретает требование определенности правовых норм»².

Выводы

Таким образом, присяжный заседатель, давая пояснения в суде апелляционной инстанции, не обладает статусом свидетеля, соответственно, его пояснения не будут иметь статус доказательства. Точно так же судья, давая объяснения

при заявленном ему отводе, не приобретает статус свидетеля и, соответственно, его показания также не являются доказательством.

Соответственно, объяснения и пояснения не подлежат оценке, как другие доказательства, по критериям их относимости, допустимости и достоверности. Для оценки законности их получения и допустимости уголовно-процессуальный закон должен содержать правила их собирания и закрепления. Ни одна из норм УПК РФ не содержит таких правил, поскольку не предусмотрено наличие объяснений и пояснений в числе источников доказательств.

Доказательством будет являться только лишь протокол судебного заседания в соответствии с п. 5 ч. 2 ст. 74 УПК РФ, при условии, что информация, которая была озвучена при даче объяснения судьей и пояснения присяжного заседателя, в него были занесены.

В связи с этим напрашивается вывод, что проблема «объяснений и пояснений» не должна остаться без внимания отечественных юристов-теоретиков и практиков и должна получить дальнейшее развитие, в том числе и на основе тщательного исследования выявленных спорных вопросов, с тем чтобы исключить расширительное толкование законодателем, либо Верховным Судом Российской Федерации должна быть выработана четкая процедура получения объяснений и пояснений, их последующая оценка и использование в формировании внутреннего убеждения судьи.

К сожалению, законодатель слишком медленно реагирует на выявленные проблемные вопросы, поэтому приходится надеяться, что Верховный Суд Российской Федерации оперативно рассмотрит и проанализирует проблемные вопросы и разъяснит, как правильно применять закон и устранять возникшие сомнения.

Федерации: Федер. закон от 20 авг. 2004 г. № 113-ФЗ (последняя редакция) // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48943/ (дата обращения: 10.02.2023).

¹ Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федер. закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (последняя редакция) // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36943/ (дата обращения: 10.02.2023).

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шварцберга Вадима Михайловича на нарушение его конституционных прав частью девятой статьи 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьей 199 Уголовного кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 29 мая 2019 г. № 1243-О // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/72279442> (дата обращения: 10.02.2023).

Список литературы

1. Конин А. В. Влияние правовых позиций Европейского суда по правам человека на формирование критериев допустимости доказательств в уголовном судопроизводстве // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2020. № 3 (40). С. 187–194.
2. Кукреш Л., Асаёнок Б. Проблемы использования объяснений в качестве источника доказательств в уголовном процессе // Юстиция Беларуси. 2015. № 8 (161). С. 31–34.
3. Соколовская Н. С., Чаднова И. В. К вопросу об использовании в доказывании по уголовному делу объяснений граждан // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 417. С. 214–218.
4. Овсянников И. В. Проблема доказательственного значения объяснений // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 5. С. 83–87.
5. Конин В. В., Сидоренко Е. В., Суханкина Л. И. Доказательственное значение объяснений в уголовном судопроизводстве // Российское правосудие. 2021. №1. С. 83–90
6. Трегубова Е. А. Особенности представления доказательств суду при исполнении приговора сотрудниками уголовно-исполнительной системы // Евразийский юридический журнал. 2022. № 9 (172). С. 357–359.
7. Конин В. В. Правовая природа стадии исполнения приговора // Адвокат. 2015. № 10. С. 22–28.
8. Конин А. В. Объяснение как основа информационной модели будущего допроса // Допустимость показаний в уголовном процессе: материалы Всероссийского круглого стола / под общ. ред. Л. А. Зашляпина. СПб.: Астерион, 2021. С. 49–53.
9. Багаутдинов Ф. Н. Актуальные вопросы правового регулирования опроса присяжного заседателя // Мировой судья. 2022. № 4. С. 32–36
10. Ковтун Н. Н. Латентная деконструкция категории «показания» в уголовном судопроизводстве России // Уголовное судопроизводство. 2021. № 3. С. 22–27.
11. Калиновский К. Б. Право присяжного заседателя и судьи на дачу пояснений // Уголовный процесс. 2020. № 10. С. 9.
12. Колоколов Н. А. Право присяжного заседателя дать пояснения суду апелляционной инстанции по вопросам предполагаемого нарушения совещательной комнаты // Российский правовой журнал. 2020. № 4 (5). С. 73–85.
13. Колоколов Н. А. Инструменты проверки соблюдения тайны совещательной комнаты в суде присяжных // Уголовный процесс. 2021. № 4. С. 2–8.
14. Кальницкий В. В., Сальникова Т. И. Заслушивание в судебном следствии присяжного заседателя и следователя: возможна ли аналогия? // Российская юстиция. 2021. № 1. С. 64–67.
15. Марковичева Е. В. Интеллектуальные системы поддержки принятия судебных решений в уголовном судопроизводстве // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 6. С. 97–108
16. Колмогорова Ю. Е. Присяжный заседатель: допрос или опрос? // NovaInfo.Ru. 2023. № 135. С. 76–77.
17. Насонов С. А. Проблемы реализации в судебной практике позиций Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам производства в суде с участием присяжных заседателей // Конституционализация уголовного судопроизводства (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации): сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции / под ред. К. Б. Калиновского. СПб.: Астерион, 2022. С. 80–85.
18. Уланова Ю. Ю. Нарушение принципа беспристрастности суда присяжных: российская и конвенционная практика // Российская юстиция. 2021. № 4. С. 40–47.

19. Цыганова А. Ю., Шигуров А. В. Существенные нарушения при вынесении вердикта // Юность. Наука. Культура: материалы IX Всероссийской научно-практической конференции / редколл.: Г. П. Кулешова (отв. ред.) [и др.]. Саранск: ЮрЭксПрактик, 2022. С. 503–505.

20. Колоколов Н. А. Инструменты проверки соблюдения тайны совещательной комнаты: прокурорская проверка или опрос (допрос) судей с присяжными заседателями в суде второй инстанции? // Уголовное судопроизводство. 2021. № 1. С. 3–8.

21. Чирнинов А. М. Янус оказался одноликим: аргументационный анализ Постановления Конституционного Суда России от 7 июля 2020 года N 33-П в свете регулирования допроса присяжных за рубежом // Сравнительное конституционное обозрение. 2021. № 2. С. 131–148.

References

1. Konin A. V. Vliyanie pravovyh pozitsiy Evropejskogo suda po pravam cheloveka na formirovanie kriteriev dopustimosti dokazatel'stv v ugovnom sudoproizvodstve [The influence of the legal positions of the European Court of Human Rights on the formation of criteria for the admissibility of evidence in criminal proceedings]. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 3 (40), pp. 187–194.

2. Kukresh L., Asayonok B. Problemy ispol'zovaniya ob'yasnenij v kachestve istochnika dokazatel'stv v ugovnom processe [Problems of using explanations as a source of evidence in criminal proceedings]. *Yusticiya Belarusi = Justice of Belarus*, 2015, no. 8 (161), pp. 31–34.

3. Sokolovskaya N. S., Chadnova I. V. K voprosu ob ispol'zovanii v dokazyvanii po ugovnomu delu ob'yasnenij grazhdan [On the issue of the use of citizens' explanations in proving a criminal case]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*, 2017, no. 417, pp. 214–218.

4. Ovsyannikov I. V. Problema dokazatel'stvennogo znacheniya ob'yasnenij [The problem of the evidentiary value of explanations]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: experience, analysis, practice*, 2016, no. 5, pp. 83–87.

5. Konin V. V., Sidorenko E. V., Suhankina L. I. Dokazatel'stvennoe znachenie ob'yasnenij v ugovnom sudoproizvodstve [Evidentiary value of explanations in criminal proceedings]. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*, 2021, no. 1, pp. 83–90.

6. Tregubova E. A. Osobennosti predstavleniya dokazatel'stv sudu pri ispolnenii prigovora sotrudnikami ugovno-ispolnitel'noj sistemy [Features of presenting evidence to the court during the execution of a sentence by employees of the penal enforcement system]. *Evrazijskij yuridicheskij zhurnal = Eurasian Legal Journal*, 2022, no. 9 (172), pp. 357–359.

7. Konin V. V. Pravovaya priroda stadii ispolneniya prigovora [The legal nature of the execution stage of the sentence]. *Advokat = Lawyer*, 2015, no. 10, pp. 22–28.

8. Konin A. V. [Explanation as the basis of the information model of future interrogation]. *Dopustimost' pokazanij v ugovnom processe. Materialy Vserossijskogo kruglogo stola* [Admissibility of testimony in criminal proceedings. Materials of the All-Russian Round Table]; ed. by L. A. Zashlyapin. St. Petersburg, Asterion Publ., 2021, pp. 49–53. (In Russ.)

9. Bagautdinov F. N. Aktual'nye voprosy pravovogo regulirovaniya oprosa prisyazhnogo zasedatelya [Topical issues of legal regulation of the juror's survey]. *Mirovoj sud'ya = Justice of the Peace*, 2022, no. 4, pp. 32–36

10. Kovtun N. N. Latentnaya dekonstrukciya kategorii "pokazaniya" v ugovnom sudoproizvodstve Rossii [Latent deconstruction of the category "testimony" in criminal proceedings in Russia]. *Ugovnoe sudoproizvodstvo = Criminal proceedings*, 2021, no. 3, pp. 22–27.

11. Kalinovskij K. B. Pravo prisjazhnogo zasedatelya i sud'i na dachu poyasnenij [The right of the juror and the judge to give explanations]. *Ugolovnyj process = Criminal proceedings*, 2020, no. 10, p. 9.

12. Kolokolov N. A. Pravo prisjazhnogo zasedatelya dat' poyasneniya sudu apellyacionnoj instancii po voprosam predpolagaemogo narusheniya soveshchatel'noj komnaty [The right of a juror to give explanations to the court of appeal on issues of alleged violation of the advisory room]. *Rossijskij pravovoj zhurnal = Russian Legal Journal*, 2020, no. 4 (5), pp. 73–85.

13. Kolokolov N. A. Instrumenty proverki soblyudeniya tajny soveshchatel'noj komnaty v sude prisjazhnyh [Tools for checking compliance with the secrecy of the conference room in the jury trial]. *Ugolovnyj process = Criminal process*, 2021, no. 4, pp. 2–8.

14. Kal'nickij V. V., Sal'nikova T. I. Zaslushivanie v sudebnom sledstvii prisjazhnogo zasedatelya i sledovatelya: vozmozhna li analogiya? [Hearing a juror and an investigator in a judicial investigation: is an analogy possible?]. *Rossijskaya yusticiya = Russian Justice*, 2021, no. 1, pp. 64–67.

15. Markovicheva E. V. Intellektual'nye sistemy podderzhki prinyatiya sudebnyh reshenij v ugolovnom sudoproizvodstve [Intelligent decision support systems in criminal proceedings]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2021, vol. 11, no. 6, pp. 97–108.

16. Kolmogorova Yu. E. Prisyazhnyj zasedatel': dopros ili opros? [Juror: interrogation or questioning?]. *NovaInfo.Ru*, 2023, no. 135, pp. 76–77.

17. Nasonov S. A. [Problems of implementation in judicial practice of the positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on issues of proceedings in court with the participation of jurors]. *Konstitucionalizaciya ugolovnogo sudoproizvodstva (k 30-letiyu Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii). Sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Constitutionalization of criminal proceedings (to the 30th anniversary of the Constitutional Court of the Russian Federation). Collection of materials of the All-Russian Scientific and practical conference]; ed. by K. B. Kalinovskii. St. Petersburg, Asterion Publ., 2022, pp. 80–85. (In Russ.)

18. Ulanova Yu. Yu. Narushenie principa bespristrastnosti suda prisjazhnyh: rossijskaya i konvencionnaya praktika [Violation of the principle of impartiality of the jury trial: Russian and conventional practice]. *Rossijskaya yusticiya = Russian Justice*, 2021, no. 4, pp. 40–47.

19. Cyganova A. Yu., Shigurov A. V. [Significant violations in the verdict]. *Yunost'. Nauka. Kul'tura. Materialy IX Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Yunost. The science. Culture. Materials of the IX All-Russian Scientific and Practical Conference]; ed. by G. P. Kuleshov (otv. red.), eds. Saransk, YurEksPraktik Publ., 2022, pp. 503–505. (In Russ.)

20. Kolokolov N. A. Instrumenty proverki soblyudeniya tajny soveshchatel'noj komnaty: prokurorskaya proverka ili opros (dopros) sudej s prisjazhnyimi zasedatelyami v sude vtoroj instancii? [Tools for verifying compliance with the secrecy of the conference room: a prosecutor's check or a survey (interrogation) of judges with jurors in a court of second instance?]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo = Criminal proceedings*, 2021, no. 1, pp. 3–8.

21. Chirninov A. M. Yanus okazalsya odnolikim: argumentacionnyj analiz Postanovleniya Konstitucionnogo Suda Rossii ot 7 iyulya 2020 goda N 33-P v svete regulirovaniya doprosa prisjazhnyh za rubezhom [Janus turned out to be one-faced: argumentative analysis of the Resolution of the Constitutional Court of Russia of July 7, 2020 No. 33-P in the light of the regulation of jury interrogation abroad]. *Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie = Comparative Constitutional Review*, 2021, no. 2, pp. 131–148.

Информация об авторах / Information about the Authors

Конин Владимир Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, научный сотрудник, доцент кафедры уголовно-процессуального права, Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: vkonin.kld@yandex.ru, SPIN-код: 8437-9459, AuthorID: 349511

Сидоренко Елена Васильевна, кандидат юридических наук, старший советник юстиции, Почетный работник прокуратуры Российской Федерации, доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: es195@yandex.ru, SPIN-код: 2077-3009, AuthorID: 890728

Суханкина Людмила Ивановна, доцент кафедры уголовно-процессуального права, Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия; заслуженный юрист России, заместитель председателя Ленинградского областного суда (в отставке), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: lyudiv-2010@yandex.ru, SPIN-код: 5628-6472, AuthorID: 1088120

Vladimir V. Konin, Cand. of Sci. (Juridical), Associate Professor, Researcher, Associate Professor, Department of Criminal Procedure Law of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice, St. Petersburg, Russian Federation, e-mail: vkonin.kld@yandex.ru, SPIN-код: 8437-9459, AuthorID: 349511

Elena V. Sidorenko, Cand. of Sci. (Juridical), Senior Adviser of Justice, Honorary Employee of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Law, NorthWestern Branch Russian State University of Justice, St. Petersburg, Russian Federation, e-mail: es195@yandex.ru, SPIN-код: 2077-3009, AuthorID: 890728

Lyudmila I. Sukhankina, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Law, Northwest Branch Russian State University of Justice; Honored Lawyer of Russia, Deputy Chairman of the Leningrad Regional Court (retired), St. Petersburg, Russian Federation, e-mail: lyudiv-2010@yandex.ru, SPIN-код: 5628-6472, AuthorID: 1088120

Разумный срок уголовного судопроизводства: возникновение принципа, практика его реализации и влияние ЕСПЧ

Д. О. Чистилина¹ ✉, А. Д. Делова²

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

²ООО «Форвард»
ул. Ленина, д. 77Б, г. Курск 305004, Российская Федерация

✉ e-mail: darya-chistilina@yandex.ru

Резюме

Актуальность. В статье исследуются правовые нормы в сфере реализации принципа разумного срока уголовного судопроизводства. В российском законодательстве имеются некоторые противоречия по этому вопросу, и, как показывает практика, данный принцип при производстве по многим делам не соблюдается. Теорией уголовного процесса до сих пор не выработан четкий механизм, позволяющий реализовать действие данного принципа полноценно.

Целью исследования выступает анализ содержания уголовно-процессуальных норм, регламентирующих принцип разумного срока уголовного судопроизводства на теоретическом и практическом уровнях.

Задачи: исследовать нормы, регламентирующие принцип разумного срока уголовного судопроизводства, предпосылки и историю его появления и развития, а также определить его значение в отечественной юридической науке; детально проанализировать статью 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и рассмотреть соответствующую судебную практику.

Методология исследования представлена диалектическим методом, сравнительно-правовым методом, историческим и специально-юридическими методами.

Результаты. В ходе исследования были выявлены некоторые проблемы реализации на практике принципа разумного срока уголовного судопроизводства и компенсации за нарушение данной нормы. Проанализирована теоретическая сущность и содержание данного принципа. По результатам проведенного исследования были выработаны и сформулированы предложения по совершенствованию законодательства в данной сфере.

Вывод. По результатам исследования сделаны выводы о междисциплинарности принципа разумного срока уголовного судопроизводства, так как он гарантируется компенсацией в рамках гражданского, а не уголовного судопроизводства. Справедливо отмечается, что для каждого дела разумным будет признаваться свой срок производства, а решающее слово о его определении принадлежит только суду. Также сделан вывод о том, что если производство по уголовному делу приняло явно затяжной характер, то исключительно сложность самого дела не может оправдать общую продолжительность уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: разумный срок; уголовное судопроизводство; суд; следователь; уголовный процесс; компенсация.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Чистилина Д. О., Делова А. Д. Разумный срок уголовного судопроизводства: возникновение принципа, практика его реализации и влияние ЕСПЧ // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 2. С. 139–153. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-2-139-153>.

Поступила в редакцию 21.02.2023

Принята к публикации 24.03.2023

Опубликована 28.04.2023

© Чистилина Д. О., Делова А. Д., 2023

A Reasonable Period of Criminal Proceedings: the Emergence of the Principle, the Practice of its Implementation and the Impact of the ECHR

Daria O. Chistilina¹ ✉, Anna D. Delova²

¹Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

²Forward LLC
77B Lenin Str., Kursk 305004, Russian Federation

✉ e-mail: darya-chistilina@yandex.ru

Abstract

Relevance. The article examines the legal norms in the field of implementation of the principle of a reasonable period of criminal proceedings. There are some contradictions in Russian legislation on this issue, and as practice shows, this principle is not observed in the proceedings in many cases. The theory of criminal procedure has not yet developed a clear mechanism to fully implement the operation of this principle.

The purpose of the research is to analyze the substance of criminal procedural norms regulating the principle of a reasonable period of criminal proceedings at the theoretical and practical levels.

The objectives of the research: to investigate the norms regulating the principle of a reasonable period of criminal proceedings, the prerequisites and history of its appearance and development, as well as to determine its significance in domestic legal science; to analyze in detail Article 6.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and to consider the relevant judicial practice.

The methodology of the research is presented by the dialectical method, the comparative legal method, historical and special legal methods.

Results. In the course of the research, some problems were identified in the implementation in practice of the principle of a reasonable period of criminal proceedings and compensation for violation of this norm. The theoretical essence and content of this principle are analyzed. Based on the results of the research, proposals were developed and formulated to improve legislation in this area.

Conclusion. According to the results of the research, conclusions are drawn about the interdisciplinarity of the principle of a reasonable period of criminal proceedings, since it is guaranteed by compensation within the framework of civil, not criminal proceedings. It is rightly noted that for each case, its own period of production will be recognized as reasonable, and the decisive word on its determination belongs only to the court. It is also concluded that if the criminal proceedings have clearly taken on a protracted nature, then the sheer complexity of the case itself cannot justify the overall duration of the criminal proceedings.

Keywords: reasonable term; criminal proceedings; court; investigator; principles of criminal procedure; compensation.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Chistilina D. O., Delova A. D. A Reasonable Period of Criminal Proceedings: the Emergence of the Principle, the Practice of its Implementation and the Impact of the ECHR. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2023; 13(2): 139–153. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-2-139-153>.

Received 21.02.2023

Accepted 24.03.2023

Published 28.04.2023

Введение

Разумный срок уголовного судопроизводства – это важнейший и введенный в Уголовно-процессуальный кодекс Рос-

сийской Федерации (далее – УПК РФ) одним из последних принцип уголовного процесса. Он имеет долгий путь развития

как в правовой системе нашей страны, так и в мировой практике.

Суть принципа заключается в том, что на всех стадиях уголовного судопроизводства должны соблюдаться разумные, т. е. рациональные, сроки, которые позволят рассмотреть дело по существу и установить истину без лишней спешки, но в то же время и не затягивая процесс. Волокита в уголовном процессе недопустима, поскольку тем самым нарушаются права и законные интересы участников уголовного судопроизводства.

На сегодняшний день реализация данного принципа имеет некоторые трудности, пути решения возникающих проблем неоднократно исследовались, однако выход из сложившейся ситуации до сих пор не найден и законодатель ничего не предпринимает по этому поводу.

Настоящее исследование осуществляется в целях анализа ряда норм, посвященных разумному сроку уголовного судопроизводства и компенсации за нарушение данного принципа, а также выявления существующих проблем и предложения путей их решения.

Методология

При написании работы были использованы научные труды российских юристов, историков, материалы научно-практических конференций, проводимых ведущими исследовательскими центрами России. Основным нормативно-правовым актом для данной работы стал УПК РФ и Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»¹.

¹ О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок: Федер. закон от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ (последняя редакция) // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99919/ (дата обращения: 17.02.2023).

Методологическую основу работы составили: диалектический метод, позволивший установить взаимосвязь принципа разумного срока уголовного судопроизводства с другими принципами и определить его место в системе принципов уголовного процесса; с помощью применения анализа и синтеза удалось выявить и систематизировать проблемы, возникающие в процессе реализации данного принципа; сравнительно-правовой метод способствовал сопоставлению реализации данного принципа в различных формах судопроизводства, а также на национальном и международном уровнях; исторический метод, позволивший выявить закономерности развития принципа разумного срока уголовного судопроизводства в российской и международной практике и др.

Результаты и их обсуждение

Общие положения о принципе разумного срока уголовного судопроизводства

Принцип разумного срока уголовного судопроизводства появился в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации не сразу при его принятии в 2001 г., а лишь в 2010 г. Однако данный принцип был известен отечественному праву задолго до этого. Как отмечают О. В. Иванова и Л. А. Сиверская, этот правовой институт (естественно, в иных формулировках) упоминался в Судебнике 1497 г., в Соборном уложении 1649 г. и других нормативно-правовых актах царской России, а также в советских законах. В частности, в УПК РСФСР 1960 г. «быстрое и полное раскрытие преступлений» являлось одной из задач советского уголовного судопроизводства [1, с. 264].

Как показала практика, с 1999 по 2008 г. из России в ЕСПЧ поступило 46 685 жалоб, что составило 24% от общего числа жалоб в данный Суд. При этом 11 тыс. из них затрагивали факт нарушения разумных сроков и необосно-

ванной задержки судопроизводства на различных стадиях. Это стало серьёзной проблемой для отечественного судопроизводства, поскольку в первую очередь подрывало авторитет нашей страны и нашего законодательства на мировой арене [2, с. 207].

Ключевым событием для внесения изменений в УПК РФ стало Постановление ЕСПЧ по делу «Бурдов против Российской Федерации» № 2 (Жалоба N 33509/04) от 15 января 2009 г.¹ [3] Данное постановление относится к числу так называемых «пилотных постановлений» ЕСПЧ, которые, помимо разрешения дела в пользу истца, содержат предписания государству-ответчику принять меры общего характера для устранения существующей системной проблемы в законодательстве, повлекшей повторяющиеся нарушения. Помимо разрешения спора в пользу истца, отдельным пунктом было указано, что власти государства-ответчика (т. е. России) обязаны ввести в течение шести месяцев со дня вступления Постановления в силу (решение по делу вступило в силу 4 мая 2009 г.) эффективное внутреннее средство правовой защиты или комбинацию таких средств правовой защиты, которые обеспечат адекватное и достаточное возмещение в связи с неисполнением или несвоевременным исполнением решений национальных судов с учетом конвенционных принципов, установленных в прецедентной практике Европейского суда.

Результатом этого указания ЕСПЧ стала законодательная инициатива Верховного Суда РФ: были предложены законопроекты о разумных сроках, которые были приняты в качестве Федерального закона от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на су-

допроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» (далее – Закон о компенсации) и Федерального закона от 30 апреля 2010 г. № 69-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок"»². Последним и была добавлена в УПК РФ в главу «Принципы уголовного судопроизводства» ст. 6.1 «Разумный срок уголовного судопроизводства».

Исходя из ст. 6.1 УПК РФ, при определении разумного срока по каждому делу на разных стадиях следует учитывать ряд обстоятельств:

1) своевременность обращения лица, которому деянием, запрещенным уголовным законом, причинен вред, с заявлением о преступлении. Под «своевременным» следует понимать обращение заявителя в правоохранительные органы незамедлительно, сразу после совершения преступления или сразу после того, как заявитель узнал о нём;

2) правовая и фактическая сложность уголовного дела или материала проверки сообщения о преступлении. Под правовой сложностью следует понимать сложность структуры уголовного дела, особенности состава преступления, квалификации, например, многоэпизодность, соучастие, совокупность преступлений и др., т. е. сложность с уголовно-правовой точки зрения. Фактическая сложность –

¹ Постановление ЕСПЧ по делу "Бурдов против Российской Федерации" (№ 2) (Жалоба N 33509/04) от 15 января 2009 года // Консультант Плюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online/cgi> (дата обращения: 17.02.2023).

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»: Федер. закона от 30 апреля 2010 г. № 69-ФЗ (последняя версия) // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99920/ (дата обращения: 17.02.2023).

это сложность уже с уголовно-процессуальной и криминалистической точки зрения, когда структура дела сама по себе обыденна, а усложнён ход следствия, например, расследование производится в условиях неочевидности, следственной группой, со значительным количеством версий; лицами, совершившими преступления, использовались умелые методы сокрытия преступной деятельности в ходе её осуществления, в том числе уничтожение и маскировка следов преступления и других объектов, обладающих криминалистической значимостью; создание ложных следов, криминальных инсценировок и т. д. Заметим, что сложное в правовом смысле дело не всегда сложно фактически, и наоборот, поэтому каждое конкретное дело следует рассматривать исключительно, с учётом всех фактов;

3) поведение потерпевшего и иных участников досудебного производства по уголовному делу. Здесь подразумеваются ситуации, когда некоторые участники досудебного производства создают препятствия своевременному расследованию уголовного дела (например, несвоевременное сообщение о преступлении, уклонение от явки без уважительных причин; заявление необоснованных ходатайств и пр.) [3, с. 130–135];

4) достаточность и эффективность действий прокурора, следователя, дознавателя и других уполномоченных должностных лиц. Данное обстоятельство носит субъективный, оценочный характер, так как выявлено оно может быть только при жалобе гражданина соответствующему вышестоящему лицу о нарушении разумного срока уголовного судопроизводства;

5) общая продолжительность уголовного судопроизводства, которая представляет собой общее время осуществления уголовно-процессуальной деятельности в рамках одного уголовного дела. Закон о компенсации в ч. 7 ст. 3 определяет, что если продолжительность производ-

ства по уголовному делу превысила четыре года и заявитель ранее обращался с заявлением об ускорении его рассмотрения (в порядке, предусмотренном УПК РФ), то он может подать заявление о присуждении компенсации за нарушение права на уголовное судопроизводство в разумный срок.

Помимо названных критериев, ЕСПЧ при оценке соблюдения разумного срока учитывает такой фактор, как значимость дела для заявителя. В УПК РФ этот критерий не указан, поскольку законодатель считает, что неважно, обращался заявитель в суд по незначительному поводу либо дело затрагивает жизнь или здоровье, ведь закон и право не имеют размера [4, с. 131]. Однако в Законе о компенсации упоминается такой критерий, как «значимость последствий для заявителя».

Таким образом, при определении разумности срока производства по уголовному делу наибольшую значимость имеет не определение момента начала или окончания срока уголовного судопроизводства, а установление факта соответствия или несоответствия срока по конкретному делу тем критериям, на основе которых проводится отличие разумного срока от неразумного (правовой, фактической сложности дела и другим критериям, указанным в ст. 6.1 УПК РФ).

Значение принципа разумного срока уголовного судопроизводства

Задолго до вышеназванного решения ЕСПЧ в науке авторитетными учеными-процессуалистами высказывались мнения о том, что дальнейшее реформирование уголовного судопроизводства в направлении сокращения сроков производства по делам без ущерба правам и законным интересам граждан является серьёзной проблемой, для решения которой необходимым и наиболее целесообразным является внесение в УПК РФ положений о разумном сроке.

Отсутствие нормы существенно снижало эффективность российского су-

допроизводства во всех отраслях, тормозило процесс совершенствования правовой системы, препятствовало реализации конституционного права граждан на доступ к правосудию.

Принимая два новых федеральных закона, законодатель ставил своей целью, во-первых, прийти к реальному сокращению сроков исполнения судебных решений и, во-вторых, создать действенный механизм компенсации за нарушение разумных сроков рассмотрения дел.

Принятие ст. 6.1 УПК РФ является гарантией для участников уголовного судопроизводства на разумные сроки разбирательства, эта норма важна для теории уголовного процесса, она носит принципиальное значение, в то время как именно норма о компенсации – это по большей части норма, принятая с целью уменьшения количества жалоб в ЕСПЧ. Другими словами, появление принципа разумного срока уголовного судопроизводства – это давно назревшая необходимость для национального права, а приняв Закон о компенсации, законодатель выполнил прямое указание ЕСПЧ, это больше политический вопрос.

Подготовка проекта Закона о компенсации была обусловлена необходимостью выполнения требований ЕСПЧ о создании эффективного средства правовой защиты в связи с выявленными системными нарушениями, выражающимися в несоблюдении разумных сроков судопроизводства и исполнения судебных актов [5, с. 83].

Как мы видим, принятие Закона о компенсации позволило минимизировать количество жалоб российских граждан в ЕСПЧ на Россию за нарушение разумных сроков судопроизводства.

После появления нового принципа в УПК РФ мнения юристов об этом вопросе разделились. Так, Н. И. Апостолова признаёт положение ст. 6.1 УПК РФ одним из основополагающих демократических принципов современного уголовного судопроизводства в силу своей важности

и значимости для надлежащей защиты прав, свобод и законных интересов граждан, для обеспечения интересов правосудия [6, с. 64].

Л. И. Лавдаренко отмечает, что «требование быстроты (срочности) имеет значение принципа процесса – основополагающего начала, пронизывающего всю уголовно-процессуальную деятельность» [7, с. 18].

В целом большая часть учёных признаёт отправное, руководящее значение принципа разумного срока. Однако есть и противники ст. 6.1 УПК РФ, например, некоторые исследователи считают, что расположение данного принципа в самом начале главы 2 УПК РФ (перед принципом законности) не совсем верно. Если рассматривать совокупность принципов уголовного судопроизводства как иерархическую систему, то принцип законности в силу своего наиболее общего характера как «принцип принципов» должен быть на первом месте, и изначально так и было. Как отмечает В. С. Шадрин, размещение принципа разумного срока уголовного судопроизводства выше принципа законности «выглядит странным, точнее неуместным» [8, с. 49]. На наш взгляд, с этим мнением можно согласиться лишь отчасти, поскольку все правовые принципы имеют равное значение, и иерархии среди них, по сути, быть не может. Действительно, логичнее бы было разместить этот принцип после принципа законности, но представляется, что законодатель стремился разместить данный принцип ближе к статье 6 о назначении уголовного судопроизводства по аналогии с УПК РСФСР.

Ряд учёных-процессуалистов считает, что разумный срок уголовного судопроизводства – это не принцип, а норма о процессуальных сроках, и потому должна быть помещена в начало главы 17 УПК РФ, посвященной процессуальным срокам и издержкам. С этим мнением также не согласимся, поскольку, во-первых, во всех международных правовых актах

данная норма признаётся принципом, она имеет фундаментальное значение, а вторых, в целом местонахождение нормы не так уже и существенно, гораздо важнее её содержание и применение.

Следует отметить, что некоторые исследователи жёстко критикуют ст. 6.1 УПК РФ. В основном радикально высказываются сторонники принятия нового УПК или коренных изменений в старом. Так, например, А. Р. Белкин считает, что разумный срок уголовного судопроизводства входит в принцип справедливости, а потому ст. 6.1 следует переименовать в «Справедливость уголовного судопроизводства» [9, с. 160].

Академик С. В. Бажанов утверждает, что при анализе содержания ст. 6.1 УПК РФ «обращает на себя внимание юридико-семантическая несостоятельность большинства терминов, используемых в названии упомянутой статьи, а также гипертрофированное отношение законодателя к её социальной ценности, выразившейся в многочисленных поправках». Автор считает, что учитываемые в статье обстоятельства очень абстрактны и трудно применимы на практике, также указывает на неубедительность ч. 5 ст. 6.1, т. к. жалобы заинтересованных лиц председателю суда противоречат принципу независимости судей и могут быть расценены как вмешательство в их профессиональную деятельность. Помимо этого, учёный размышляет о формулировке «достаточность и эффективность» действий должностных лиц, «поскольку априори их действия (по их субъективным представлениям), всегда и достаточны, и эффективны. Попробуйте убедить их в обратном...» [10, с. 18].

В целом же как сторонники, так и критики ст. 6.1 УПК РФ сходятся в одном: термин «разумный срок» относится к формально неопределённым нормам, это очень абстрактное и субъективное понятие. Большинство учёных полагают, что введение данного принципа оправдано и действительно позволяет стабилизи-

ровать деятельность участников процесса, приводя к снижению случаев волокиты при производстве по уголовным делам [11, с. 47].

Подводя итог, отметим, что нормативное закрепление принципа разумного срока уголовного судопроизводства способствовало закреплению статуса РФ как правового государства, повышению уровня оперативности осуществления уголовного судопроизводства, совершенствованию реализации права граждан на судебную защиту. Принцип не просто навязан ЕСПЧ, а исторически обусловлен и необходим в современном уголовном процессе.

Нельзя не согласиться с В. М. Быковым о том, что, хотя некоторые положения ст. 6.1 являются несколько спорными, в целом её концепция «заслуживает поддержки: граждане России просто уже устали годами ждать законных, обоснованных и справедливых решений следственных и судебных властей по уголовным делам» [12, с. 72].

Процессуальный режим обжалования нарушения права на судопроизводство в разумный срок и присуждения компенсации

Принцип, закреплённый в ст. 6.1 УПК РФ, является одной из гарантий реализации права граждан на судебную защиту. Гарантией же соблюдения принципа разумного срока уголовного судопроизводства является предусмотренная законом компенсация за нарушение этого срока. Порядок выплаты этой компенсации регламентируется Законом о компенсации.

Прежде чем обратиться в суд для получения компенсации, необходимо сначала подать жалобу на действия или бездействие суда или следственных органов соответствующему вышестоящему должностному лицу. Это обязательно нужно сделать, т. к. иначе заинтересованное лицо не узнает причину задержки производства по делу, и доказательств в суде у

него не будет. Надо понимать, что признание компенсации – это компетенция суда в рамках гражданского судопроизводства, носящая исковой характер.

В целом предусмотренный Законом о компенсации механизм хорош, но среди учёных-процессуалистов всё же идут споры по поводу некоторых моментов. Во-первых, ведётся дискуссия о полномочиях председателя суда. По сути, председатель решает организационные вопросы и не вправе вмешиваться в деятельность судей и производство по конкретным делам. Но, как уже отмечалось выше, прежде чем подать заявление о компенсации, необходимо предварительное обращение к председателю суда с заявлением об ускорении рассмотрения дела¹.

Вместе с тем полномочия председателя суда не прописаны в законе столь детально, поэтому, как справедливо отмечают Р. В. Мазюк и В. С. Логачёва, «в ч. 5 и 6 ст. 6.1 УПК РФ содержится, по сути, скрытое положение о процессуальной подчиненности председательствующего по уголовному делу судьи перед председателем суда. Если проанализировать иные нормы уголовно-процессуального закона, можно обнаружить, что председатель суда упоминается в тексте УПК РФ только в части выполнения им организационных функций, разрешения некоторых вопросов подсудности, а также в рамках процедуры возбуждения производства по пересмотру вступивших в законную силу судебных решений. С появлением же рассматриваемой статьи законодатель закрепил в УПК РФ подот-

четность и подчиненность судьи председателю суда» [13, с. 30].

С. А. Пашин видит в появлении новой функции у данного субъекта нарушение принципа независимости судей. Действительно, председатель суда в данном случае правомочен устанавливать сроки проведения судебного заседания по делу и даже принимать «иные процессуальные действия для ускорения рассмотрения дела», в то время как дело находится в производстве совсем другого судьи, которому и принадлежит процессуальная власть [14, с. 5].

Во-вторых, некоторые исследователи критикуют ч. 7 ст. 3 Закона о компенсации, в которой сказано об обязательном порядке обращения заявителя с жалобой на волокиту. Так, по мнению К. В. Волынец, данный порядок «существенно ограничивает действие, по сути, единственного средства правовой защиты от нарушения разумных сроков рассмотрения уголовных дел в России... такое положение затрудняет доступ к правосудию» [15, с. 187].

Кроме того, нелогично, что заинтересованные в денежной компенсации лица должны прилагать собственные усилия для ускорения процесса.

Более серьёзной критике вышеуказанную норму подверг А. П. Шереметьев. Он считает, что указания на продолжительность уголовного судопроизводства свыше четырёх лет следует исключить из п. 7 ст. 3 Закона о компенсации, поскольку «срок уголовного судопроизводства, по окончании которого у лица возникает право на обращение в суд за компенсацией... должен определяться в зависимости от тяжести преступления и других обстоятельств, перечисленных в ст. 6.1 УПК РФ» [16, с. 144].

М. Н. Зацепина также считает, что четырёхлетний срок не обосновывается какими-либо критериями, и приводит следующую статистику: 75% следователей, 67% судей и каждый второй прокурор (51%) считают указанный срок обос-

¹ О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.03.2016 N 11 (ред. от 29.06.2021) // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195918/ (дата обращения: 17.02.2023).

нованным и приемлемым, однако большинство адвокатов (63%) считает указанный срок завышенным [17, с. 27].

Е. А. Купряшина, К. Д. Давыдова указывают на противоречие УПК РФ Закону о компенсации: окончанием течения разумного срока уголовного судопроизводства в ч. 3 ст. 6.1 УПК РФ признаётся прекращение уголовного преследования или вынесение обвинительного приговора, тогда как в ч. 7 ст. 3 Закона о компенсации момент окончания течения рассматриваемого срока определяется как прекращение уголовного преследования или вступления в законную силу обвинительного приговора суда. Кроме того, законодатель не принимает во внимание то, что приговор должен вступить в законную силу, а возможность вынесения оправдательного приговора им вообще не рассматривается [18, с. 430].

Как уже отмечалось, термин «разумный срок» абстрактен и во многом носит оценочный и субъективный характер. Точно так же и в Законе о компенсации понятие «размер компенсации» не имеет формальной определённости. Критерии и ст. 6.1 УПК РФ, и ст. 2 Закона о компенсации даны достаточно обобщенно, в связи с чем возникает вопрос о том, входит ли в данное понятие, например, определение возможных убытков (упущенная выгода), т. е. категории, используемой в частном праве, или же суду необходимо выносить решения только на основании положений Закона о компенсации.

Н. В. Платов утверждает, что на практике преобладает подход о буквальном толковании перечня обстоятельств, указанных в норме ст. 6.1 УПК РФ, поскольку данный перечень является исчерпывающим. Вместе с тем он является достаточно условным и относительным, поскольку содержит оценочные понятия [19, с. 36].

Таким образом, Закон о компенсации гарантирует гражданам компенсацию за нарушение принципа разумного срока уголовного судопроизводства по делу,

предусмотренного ст. 6.1 УПК РФ. В то же время в нём есть некоторые противоречия и недоработки, о которых идут дискуссии в научных кругах. Представляется, что в дальнейшем названные проблемы будут решены законодателем.

Несмотря на всё это, данный федеральный закон является действующим механизмом защиты нарушенного права заинтересованных лиц на судопроизводство в разумный срок и судебную защиту в целом.

Закон о компенсации и ст. 6.1 УПК РФ взаимно дополняют друг друга, и их нельзя соотносить как общее и частное, это две нормы, которые, с одной стороны, смежные, а с другой – регулирующие правоотношения разных отраслей права, а поэтому полностью самостоятельные.

Судебная практика по делам о нарушении права на судопроизводство в разумный срок

Рассмотрим некоторые судебные прецеденты, связанные с осуществлением судопроизводства по уголовным делам в разумный срок.

В первую очередь хотелось бы обратить внимание на решения национальных судов за последнее время.

Примерами действенного механизма защиты нарушенных прав на разумный срок уголовного судопроизводства являются Решение Рязанского областного суда от 21 декабря 2020 г. по делу № 3А-552/2020¹ и Решение Хабаровского краевого суда от 20 августа 2020 г. по делу № 3А-90/2020². В данных делах потер-

¹ Решение № 3А-552/2020 3А-552/2020~М-242/2020 М-242/2020 от 21 декабря 2020 г. по делу № 3А-552/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: sudact.ru/regular/doc/XWbzy47HKKb8/ (дата обращения: 17.02.2023).

² Решение № 3А-90/2020 3А-90/2020~М-83/2020 М-83/2020 от 20 августа 2020 г. по делу № 3А-90/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: sudact.ru/regular/doc/

певшие по уголовным делам заявляли гражданские иски о выплате им компенсации за судебную волокиту и смогли отстоять свои нарушенные права. В обоих случаях суды отмечали правовую и фактическую сложность дела, однако указывали, что её наличие не отменяет необходимость расследования дела в разумный срок. При этом заявленные истцами размеры компенсации в обоих делах суды посчитали завышенными и удовлетворили иски лишь частично: в первом случае истец запрашивал 483 тыс. рублей, но иск был удовлетворён на 50 тыс. рублей, во втором случае из запрашиваемых 471 тыс. рублей истец получил лишь 80 тыс. рублей.

Подобных практик складывается по России довольно много. Как мы видим, суды учитывают понесённые убытки граждан за судебную волокиту, однако не присуждают слишком большие суммы.

Не всегда иски заинтересованных лиц о компенсации за нарушение права на разумный срок уголовного судопроизводства удовлетворяются. Таково, например, решение Санкт-Петербургского городского суда от 11 августа 2020 г. по делу № 3А-194/2020¹. В качестве истца выступала подсудимая по уголовному делу, которая заявила о компенсации, пропустив установленный Законом о компенсации срок подачи заявления – шестимесячный срок со дня вступления в законную силу последнего судебного акта, принятого по делу, по которому допущено нарушение. В качестве причины пропуска данного срока истец привела довод о том, что во время вступления приговоров по уголовным делам в законную силу она содержалась под стражей и не имела

доступа к юридической литературе. Однако суд не признал это уважительной причиной, поскольку лица, содержащиеся под стражей, не лишены доступа к юридической литературе и права на получение юридической помощи в ином виде. При отказе в удовлетворении иска суд также учитывал правовую и фактическую сложность дела, объём которого составил 21 том.

Теперь кратко проанализируем практику ЕСПЧ по вопросам разумного срока уголовного судопроизводства. Интерес, помимо дела Бурдова, представляет Постановление ЕСПЧ по делу «Сергей Денисов и другие против России» (жалобы № 1985/05, 18579/07, 21748/07, 21954/07 и 20922/08) от 19 апреля 2016 г.²

Дело было инициировано на основании пяти жалоб, поданных в Европейский суд против Российской Федерации пятью гражданами РФ, которые в конце 1990-х гг. в Санкт-Петербурге действовали как преступная группа «Банда Шутова» и были причастны к совершению множества тяжких насильственных преступлений, включая убийства при отягчающих обстоятельствах, похищения, вооруженные ограбления и вымогательство. Производство на трех уровнях юрисдикции длилось приблизительно семь лет и девять месяцев в случае с Денисовым, Гимрановым, Додоновым и Шутовым, и пять лет и восемь месяцев в случае с Филимоновым (п. 130 Постановления). Власти утверждали, что дело было запутанным, поскольку оно объединяло в себе четырнадцать уголовных дел, включало большое количество потерпевших, свидетелей и семнадцать обвиняемых, и требовало проведения большого количества след-

RjuMsEL9kH1K/ (дата обращения: 17.02.2023).

¹ Решение № 3А-194/2020 3А-194/2020-М-132/2020 М-132/2020 от 11 августа 2020 г. по делу № 3А-194/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: sudact.ru/regular/doc/W5vGYSSkr1VC/ (дата обращения: 17.02.2023).

² Постановление ЕСПЧ по делу «Сергей Денисов и другие против РФ» (жалобы № 1985/05, 18579/07, 21748/07, 21954/07 и 20922/08) от 19 апреля 2016 года // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_346640/ (дата обращения: 17.02.2023).

ственных действий в различных местах (п. 128 Постановления).

Самый большой перерыв в судебном производстве имел место с 3 октября 2001 г. по 27 сентября 2004 г., когда суд откладывал слушание не менее восьмидесяти восьми раз из-за болезни заявителей, неявки адвокатов по состоянию здоровья или по личным или профессиональным причинам, либо без уважительной причины, или же из-за удаления заявителей и их адвокатов из зала суда за поведение, нарушающее порядок судебного заседания (п. 134 Постановления). ЕСПЧ посчитал, что государство нельзя винить в задержках производства из-за болезни заявителей, хотя это, безусловно, объективный фактор (п. 137 Постановления). Суд посчитал вышеназванные доводы властей правомерными и решил, что длительность судопроизводства по данному делу нельзя считать необоснованной.

Проанализировав примеры из практики, можно сделать вывод о том, что при принятии решения о присуждении компенсации заинтересованным лицам суд ориентируется на обстоятельства, прописанные в ст. 6.1 УПК РФ. Однако всё же они не являются однозначными, потому что, как мы видим, во всех случаях истцы указывают на волокиту, а ответчики аргументируют это сложностью дела и другими обстоятельствами. В каждой конкретной ситуации решение всегда остаётся за судом.

Также хотелось бы отметить, что в названных делах всё же прослеживается обвинительный уклон суда в том смысле, что, когда заинтересованными в получении компенсации лицами оказываются осуждённые, их требования, как правило, не удовлетворяются. Потерпевшие же с большей вероятностью могут рассчитывать на компенсацию.

Отметим, что после принятия Закона о компенсации и введения ст. 6.1 в УПК РФ количество жалоб в ЕСПЧ на судебную волокиту значительно сократилось, и

международной практики по этим делам на сегодняшний день немного. Более того, на данный момент Россия вышла из-под юрисдикции ЕСПЧ в связи с исключением из Совета Европы. При этом власти Российской Федерации отказались исполнять все решения ЕСПЧ, вступившие в силу после 15 марта 2022 г., а ЕСПЧ же продолжает принимать жалобы россиян на нарушения, имевшие место до 16 сентября 2022 г.¹

Обратим внимание, что в российском законодательстве последних лет прослеживалось стремление исключить вмешательство международных органов во внутрисударственную правовую систему, и наиболее явно это прослеживается в недавно принятых поправках в Конституцию РФ.

При этом внесённые в Конституцию поправки не закрепили примат национального права над международным. В ст. 79 говорится именно об *истолковании* норм международного права. Каждую норму можно толковать по-разному, и важно, чтобы решение, принятое международным органом, соответствовало Конституции РФ, в противном случае РФ откажется от его исполнения. Другими словами, данная поправка установила исключительный случай, при котором решение ЕСПЧ или другого международного органа не подлежит исполнению.

В целом же поправка, внесённая в ст. 79 Конституции РФ, не противоречит норме о приоритете международного права (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ), а лишь дополняет законодательство в той мере, которая необходима для обеспечения осуществления государственной безопасности. При этом не секрет, что ЕСПЧ, как и любой международный орган, не может быть абсолютно беспристрастным и аполитичным, поскольку

¹ Информация Европейского суда по правам человека от 23 марта 2022 г. N ECHR 099 (2022) // Гарант. URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1534203/> (дата обращения: 17.02.2023).

международное право основано на международных отношениях и граничит с политикой. Многие учёные критикуют ЕСПЧ за политическую ангажированность и считают, что его решения носят ультралиберальный характер [20].

Выводы

На сегодняшний день вопрос о международно-правовой защите нарушенных прав граждан России, в том числе права на осуществление судопроизводства в разумный срок, остаётся нерешённым. Из УПК РФ, Закона о компенсации и других нормативно-правовых актов были исключены упоминания о ЕСПЧ, а в ч. 2 ст. 21 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» вместо ЕСПЧ был добавлен обобщённый термин «межгосударственные органы по защите прав и свобод человека» (согласно Федеральному закону от 11 июня 2022 г. № 183-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации»). Представляется, что теперь данный термин появится и во многих других российских нормативно-правовых актах, при этом альтернативных Европейскому суду органов пока что нет.

Сложно судить о дальнейшем развитии ситуации. Однако важно другое: бла-

годаря решению ЕСПЧ в наше законодательство были внесены положительные изменения, появление двух федеральных законов (Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» и Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 69-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок"») коренным образом изменило ситуацию с затяжным характером производства по уголовным делам и судебной волокитой – эта проблема наконец-то была решена, пусть и не в полном объёме. Количество жалоб в ЕСПЧ по этому вопросу значительно сократилось, а гражданам РФ была гарантирована компенсация за нарушение права на судопроизводство в разумный срок.

В заключение хотелось бы отметить, что термин «разумный срок», а также размер компенсации за его нарушение – это формально не определённые нормы, и субъективный подход (зависимость от мнения судей) по вопросам их толкования был и будет всегда, как на международном, так и на внутригосударственном уровне, а значит, дискуссии по этой теме будут продолжаться ещё долго.

Список литературы

1. Иванова О. В., Сиверская Л. А. Эволюция научных взглядов на развитие принципа разумного срока уголовного судопроизводства // Вестник Костромского государственного университета. 2016. Т. 22, № 2. С. 263–266.
2. Семченко С. С. Принцип разумного срока в уголовном судопроизводстве с точки зрения решений Европейского суда по правам человека и практики судов РФ // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. Т. 2, № 4 (56). С. 206–211.
3. Гриненко А. В., Чистилина Д. О. Состязательный характер уголовного процесса: проблемные аспекты // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 5. С. 130–140.

4. Согоян В. Л. Критерии оценки разумного срока в российском законодательстве // Северо-Кавказский юридический вестник. 2016. № 2. С. 127–134.
5. Аристархов А. Л. Трудности реализации принципа разумного срока уголовного судопроизводства в качестве основного начала уголовно-процессуальной деятельности // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2019. № 1. С. 82–87.
6. Апостолова Н. Н. Разумный срок уголовного судопроизводства // Российская юстиция. 2010. № 9. С. 63–66.
7. Лавдаренко Л. И. Разумный срок как принцип уголовного судопроизводства // Российский следователь. 2014. № 2. С. 16–20.
8. Шадрин В. С. Разумный срок уголовного судопроизводства: сущность, значение, правовая регламентация // Криминалистика. 2017. № 2. С. 48–53.
9. Алферова Е. В., Белкин А. Р. УПК РФ: нужны ли перемены? М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. 415 с.
10. Бажанов С. В. Сомнительная социальная ценность статьи 6.1 УПК РФ // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2018. № 3. С. 15–19.
11. Головинская И. В., Крестинский М. В., Поликарпова М. Ж. Проблемы реализации отдельных правовых предписаний в свете разумного срока производства по уголовным делам // Вестник Национального института бизнеса. 2018. № 34. С. 45–54.
12. Быков В. М. О некоторых принципах уголовного процесса // Публичное и частное право. 2012. № 1. С. 69–80.
13. Мазюк Р. В., Логачёва В. С. Процессуальные действия председателя суда для ускорения рассмотрения дела в уголовном судопроизводстве // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2016. № 4 (12). С. 24–34.
14. Пашин С. Компенсация за волокиту: перспективы применения // ЭЖ Юрист. 2017. № 20. С. 5.
15. Волынец К. В. Некоторые проблемы в правовом регулировании принципа «разумный срок уголовного судопроизводства» // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2013. № 1. С. 181–187.
16. Шереметьев А. П. Об ограничении чрезмерной длительности уголовного судопроизводства и срока содержания обвиняемого под стражей // Российский юридический журнал. 2012. № 6. С. 141–145.
17. Зацепина М. Н. Разумный срок судопроизводства в уголовном процессе России: понятие, содержание, правовые средства реализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 31 с.
18. Купряшина Е. А., Давыдова К. Д. Разумный срок уголовного судопроизводства: проблемы правового регулирования // Научный альманах. 2015. № 11-4. С. 428–430.
19. Платов Н. В. Некоторые вопросы практики применения федерального закона от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // ГлаголЪ правосудия. 2015. № 1 (9). С. 34–38.
20. Короткова Л. Г., Свечников Д. Д. Проблематика применимости решений ЕСПЧ в правовом поле России // Оригинальные исследования. 2021. Т. 11, № 5. С. 9–17.

References

1. Ivanova O. V., Siverskaya L. A. Evolyuciya nauchnyh vzglyadov na razvitie principa razumnogo sroka ugovornogo sudoproizvodstva [Evolution of scientific views on the development of the principle of reasonable time in criminal proceedings]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*.

darstvennogo universiteta = Bulletin of Kostroma State University, 2016, vol. 22, no. 2, pp. 263–266.

2. Semchenko S. S. Princip razumnogo sroka v ugovolnom sudoproizvodstve s tochki zreniya reshenij Evropejskogo suda po pravam cheloveka i praktiki sudov RF [The principle of reasonable time in criminal proceedings from the point of view of the decisions of the European Court of Human Rights and the practice of the courts of the Russian Federation]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Kemerovo State University*, 2013, vol. 2, no. 4 (56), pp. 206–211.

3. Grinenko A. V., Chistilina D. O. Sostyazatel'nyj harakter ugovolnogo processa: problemnye aspekty [The adversarial nature of the criminal process: problematic aspects]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2021, vol. 11, no. 5, pp. 130–140.

4. Sogoyan V. L. Kriterii ocenki razumnogo sroka v rossijskom zakonodatel'stve [Criteria for evaluating a reasonable time in Russian legislation]. *Severo-Kavkazskij juridicheskij vestnik = North Caucasian Legal Bulletin*, 2016, no. 2, pp. 127–134.

5. Aristarhov A. L. Trudnosti realizacii principa razumnogo sroka ugovolnogo sudoproizvodstva v kachestve osnovnogo nachala ugovolno-processual'noj deyatel'nosti [Difficulties in implementing the principle of a reasonable period of criminal proceedings as the main beginning of criminal procedural activity]. *Vestnik Universiteta prokuratury Rossijskoj Federacii = Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*, 2019, no. 1, pp. 82–87.

6. Apostolova N. N. Razumnyj srok ugovolnogo sudoproizvodstva [Reasonable period of criminal proceedings]. *Rossijskaya yusticiya = Russian Justice*, 2010, no. 9, pp. 63–66.

7. Lavdarenko L. I. Razumnyj srok kak princip ugovolnogo sudoproizvodstva [Reasonable time as a principle of criminal proceedings]. *Rossijskij sledovatel' = Russian investigator*, 2014, no. 2, pp. 16–20.

8. Shadrin V. S. Razumnyj srok ugovolnogo sudoproizvodstva: sushchnost', znachenie, pravovaya reglamentaciya [Reasonable term of criminal proceedings: essence, meaning, legal regulation]. *Kriminalist = Criminalist*, 2017, no. 2, pp. 48–53.

9. Alferova E. V., Belkin A. R. UPK RF: nuzhny li peremeny? [The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: do we need changes]. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ., 2013. 415 p.

10. Bazhanov S. V. Somnitel'naya social'naya cennost' stat'i 6.1 UPK RF [Questionable social value of Article 6.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo: problemy teorii i praktiki = Criminal proceedings: problems of theory and practice*, 2018, no. 3, pp. 15–19.

11. Golovinskaya I. V., Krestinskij M. V., Polikarpova M. Zh. Problemy realizacii otdel'nyh pravovyh predpisaniy v svete razumnogo sroka proizvodstva po ugovolnym delam [Problems of implementation of certain legal regulations in the light of a reasonable period of criminal proceedings]. *Vestnik Nacional'nogo instituta biznesa = Bulletin of the National Institute of Business*, 2018, no. 34, pp. 45–54.

12. Bykov V. M. O nekotoryh principah ugovolnogo processa [On some principles of criminal procedure]. *Publichnoe i chastnoe pravo = Public and private law*, 2012, no. 1, pp. 69–80.

13. Mazyuk R. V., Logachyova V. S. Processual'nye dejstviya predsedatelya suda dlya uskoreniya rassmotreniya dela v ugovolnom sudoproizvodstve [Procedural actions of the chairman of the court to speed up the consideration of the case in criminal proceedings]. *Sibirskie ugovolno-processual'nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian criminal procedural and criminalistic readings*, 2016, no. 4 (12), pp. 24–34.

14. Pashin S. Kompensaciya za volokitu: perspektivy primeneniya [Compensation for red tape: prospects of application]. *EZH Yurist = EZH Lawyer*, 2017, no. 20, p. 5.

15. Volynec K. V. Nekotorye problemy v pravovom regulirovanii principa "razumnyj srok ugovnogo sudoproizvodstva" [Some problems in the legal regulation of the principle of "reasonable time of criminal proceedings"]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Ekonomika i pravo = Bulletin of the Udmurt University. Series: Economics and Law*, 2013, no. 1, pp. 181–187.

16. Sheremet'ev A. P. Ob ogranichenii chrezmernoj dlitel'nosti ugovnogo sudoproizvodstva i sroka sodержaniya obvinyaemogo pod strazhej [On limiting the excessive duration of criminal proceedings and the period of detention of the accused in custody]. *Rossijskij yuridicheskij zhurnal = Russian Law Journal*, 2012, no. 6, pp. 141–145.

17. Zacepina M. N. Razumnyj srok sudoproizvodstva v ugovnom processe Rossii: ponyatie, sodержanie, pravovye sredstva realizacii. Avtoref. diss. kand. jurid. nauk [A reasonable period of legal proceedings in the criminal process of Russia: concept, content, legal means of implementation. Cand. legal sci. abstract diss.]. Moscow, 2016. 31 p.

18. Kupryashina E. A., Davydova K. D. Razumnyj srok ugovnogo sudoproizvodstva: problemy pravovogo regulirovaniya [Reasonable term of criminal proceedings: problems of legal regulation]. *Nauchnyj al'manah = Scientific Almanac*, 2015, no. 11-4, pp. 428–430.

19. Platov N. V. Nekotorye voprosy praktiki primeneniya Federal'nogo zakona ot 30 aprelya 2010 g. No. 68-FZ "O kompensacii za narushenie prava na sudoproizvodstvo v razumnyj srok ili prava na ispolnenie sudebnogo akta v razumnyj srok" [Some issues of practical application of Federal Law No. 68-FZ of April 30, 2010 "On compensation for Violation of the Right to Judicial Proceedings within a Reasonable Time or the Right to Execute a Judicial Act within a Reasonable Time"]. *Glagol' pravosudiya = Glagol of Justice*, 2015, no. 1 (9), pp. 34–38.

20. Korotkova L. G., Svechnikov D. D. Problematika primenimosti reshenij ESPCH v pravovom pole Rossii [Problems of applicability of the ECHR decisions in the legal field of Russia]. *Original'nye issledovaniya = Original research*, 2021, vol. 11, no. 5, pp. 9–17.

Информация об авторах / Information about the Authors

Чистилина Дарья Олеговна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: darya-chistilina@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-0115-8876

Daria O. Chistilina, Cand. of Sci. (Juridical), Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: darya-chistilina@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-0115-8876

Делова Анна Дмитриевна, помощник юриста, ООО «Форвард», г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: adelova790@gmail.com

Anna D. Delova, Legal Assistant, Forward LLC, Kursk, Russian Federation,
e-mail: adelova790@gmail.com

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-2-154-164>

Эволюция норм отечественного уголовного законодательства об уголовно-правовом воздействии в отношении несовершеннолетних

Н. Г. Крылов¹ ✉

¹Саратовская государственная юридическая академия
ул. Вольская, д.1, г. Саратов 410056, Российская Федерация

✉ e-mail: nickitakrylov@yandex.ru

Резюме

Актуальность. В статье в неразрывном единстве рассматриваются вопросы возраста уголовной ответственности несовершеннолетних и уголовно-правового воздействия в отношении данной категории лиц на разных этапах российского государства, раскрывается их сущностная природа и перспективы развития, а также исторические условия принятия тех или иных нормативно-правовых актов. Отмечается позитивная тенденция развития норм отечественного законодательства об уголовно-правовом воздействии на несовершеннолетних, гуманизации наказаний и иных применяемых к ним мер уголовно-правового характера.

Цель исследования: проследить путь, пройденный отечественным законодателем в направлении поиска оптимального баланса гуманистического и репрессивного начал в содержании и формах уголовно-правового воздействия на несовершеннолетних.

Задачи: выявить генезис и эволюцию уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового воздействия в отношении несовершеннолетних по отечественному законодательству; отразить особенности уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера с учетом исторического контекста развития государства и права.

Методология. Основу составили общенаучные (анализ, синтез, сравнение и другие), частнонаучные, в том числе специально-юридические (формально-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой и другие) методы познания.

Результаты. В результате проведенного исследования определено, что в своем развитии институт уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних прошел достаточно продолжительный путь. Впервые появившись лишь в XVIII веке, он с течением времени претерпевал изменения, адаптировался к существующим условиям, параметрам уголовной ответственности остальной части населения. Постоянным оставалось одно – анализируемый институт на протяжении значительной части истории уголовного права занимал особенное положение ввиду той роли, которая отводилась несовершеннолетним как социально незащищенным слоям общества.

Вывод. В содержании и формах уголовно-правового воздействия на несовершеннолетних должны неизменно присутствовать воспитательные компоненты, гуманистическое начало должно заметно преобладать над репрессивным, а учет личностных особенностей должен иметь своим следствием тщательную индивидуализацию уголовной ответственности.

Ключевые слова: несовершеннолетний; уголовное наказание; уголовно-правовое воздействие; исторический аспект.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Крылов Н. Г. Эволюция норм отечественного уголовного законодательства об уголовно-правовом воздействии в отношении несовершеннолетних // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 2. С. 154–164. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-2-154-164>.

Поступила в редакцию 19.02.2023

Принята к публикации 27.03.2023

Опубликована 28.04.2023

© Крылов Н. Г., 2023

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2023; 13(2): 154–164

Evolution of the Norms of Domestic Legislation about the Criminal Legal Impact in Relation to Minors

Nikita G. Krylov¹ ✉

¹Saratov State Law Academy
1 Volskaya Str., Saratov 410056, Russian Federation

✉ e-mail: nickitakrylov@yandex.ru

Abstract

Relevance. The article deals with the issues of the age of criminal responsibility of minors and the criminal legal impact on this category of persons at different stages of the Russian state in an inseparable unity, reveals their essential nature and prospects for development, as well as the historical conditions for the adoption of certain normative legal acts. According to the author, the main feature of the evolution of domestic legislation on criminal legal impact on minors is a gradual increase in the age of prosecution, based on taking into account the psychophysiological characteristics of this category of persons.

The purpose of the study is to trace the path taken by the domestic legislator in the direction of finding the optimal balance of humanistic and repressive principles in the content and forms of criminal legal influence on minors.

Objectives: to identify the genesis and evolution of criminal penalties and other measures of criminal legal impact on minors under domestic legislation; to reflect the features of criminal penalties and other measures of a criminal legal nature, taking into account the historical context of the development of the state and law.

Methodology. The basis of writing the article was general scientific methods (analysis, synthesis, comparison, historical method), private scientific, including special legal (formal legal, comparative legal methods of cognition).

Results. As a result of the conducted research, it was determined that in its development the institution of criminal responsibility and punishment of minors has passed a fairly long way. Having first appeared only in the XVIII century, it underwent changes over time, adapted to the existing conditions, the parameters of criminal responsibility of the rest of the population. One thing remained constant – the institution under review for a significant part of the history of criminal law occupied a special position due to the role assigned to minors as socially unprotected strata of society.

Conclusion. Educational components should always be present in the content and forms of criminal legal influence on minors, the humanistic principle should noticeably prevail over the repressive one, and taking into account personal characteristics should result in a thorough individualization of criminal responsibility.

Keywords: minor; criminal punishment; criminal legal impact; historical aspect.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Krylov N. G. Evolution of the Norms of Domestic Legislation about the Criminal Legal Impact in Relation to Minors. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2023; 13(2): 154–164. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-2-154-164>.

Received 19.02.2023

Accepted 27.03.2023

Published 28.04.2023

Введение

Анализ проблем уголовного наказания в отношении лиц, не достигших возраста 18 лет, позволяет констатировать, что на протяжении всей истории отечественного уголовного права данный институт занимал особое место, что во многом объясняется особенностями правового

положения несовершеннолетних в обществе. Государство по отношению к несовершеннолетним лицам, которые совершили преступления, предусматривало гуманные виды наказаний, что подтверждается относительно поздним периодом их развития и официального закрепления в нормативно-правовых актах. В дореволюционный период вопросами уголовных

наказаний несовершеннолетних активно занимались такие исследователи, как И. Я. Фойницкий [1], Н. С. Таганцев [2], А. Ф. Кистяковский [3], Б. С. Утевский [4]. В советское время исторические аспекты эволюции наказаний несовершеннолетних стали предметом научного интереса З. А. Астемирова [5], В. В. Мальцева [6], А. В. Наумова [7] и др. Сегодня проблематика уголовных наказаний несовершеннолетних в контексте исторического развития составляет сферу научных изысканий В. М. Волошина [8], М. И. Кольцова [9], И. А. Кузанкиной [10], О. Н. Ничуговской [11], О. Н. Петровой [12] и др.

Наказание – важнейший институт уголовного права, способ реакции общества на преступное поведение несовершеннолетних. Вместе с тем следует помнить о том, что даже совершивший преступное деяние подросток в силу возрастных особенностей признается объектом повышенной защиты. Данное положение лежит в основе ряда международных документов, регламентирующих положение несовершеннолетних преступников.

Согласно ст. 37 Конвенции о правах ребенка, принятой Генеральной ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г., ни один ребенок не должен «быть подвергнут жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство видам наказания. Ни смертная казнь, ни пожизненное заключение, не предусматривающие возможности освобождения, не назначаются за преступления, совершенные лицами моложе 18 лет»¹.

В соответствии с ч. 2 ст. 87 УК РФ к несовершеннолетним, совершившим преступления, могут быть применены принудительные меры воспитательного воз-

действия либо им может быть назначено наказание, а при освобождении от наказания судом они могут быть также помещены в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа.

Значимым средством познания настоящего и прогнозирования будущего признается исторический экскурс исследования любой науки, а применительно к проблематике нашего познания – осмысление генезиса уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового воздействия в отношении несовершеннолетних. По справедливому утверждению Н. В. Кудрявцева, «предвидение и история неотделимы, поскольку должны быть основаны на знании законов, которые увязывают прошлое, настоящее и будущее» [13, с. 8].

Анализ уголовного законодательства о наказании несовершеннолетних – необходимое условие построения перспектив его совершенствования, определения эффективных направлений развития как на уровне нормотворчества, так и на уровне правоприменения.

Методология

Методология исследования представлена следующими методами: диалектическим, позволяющим рассматривать правовые институты в постоянной динамике и тесной взаимосвязи с иными социальными образованиями и явлениями; общенаучными – методами анализа, синтеза, сравнения, моделирования, используемыми при исследовании динамики возраста, привлечения к уголовной ответственности, определении общих и отличительных черт уголовных наказаний, применяемых к несовершеннолетним; специально-правовыми – формально-юридическим, историко-правовым, сравнительно-правовым и др., применяемыми при изучении природы и содержания мер уголовно-правового воздействия, применяемых к несовершеннолетним, выявлении и сопоставлении положений ранее

¹ Конвенция ООН о правах ребенка: одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989, вступила в силу для СССР 15.09.1999 // Сборник международных договоров СССР. М.: Междунар. отношения, 1993. Вып. XLVI.

действовавшего и современного законодательства.

Результаты и их обсуждение

Внимание возрастным особенностям несовершеннолетних при назначении уголовного наказания в России стало уделяться лишь с середины XVII в. До обозначенного периода в случае совершения противоправного деяния ребенком он привлекался к ответственности и подвергался наказанию наравне со взрослыми преступниками. Исторически первые памятники права: Русская Правда, Судебники 1497 и 1550 гг. и др. – отдельных норм об уголовной ответственности несовершеннолетних, равно как и особых видов наказаний, применяемых к ним, не содержали. Лишь в XVII в. впервые были установлены отдельные положения, регламентирующие применение мер наказания к несовершеннолетним, что связано, в первую очередь, со сложной социально-экономической обстановкой в государстве, низким уровнем жизни населения [14, с. 104].

Основу первых попыток построения особого правового положения несовершеннолетних и особых правил назначения им наказания составила традиционная концепция воспитания детей родителями и обязанность подчиняться их воле. Принятое в 1649 г. Соборное уложение впервые уделило самостоятельное внимание уголовно-правовому воздействию в отношении несовершеннолетних, закрепив в ст. 6 следующее положение: «А будет которой сын или дочь учнут бити челом о суде на отца или на мать и им на отца и на мать ни в чем суда не давати, да их же за такое челобитье бити кнутом, и отдать их отцу и матери»¹. Возрастные рамки в данном правовом документе изначально не оговаривались,

однако внесенные в него в последующем в 1669 г. коррективы установили минимальный возраст назначения уголовного наказания – 7 лет, с оговоркой об инфантильности детей возрастной группы от 7 до 15 лет².

Представленные положения стали основой дифференциации уголовной ответственности несовершеннолетних с учетом возрастных особенностей. Более того, не чуждыми исследуемому историческому периоду были меры, в некоторой степени напоминающие принудительные меры воспитательного воздействия.

Очередной этап развития уголовного законодательства о наказаниях несовершеннолетних относится к 1715 г. и связан с изданием Артикула Воинского, предусматривавшего, что «наказание воровства обыкновенно умалывается или весьма отставляется, ежели... вор будет младенец, которых дабы заранее от сего отучить, могут от родителей своих лозами наказаны быть»³.

Таким образом, указанный нормативный документ, проводящий «грань» между уголовными наказаниями, применяемыми к взрослым преступникам и к детям, – это значимый шаг на пути построения системы наказаний несовершеннолетних. Однако интерпретации того, кого можно признавать младенцем, данный документ не содержал.

Указ Сената от 23 августа 1742 г. «О признании малолетними людей обоюбого пола от рождения, до семнадцати лет; об освобождении таковых в случае тяжких преступлений от пытки и смертной казни и о наказании их, вместо того батогами и плетьюми, с определением в монастыри

² Новоуказные статьи о татевных, разбойных и убийственных делах от 22 января 1669 г. // ГАРАНТ. URL: <https://base.garant.ru/55097777/> (дата обращения: 17.02.2023).

³ Артикул воинский 1715 г. // Исторический факультет Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/articul.htm> (дата обращения: 16.02.2023).

¹ Соборное уложение 1649 года // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. СПб.: Тип. 2-го Отделения Собств. ее императ. величества канцелярии, 1830–1885.

для исправления» впервые в истории регламентировал: «Малолетство по уголовным делам длится до 17-летнего возраста; малолетние не могли подвергаться смертной казни, пытке, кнуту; для них эти наказания заменялись сечением плетью и отдачей в монастырь на исправление»¹. Соответственно, малолетними признавались дети независимо от пола до 17 лет. Этот нормативный акт оказал большое влияние на развитие законодательства о наказаниях несовершеннолетних.

В период царствования Екатерины II в 1765 г. был издан Указ, признающий лиц, не достигших 10-летнего возраста, полностью невменяемыми, не способными руководить своими действиями и отдавать им отчет. Так, «велено отдавать виновных без суда и без наказания на исправление родителям, родственникам или опекунам» [15, с. 200]. К несовершеннолетним, которыми, согласно данному Указу, признавались дети в возрасте от 10 до 17 лет, не применялись пытки, побитие кнутом, смертная казнь. Они могли быть сосланы в монастыри для исправления, как с регламентацией конкретных сроков, так и без таковых [16, с. 17].

В целом можно констатировать, что к середине XVIII в. утвердился подход, во-первых, о признании малолетними детей в возрасте 6-7 лет, которые не подлежали уголовному наказанию, а во-вторых, о влиянии сословной принадлежности на вид и меру уголовного наказания.

¹ О признании малолетними людей обоего пола от рождения, до семнадцати лет; об освобождении таковых в случае тяжких преступлений от пытки и смертной казни и о наказании их, вместо того батогами и плетью, с определением в монастыри для исправления: Указ Сената от 23 августа 1742 г. // Полное собрание законов Российской империи. Т. XI, № 8601. СПб.: Тип. 12 Отделения Собственной его императ. величества канцелярии, 1830. С. 641-644.

В дальнейшем Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. регламентировало в качестве обстоятельств, смягчающих «строгость» наказания, малолетство и несовершеннолетие. Уголовному наказанию не подвергались дети, не достигшие 10-летнего возраста и не способные понимать значение своих действий. Более того, данный документ предоставлял правомочия судебным органам самостоятельно решать вопрос о способности или неспособности понимания своих деяний малолетним в возрасте от 10 до 14 лет. В случае установления его «неразумения» уголовному наказанию он не подлежал: «дети отдавались родителям или благонадежным родственникам для строгого за ними присмотра, исправления и наставления, между прочим, и через духовника их или другого священнослужителя» [17, с. 264].

Градация наказаний для данной категории несовершеннолетних проводилась в зависимости от тяжести преступления и формы вины. При совершении ими неумышленного преступления они подвергались мерам воспитательного воздействия, за совершение умышленного преступления – ссылке в Сибирь на поселение без применения телесного наказания, заключению в монастырь или в смиренный дом.

Относительно несовершеннолетних, совершивших преступные деяния в возрасте от 14 лет до 21 года, Уложение допускало применение обширного перечня видов уголовных наказаний, лишь в части отличающихся от наказаний взрослых преступников. В случае совершения преступления по неосторожности допускалось «домашнее исправительное наказание», получившее общее название мер «домашнего исправления». «Меры домашнего исправления являлись мерами не карательного, а воспитательного свойства и не являлись наказанием» [18, с. 102]. По сути, это было первое упоминание в законодательстве о замене наказания на более мягкое, правда, применя-

лось оно в основном к несовершеннолетним женского пола [19, с. 64–65].

Важной нормативной основой развития ювенальной юстиции исследуемого периода признается также достаточно реакционный закон «О малолетних и несовершеннолетних преступниках»¹, принятый в 1897 г., закрепивший возможность тюремного заключения несовершеннолетних, каторгу, поселение.

В 1903 г. в период властвования императора Николая II в результате длительной работы было принято Уголовное уложение². Данный документ устанавливал довольно обширный круг наказаний, применяемых к несовершеннолетним, которыми признавались лица в возрасте от 10 до 17 лет, уголовных наказаний. Однако на практике наиболее часто использовалось помещение их в исправительно-воспитательные учреждения, а при невозможности помещения в таковые – в особые заведения для несовершеннолетних при тюрьмах и арестных домах на срок, не превышающий трех лет.

Уложением 1903 г. к подросткам, совершившим преступление в возрасте от 10 до 17 лет, «вместо денежной пени или ареста допускалось применение новой меры, позволяющей заменить наказание, а именно “внушения от суда”, подразделявшегося на выговор, замечание и внушение. Выговор представлял собой открытое осуждение действий и поступков виновного лица, он мог быть “более или менее строгим, с внесением в формуляр или без внесения”. Замечание представляло собой “поставление на вид неправильных действий виновного”, а внушение – объяснение противозаконности его поступка» [20, с. 12].

Гуманистическая составляющая в политике государства и расширение перечня мер воспитательного характера относительно наказаний несовершеннолетних ярко проявились и в принятом после Октябрьской революции в 1918 г. Советом Народных Комиссаров РСФСР Декрете «О комиссиях для несовершеннолетних»³. Данный юридический документ исключил из системы мер уголовного наказания несовершеннолетних тюремное заключение, а также регламентировал деятельность комиссий, рассматривающих дела о преступных деяниях несовершеннолетних, наделив их полномочием по освобождению указанных субъектов от наказания.

Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г. в своем содержании продолжили реализацию общего подхода государства, предусмотрев, что «несовершеннолетние до 14 лет не подлежат суду и наказанию» (т. е. четко устанавливался минимальный возраст уголовной ответственности). К ним применяются лишь воспитательные меры (приспособления). Такие же меры применяются к лицам переходного возраста от 14 до 18 лет, «действующим без разумения». В отношении подростков от 14 до 18 лет, «действующих с разумением», суду предоставлялось право применять меры уголовного наказания⁴.

Первая мировая война и Гражданская война активизировали развитие законодательства, и в 1922 г. был принят Уголовный кодекс РСФСР, уделивший достаточно обстоятельное внимание вопросам уголовного наказания несовершеннолетних. Так, ст. 18 устанавливала запрет применения наказания к малолетним в

¹ Новый закон о малолетних и несовершеннолетних преступниках: Выс. утв. 2-го июня 1897 г. М.: Кн. маг. А. Ф. Сорова, ценз. 1897. 16 с.

² Уголовное уложение 1903 г. // Свод законов Российской империи. СПб., 1912. Т. XV. С. 38.

³ Декрет СНК РСФСР от 14 января 1918 года «О комиссиях для несовершеннолетних» // Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 16, ст. 227.

⁴ Руководящие начала по уголовному праву РСФСР: Постановление Народного комиссариата юстиции РСФСР от 12 декабря 1919 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1919. № 66, ст. 590.

возрасте до 14 лет, а также ко всем несовершеннолетним в возрасте от 14 до 16 лет, если в отношении последних комиссия по делам несовершеннолетних приходила к выводу о возможности ограничиться мерами медико-педагогического характера¹. Изменения, внесенные в эту статью в последующем, закрепляли, что несовершеннолетним в возрасте от 14 до 16 лет назначаемое судом наказание не должно превышать половины от наивысшего предела, установленного статьями Особенной части УК, а несовершеннолетним в возрасте от 16 до 18 лет – одной трети от соответствующего максимального предела.

Анализ приведённых уголовно-правовых норм позволяет отметить, что наказание несовершеннолетним 14–16-летнего возраста назначалось только при наличии заключения комиссии по делам несовершеннолетних о невозможности исправления правонарушителя посредством применения к нему исключительно воспитательных мер. Кроме того, альтернативу уголовному наказанию для подростков составляло их направление в «учреждения для умственно и морально дефективных» (ст. 46 УК) и «исправительно-трудовые учреждения» (ст. 56 УК).

Уголовный кодекс РСФСР 1926 г.² сохранил положения УК РСФСР 1922 г., касающиеся лиц в возрасте от 14 до 18 лет, но конкретизировал, что именно следует понимать под мерами социальной защиты медико-педагогического характера.

Первые десятилетия XX в. – сложный период перехода от капиталистического строя к социалистическому, сопро-

вождающийся перестройкой экономики, политики, серьезными кризисами, голодом, нищетой и, кроме прочего, всплеском детской безнадзорности и преступности несовершеннолетних. Для борьбы с последней государство избрало радикальные способы, издав в 1935 г. Постановление «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних»³, снизившее возраст уголовной ответственности несовершеннолетних, совершивших тяжкие преступления, до 12 лет. Так, согласно данному акту, несовершеннолетних, уличенных в кражах, причинении насилий, телесных повреждений, увечий, убийстве или попытках к убийству, начиная с 12-летнего возраста надлежало привлекать к уголовному суду с возможностью применения к ним любых мер уголовного наказания. При этом ст. 8 Основных начал уголовного законодательства СССР и Союзных Республик, предоставлявшую возможность применять к малолетним преступникам медико-педагогические меры, предписывалось отменить³.

Послевоенный период характеризуется вновь возродившимися тенденциями к усилению и развитию воспитательного начала, что подтверждается рядом принятых нормативных и иных правовых актов. В частности, в 1948 г. принято Постановление Пленума Верховного Суда СССР «О применении Указов от 4 июня 1947 г. в отношении несовершеннолетних», рекомендовавшее судебным органам тщательным образом рассматривать обстоятельства и мотивы совершенного несовершеннолетним субъектом преступления. Более того, законодательно ограничивались возможности привлечения к ответственности несовершеннолетних в возрасте от 12 до 14 лет, что во

¹ Уголовный кодекс РСФСР 1922 г.: [утв. постановлением ВЦИК от 1 июня 1922 г.] // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 15, ст. 153.

² Уголовный кодекс РСФСР 1926 г.: [утв. постановлением ВЦИК от 22 ноября 1926 г.] // Собрание узаконений РСФСР. 1926. № 80, ст. 600.

³ О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних: Постановление СНК СССР, ЦИК СССР от 7 апреля 1935 г. № 3/598 // Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. 1935. № 19, ст. 155.

многим было связано с развитием социально-экономических отношений [20, с. 286].

Таким образом, анализ уголовного законодательства о наказаниях несовершеннолетних в период с 1917 до 1958 г. характеризуется заметными колебаниями: то некоторым смягчением, то вновь репрессивными мерами.

Принятие Верховным Советом СССР Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик в 1958 г. ознаменовало новый период развития уголовного законодательства о наказаниях несовершеннолетних, итогом которого стал УК РСФСР, вступивший в силу с 1 января 1961 г.

Отдельного раздела об уголовной ответственности несовершеннолетних он не содержал, но регламентировал особенности освобождения от наказания. Уголовный закон 1960 г. отдавал приоритет применению принудительных мер воспитательного характера в отношении несовершеннолетних, совершивших преступление, не представляющее большой общественной опасности. Так, согласно ст. 63, в случае если суд придет к выводу о возможности исправления лица, совершившего в возрасте до 18 лет преступление, не представляющее большой общественной опасности, без назначения ему уголовного наказания, к такому лицу могли быть применены принудительные меры воспитательного характера, не являющиеся уголовным наказанием¹.

Уголовная ответственность по достижении 14-летнего возраста наступала за умышленное убийство; убийство при отягчающих обстоятельствах; умышленное убийство, совершенное в состоянии сильного душевного волнения; убийство при превышении пределов необходимой обороны; неосторожное убийство; умышленное тяжкое телесное повреждение; умышленное менее тяжкое телесное повреждение; умышленное тяжкое или

менее тяжкое телесное повреждение, причиненное в состоянии сильного душевного волнения; тяжкое или менее тяжкое телесное повреждение, причиненное при превышении пределов необходимой обороны; умышленное легкое телесное повреждение или побои, повлекшие за собой кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату трудоспособности; изнасилование; похищение человека; разбой; кражу; грабеж; злостное или особо злостное хулиганство; умышленное уничтожение или повреждение государственного, общественного имущества или личного имущества граждан, повлекшее тяжкие последствия; хищение огнестрельного оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ; хищение наркотических средств; умышленное совершение действий, могущих вызвать крушение поезда (ч. 2 ст. 10 УК РСФСР 1960 г.).

Уголовный кодекс РФ 1996 г., в отличие от ранее действовавших уголовно-правовых актов, законодательно закрепил и раскрыл понятие «несовершеннолетний». Согласно ст. 87 УК РФ, «несовершеннолетними признаются лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось четырнадцать, но не исполнилось восемнадцати лет»².

Для решения вопроса об уголовной ответственности и наказании несовершеннолетних законодатель создал в УК РФ самостоятельные нормы, выделенные в отдельную главу. Данные обстоятельства связаны с особенностями физического, нравственного, культурного и духовного развития несовершеннолетних. Основным критерием установления в УК РФ возрастных границ выступает уровень развития личности несовершеннолетнего. Так, закон закрепляет общий возрастной предел наступления уголовной ответ-

¹ Уголовный кодекс РСФСР: [утв. ВС РСФСР 27 октября 1960 г.] // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40, ст. 591.

² Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: [ред. от 29.12.2023] // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 29.01.2023).

ственности – по достижении 16 лет, и сниженный – по достижении 14 лет. Законодатель, устанавливая в ч. 2 ст. 87 УК РФ возможность применения к несовершеннолетним, совершившим преступления, принудительных мер воспитательного воздействия, указывает на их приоритетность перед наказанием, что также подчеркивает гуманность современной уголовной политики в отношении несовершеннолетних преступников.

Выводы

В результате проведенного исследования можно отметить нестабильность правовой политики в отношении вопро-

сов уголовного наказания и иных мер уголовно-правового воздействия в отношении несовершеннолетних. Уголовное законодательство вплоть до XIX в. отличалось суровым по отношению к несовершеннолетним, совершившим преступления, характером. Конец XIX – начало XX в. ознаменовались существенными качественными изменениями с возрастающей ролью воспитательных компонентов уголовного процесса в отношении несовершеннолетних, сделав его более гуманным, предусмотрев необходимость учета личностных особенностей, принципа дифференциации и индивидуализации наказания.

Список литературы

1. Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. М.: Городец: Добросвет, 2000. 462 с.
2. Таганцев Н. С. Русское уголовное право: в 2 ч. Ч. 2. М.: Юрайт, 2020. 446 с.
3. Кистяковский А. Ф. Молодые преступники и учреждения для их исправления. Киев: Унив. тип., 1878. 232 с.
4. Утевский Б. С. Несовершеннолетние правонарушители. М.; Л.: Наркомпрос РСФСР, Гос. учебно-пед. изд-во, 1932. 64 с.
5. Астемиров З. А. Уголовная ответственность и наказание несовершеннолетних. М.: Высш. школа МВД СССР, 1970. 125 с.
6. Мальцев В. В. Проблемы освобождения от уголовной ответственности и наказания в уголовном праве. Волгоград: ВА МВД России, 2004. 209 с.
7. Наумов А. В. Российское уголовное право. М.: Норма, 2000. 454 с.
8. Волошин В. М. Уголовно-правовая политика России в отношении несовершеннолетних правонарушителей и роль ответственности в ее реализации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2008. 47 с.
9. Кольцов М. И. Особенности наказания несовершеннолетних (на примере практики судов Тамбовской области): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2007. 27 с.
10. Кузанкина И. А. Наказания несовершеннолетних: уголовно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. 24 с.
11. Ничуговская О. Н. Система наказаний в современном российском уголовном законодательстве: проблемы и перспективы развития: монография. Воронеж: Научная книга, 2016. 149 с.
12. Петрова О. Н. Назначение уголовного наказания несовершеннолетним: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004. 27 с.
13. Уголовное право. История юридической науки / под ред. В. Н. Кудрявцева. М.: Наука, 1978. 309 с.
14. Синяева М. И. Понятие «возраст» и его уголовно-правовая регламентация // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9, № 2 (31). С. 102–107.

15. Кара И. С. Некоторые вопросы установления возраста уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних в досоветском отечественном уголовном законодательстве // Вестник Брянского государственного университета. 2013. № 5. С. 145–151.

16. Шубина А. А. История развития законодательства об уголовной ответственности и наказании несовершеннолетних в России // Перспективы развития институтов права и государства: сборник научных трудов Международной научной конференции / Юго-Западный гос. ун-т. Курск, 2019. С. 264–267.

17. Таганцев Н. С. Исследования об ответственности малолетних преступников по русскому праву и Проект законоположений об этом вопросе. СПб.: Тип. А. М. Котомина, 1872. 159 с.

18. Салахов Э. Б. История развития уголовного законодательства об ответственности несовершеннолетних // Молодой ученый. 2022. № 52 (447). С. 285–288.

19. Беляева Л. И. Воспитание несовершеннолетних правонарушителей в России. Учреждения для несовершеннолетних правонарушителей в Российской империи. М.: Изд-во Моск. психолого-социального ин-та; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЕК», 2007. 400 с.

20. Бурлака С. А. Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних. Белгород: Бел. ЮИ МВД России, 2013. 82 с.

References

1. Foynitsky I. Ya. Uchenie o nakazanii v sviazi s tiur'movedeniem [The doctrine of punishment in connection with imprisonment]. Moscow, Gorodets Publ., Dobrosvet Publ., 2020. 462 p.

2. Tagantsev N. S. Russkoye ugolovnoye pravo [Russian criminal law]. Moscow, Yurayt Publ., 2020, pt. 2. 446 p.

3. Kistyakovskiy A. F. Molodye prestupniki i uchrezhdeniya dlya ikh ispravleniya [Young criminals and institutions for their correction]. Kyiv, Univ. typ. Publ., 1878. 232 p.

4. Utevskiy B. S. Nesovershennoletnie pravonarushiteli [Juvenile delinquents]. Moscow, Leningrad, Narkompros RSFSR, Gos. Uchebno-ped. izd-vo, 1932. 64 p.

5. Astemirov Z. A. Ugolovnaya otvetstvennost' i nakazanie nesovershennoletnikh [Criminal responsibility and punishment of minors]. Moscow, Vysshaya shkola MVD SSSR Publ., 1970. 125 p.

6. Maltsev V. V. Problemy osvobozhdeniya ot ugolovnoi otvetstvennosti i nakazaniya v ugolovnom prave [Problems of exemption from criminal liability and punishment in criminal law]. Volgograd, VA MVD Russia Publ., 2004. 209 p.

7. Naumov A. V. Rossiiskoe ugolovnoye pravo [Russian criminal law]. Moscow, Norma Publ., 2000, 454 p.

8. Voloshin V. M. Ugolovno-pravovaya politika Rossii v otnoshenii nesovershennoletnikh pravonarushitelei i rol' otvetstvennosti v ee realizatsii. Avtoref. diss. dokt. yurid. nauk [Criminal law policy of Russia in relation to juvenile offenders and the role of responsibility in its implementation. Dr. legal sci. abstract diss.]. Ekaterinburg, 2008. 47 p.

9. Koltsov M. I. Osobennosti nakazaniya nesovershennoletnikh (na primere praktiki sudov Tambovskoi oblasti). Avtoref. diss. dokt. yurid. nauk [Features of punishment of minors (on the example of the practice of the courts of the Tambov region). Dr. legal sci. abstract diss.]. Tambov, 2007. 27 p.

10. Kuzankina I. A. Nakazaniya nesovershennoletnikh: ugolovno-pravovoe issledovanie. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Punishments of minors: Criminal law research. Cand. legal sci. abstract diss.]. St. Petersburg, 2006. 24 p.

11. Nichugovskaya O. N. Sistema nakazanii v sovremennom rossiiskom ugolovnom zakonodatel'stve: problemy i perspektivy razvitiya [The system of punishments in modern Russian

criminal legislation: problems and prospects of development]. Voronezh, Nauchnaya kniga Publ., 2016. 149 p.

12. Petrova O. N. Naznachenie ugovolnogo nakazaniya nesovershennoletnim: ugovolno-pravovye i kriminologicheskie aspekty. Avtoref. diss. kand. jurid. nauk [Assignment of criminal punishment to imperfect-year-olds: criminal-legal and criminological aspects. Cand. legal sci. abstract diss.]. Volgograd, 2004. 27 p.

13. Ugolovnoe pravo. Istoriya yuridicheskoi nauki [Criminal law. History of legal science]; ed. by N. V. Kudryavtsev. Moscow, Nauka Publ., 1978. 309 p.

14. Sinyaeva M. I. Ponyatie "vozzrast" i ego ugovolno-pravovaiya reglamentatsiya [The concept of "age" and its criminal legal regulation]. *Izvestiya Iugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2019, no. 2 (31), pp. 102–107.

15. Kara I. S. Nekotorye voprosy ustanovleniya vozrasta ugovolnoi otvetstvennosti i nakazaniya nesovershennoletnikh v dosovetskom otechestvennom ugovolnom zakonodatel'stve [Some issues of establishing the age of criminal responsibility and punishment of minors in pre-Soviet domestic criminal legislation]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Bryansk State University*, 2013, no. 5, pp. 145–151.

16. Shubina A. A. [The history of the development of legislation on criminal responsibility and punishment of minors in Russia]. *Perspektivy razvitiya institutov prava i gosudarstva. Sbornik nauchnykh trudov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Prospects for the development of institutions of law and the state. Collection of scientific papers of the international scientific conference]. Kursk, Southwest St. Univ. Publ., 2019, pp. 264–267. (In Russ.)

17. Tagantsev N. S. Issledovaniya ob otvetstvennosti maloletnikh prestupnikov po russkomu pravu i Proekt zakonopolozhenij ob etom voprose [Research on the responsibility of juvenile offenders under Russian law]. St. Petersburg, Tip. A. M. Kotomina, 1871. 159 p.

18. Salakhov E. B. Istoriya razvitiya ugovolnogo zakonodatel'stva ob otvetstvennosti nesovershennoletnikh [The history of the development of criminal legislation on the responsibility of minors]. *Molodoi uchenyi = Young scientist*, 2022, no. 52 (447), pp. 285–288.

19. Belyaeva L. I. Vospitanie nesovershennoletnikh pravonarushitelei v Rossii. Uchrezhdeniya dlya nesovershennoletnikh pravonarushitelei v Rossiiskoi imperii [Education of juvenile delinquents in Russia. Institutions for juvenile delinquents in the Russian Empire]. Moscow, Moscow Psychological and social institute Publ., Voronezh, MODEK Publ., 2004. 400 p.

20. Burlaka S. A. Osobennosti ugovolnoi otvetstvennosti i nakazaniya nesovershennoletnikh [Features of criminal responsibility and punishment of minors]. Belgorod, Bel. YUI MVD Russii Publ., 2013. 82 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Крылов Никита Григорьевич, преподаватель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Российская Федерация,
e-mail: nickitakrylov@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-6936-0627

Nikita G. Krylov, Lecturer of the Department of Criminal and Penal Law, Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation,
e-mail: nickitakrylov@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-6936-0627

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-2-165-176>

Актуальные проблемы квалификации неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации

И. И. Малыгин¹ ✉

¹Министерство юстиции Российской Федерации
ул. Житная, д. 14, г. Москва 119991, Российская Федерация

✉ e-mail: aspugpravo@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Защита объектов критической информационной инфраструктуры является актуальной задачей обеспечения информационной безопасности государства. Особую значимость данная проблема приобрела в период проведения специальной военной операции на Украине – за это время количество компьютерных атак на отечественную информационную инфраструктуру возросло многократно. На протяжении нескольких лет применение статьи 274.1 Уголовного кодекса Российской Федерации характеризуется последовательным ростом. Изучение судебно-следственной практики свидетельствует о наличии юридико-технических недостатков нормы и проблем, связанных с ее применением.

Целью является получение нового научного знания о реализации механизма уголовно-правовой охраны критической информационной инфраструктуры Российской Федерации, обоснование предложений, направленных на преодоление трудностей, возникающих при применении статьи 274.1 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Задачи: выявить проблемы квалификации неправомерного воздействия на объекты критической информационной инфраструктуры, сформулировать предложения по совершенствованию отечественного уголовного законодательства и правоприменения.

Методология. Методологическую базу исследования составляют общенаучные и частнонаучные методы познания действительности, такие как анализ, синтез, индукция, формально-юридический, абстрактно-логический и другие.

Результаты. В ходе исследования проанализированы данные судебной статистики, правоприменительная практика по делам о неправомерном воздействии на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации, исследованы доктринальные источники и аналитические материалы.

Выводы. В работе обоснованы следующие положения: преобладающим направлением реализации статьи 274.1 Уголовного кодекса Российской Федерации является ее применение в случаях нарушения правил эксплуатации средств хранения компьютерной информации работниками компаний, оказывающих услуги в сфере связи (операторов связи); на уровне судебно-следственной практики наблюдается расхождение в толковании общественно опасных последствий в виде вреда объекту критической информационной инфраструктуры Российской Федерации; следует признать ошибочным встречающееся на практике решение о квалификации содеянного по части 1 статьи 274.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в некоторых ситуациях.

Ключевые слова: преступления; компьютерная информация; особенности квалификации; объект; информационная инфраструктура.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Малыгин И. И. Актуальные проблемы квалификации неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 2. С. 165–176. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-2-165-176>.

Поступила в редакцию 28.02.2023

Принята к публикации 27.03.2023

Опубликована 28.04.2023

© Малыгин И. И., 2023

Actual Problems of Qualification of Unlawful Impact on the Critical Information Infrastructure of the Russian Federation

Ivan I. Malygin¹ ✉

¹Ministry of Justice of the Russian Federation
14 Zhitnaya Str., Moscow 119991, Russian Federation

✉ e-mail: aspugpravo@yandex.ru

Abstract

Relevance. Protection of objects of critical information infrastructure is an urgent task of ensuring the information security of the state. This problem acquired particular significance during the period of the special military operation in Ukraine - during this time the number of computer attacks on the domestic information infrastructure has increased many times over. For several years, the application of Art. 274.1 of the Criminal Code of the Russian Federation is characterized by consistent growth. The study of judicial and investigative practice indicates the presence of legal and technical shortcomings of the norm and problems associated with its application.

The **purpose** is to obtain new scientific knowledge about the implementation of the mechanism of criminal law protection of the critical information infrastructure of the Russian Federation, to substantiate proposals aimed at overcoming the difficulties that arise in the application Art. 274.1 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Objectives: to identify the problems of qualifying unlawful impact on critical information infrastructure facilities, to formulate proposals for improving domestic criminal legislation and law enforcement.

Methodology. The methodological base of the research is made up of general scientific and particular scientific methods of cognition of reality, such as analysis, synthesis, induction, formal-legal, abstract-logical and others.

Results. The study analyzed data from judicial statistics, law enforcement practice in cases of unlawful impact on the critical information infrastructure of the Russian Federation, studied doctrinal sources and analytical materials.

Conclusions. The following provisions are formulated and substantiated in the work: 1) at the moment, the main direction of implementation Art. 274.1 of the Criminal Code of the Russian Federation is its application in cases of violation of the rules for the operation of computer information storage facilities by employees of companies providing services in the field of communications (telecom operators); 2) at the level of judicial and investigative practice, there is a discrepancy in the interpretation of socially dangerous consequences in the form of harm to an object of the critical information infrastructure of the Russian Federation.; 3) it should be recognized as erroneous in practice the decision to qualify the deed under Part 1 of Art. 274.1 of the Criminal Code of the Russian Federation in situations.

Keywords: crimes; computer information; qualification features; object; information infrastructure.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Malygin I. I. Actual Problems of Qualification of Unlawful Impact on the Critical Information Infrastructure of the Russian Federation. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2023; 13(2): 165–176. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-2-165-176>.

Received 28.02.2023

Accepted 27.03.2023

Published 28.04.2023

Введение

С каждым днем цифровизация общественной жизни, экономики и государственного управления становится все более всеохватывающим процессом. Обусловлено это преимущественно тем обстоятельством, что она позволяет добиться принципиального повышения эффек-

тивности в том или ином сегменте деятельности. Здесь эффективность необходимо понимать в самом широком смысле – как повышение качества деятельности, при котором желаемый результат достигается наиболее разумным способом (с наименьшими затратами ресурсов и времени). В экономике эффективность

довольно легко измеряется увеличением доходности, общей производительности. В социальной сфере об эффективности цифровизации можно судить по тому, насколько она улучшает коммуникацию, обеспечивает реализацию прав и свобод человека, повышает социальную активность граждан и т. п. В результате информационно-коммуникационная инфраструктура приобретает значение цифрового остова государства. Негативное воздействие на такой каркас сопряжено с угрозой не всегда предсказуемых, но, как правило, весьма серьезных последствий. В литературе последнего времени данной проблематике уделяется значительное внимание [1; 2; 3; 4; 5; 6].

С 2017 г. в отечественном уголовном законодательстве предусмотрена специальная норма об ответственности за компьютерные атаки и иное неправомерное воздействие на объекты критической информационной инфраструктуры Российской Федерации (ст. 274.1 УК РФ). В доктрине уголовного права реализация данной законодательной инициативы в целом была встречена позитивно [7; 8; 9]. Весьма редкое явление в современных условиях. Зачастую научная общественность курс законодателя на казуализацию уголовного закона подвергает критике, справедливо ссылаясь на то обстоятельство, что это приводит к многочисленным сложностям на уровне правоприменения.

В отдельных странах (например, в Китае) само включение компьютерной информации и соответствующей инфраструктуры в сферу уголовно-правовой охраны изначально осуществлялось именно с криминализации посягательств на ресурсы государственных органов и иных наиболее важных (критичных) субъектов. Компьютерная информация физических лиц была поставлена под защиту уголовного закона значительно позднее [10]. Своей спецификой обладает уголовно-правовое противодействие посягательствам на объекты критической

информационной инфраструктуры в странах Европейского союза [11].

С момента закрепления норма показала свою востребованность. По данным Министерства внутренних дел Российской Федерации: в 2018 г. было зарегистрировано лишь одно преступление (в Камчатском крае), в 2019 г. – 4, в 2020 г. – 22, в 2021 г. – 159, за 2022 г. зарегистрировано уже 519 преступлений (рост на 226,41%)¹.

В правоприменительной практике возникает множество вопросов относительно толкования признаков ст. 274.1 УК РФ. Отмечаются проблемы, связанные с отграничением неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации от смежных составов преступлений. К сожалению, в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 37 от 15 декабря 2022 г. «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»² данные проблемы не получили своего разрешения.

Методология

Методологическая основа проведенного исследования была построена на традиционном сочетании общенаучных и

¹ По данным ФГКУ «ГИАЦ МВД России».

² О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 37 от 15 декабря 2022 г. // Верховный Суд Российской Федерации: сайт. URL: <https://www.vsrif.ru/documents/own/31913/> (дата обращения: 05.02.2023).

специальных методов (анализ, синтез, формально-юридический, абстрактно-логический и др.). Решение поставленных задач осуществлялось посредством изучения научных статей, монографий, учебных и учебно-практических пособий, диссертаций и авторефератов диссертаций по исследуемой проблематике.

Эмпирическая основа работы включает в себя открытые и опубликованные материалы судебной практики, аналитические справки и отчеты государственных органов и служб, обзоры и заключения по кибербезопасности компаний, деятельность которых связана с обеспечением информационной безопасности. Отдельные выводы и положения настоящей работы подкреплены интервьюированием ученых и практиков, в том числе в IT-сфере.

Результаты и их обсуждение

В литературе совершенно справедливо отмечается, что ст. 274.1 УК РФ наследовала практически все противоречия и проблемы, связанные с толкованием конструктивных и квалифицирующих признаков, от общих норм-предшественниц, предусмотренных ст. 272–274 УК РФ [12; 13; 14]. Согласимся с этим. В каком-то смысле такой результат был предсказуем, поскольку само построение ст. 274.1 УК РФ по большому счету было реализовано путем объединения уже имеющихся в главе 28 УК РФ норм с той лишь разницей, что соответствующие действия затрагивают специфический предмет.

В то же время можно уверенно говорить о том, что ст. 274.1 УК РФ присущи и свои специфические особенности. Весьма сложным и до конца не решенным является вопрос о толковании предмета исследуемого преступления, т. е. самого объекта критической информационной инфраструктуры. Здесь в целом сложилось два направления. Первое предполагает, что такими объектами являются не любые информационные си-

стемы субъекта критической информационной инфраструктуры, а только значимые и категоризованные объекты.

В рамках второго направления этот вопрос решается иначе: объектом критической инфраструктуры должны признаваться все без исключения информационные системы субъекта, независимо от их категоризованности и участия в обеспечении критических процессов. Так, по одному из дел представитель ФСТЭК России отмечает, что «ПАО «МТС» является субъектом критической информационной инфраструктуры Российской Федерации, а информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, автоматизированные системы управления, функционирующие в сфере связи, принадлежащие Обществу на законном основании, – объектами критической информационной инфраструктуры, независимо от того, закатегоризованы ли они или нет... если даже объект критической информационной инфраструктуры не обеспечивает критические процессы, он не перестает быть объектом критической информационной инфраструктуры, поэтому составление перечня объектов критической информационной инфраструктуры не нужно путать с перечнем объектов критической информационной инфраструктуры, подлежащих категоризованию»¹.

Однако изучение правоприменительной практики в целом подводит к мысли о том, что при установлении предмета посягательства в соответствии со ст. 274.1 УК РФ суды, как правило, ориентируются на официальный ответ ФСТЭК России о включении соответствующей системы (ресурса, базы данных и т. п.) в реестр значимых объектов критической

¹ Апелляционное определение Астраханского областного суда от 14.04.2022 г. № 22-787/2022 // Судебные решения РФ: сайт. URL: <https://судебныерешения.рф/67736586/> (дата обращения: 05.02.2023).

информационной инфраструктуры. Иная практика единична.

Довольно сомнительной представляется мысль, согласно которой *любая* информационная система крупной компании-субъекта критической информационной инфраструктуры, в том числе не обеспечивающая осуществление критически важных процессов, будет признаваться предметом ст. 274.1 УК РФ. При таком подходе теряется социально-правовой смысл данной нормы, ее дифференцирующее значение.

Довольно сложным вопросом является определение индивидуализирующих признаков вредоносной компьютерной программы и компьютерной информации, указанных в ч. 1 ст. 274.1 УК РФ. В диспозиции указано, что такие программа и информация должны быть «заведомо предназначены» для осуществления противоправного воздействия на объект критической информационной инфраструктуры Российской Федерации. Здесь возникает расхождение в понимании этого признака: с одной стороны, можно говорить о том, что такие программа и информация должны с точки зрения своего содержания и функционала обладать уникальностью действия именно в отношении объектов критической информационной инфраструктуры, и с другой стороны, эту предназначенность можно также понимать как фактическую эффективность (применимость) программы против того или иного критически важного объекта, хотя в целом «вредонос» может иметь широкий спектр действия и не обладать какой-либо внутренней спецификой.

На наш взгляд, второй подход противоречит самому смыслу появления ч. 1 ст. 274.1 УК РФ. Законодатель стремился к тому, чтобы дифференцировать ответственность именно за создание, распространение и использование не универсальных вредоносных программ, а именно тех из них, которые были изначально

разработаны для совершения компьютерных атак на критически важные объекты.

Представители профессионального сообщества в сфере IT-безопасности довольно скептически оценивают вероятность появления именно уникальных вредоносных компьютерных программ, специально рассчитанных на осуществление атак в отношении объектов критической информационной инфраструктуры. Подчеркивается, что функционал по преодолению средств программно-технической защиты почти всегда будет эффективен для совершения проникновений как к критически важным объектам, так и к оборудованию (устройствам) частных лиц. Однако же при этом интервьюеры соглашались, что в истории такие прецеденты имели место (здесь, как правило, упоминается известный факт о срыве иранской ядерной программы).

Неопределенность предмета преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 274.1 УК РФ, вызывает ошибочные решения на правоприменительном уровне. Так, по данной норме были квалифицированы действия медицинской сестры, которая внесла заведомо ложные сведения о вакцинации граждан в Единую государственную информационную систему Министерства здравоохранения РФ. Органы предварительного следствия обосновали свое решение тем, что такие недостоверные данные являются компьютерной информацией, предназначенной для неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру. Суд совершенно справедливо не согласился с таким прочтением ч. 1 ст. 274.1 УК РФ и указал, что подсудимая не создавала вредоносную компьютерную информацию, а лишь вводила ложные сведения о вакцинированных гражданах с целью получения родственниками и знакомыми сертификатов о вакцинации. Подсудимая была оправдана по предъявленному обвинению в соверше-

нии преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 274.1 УК РФ¹.

Полагаем, что в анализируемом случае была дана неверная оценка совершенному деянию. Поведение соответствующего субъекта, допущенного к работе с категоризированной базой данных, образует нарушение правил эксплуатации средств хранения охраняемой компьютерной информации, содержащейся в критической информационной инфраструктуре (ч. 3 ст. 274.1 УК РФ). В тех же случаях, когда медицинский работник не был допущен к работе в системе, но, используя сетевые идентификаторы другого пользователя, и фактический доступ к компьютерному оборудованию, внес сведения о фиктивной вакцинации, содеянное необходимо квалифицировать как неправомерный доступ к компьютерной информации (ч. 2 ст. 274.1 УК РФ)².

Можно сказать, что «ахиллесовой пятой» уголовно-правовой нормы об ответственности за неправомерное воздействие на объекты критической информационной инфраструктуры Российской Федерации является указание на причинение вреда как на обязательное общественно опасное последствие совершенного деяния. Законодатель, конечно, в этом вопросе прибегнул к максимально возможной абстракции в описании последствий преступления. Весьма спорное решение. Ю. В. Трунцевский пишет о том, что законодатель вполне логично ставит ответственность в зависимость от наступления общественно опасных последствий преступления, предлагая судебной системе самостоятельно опреде-

лять порог размера малозначительности причиняемого вреда [15, с. 103]. Понятно, что таким образом достигается весьма существенная «гибкость» механизма уголовно-правовой охраны. Вместе с тем также и очевидно, что этот признак будет постоянным поводом для дискуссий в судах и, что более значимо, возможностью для злоупотреблений на уровне правоприменения. К сожалению, понимание данного признака не было разъяснено и в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 37 от 15 декабря 2022 г.

Доктрина уголовного права демонстрирует разные попытки внести ясность в определение вреда по смыслу ст. 274.1 УК РФ. Так, Е. А. Русскевич и И. Г. Чекунов в разрешении данного вопроса предлагают опираться на понятие компьютерного инцидента, сформулированного п. 5 ст. 2 Федерального закона от 26 июля 2017 г. №187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации». Этот подход является наиболее расширительным и позволяет относить к категории вреда по смыслу ст. 274.1 УК РФ: 1) нарушение функционирования объекта критической информационной инфраструктуры; 2) прекращение функционирования объекта критической информационной инфраструктуры; 3) нарушение функционирования сети электросвязи, используемой для организации взаимодействия таких объектов; 4) прекращение функционирования сети электросвязи, используемой для организации взаимодействия таких объектов; 5) нарушение безопасности обрабатываемой таким объектом информации [16, с. 32].

Другого мнения придерживается Р. Р. Гайфутдинов, обосновывая, что нельзя отождествлять воздействие на информацию, содержащуюся в критической инфраструктуре, и само причинение вреда инфраструктуре. В случаях, когда противоправное деяние затрагивает исключительно данные, автор предлагает ква-

¹ Приговор Брянского районного суда Брянской области от 28.04.2022 г. по делу № 1-14/2022 // Судебные решения РФ: сайт. URL: <https://судебныерешения.рф/65072117> (дата обращения: 29.01.2023).

² Приговор Армянского городского суда Республики Крым от 19.10.2022 г. по делу № 1-89/2022 // Судебные решения РФ: сайт. URL: <https://судебныерешения.рф/7163600/> (дата обращения: 29.01.2023).

лифицировать содеянное по ст. 272 УК РФ [17, с. 106].

Складывающаяся в это же самое время судебная практика позволяет выделить следующие подходы к пониманию вреда как признака неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру: 1) модификация информации в базе данных посредством внесения в нее недостоверной информации, что нарушило целостность информационной системы, в результате чего информация, циркулирующая в ней, перестала соответствовать критериям оценки – объективности, достоверности и актуальности¹; 2) нарушение состояния защищенности и конфиденциальности сведений, содержащихся в критической информационной инфраструктуре²; 3) изменение конфигурации элементов информационной системы субъекта критической информационной инфраструктуры, нарушение процесса предоставления услуг связи абонентам³ и др.

Полагаем, что окончательное решение обозначенной проблемы применения ст. 274.1 УК РФ возможно только путем внесения соответствующих дополнений в Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 37 от 15 декабря 2022 г.

Особо следует отметить, что суды обоснованно исключают репутационный вред из возможных негативных последствий деяний, предусмотренных ч. 2 и 3

ст. 274.1 УК РФ. Как совершенно справедливо отмечается в подобных решениях, репутационный вред не может быть причинен объекту критической информационной инфраструктуры, а только ее правообладателю⁴.

В правоприменительной практике можно обнаружить примеры неполной квалификации при осуществлении неправомерного воздействия на объекты критической информационной инфраструктуры. Так, например, при совершении распределенных атак на категоризированные сетевые ресурсы с последующим отказом системы и блокированием доступа к информации содеянное квалифицируется исключительно как использование вредоносной компьютерной информации по ч. 1 ст. 274.1 УК РФ⁵. Соответственно, необоснованно оставлено без внимания то обстоятельство, что компьютерная атака завершилась причинением вреда критической информационной инфраструктуре, а само использование вредоносной программы явилось способом осуществления неправомерного доступа, т. е. деяния, предусмотренного ч. 2 ст. 274.1 УК РФ. Полагаем, что правильно подобные действия квалифицировать именно как неправомерный доступ к компьютерной информации, хранящейся в категоризированном объекте.

Применительно к указанному делу важно также отметить, что лицо после осуществления компьютерной атаки связывалось с представителем компании-потерпевшего и выдвигало требования материального характера за прекращение совершаемых им действий. Надо при-

¹ Приговор Бежицкого районного суда города Брянска от 05.08.2022 г. по делу № 1-240/2022 // Судебные решения РФ: сайт. URL: <https://судебныерешения.рф/> (дата обращения: 29.01.2023).

² Приговор Октябрьского районного суда города Владимира от 21.11.2022 г. по делу № 1-351/2022 // Судебные решения РФ: сайт. URL: <https://судебныерешения.рф/> (дата обращения: 29.01.2023).

³ Приговор Ленинского районного суда г. Владивостока от 07.10.2020 по делу № 1-366/2020 // Судебные решения РФ: сайт. URL: <https://судебныерешения.рф/> (дата обращения: 29.01.2023).

⁴ Апелляционное определение Ивановского областного суда от 23.12.2022 г. по делу № 22-2476/2022 // Судебные решения РФ: сайт. URL: <https://судебныерешения.рф/> (дата обращения: 29.01.2023).

⁵ Приговор Харабалинского районного суда Астраханской области от 21.12.2022 г. № 1-237/2022 // Судебные решения РФ: сайт. URL: <https://судебныерешения.рф/> (дата обращения: 29.01.2023).

знать, что положения отечественного уголовного законодательства об ответственности за вымогательство в этом случае не могут быть применимы, поскольку содержанием угрозы является блокирование либо уничтожение компьютерной информации. В отечественной науке уголовного права на эту проблему уже было обращено внимание [18]. Вместе с тем до настоящего времени законодателем шаги в этом направлении не предпринимались. Как представляется, решением проблемы могло бы стать дополнение диспозиции ст. 163 УК РФ соответствующей оговоркой об угрозе неправомерного уничтожения, модификации либо блокирования компьютерной информации.

В отечественной науке уголовного права исследование проблем противодействия неправомерному воздействию на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации продолжается [19; 20]. Можно с уверенностью говорить о том, что имеющаяся теоретическая дискуссия с опорой на тенденции правоприменения приведет к значимым решениям как на уровне совершенствования законодательства, так и в аспекте деятельности Пленума Верховного Суда РФ.

Выводы

В завершение проведенного исследования целесообразно, насколько это возможно, оценить в целом состояние правоприменительной практики по делам о неправомерном воздействии на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации.

Прежде всего надо отметить все возрастающую востребованность исследуемой нормы – наблюдается постоянный рост зарегистрированных преступлений по ст. 274.1 УК РФ.

Очевидным трендом реализации ст. 274.1 УК РФ является ее использова-

ние применительно к случаям нарушения правил эксплуатации средств хранения компьютерной информации работниками компаний, оказывающих услуги в сфере связи.

Предсказуемо на уровне судебной следственной практики наблюдается расхождение в толковании общественно опасных последствий в виде вреда объекту критической информационной инфраструктуры Российской Федерации. Единый доктринальный подход в этом вопросе к настоящему моменту отсутствует.

Следует признать ошибочным встречающееся на практике решение о квалификации содеянного по ч. 1 ст. 274.1 УК РФ в ситуациях, связанных с внесением заведомо недостоверных сведений в категоризированные базы данных субъекта критической информационной инфраструктуры. В этом отношении заслуживают поддержки выносимые судами оправдательные приговоры по данному обвинению. Указанные действия, связанные с модификацией информации, образуют признаки преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 274.1 УК РФ.

Компьютерные атаки на системы, обеспечивающие критически важные функции, на практике довольно часто сопряжены с требованием передачи денежных средств за прекращение совершаемых действий. Положения отечественного уголовного законодательства об ответственности за вымогательство в этом случае не применимы, поскольку содержанием угрозы является блокирование либо уничтожение компьютерной информации. Решением проблемы могло бы стать дополнение диспозиции ст. 163 УК РФ соответствующей оговоркой об угрозе неправомерного уничтожения, модификации либо блокирования компьютерной информации.

Список литературы

1. Барков А. В., Киселев А. С. Влияние цифровизации на правовое обеспечение информационной безопасности государства и бизнеса в условиях современных геополитических вызовов // *Безопасность бизнеса*. 2022. № 3. С. 3–7.
2. Барков А. В., Киселев А. С. О правовом обеспечении безопасности информационно-телекоммуникационной инфраструктуры банков и государственных структур // *Банковское право*. 2022. № 4. С. 20–27.
3. Жарова А. К. Правовое регулирование отношений в области предотвращения возможных уязвимостей в информационных технологиях // *Безопасность бизнеса*. 2022. № 1. С. 19–26.
4. Противодействие преступлениям, совершаемым в сфере информационных технологий / А. В. Андреев, В. В. Гончар, Н. Н. Горач [и др.]. М.: ИНФРА-М, 2023. 642 с.
5. Риски цифровизации: виды, характеристика, уголовно-правовая оценка: монография / отв. ред. Ю. В. Грачева. М.: Проспект, 2022. 272 с.
6. Русскевич Е. А. Уголовное право и «цифровая преступность»: проблемы и решения: монография. М.: ИНФРА-М, 2019. 227 с.
7. Горян Э. В. Институциональные механизмы обеспечения безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации и Сингапура: сравнительно-правовой аспект // *Административное и муниципальное право*. 2018. № 9. С. 49–60.
8. Решетников А. Ю., Русскевич Е. А. Об уголовной ответственности за неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации (ст. 274.1 УК России) // *Законы России: опыт: анализ, практика*. 2018. № 2 (66). С. 51–55.
9. Пыхтин И. Г. Уголовно-правовая охрана объектов критической информационной инфраструктуры как одно из ключевых направлений современной борьбы с киберпреступностью в Российской Федерации // *Известия Юго-Западного государственного университета*. Серия: История и право. 2018. Т. 8, № 1 (26). С. 98–103.
10. Русскевич Е. А. Уголовная ответственность за преступления в сфере компьютерной информации по законодательству Китайской Народной Республики: сравнительно-правовой анализ // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2018. № 5. С. 108–113.
11. Пыхтин И. Г. Обеспечение уголовно-правовой охраны национальных объектов критической информационной инфраструктуры Германии, Австрии, Швейцарии и Франции // *Известия Юго-Западного государственного университета*. Серия: История и право. 2019. Т. 9, № 2 (31). С. 108–115.
12. Бегишев И. Р. Безопасность критической информационной инфраструктуры Российской Федерации // *Безопасность бизнеса*. 2019. № 1. С. 27–32.
13. Ефремова М. А. Уголовная ответственность за неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации // *Вестник Казанского юридического института МВД России*. 2022. № 4 (50). С. 86–92.
14. Кругликов Л. Л., Бражник С. Д., Пилясов И. А. Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации (ст. 274.1 УК РФ): некоторые проблемы определения признаков состава преступления // *Журнал юридических исследований*. 2019. Т. 4, № 3. С. 53–62.
15. Трунцевский Ю. В. Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру: уголовная ответственность ее владельцев и эксплуатантов // *Журнал российского права*. 2019. № 5. С. 99–106.

16. Русскевич Е. А., Чекунов И. Г. Квалификация неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации // Уголовное право. 2022. № 5. С. 26–35.

17. Гайфутдинов Р. Р. Понятие и квалификация преступлений против безопасности компьютерной информации: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2017. 243 с.

18. Тирранен В. А. Проблема уголовной ответственности за криптовирусные атаки // Уголовное право: стратегия развития в XXI в.: материалы XV Международной научно-практической конференции (Москва, 25-26 января 2018 г.). М.: РГ-Пресс, 2018. С. 637–640.

19. Пыхтин И. Г. Логико-языковые феномены предмета неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру России (ст. 274.1 УК РФ) // Вестник Российской правовой академии. 2021. № 1. С. 118–124.

20. Новичков В. Е., Пыхтин И. Г. Конфликт научно-отраслевых интересов при определении понятия информационной безопасности Российской Федерации: уголовно-правовой подход // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, № 4 (29). С. 167–178.

References

1. Barkov A. V., Kiselev A. S. Vliyanie cifrovizacii na pravovoe obespechenie informacionnoj bezopasnosti gosudarstva i biznesa v usloviyah sovremennyh geopoliticheskikh vyzovov [The impact of digitalization on the legal support of information security of the state and business in the context of modern geopolitical challenges]. *Bezopasnost' biznesa = Business Security*, 2022, no. 3, pp. 3–7.

2. Barkov A. V., Kiselev A. S. O pravovom obespechenii bezopasnosti informacionno-telekommunikacionnoj infrastruktury bankov i gosudarstvennyh struktur [On the legal security of the information and telecommunication infrastructure of banks and state structures]. *Bankovskoe pravo = Banking law*, 2022, no. 4, pp. 20–27.

3. Zharova A. K. Pravovoe regulirovanie otnoshenij v oblasti predotvrashcheniya vozmozhnyh uyazvimostej v informacionnyh tekhnologiyah [Legal regulation of relations in the field of prevention of possible vulnerabilities in information technologies]. *Bezopasnost' biznesa = Business security*, 2022, no. 1, pp. 19–26.

4. Andreev A. V., Gonchar V. V., Gorach N. N., eds. Protivodejstvie prestupleniyam, sovershaemym v sfere informacionnyh tekhnologij [Counteraction to crimes committed in the field of information technology]. Moscow, INFRA-M Publ., 2023, 642 p.

5. Riski cifrovizacii: vidy, harakteristika, ugovolno-pravovaya ocenka [Risks of digitalization: types, characteristics, criminal law assessment]; ed. by Yu.V. Grachev. Moscow, Prospekt Publ., 2022, 272 p.

6. Russkevich E. A. Ugolovnoe pravo i "cifrovaya prestupnost'": problemy i resheniya [Criminal law and "digital crime": problems and solutions]. Moscow, INFRA-M Publ., 2019. 227 p.

7. Goryan E. V. Institucional'nye mekhanizmy obespecheniya bezopasnosti kriticheskoj informacionnoj infrastruktury Rossijskoj Federacii i Singapura: sravnitel'no-pravovoj aspekt [Institutional mechanisms for ensuring the security of the critical information infrastructure of the Russian Federation and Singapore: a comparative legal aspect]. *Administrativnoe i municipal'noe pravo = Administrative and municipal law*, 2018, no. 9, pp. 49–60.

8. Reshetnikov A. Yu., Russkevich E. A. Ob ugovolnoj otvetstvennosti za nepravomernoje vozdejstvie na kriticheskuyu informacionnuyu infrastrukturu Rossijskoj Federacii (st. 274.1 UK Rossii) [On criminal liability for unlawful impact on the critical information infrastructure of the

Russian Federation (Article 274.1 of the Criminal Code of Russia)]. *Zakony Rossii: opyt: analiz, praktika = Laws of Russia: experience: analysis, practice*, 2018, no. 2 (66), pp. 51–55.

9. Pykhtin I. G. Ugolovno-pravovaya ohrana ob"ektov kriticheskoy informacionnoj infrastruktury kak odno iz klyuchevykh napravlenij sovremennoj bor'by s kiberprestupnost'yu v Rossijskoj Federacii [Criminal Law Protection of Critical Information Infrastructure Objects as One of the Key Directions of the Modern Fight against Cybercrime in the Russian Federation]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2018, vol. 8, no. 1 (26), pp. 98–103.

10. Russkevich E. A. Ugolovnaya otvetstvennost' za prestupleniya v sfere komp'yuternoj informacii po zakonodatel'stvu Kitajskoj Narodnoj Respubliki: sravnitel'no-pravovoj analiz [Criminal liability for crimes in the field of computer information under the legislation of the People's Republic of China: a comparative legal analysis]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya = Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2018, no. 5, pp. 108–113.

11. Pykhtin I. G. Obespechenie ugolovno-pravovoj ohrany nacional'nyh ob"ektov kriticheskoy informacionnoj infrastruktury Germanii, Avstrii, Shvejcarii i Francii [Ensuring criminal law protection of national objects of critical information infrastructure in Germany, Austria, Switzerland and France]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2019, vol. 9, no. 2 (31), pp. 108–115.

12. Begishev I. R. Bezopasnost' kriticheskoy informacionnoj infrastruktury Rossijskoj Federacii [Security of the critical information infrastructure of the Russian Federation]. *Bezopasnost' biznesa = Business security*, 2019, no. 1, pp. 27–32.

13. Efremova M. A. Ugolovnaya otvetstvennost' za nepravomernoe vozdejstvie na kriticheskuyu informacionnuyu infrastrukturu Rossijskoj Federacii [Criminal liability for unlawful impact on the critical information infrastructure of the Russian Federation]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 4 (50), pp. 86–92.

14. Kruglikov L. L., Brazhnik S. D., Pilyasov I. A. Nepravomernoe vozdejstvie na kriticheskuyu informacionnuyu infrastrukturu Rossijskoj Federacii (st. 274.1 UK RF): nekotorye problemy opredeleniya priznakov sostava prestupleniya [Unlawful impact on the critical information infrastructure of the Russian Federation (Article 274.1 of the Criminal Code of the Russian Federation): some problems in determining the signs of a crime]. *Zhurnal yuridicheskikh issledovanij = Journal of Legal Studies*, 2019, vol. 4, no. 3, pp. 53–62.

15. Truntsevsky Yu. V. Nepravomernoe vozdejstvie na kriticheskuyu informacionnuyu infrastrukturu: ugolovnaya otvetstvennost' ee vladel'cev i ekspluatantov [Unlawful impact on critical information infrastructure: criminal liability of its owners and operators]. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2019, no. 5, pp. 99–106.

16. Russkevich E. A., Chekunov I. G. Kvalifikaciya nepravomernogo vozdejstviya na kriticheskuyu informacionnuyu infrastrukturu Rossijskoj Federacii [Qualification of illegal impact on the critical information infrastructure of the Russian Federation]. *Ugolovnoe pravo = Criminal law*, 2022, no. 5, pp. 26–35.

17. Gayfutdinov R. R. Ponyatie i kvalifikaciya prestuplenij protiv bezopasnosti komp'yuternoj informacii. Diss. kand. jurid. nauk [The concept and qualification of crimes against the security of computer information. Cand. legal sci. diss.]. Kazan, 2017. 243 p.

18. Tirranen V. A. [The problem of criminal liability for cryptovirus attacks]. *Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI v. Materialy XV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy kon-*

ferencii [Criminal law: development strategy in the XXI century. Materials of the XV International Scientific and Practical Conference]. Moscow, RG-Press Publ., 2018, pp. 637–640.

19. Pykhtin I. G. Logiko-yazykovye fenomeny predmeta nepravomernogo vozdejstviya na kriticheskuyu informacionnyuyu infrastrukturu Rossii (st. 274.1 UK RF) [Logical and linguistic phenomena of the subject of unlawful influence on the critical information infrastructure of Russia (Article 274.1 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. *Vestnik Rossijskoj pravovoj akademii = Bulletin of the Russian Legal Academy*, 2021, no. 1, pp. 118–124.

20. Novichkov V. E., Pykhtin I. G. Konflikt nauchno-otraslevykh interesov pri opredelenii ponyatiya informacionnoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii: ugolovno-pravovoj podhod [Conflict of scientific and branch interests in defining the concept of information security of the Russian Federation: a criminal law approach]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2018, vol. 8, no. 4 (29), pp. 167–178.

Информация об авторе / Information about the Author

Малыгин Иван Игоревич, консультант, отдел государственной регистрации нормативных правовых актов в социальной и культурной сферах, Департамент регистрации ведомственных нормативных правовых актов, Министерство юстиции Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: aspugpravo@yandex.ru ORCID: 0009-0008-0830-5614

Ivan I. Malygin, Consultant, Department of State Registration of Normative Legal Acts in the Social and Cultural Spheres, Department of Registration of Departmental Legal Acts, Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, e-mail: aspugpravo@yandex.ru ORCID: 0009-0008-0830-5614

Политическая трансформация социальных конфликтов в контексте глобальных политических рисков и угроз (теоретический обзор)

Н. И. Романова¹ ✉

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

пр-т Вернадского, д. 82/1, г. Москва 119571, Российская Федерация

✉ e-mail: romanova-ni@ranepa.ru

Резюме

Актуальность. Наблюдаемые в общественной системе явления и процессы в современных объективно обусловленных условиях динамизации и политизации имеют устойчивую тенденцию к формированию и накоплению трансформационного потенциала. В данном смысле социальные конфликты на современном этапе зачастую трансформируются в политические конфликты в рамках беспрецедентно развивающегося и усложняющегося общественно-политического пространства. Особый научно-исследовательский интерес представляет выявление ключевых особенностей и закономерностей политической трансформации социальных конфликтов в фокусе действия глобальных политических рисков и угроз. Также целесообразным представляется формулирование конкретных практических мероприятий аппроксимирующей специфики в направлении управления политико-трансформационным потенциалом современных социальных конфликтов.

Цель. Основной целью написания статьи является представление теоретического обзора трансформации социальных конфликтов в контексте глобальных политических рисков и угроз.

Задачи: формулирование глобальных политических рисков и угроз на идейно-концептуальном, деятельностно-функциональном, структурном и институциональном, ресурсном и интеракционном уровнях; выявление ключевых особенностей и закономерностей политической трансформации социальных конфликтов.

Методология. Автором использована преимущественно следующая группа методов в процессе написания статьи: информационный анализ, контент-анализ, ивент-анализ, социологический анализ.

Результаты. С учетом заявленной научно-исследовательской проблематики целесообразным представляется формулирование конкретных практических мероприятий аппроксимирующей специфики в направлении управления политико-трансформационным потенциалом современных социальных конфликтов.

Вывод. В рамках современной глобальной общественно-политической реальности, генерирующей и воспроизводящей огромное количество социальных и иных конфликтов, необходимо более внимательное отношение к собственно феноменологии социального конфликта как такового, подразумевающее, во-первых, позитивное и натуралистическое восприятие конфликтогенной природы политических явлений и процессов, во-вторых, осуществление целевого мониторинга политико-конфликтной динамики, в-третьих, организацию обсуждения на открытых и верифицированных площадках, в-четвертых, повышение эффективности действующих нормативно-правовых регламентов и формальных процедур.

Ключевые слова: социальные конфликты; политическая трансформация; политические институты; политические процессы; межгосударственное регулирование; глобализация.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Романова Н. И. Политическая трансформация социальных конфликтов в контексте глобальных политических рисков и угроз (теоретический обзор) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 2. С. 177–187. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-2-177-187>.

Поступила в редакцию 12.02.2023

Принята к публикации 15.03.2023

Опубликована 28.04.2023

Political Transformation of Social Conflicts in the Context of Global Political Risks and Threats (Theoretical View)

Nataliya I. Romanova¹ ✉

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation
82/1 Vernadskogo Ave., Moscow 119571, Russian Federation

✉ e-mail: romanova-ni@ranepa.ru

Abstract

Relevance. The phenomena and processes observed in the social system in the modern objectively conditioned conditions of dynamization and politicization have a stable tendency to the formation and accumulation of transformational potential. In this sense, social conflicts at the present stage are often transformed into political conflicts within the framework of an unprecedentedly developing and increasingly complex socio-political space. Of particular research interest is the identification of key features and patterns of political transformation of social conflicts in the focus of global political risks and threats. It also seems appropriate to formulate specific practical measures of approximating specifics in the direction of managing the political and transformational potential of modern social conflicts.

Purpose. The main purpose of this article is to present a theoretical overview of the transformation of social conflicts in the context of global political risks and threats.

Objectives: formulation of global political risks and threats at the ideological-conceptual, activity-functional, structural and institutional, resource and interactive levels, identification of key features and patterns of political transformation of social conflicts.

Methodology. The author mainly used the following group of methods in the process of writing the article: information analysis, content analysis, event analysis, sociological analysis.

Results. Taking into account the stated research issues, it seems appropriate to formulate specific practical measures of approximating specifics in the direction of managing the political and transformational potential of modern social conflicts.

Conclusion. Within the framework of the modern global socio-political reality, generating and reproducing a huge number of social and other conflicts, it is necessary to pay more attention to the phenomenology of social conflict as such, implying, firstly, a positive and naturalistic perception of the conflictogenic nature of political phenomena and processes, and secondly, the implementation of targeted monitoring of political and conflict dynamics, thirdly, the organization of discussions on open and verified platforms, and fourthly, improving the effectiveness of existing regulatory and legal regulations and formal procedures.

Keywords: social conflicts; political transformation; political institutions; political processes; interstate regulation; globalization.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Romanova N. I. Political Transformation of Social Conflicts in the Context of Global Political Risks and Threats (Theoretical View). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2023; 13(2): 177–187. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-2-177-187>.

Received 12.02.2023

Accepted 15.03.2023

Published 28.04.2023

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2023; 13(2): 177–187

Введение

Современное состояние большинства общественно-политических систем государств характеризуется идейно-процессуальной динамизацией, деструктуризацией, медиатизацией и масштабизацией, наблюдаемыми на всех уровнях соответствующего общественного и политического регулирования [1]. По большей части это обусловлено объективными политическими предпосылками и причинными особенностями, что в результате актуализирует весьма расширенный перечень проблемных условий и обстоятельств, связанных как минимум с обеспечением эффективных контрольно-упреждающих механизмов и более-менее адекватным определением прогнозных показателей, на фоне усиливающихся транспарентности и взаимозависимости обществ современного формата на глобальном уровне [2]. В более операциональном смысле речь идет о формулировании политических концептов и обращении к политическим процедурам, относительно которых можно обладать необходимой спецификой уверенности и надежности [3]. Помимо прочего, дополнительные сложности возникают в рамках вопросов и проблем конструирования и развития оптимальной межсубъектной политической коммуникации [4].

Безусловно, данная постановка вопроса не является принципиально новой, поскольку дискуссии в научных кругах на тему определения и оценки реальных интеграционных и глобализационных оснований и последствий как для отдельно взятых государств, так и для надгосударственных политических блоков ведутся неоднократно на рубеже XX–XXI вв. (вместе с тем ключевую проблемность сегодня составляют, во-первых, феноменологическое уточнение, во-вторых, упорядочение терминологического оформления) [5]. При этом особый научно-исследовательский интерес представляет выявление актуализированного понимания политических последствий становле-

ния и развития трансформационного потенциала социальных конфликтов в фокусе интенсификации и ускорения глобальных политических рисков и угроз [6].

Методология

Методологической основой написания статьи является преимущественно следующая группа методов: информационный анализ в части работы с информационными данными и материалами СМИ, контент-анализ в части изучения принципиальных позиций отчетных материалов некоторых международных организаций и концептуальных политических документов по конкретным государствам, ивент-анализ в части исследования процессуально-деятельностных особенностей межгосударственного взаимодействия и принятия политических решений в контексте страновой специфики, социологический анализ в части рефлексии структурно-функциональной и связевой специфики деятельности социально-политических субъектов.

Результаты и их обсуждение

Социальные конфликты испытывают внушительное и серьезное воздействие, с одной стороны, локальных политических особенностей, с другой стороны, глобальных политических особенностей [7; 8]. Устойчивый тренд, который приходится наблюдать на современном этапе, связан с повсеместным проявлением крайней политизированности общественной жизни как таковой, в результате чего социальные конфликты приобретают довольно отчетливый политический оттенок [9]. Другими словами, специфика и конъюнктура современных социальных конфликтов непременно содержит в себе политико-трансформационный потенциал [10; 11]. В данном смысле исключение составляют по большому счету государства с ярко выраженными авторитарными политико-режимными характеристиками [12].

Прежде всего распространение инфлуентального воздействия и влияния

данных политических трендов и тенденций сопровождается беспрецедентным развитием современных информационно-коммуникационных сетей, доминированием горизонтальных общественно-политических связей над вертикальными, распространением неформальных и неклассических типов взаимодействия, увеличением количества основных и дополнительных участников, общим усложнением и уплотнением общественно-политической институциональной и интеракционной архитектуры, проявлением комплекса несоответствий и противоречий в государственно-частном секторе [13], причем в последнем случае обязательно присутствие государственных институтов и процедур с точки зрения «выравнивания» создавшейся политической обстановки и восстановления исходной политической стабильности [14].

В данном смысле представляется целесообразным сформулировать и в последующем использовать на основе обращения к концептуальным политическим документам и отчетным материалам, публикациям СМИ и медийных источников как минимум следующие глобальные политические риски и угрозы, понимаемые и применяемые в контексте политической трансформации социальных конфликтов на современном этапе:

1) *идейно-концептуальный уровень*:

– отсутствие более-менее рабочего и апробированного понятийно-категориального аппарата, удовлетворяющего критериям и требованиям большинства участников, что прослеживается на уровне широкомасштабных дискуссий и проблемных прений в ряде подведомственных и профильных структур ООН, ВТО, ЕС, ОБСЕ;

– усиление зависимости от внешне лояльных и неангажированных формулировок и терминов, не нарушающих межсубъектную структуру и динамику, что актуализируется в контексте общей обеспокоенности, в том числе представителей США, КНР, Индии и России, хрупкостью

и неравновесностью существующего политического порядка;

– выявление глубинной смысловой и идеологической поляризации и хаотизации имеющихся принципиальных позиций и точек зрения ключевых политических авторов, в том числе ввиду неразработанности и неутвержденности более-менее согласованной и солидаризированной конструктивной политико-парадигмальной основы, вместе с тем это менее заметно на уровне исторически связанных и взаимозависимых государств в рамках политических регионов, в частности европейского и постсоветского пространств;

– преобладание различных и, как правило, диссонирующих между собой предложений и нововведений, создающих специфический информационно-коммуникационный и идейно-концептуальный фон искажающего и деформационного свойства, причем особая политическая роль по данной проблематике традиционно отводится наиболее авторитетным и влиятельным СМИ типа New York Times, The Guardian;

2) *деятельностно-функциональный уровень*:

– существенное обострение межгосударственной конкуренции, с одной стороны, между США и КНР в контексте как минимум военно-политического и финансово-экономического противостояния, с другой стороны, между ЕС и Российской Федерации в контексте эскалации «украинского кейса» и провала «нового мышления» европейских политических партий националистического толка, что более всего проблематизируется и интенсифицируется сквозь призму распада прежней биполярной глобальной политической системы и установления многополярности нового формата;

– задействование неклассических торгово-экономических барьеров и ограничений, сопровождающееся введением специальных санкционных списков и делового бойкотирования, что весьма изоци-

ренно и продемонстрировано Д. Трампом в том числе в отношении КНР, КНДР, Республики Беларусь, Германии;

– отставание по части проработки и запуска компенсирующих и нивелирующих мероприятий и действий; в частности после прохождения первой волны распространения COVID-19 и уменьшения рисков факторов открытыми к торгово-экономическому обмену оставались такие государства, как Новая Зеландия, Сингапур, Канада, Австралия, Чили, Мьянма;

– пробуксовка формулирования и реализации совместных политических решений в динамично обновляющихся условиях и обстоятельствах, что более наглядно представляется на фоне отмены международных конференций, самостранения контрагентов по международным договоренностям;

3) *структурный и институциональный уровень*:

– преобладание рассогласующихся и не соотносящихся между собой статусно-ролевых характеристик и особенностей наиболее влиятельных политических субъектов, что проявляется в том числе с точки зрения нарушения североатлантического и тихоокеанского геополитического и геостратегического баланса;

– привнесение в структурную специфику некоторых деструктивных и блокирующих элементов негативного спектра политического воздействия, под которыми имеются в виду по большому счету неправительственные и некоммерческие организации, чьи финансовые потоки и аффилиация являются закрытыми или ограниченными для доступа;

– проявление неработоспособности и неэффективности деятельности глобальных политических институтов с точки зрения неготовности формулировать адекватные ответные совместные мероприятия и парировать соответствующие

дезорганизующие и дестабилизирующие особенности; в данном смысле весьма показателен политический опыт Д. Трампа, применившего собственно эконометрический подход относительно работы в частности Международного уголовного суда, Всемирной организации здравоохранения в направлении минимизации финансовой поддержки и собственно долевого участия в реализуемых надгосударственных проектах;

– экспорт сугубо национальных политических притязаний на уровне глобального институционального регулирования и управления вне учета требований международного законодательства и универсальных нормативно-ценностных позиций, что прослеживается в том числе в тезисах Г. Киссинджера, Дж. Ная, Ф. Фукуямы, С. Хантингтона;

4) *ресурсный и интеракционный уровень*:

– перегрузка национальных бюджетных систем и увеличение внешнеэкономических долговых обязательств, что, безусловно, провоцирует различные политические и экономические споры и конфронтации; вместе с тем налицо действие объективно обусловленных макроэкономических факторов и обстоятельств типа замедления восстановления мировой экономики с 5,9% в 2021 г. до 4,9% в 2022 г. и инфляционного скачкообразования с 2% до 7% в год;

– четкая разбалансирующая и разрывающая структуризация финансового капитала (западный блок) и производственного капитала (евразийский блок);

– разрыв традиционных интегративных и инклюзивных режимов и связей, в том числе в формате привычного блока «Север/Юг», «Запад/Восток» и т.д.;

– осуществление перевода официальной и неофициальной политической коммуникации в сугубо сетевое и медийное измерение в ситуации отсутствия эф-

фактивных механизмов поддержания и восполнения общественного доверия и благополучия, что вместе с тем «высвечивается» на уровне общественно-политического опыта таких передовых в технологическом и инструменталистском плане государств, как Южная Корея и Япония.

Само собой, в данном отношении особый конфликтотенный потенциал содержится в стремлении осуществлять контроль над распределением ключевых глобальных политических инструменталистских возможностей, выявлении наиболее авторитетных и влиятельных политических субъектов в рамках глобальных институциональных площадок, согласовании различных и преимущественно противоречивых глобальных политических интересов, принятии результирующих политических решений глобального значения [15].

Если более детализованно рассматривать и обсуждать проблематику собственно конкретных политических последствий подобных политических явлений и процессов, то преимущественно речь идет о проявлении неуверенности относительно вводимых в оборот и операционализируемых политико-ценностных установок, усилении общей институциональной и процессуальной волатильности, выявлении системной несостоятельности используемых организационно-технических инструментов и методик, нивелировании значения «мягких» информационно-коммуникационных возможностей в пользу демонстрации преимущественного ожидания наиболее оперативных и эффективных практических действий [16]. В результате наблюдается возрастание нагрузки на функционирующие политические институты и процессы при параллельной потере внутрисистемной связанности и согласованности [17]. По большому счету это обуславливает

некоторую «закальцованность» (циклическость) возникновения и приращения конфликтных прецедентов в ситуации отсутствия политически грамотного компромиссного решения [18]. Естественным представляется тот факт, что в глобальном измерении ввиду как минимум увеличенного количества воздействующих факторов и действующих политических субъектов подобный политико-трансформационный потенциал социальных конфликтов имеет тенденцию к усилению и усложнению [19].

Безусловно, в данном отношении принципиально важным вопросом с точки зрения понимания представленных глобальных политических рисков и угроз является выявление следующих ключевых особенностей и закономерностей политической трансформации социальных конфликтов:

- 1) перевод в сугубо латентный и неподконтрольный формат развития;
- 2) разрыв между динамикой проявления и оперативностью предоставления обратной связи;
- 3) пересечение функционально-ролевых и статусных позиций основных участников;
- 4) преобладание узконаправленных номенклатурных интересов и приоритетов исходя из действия принципов несистемности и альтернативности;
- 5) виртуализация и медиатизация проблемного информационно-коммуникационного пространства;
- 6) распространение дезинформирующих и дезориентирующих источников и предоставляемых ими информационных материалов.

Данный спектр не является исчерпывающим, вместе с тем предполагается формирование базовой проблемной канвы соответствующих оснований и пределов наращивания политико-трансформа-

ционной динамики социальных конфликтов [20].

С учетом заявленной научно-исследовательской проблематики целесообразным представляется формулирование как минимум следующих конкретных практических мероприятий аппроксимирующей специфики в направлении управления политико-трансформационным потенциалом современных социальных конфликтов:

1. Инициирование широкомасштабных общественно-политических проблемных дискуссий и обсуждений на наиболее авторитетных и влиятельных глобальных информационно-коммуникационных площадках с привлечением как можно большего числа участников и заинтересованных представителей с целью проработки на начальных этапах наиболее вероятностных и приемлемых вариантов и форматов диагностики и мониторинга проявления и развития общественно-политических конфликтов.

2. Разработка специальных дорожных карт и технологических решений с пошаговыми рекомендациями и инструкциями относительно переговорного процесса и поэтапного выхода из проблемных и потенциально конфликтных ситуаций с привлечением компетентных и квалифицированных специалистов в рамках специальных профильных комитетов и комиссий на уровне глобального политического сообщества.

3. Предложение оптимальных защитных практик и механизмов, с одной стороны, соответствующих критериям и требованиям конкретной политической системы, с другой стороны, выказывающих внешнюю лояльность относительно глобальных политических принципов и нормативов.

4. Совместное обсуждение с последующими корректировками и, при необходимости, изменениями проблемных ас-

пектов несоответствия действующих нормативно-правовых актов реальным прецедентам правоприменительной практики.

5. Организация межгосударственного обмена опытом и передовыми практиками относительно успешного регулирования общественно-политических конфликтов и управления ими.

6. Сосредоточение внимания относительно использования современных информационно-коммуникационных и цифровых средств и технологий, позволяющее достичь конкурентоспособности и защищенности стратегически важных национальных систем.

7. Проведение плановой и оперативной работы с конкретными молодежными группами и молодежью в целом на уровне воспитательной и патриотически ориентированной деятельности.

8. Расширение состава специальных комитетов и комиссий медиаторов и риск-менеджеров, оперативно «включающихся» в различные кризисные процессы с целью последующих оптимизации и стабилизации.

9. Принятие конкретных политико-практических решений, ориентированных на нивелирование негативных политических последствий системного кризиса доверия.

10. Восстановление оптимального уровня межкультурной коммуникации с точки зрения понимания и взаимочета принципиальных политических позиций.

В любом случае в рамках как можно более оперативного купирования потенциальных рисков и угроз развития социальных конфликтов и, соответственно, накопления политико-трансформационного потенциала необходимо конструирование как можно более транспарентной связевой и процессуальной политической специфики с демонстрацией открытости к диалогу и сотрудничеству.

Выводы

Современная глобальная общественно-политическая реальность характеризуется тем, что генерируется и воспроизводится увеличивающееся в геометрической прогрессии количество социальных и иных конфликтов, своеобразно «находящих» друг на друга и заменяющих одно на другое, что предъясвляет динамично обновляемые критерии и требования к политической элите и наиболее влиятельной общественности. В данном смысле необходимо предусмотреть как

можно более внимательное отношение к собственно феноменологии социального конфликта как такового, подразумевающее, во-первых, позитивное и натуралистическое восприятие конфликтогенной природы политических явлений и процессов, во-вторых, осуществление целевого мониторинга политико-конфликтной динамики, в-третьих, организацию обсуждения на открытых и верифицированных площадках, в-четвертых, повышение эффективности действующих нормативно-правовых регламентов и формальных процедур.

Список литературы

1. Шевченко Е. С. Реализация внешнеполитической повестки США на постсоветском пространстве в период президентства Д. Трампа: опыт взаимодействия с Республикой Беларусь и Республикой Казахстан // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 5. С. 178–190.
2. Ледаев В. Г. Концептуальный анализ власти: проблематика и современные тенденции // Политическая наука. 2019. № 3. С. 14–29.
3. Иванова Е. Ю., Радюкова Я. Ю., Шубина А. Д. Политические конфликты в современных условиях государственного управления и в межгосударственных отношениях: особенности проявления // Вестник Самарского муниципального института управления. 2020. № 3. С. 7–15.
4. Нестерчук О. А., Зогранян Е. В. Сетевые политические общности: типы и возможности влияния // Возможности и угрозы цифрового общества: Материалы Всероссийской научно-практической конференции / под ред. А. В. Соколова, А. А. Фролова. Ярославль: Цифровая типография, 2022. С. 101–106.
5. Митрошенков О. А. Трансформация коммуникаций в системе государственного управления // Коммуникология. 2017. Т. 5, № 4. С. 15–24.
6. Сковиков А. К., Леонтьева О. В. Взаимодействие политической элиты и гражданского общества: основные цели, механизмы и принципы // PolitBook. 2020. № 1. С. 38–64.
7. Бочаров Е. В. Некоторые методологические подходы к изучению политических конфликтов, влияющих на безопасность государства // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 5. С. 312–319.
8. Глухова А. В. Политические конфликты в глобальную эпоху (к проблеме теоретической идентификации) // Политическая наука. 2020. № 3. С. 13–33.
9. Никовская Л. И. Социология политического конфликта // Политическая наука. 2020. № 3. С. 34–51.
10. Крюкова Е. В. Роль общественно-политических организаций в урегулировании политических конфликтов: возможности и перспективы // Вопросы политологии. 2020. Т. 10, № 3 (55). С. 790–795.

11. Куваева Е. Е., Абгаджавя Д. А. Конфликтность в современном мегаполисе // Конфликтология. 2022. Т. 17, № 1. С. 57–71.
12. Панин В. Н., Константинова А. С. Политические конфликты: анализ общих принципов урегулирования в ракурсе национальной и международной безопасности // Современная наука и инновации. 2019. № 4 (28). С. 240–247.
13. Марков А. П. Информационные войны постиндустриального мира как фактор геополитической конкуренции // Конфликтология. 2021. Т. 16, № 2. С. 107–124.
14. Пляшник А. А. Принятие государственных решений в условиях политических конфликтов // Экономика и предпринимательство. 2019. № 8 (109). С. 235–237.
15. Тимофеева Л. Н. Формирование новой социальной субъектности в современной политике // Политическое пространство и социальное время: глобальные вызовы и цивилизационные ответы: сборник научных трудов XXXVII Международного Харакского форума. Симферополь: Тип. «Ариал», 2021. С. 373–377.
16. Иванов О. Б. «Мягкая сила» как катализатор социально-политических конфликтов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2019. Т. 6, № 3. С. 167–176.
17. Тимофеев И. Н. Сомнительная эффективность? Санкции против России до и после февраля // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20, № 4 (116). С. 136–152.
18. Евдокимов В. А. Функционирование массмедиа в условиях политических конфликтов // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2022. Т. 16, № 1. С. 92–103.
19. Манахова И. В. Глобальные угрозы и риски на пути к ноономике // Экономическое возрождение России. 2021. № 3 (69). С. 144–153.
20. Буренко В. И. Диалектика политико-властных и управленческих решений как условие их эффективности // Вестник Национального института бизнеса. 2019. № 36. С. 17–25.

References

1. Shevchenko E. S. Realizaciya vneshnepoliticheskoj povestki SSHA na postsovetskom prostranstve v period prezidentstva D. Trampa: opyt vzaimodejstviya s Respublikoj Belarus' i Respublikoj Kazahstan [Implementation of the US foreign policy agenda in the post-Soviet space during the presidency of D. Trump: experience of interaction with the Republic of Belarus and the Republic of Kazakhstan]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2021, vol. 11, no. 5, pp. 178–190.
2. Ledyayev V. G. Konceptual'nyj analiz vlasti: problematika i sovremennye tendencii [Conceptual analysis of power: problematics and modern trends]. *Politicheskaya nauka = Political Science*, 2019, no. 3, pp. 14–29.
3. Ivanova E. Yu., Radyukova Ya. Yu., Shubina A. D. Politicheskie konflikty v sovremennyh usloviyah gosudarstvennogo upravleniya i v mezhgosudarstvennyh otnosheniyah: osobennosti proyavleniya [Political conflicts in modern conditions of public administration and in interstate relations: features of manifestation]. *Vestnik Samarskogo municipal'nogo instituta upravleniya = Bulletin of the Samara Municipal Institute of Management*, 2020, no. 3, pp. 7–15.
4. Nesterchuk O. A., Zogranyan E. V. [Networked Political Communities: Types and opportunities of Influence]. *Vozmozhnosti i ugrozy cifrovogo obshchestva. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Opportunities and Threats of Digital Society. Materials of

the All-Russian Scientific and Practical Conference]; ed. by A. V. Sokolov, A. A. Frolov. Yaroslavl', Cifrovaya tipografiya, 2022, pp. 101–106. (In Russ.)

5. Mitroshenkov O. A. Transformaciya kommunikacij v sisteme gosudarstvennogo upravleniya [Transformation of communications in the system of public administration]. *Kommunikologiya = Communicology*, 2017, vol. 5, no. 4, pp. 15–24.

6. Skovikov A. K., Leont'eva O. V. Vzaimodejstvie politicheskoy elity i grazhdanskogo obshchestva: osnovnye celi, mekhanizmy i principy [Interaction of the political elite and civil society: main goals, mechanisms and principles]. *PolitBook*, 2020, no. 1, pp. 38–64.

7. Bocharov E. V. Nekotorye metodologicheskie podhody k izucheniyu politicheskikh konfliktov, vliyayushchih na bezopasnost' gosudarstva [Some methodological approaches to the study of political conflicts affecting the security of the state]. *Social'no-gumanitarnye znaniya = Socio-humanitarian knowledge*, 2019, no. 5, pp. 312–319.

8. Gluhova A. V. Politicheskie konflikty v global'nyu epohu (k probleme teoreticheskoy identifikacii) [Political conflicts in the Global Era (on the problem of theoretical identification)]. *Politicheskaya nauka = Political Science*, 2020, no. 3, pp. 13–33.

9. Nikovskaya L. I. Sociologiya politicheskogo konflikta [Sociology of Political Conflict]. *Politicheskaya nauka = Political Science*, 2020, no. 3, pp. 34–51.

10. Kryukova E. V. Rol' obshchestvenno-politicheskikh organizacij v uregulirovanii politicheskikh konfliktov: vozmozhnosti i perspektivy [The role of socio-political organizations in the settlement of political conflicts: opportunities and prospects]. *Voprosy politologii = Questions of political science*, 2020, vol. 10, no. 3 (55), pp. 790–795.

11. Kuvaeva E. E., Abgadhava D. A. Konfliktnost' v sovremennom megapolise [Conflict in a modern metropolis]. *Konfliktologiya = Conflictology*, 2022, vol. 17, no. 1, pp. 57–71.

12. Panin V. N., Konstantinova A. S. Politicheskie konflikty: analiz obshchih principov uregulirovaniya v rakurse nacional'noj i mezhdunarodnoj bezopasnosti [Political conflicts: analysis of the general principles of settlement in the perspective of national and international security]. *Sovremennaya nauka i innovacii = Modern Science and Innovation*, 2019, no. 4 (28), pp. 240–247.

13. Markov A. P. Informacionnye vojny postindustrial'nogo mira kak faktor geopoliticheskoy konkurencii [Information wars of the post-industrial world as a factor of geopolitical competition]. *Konfliktologiya = Conflictology*, 2021, vol. 16, no. 2, pp. 107–124.

14. Plyashnik A. A. Prinyatie gosudarstvennyh reshenij v usloviyah politicheskikh konfliktov [Government decision-making in the context of political conflicts]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Economics and Entrepreneurship*, 2019, no. 8 (109), pp. 235–237.

15. Timofeeva L. N. [Formation of a New Social Subjectivity in modern Politics]. *Politicheskoe prostranstvo i social'noe vremya: global'nye vyzovy i civilizacionnye otvety. Sbornik nauchnykh trudov XXXVII Mezhdunarodnogo Haraksskogo foruma* [Political Space and Social Time: Global Challenges and Civilizational Responses. Collection of scientific papers of the XXXVII International Parliamentary Forum]. Simferopol', Tip. "Arial", 2021, pp. 373–377.

16. Ivanov O. B. "Myagkaya sila" kak katalizator social'no-politicheskikh konfliktov ["Soft power" as a catalyst of socio-political conflicts]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: State and Municipal Administration*, 2019, vol. 6, no. 3, pp. 167–176.

17. Timofeev I. N. Somnitel'naya effektivnost'? Sankcii protiv Rossii do i posle fevralya [Questionable effectiveness? Sanctions against Russia before and after February]. *Rossiya v global'noj politike = Russia in Global Politics*, 2022, vol. 20, no. 4 (116), pp. 136–152.

18. Evdokimov V. A. Funkcionirovanie massmedia v usloviyah politicheskikh konfliktov [Functioning of mass media in conditions of political conflicts]. *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya = Science of Man: Humanitarian studies*, 2022, vol. 16, no. 1, pp. 92–103.

19. Manahova I. V. Global'nye ugrozy i riski na puti k noonomike [Global threats and risks on the way to the economy]. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii = Economic Revival of Russia*, 2021, no. 3 (69), pp. 144–153.

20. Burenko V. I. Dialektika politiko-vlastnyh i upravlencheskih reshenij kak uslovie ih effektivnosti [Dialectics of political-power and managerial decisions as a condition for their effectiveness]. *Vestnik Nacional'nogo instituta biznesa = Bulletin of the National Institute of Business*, 2019, no. 36, pp. 17–25.

Информация об авторе / Information about the Author

Романова Наталья Игоревна, ведущий специалист учебно-методического отдела Института права и национальной безопасности, аспирант кафедры государственного управления и национальной безопасности Института права и национальной безопасности, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: romanova-ni@ranepa.ru, ORCID: 0009-0008-7612-3388

Natalya I. Romanova, Leading Specialist of the Educational and Methodical Department of the Institute of Law and National Security, Post-Graduate Student of the Department of Public Administration and National Security of the Institute of Law and National Security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, e-mail: romanova-ni@ranepa.ru, ORCID: 0009-0008-7612-3388

Федор Лукич Переверзев в оппозиции к питейным преобразованиям в России (конец 1850-х – начало 1860-х годов)

Н. Е. Горюшкина¹ ✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: gor046@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Статья посвящена директору департамента разных податей и сборов Министерства финансов России в конце 1850-х – начале 1860-х годов Федору Лукичу Переверзеву, оппозиционному настроенному к намечаемой винной реформе. Сюжет статьи не был освещен в научной литературе, но существенен для создания целостной картины акцизного преобразования.

Цель статьи – воссоздать образ высокого чиновника финансового министерства, препятствовавшего переходу от откупов к акцизной системе взимания налога с питей.

Задачи: дать характеристику служебной деятельности Переверзева; установить обстоятельства, определившие его позицию в отношении питей; описать существо занятий в Особом комитете по разработке винной реформы.

Методология. Принципы научной объективности и исторического антропологизма стали основой исследования заявленной темы, помимо того был использован персонально-биографический метод, позволивший через знакомство с биографией Переверзева объяснить его позицию в отношении винной реформы.

Результаты. Служебный путь Переверзева был длинным, он проявил себя и на военном, и на гражданском поприще. Вершиной его служебной карьеры стал пост директора Департамента разных податей и сборов. В этой должности Федор Лукич был включен в Особый комитет по разработке винной реформы. Работа его была бесплодной, план реформы не был подготовлен.

Вывод. Переверзев находился в оппозиции к питейному преобразованию, поскольку считал откуп проверенным способом взимания сбора с питей, а акциз – системой, требующей длительной проверки. Он был убежденным последователем Е. Ф. Канкрин и считал, что акцизная система хороша для Запада, но не пригодна для России.

Ключевые слова: откупная система; акцизная система; винная реформа; историческая биография.

Финансирование: Публикация выполнена в рамках государственного задания на 2023 год «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (номер 0851-20200033).

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Горюшкина Н. Е. Федор Лукич Переверзев в оппозиции к питейным преобразованиям в России (конец 1850-х – начало 1860-х гг.) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 2. С. 188–197. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-2-188-197>.

Поступила в редакцию 01.03.2023

Принята к публикации 30.03.2023

Опубликована 28.04.2023

Fyodor Lukich Pereverzev in Opposition to the Drinking Reforms in Russia (late 1850s – early 1860s)

Natalia E. Goryushkina¹ ✉

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: gor046@yandex.ru

Abstract

Relevance. The article is devoted to the director of the Department of Various taxes and Fees of the Ministry of Finance of Russia in the late 1850s - early 1860s, Fyodor Lukich Pereverzev, who was opposed to the planned wine reform. The plot of the article was not covered in the scientific literature, but it is essential to create a complete picture of the excise transformation.

The purpose of the article is to recreate the image of a high official of the finance Ministry, who prevented the transition from tax payments to the excise system of levying a tax on drinking.

Objectives: to give a description of Pereverzev's official activity; to establish the circumstances that determined his position regarding drinking; to describe the essence of classes in the Special Committee for the Development of Wine Reform.

Methodology. The principles of scientific objectivity and historical anthropologism became the basis for the study of the stated topic. In addition, a personal biographical method was used, which allowed through acquaintance with the biography of Pereverzev to explain his position on the wine reform.

Results. Pereverzev's career path was long, he proved himself both in the military and in the civilian field. The peak of his official career was the post of director of the Department of Various Taxes and Fees. In this position, Fyodor Lukich was included in the Special Committee for the Development of Wine Reform. His work was fruitless, the reform plan was not prepared.

Conclusion. Pereverzev was in opposition to the drinking transformation, since he considered the payoff a proven way of collecting a fee from drinking, and the excise tax a system that requires a long check. He was a staunch follower of E.F. Kankrin and believed that the excise system was good for the West, but not suitable for Russia.

Keywords: tax system; excise system; wine reform; historical biography.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Goryushkina N. E. Fyodor Lukich Pereverzev in Opposition to the Drinking Reforms in Russia (late 1850s – early 1860s). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2023; 13(2): 188–197. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-2-188-197>.

Received 01.03.2023

Accepted 30.03.2023

Published 28.04.2023

Введение

Исследование винной реформы 1863 г. естественным образом вызвало интерес к героям и антигероям преобразования. Одним из тех, кто противился переходу от откупов к акцизной системе взимания налога с питей, был директор Департамента разных податей и сборов Министерства финансов в конце 1850-х – нача-

ле 1860-х гг. Федор Лукич Переверзев. Судьба этого, пусть не самого выдающегося, но и не рядового чиновника, в полной мере отражает острую борьбу, которая велась вокруг винной реформы 1863 г.

Данная статья призвана воссоздать образ государственного мужа, который находился в оппозиции к преобразованию в отношении питей.

Методология

При работе над статьей были использованы разнообразные источники.

В Российском государственном историческом архиве и Государственном архиве Российской Федерации изучены документы, отражавшие работу Особого комитета при Министерстве финансов по питейному вопросу, а также формулярный (или послужной) список Переверзева. Они стали основой исследования.

Источниковую базу дополнили мемуары профессора Санкт-Петербургского университета А. В. Никитенко, лично знавшего Переверзева и отзывавшегося о нем как о малоспособном чиновнике. «Киевскую» страницу в биографии Переверзева приоткрыли «Записки» витебского губернатора И. С. Жиркевича.

К исследованию были привлечены публицистические сочинения конца 1850-х – начала 1860-х гг., в первую очередь статьи, опубликованные в знаменитом «Колоколе».

Отдельные эпизоды биографии Переверзева остались неизученными. В найденных источниках не указано место рождения Федора Лукича, мало информации, касающейся руководства Департаментом разных податей и сборов. В этих случаях автор был вынужден ограничиться предположениями, заполняя информационные лакуны связками, основанными на допущении, а также переносом характера его работы на прежних местах.

Методологической базой исследования стали принципы научной объективности и исторического антропологизма. Они дали возможность отказаться от апологетических или осуждающих презумпций в отношении высокого чиновника Министерства финансов. Сбалансированный анализ полученных сведений явился важным условием достижения цели статьи.

При работе был использован персонально-биографический метод, благодаря которому удалось не только познако-

миться с биографией Переверзева, но и объяснить его позицию по питейному вопросу.

Результаты и их обсуждение

Библиография трудов, посвященных «герою» статьи, скудная. Политической биографии Переверзева историки внимания не уделяли. Некоторые страницы его жизненного пути освещались попутно, например, при характеристике социально-экономической и политической ситуации в Нижегородской губернии, где Переверзев служил вице-губернатором, а также в Саратовской и Киевской губерниях, в которых он исполнял обязанности гражданского губернатора [1].

Деятельность Федора Лукича «по питиям» осталась совершенно не изученной, хотя значительный отрезок жизни был посвящен именно им.

Современные исследователи о Переверзеве совершенно «забыли». Только небольшой сюжет в статье Н. Е. Горюшкиной об Особом комитете при Министерстве финансов рассказывает об оппозиционном характере директора Департамента разных податей и сборов в отношении акцизной системы [2].

Доподлинно известно, что Федор Лукич Переверзев родился в 1792 г., место его рождения в найденных исторических источниках не указано [3, л. 1].

Жизненный путь Переверзева был типичен для молодого человека, родившегося в небогатой дворянской семье. В 1807 г. Федор Лукич поступил в Харьковский университет, по окончании которого в 1813 г. был зачислен подпоручиком в 6-й полк Владимирского ополчения. В 1814 г. он перевелся в Черниговский пехотный полк, спустя год получил чин адъютанта, в 1816 г. – поручика, в 1817 г. – штабс-капитана, а в 1818 г. – старшего адъютанта 2-го пехотного корпуса. В 1820 г. Переверзев перешел в лейб-гвардии Гренадерский полк, в 1821 г. стал подполковником Олонецкого пехотного полка [3, л. 2 об.].

В тридцатилетнем возрасте Федор Лукич оставил военную службу и поступил в штат Министерства финансов. Определившись на должность чиновника особых поручений, он за короткий срок стал правителем канцелярии в Департаменте внешней торговли, а затем начальником 1-го отделения Департамента государственного хозяйства и публичных зданий.

Поговаривали, что своей карьерой Федор Лукич обязан родству с графиней К. П. Клейнмихель – мать графини была из рода Переверзевых.

В 1825 г. Переверзев отбыл из Санкт-Петербурга в Нижний Новгород на должность вице-губернатора.

С приходом на министерский пост Е. Ф. Канкрин Россия отказалась от казенной винной монополии и вернулась к откупам. Торги на питейную торговлю в округах устраивались один раз в четыре года губернскими казенными палатами. Надзор за организацией торгов осуществляли вице-губернаторы. Откуп получал «охочий человек, надавший денег более других особ» [4, стб. 22]. От вице-губернатора зависели выгоды питейной торговли, т. к. именно он имел право «резать» губернию на округа, ему и направлялся «поклон» от претендентов на питейную торговлю. Откуп и подкуп были понятиями неразрывными [5, с. 89].

Прямых свидетельств о получении взяток Федором Лукичом в источниках не обнаружено, но они подтверждают, что чиновником он был умелым и от выгод службы не отрешался, тем более что подношение откупщиков было в России «общепринятым обычаем» [6, с. 24]. По колкому замечанию публициста А. И. Герцена, «старый волк» Переверзев обокрал не только овец, но и своих братьев волков, т. е. председателей казенных палат и откупщиков [7, с. 332].

Нижегородцы, между тем, о вице-губернаторе отзывались с уважением, отмечали его бесхитрость и беззлость. Ревизовавший Нижегородскую гу-

бернию флигель-адъютант Николая I полковник А. П. Мансуров в представленной 10 мая 1826 г. на Высочайшее имя записке свидетельствовал: «Вице-губернатор, вновь назначенный, недавно вступил в свою должность. Он мало известен, но по первоначальным действиям заключают, что он человек деятельный и благонамеренный. Что же касается до чиновников казенной палаты и до чиновников, служащих по винной части, они самым бесстыдным образом пользуются выгодами своих мест. <...> Все жалуются на медленный неправильный ход дела, на корысть чиновников, на стеснение торговли и промышленности. В общем мнении и в мнении многих людей, занимающих первые места в губернском управлении, положение дел государственных и частных ныне – на последней степени неустройства и разврата» [8, с. 50].

В 1830 г. Федор Лукич вернулся в Санкт-Петербург, где получил должность директора Канцелярии министра внутренних дел, а затем – управляющего Департаментом внешней торговли. В то время, когда министерство возглавлял граф А. А. Закревский, Переверзев был включен в комиссию «по пресечению холеры», его «заботливость и усердие к службе» были отмечены чином действительного статского советника [3, л. 6 об.].

Пребывание в столице оказалось недолгим – в 1831 г. именным указом Николая I Переверзев был направлен исполнять обязанности Саратовского гражданского губернатора [9, с. 494].

Отзывы о Федоре Лукиче в Саратове были хорошими. Он опекал местный театр. В его бытность составлено знаменитое описание Саратовской губернии с акварельными рисунками и красочными планами уездных городов и иностранных колоний, известное как «альбом Переверзева». Губернатор оказывал всемерную поддержку толковым чиновникам, продвигал их по службе, нерадивых и безграмотных служащих ругал, что было сил. В порыве гнева, по свидетельству

современников, обзывал последних «ско-тами», «ослами», «телятами», рвал подготовленные ими бумаги, кидал на пол, топтал ногами. В такие моменты на лбу губернатора вздувалась от гнева шишка, «доходя величиной до половины грецкого ореха». Выпустив пар, губернатор смягчался и без злобы объяснял, что и где надо переделать [10, с. 155–236].

Федор Лукич неоднократно получал высочайшие благодарности за управление губернией, но «по нерасположению к нему министра внутренних дел Д. Н. Блудова, который сменил графа Закревского, оставался исполняющим обязанности губернатора [1, с. 203].

В 1835 г. Федор Лукич стал киевским гражданским губернатором. Новое назначение он воспринял как повышение по службе. Киевляне отзывались о Федоре Лукиче уважительно. «В Киеве был чрезвычайно дельный губернатор Переверзев, но он был беден», – вспоминали киевляне [11, с. 37].

В 1839 г. Переверзев перебрался в столицу и стал членом Совета Министерства внутренних дел, где исполнял разного рода поручения. Федору Лукичу довелось много работать в многочисленных комитетах и комиссиях. Он был членом Комиссии для окончания дел, счетов и отчетов бывшего Медицинского департамента Министерства внутренних дел, Комиссии для разбора бродяг и мошенников в Санкт-Петербурге и т. д.

Оценки Переверзева как реформатора были противоречивыми. Витебский губернатор И. С. Жиркевич отмечал его опыт и полезность при обсуждении проекта управления казенными имуществами в западных губерниях [12]. Профессор Санкт-Петербургского университета А. В. Никитенко, напротив, указывал на некомпетентность чиновника. Когда началось обсуждение реформы в сфере образования, государю было направлено несколько проектов. «Некоторые отличаются изумительной безграмотностью, – писал он. – Например, проект Переверзе-

ва, который был когда-то и где-то губернатором; там, говорят, заворовался, был уволен, долго оставался без места, а потом был причислен к министерству внутренних дел. Я знаю его лично. Это круглый невежда, к тому же нетрезвый» [13, с. 41].

Несмотря на жесткие отзывы недоброжелателей, карьера Федора Лукича шла вверх. В 1843 г. он был произведен в тайные советники [3, л. 13 об.]. В 1850 г. была образована Самарская губерния, губернатором которой стал Константин Карлович Грот. Передача дел осуществлялась под контролем Федора Лукича Переверзева. В этот раз, по-видимому, судьба в первый раз свела Переверзева и Грота (по прошествии времени Грот займет освободившееся после Переверзева кресло директора департамента) [3, л. 19 об.].

В 1856 г. Переверзев занял кресло директора Департамента разных податей и сборов. Эта должность принесла ему серьезный административный вес. Департамент состоял из 3-х отделений: податей и повинностей, питейных сборов, гербовой бумаги и, кроме того, счетного стола для всех отделений. Питейное отделение ведало поступлением в казну самого крупного дохода и считалось наиболее важным. Переверзев верил в практику и не любил теоретических измышлений, ему претили разговоры о необходимости отмены откупов. Федор Лукич не жалел сил для превращения департамента в «бастион», оберегающий откупной строй от низложения.

В то время, когда окружавшие его лица действовали путем закулисных интриг, Переверзев высказывался прямо и открыто. Будучи противником эмансипации, в 1857 г. он обнародовал записку, протестуя против «преступной идеи о необходимости дарования крестьянам свободы». В записке говорилось: «Некоторые думают, что начало истинного благоденствия крестьян есть обучение их грамоте. Способ сей полезен в племенах Готфского происхождения и лютеранско-

го исповедания, а у племен Славянских он оказывает дурные последствия. Грамотность наших крестьян отклоняет их от сохи и делает их развратными». Эта записка дала основание Герцену уличить Переверзева в попытках красноречивого восхваления крепостного строя. «Федор Переверзев – вития рабства» – так называлась наделавшая шума в столице статья «Колокола» [14].

Откупа никого не оставляли равнодушными. Разговоры об отмене откупного строя в конце 1850-х гг. стали повсеместными [15, с. 722–723].

Откупщики действительно своевольничали. «Откуп произвольно, в явное противоречие условиям, надбавляет цены; плутующее с ним правительство, под сурдинкой, шепчет министром финансов, что оно разрешило грабить народ. Народ, который не знает ни высочайшего банкротства, ни высочайшего разрешения на продажу, требует, в небольшом уездном городе, вина по законной цене; ему отказывают, грубят; несколько горячих голов разбивают питейные дома, забывая, что от безденежья правительства кабаки поднялись в ранг церкви и дворца, что оскорбление кабака становится оскорблением величества. Кража вина – не просто кража, а винотатство!» – возмущенно писал Герцен [16, с. 566].

Переверзев воспринимал откупные злоупотребления как неотъемлемую часть откупного порядка. Долговременная служба по откупам обусловила личное знакомство Федора Лукича со многими откупщиками. В бумагах Переверзева, которые поступили после его смерти в Императорскую публичную библиотеку, находятся записка от откупщика Гинцбурга по поводу снабжения вином Крыма, записка из г. Боровска об акцизно-откупном комиссионерстве и другие бумаги, подтверждавшие неофициальную связь высокого чиновника с откупщиками [17, с. 33–35].

Он был типичным бюрократом «николаевского толка», лишённым всякой

оригинальности, научившимся приспособляться к самым разным обстоятельствам. Федор Лукич в полной мере поддерживал министра финансов, который секретным циркуляром требовал от губернаторов отстранить стеснения в продаже водок откупщикам по вольным ценам. Статья «Финансовые меры а la Ванька Каин», опубликованная в «Колоколе», осуждала соглашательскую политику Министерства финансов и была адресована не только А. М. Княжевичу, но и Переверзеву [18].

Наконец, 6 марта 1858 г. Высочайшим повелением был учрежден Особый комитет для изыскания способов к упорядочению производства и продажи питей. Переверзев с другими «специально знакомыми с существующими ныне питейными системами» лицами вошел в состав Комитета.

Занятия «по питеям» велись неспешно. Переверзев собирал имеющиеся по данному предмету сведения, разбирал поступившие в Министерство финансов записки и предложения, участвовал в составлении отрицательного заключения на питейную систему, способную стать альтернативой откупам [19].

Популярность набирал акциз. Но члены Комитета относились к акцизной системе негативно. Сказывалась, по всей вероятности, личная предубежденность заседателей относительно свободной продажи алкоголя. Чиновники, чьи взгляды формировались в министерство Е. Ф. Канкрин, известного своей нелюбовью к акцизам, не желали перемен и всеми силами затягивали процесс обсуждения преобразования [20, с. 170].

Внутренняя предубежденность в отношении акцизной системы, личные связи Переверзева и других членов Особого комитета с откупщиками, понимание величины работ по реформированию питейной системы, если этот вопрос будет решен, затягивали процесс выработки нового порядка.

Только спустя полтора года было подготовлено заключение, которое 30 декабря 1859 г. министр финансов А. М. Княжевич внес в Государственный совет. Заключение выражало мнение всех членов Особого комитета. Суть его сводилась к тому, что перейти к «чисто акцизной» системе в настоящее время не представляется возможным. Между откупам и акцизом должен быть длительный переходный период, в рамках которого разумно в великороссийских и сибирских губерниях устроить «акцизную систему с частным комиссионерством» и только при удовлетворительном результате можно будет перейти к «чистому акцизу» с тем, чтобы через уменьшение-возвышение акцизной ставки в разных полосах России «отладить» питейный сбор [21].

Отмена откупов откладывалась на неопределенный срок. Но по инициативе великого князя Константина разработка преобразования была передана небольшой группе либеральных чиновников, возглавляемых А. П. Заблоцким-Десятовским, недавно перешедшим из Министерства государственных имуществ в Департамент экономии Правительствующего сената. Ему с большим трудом удалось провести новое «Положение о питейном сборе» через Государственный совет и добиться его высочайшего утверждения 4 июля 1861 г. [22]

Переверзева эта новость не обрадовала. Он заметно сдал, приближалось семидесятилетие. Федор Лукич явно не поспевал за событиями, которые проходили под диктовку его противников. «Вино новое надо лить в мехи новые», – начал свою речь А. П. Заблоцкий-Десятовский, объясняя министру финансов необходимость удаления Переверзева от руководства ключевым в деле осуществления винной реформы департаментом [23].

«Руководители осуществления питейного устава, – свидетельствовал П. П. Сухонин, – признали весь корпус чинов, заведовавших питейным делом в России, или бесчестными, или неспособными, и

изгнали всех разом, начиная с удаленного при этом директора департамента разных податей и сборов Федора Лукича Переверзева» [24, с. 13].

Переверзев и сам понимал, что пора уходить на покой. 1 января 1861 г. он получил всемиловитвейшее повеление присутствовать в Правительствующем сенате. Отставка эта вызвала среди критиков Переверзева воодушевление: «Пора, пора было очистить Министерство финансов от этого старого волка Переверзева, похолодку отпущенного из Министерства внутренних дел и обокравшего не только овец, но и своих братьев волков, то есть председателей казенных палат и откупщиков» [7, с. 332]. Не забывавший о Федоре Лукиче Герцен не преминул заметить: «Директор департамента податей и сборов Переверзев, обвиненный, наконец, самим Княжевичем, который все терпит и все любит, взяточников и откупщиков, – был осужден в исправительные сенатские роты» [25].

Скоро, 26 августа 1861 г., Переверзев не стало. Он так и не побывал на заседаниях Правительствующего сената и, думается, уходил в мир иной обиженным. До последних дней Федор Лукич был уверен во вреде акцизной системы. Вместе с ним ушла откупная эпоха, уступая место новому строю.

Заключение

Подводя итог, укажем, что Федор Лукич Переверзев – заметная личность эпохи отмены откупов. Именно он в момент начала работы над винной реформой 1863 г. занимал пост директора Департамента разных податей и сборов Министерства финансов и являлся членом Особого питейного комитета. Федор Лукич находился в оппозиции к преобразованию, поскольку находил откуп испытанным, хотя и несовершенным, способом взимания сбора с питей, а акциз – системой, требующей основательной проверки. Ему в полной мере была близка авторитетная позиция министра финан-

сов Е. Ф. Канкрина, что акциз хорош для Запада, но не пригоден для России. Недоверие к акцизной системе, личные связи с откупщиками и неготовность к «большим преобразованиям» – все это обусловило

переход Переверзева из «питейного департамента» в Правительствующий Сенат, где ему так и не пришлось присутствовать.

Список литературы

1. Губернаторство Ф. Л. Переверзева // Саратовский край. Исторические очерки, воспоминания, материалы. Саратов: Паровая скоропечатня Губернского правления, 1893. С. 152–236.
2. Горюшкина Н. Е. Особый комитет при Министерстве финансов и его вклад в подготовку винной реформы 1863 года // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 1. С. 184–193.
3. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 574. Оп. 7. Д. 828. Л. 1 об. – 19 об.
4. Киттары М. Я. Публичный курс винокурения, читанный по приглашению Министерства финансов профессором Киттары. СПб.: Ред. журн. «Промышленность», 1862. Вып. 1. 192 стб.
5. Горюшкина Н. Е. «Где откуп – там подкуп»: к истории взяток в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2010. № 2. С. 88–97.
6. Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой: Материалы биографии с 1828 по 1855 год. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. 720 с.
7. Долгоруков П. В. Петербургские очерки: Памфлеты эмигранта. 1860–1867. М.: Север, 1934 (Л.: Тип. им. Володарского). 474 с.
8. Ефимкин А. П., Мазина Е. Б. «Крепко государство казною...» Нижегородские страницы истории Казначейства России. 1779–2007. Н. Новгород, 2007. 208 с.
9. Русский биографический словарь. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1902. Т. 13. 745 с.
10. Записки о Саратове К. И. Попова // Саратовский край. Исторические очерки, воспоминания, материалы. Вып. 1. Саратов, 1893. С. 155–236.
11. Макаров А. Н. Киевская старина в лицах. XIX век. Киев: Довира, 2005. 878 с.
12. Жиркевич И.С. Записки Ивана Степановича Жиркевича // Мир книг. URL: https://mir-knig.com/read_326932-129# (дата обращения: 31.01.2023).
13. Дневник Александра Васильевича Никитенко // Русская старина. Г. 21. 1890. Т. 66, № 2. С. 35–53.
14. [Герцен А. И.] Федор Переверзев – вития рабства // Колокол. Л. 52. 1859. 15 сентября. С. 428–430.
15. Джаншиев Г. А. Эпоха великих реформ. СПб.: Типо-лит. Б. М. Вольфа, 1907. 855 с.
16. [Герцен А. И.] Набег немецких татар на Тамбовскую губернию // Колокол. Л. 67. 1860. 1 апреля. С. 566.
17. Отчет Имперской публичной библиотеки за 1886 г. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1888. 135 с.
18. [Герцен А. И.] Финансовые меры а la Ванька Каин // Колокол. Л. 55. 1859. 1 ноября. С. 454–455.
19. РГИА. Ф. 574. Оп. 1. Д. 5. Л. 4 об.
20. Сведения о питейных сборах в России. СПб.: В Тип. II-го Отделения собственной Е.И.В. канцелярии, 1860–1861. Ч. 2. 271 с.

21. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 647. Оп. 1. Д. 218. Л. 2 об. – 8 об.
22. Положение о питейном сборе, высочайше утвержденное 4 июля 1861 года, с присовокуплением высочайше утвержденных 20 марта 1862 года правил о взысканиях за нарушение постановлений о питейном сборе и судопроизводстве по сим делам. М.: Тип. Ал. Семена, 1862. 160 с.
23. РГИА. Ф. 940. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.
24. Сухонин П. П. Нечто о питейном деле в России. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1881. 31 с.
25. [Герцен А. И.] Сенатские арестантские роты (осужденный Переверзев) // Колокол. Л. 92. 1861. 15 февраля.

References

1. Gubernatorstvo F. L. Pereverzeva [Governorship of F. L. Pereverzev]. Saratovskij kraj. Istoricheskie ocherki, vospominaniya, materialy. Saratov region. Historical essays, memoirs, materials. Saratov, Parovaya Skoropечатnaya Gubernskogo Pravleniya, 1893, pp. 152–236.
2. Goryushkina N. E. Osobyj komitet pri Ministerstve finansov i ego vklad v podgotovku vinnoj reformy 1863 goda [The Special Committee under the Ministry of Finance and its contribution to the preparation of the wine reform of 1863]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2022, vol. 12, no. 1, pp. 184–193.
3. RGIA (Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv) [Russian State Historical Archive], f. 574, op. 7, d. 828, l. 1 ob. – 19 ob.
4. Kittary M. Ya. Publichnyj kurs vinokureniya, chitannyj po priglazheniyu Ministerstva finansov professorom Kittary [Public course of distilling, given at the invitation of the Ministry of Finance by Professor Kittara]. St. Petersburg, Red. zhurn. "Promyshlennost", 1862, is. 1. 192 p.
5. Goryushkina N. E. "Gde otkup – tam podkup": k istorii vzyatok v Rossii ["Where there is a payoff, there is a bribe": towards the History of bribes in Russia]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: History of Russia*, 2010, no. 2, pp. 88–97.
6. Gusev N. N. Lev Nikolaevich Tolstoj: Materialy biografii s 1828 po 1855 god [Leo Tolstoy: Materials of biography from 1828 to 1855]. Moscow, Izd-vo Akademii nauk SSSR Publ., 1954. 720 p.
7. Dolgorukov P. V. Peterburgskie ocherki: Pamflety emigranta. 1860–1867 [Petersburg essays: Pamphlets of an emigrant. 1860–1867]. Moscow, Sever Publ., 1934 (Leningrad, Tip. im. Volodarskogo). 474 p.
8. Efimkin A. P., Mazina E. B. "Krepko gosudarstvo kaznoyu...". Nizhegorodskie stranicy istorii Kaznachejstva Rossii, 1779–2007 ["The state is strong with the treasury...". Nizhny Novgorod pages of the history of the Treasury of Russia. 1779–2007]. N. Novgorod, 2007. 208 p.
9. Russkij biograficheskij slovar' [Russian Biographical Dictionary]. St. Petersburg, Tip. I. N. Skorohodova, 1902, vol. 13. 745 p.
10. Zapiski o Saratove K. I. Popova [Notes about Saratov by K. I. Popov]. Saratovskij kraj. Istoricheskie ocherki, vospominaniya, materialy [Saratov region. Historical essays, memoirs, materials]. Saratov, 1893, is. 1, pp. 155–236.
11. Makarov A. N. Kievskaya starina v licah. XIX vek [Kiev antiquity in the faces. XIX century]. Kiev, Dovira Publ., 2005. 878 p.

12. Zhirkevich I. S. Zapiski Ivana Stepanovicha Zhirkevicha [Notes of Ivan Stepanovich Zhirkevich]. Mir knig [World of Books]. Available at: https://mir-knig.com/read_326932-129# (accessed 31.01.2023)

13. Dnevnik Aleksandra Vasil'evicha Nikitenko [Diary of Alexander Vasilyevich Nikitenko]. *Russkaya starina = Russian Antiquity*, G. 21, 1890, vol. 66, no. 2, pp. 35–53.

14. Gercen A. I. Fedor Pereverzev – vitiya rabstva [Fyodor Pereverzev – the vicia of slavery]. *Kolokol = Bell*, L. 52, 1859, September 15, pp. 428–430.

15. Dzhanshiev G. A. Epoha velikih reform [The Era of Great Reforms]. St. Petersburg, Tipo-lit. B. M. Vol'fa, 1907. 855 p.

16. Gercen A. I. Nabeg nemeckih tatar na Tambovskuyu guberniyu [The raid of the German Tatars on the Tambov province]. *Kolokol = Bell*, L. 67, 1860, April 1, p. 566.

17. Otchet Imperskoj Publichnoj Biblioteki za 1886 g. [Report of the Imperial Public Library for 1886]. St. Petersburg, Tip. V. S. Balasheva, 1888. 135 p.

18. [Gercen A. I.] Finansovye mery a la Van'ka Kain [Financial measures and la Vanka Cain]. *Kolokol = Bell*, L. 55, 1859, November 1, pp. 454–455.

19. RGIA, f. 574, op. 1, d. 5, l. 4 ob.

20. Svedeniya o pitejnyh sborah v Rossii [Information about drinking fees in Russia]. St. Petersburg, V Tip. II-go Otdeleniya sobstvennoj E.I.V. kancelyarii, 1860–1861, pt. 2. 271 p.

21. GARF (Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii) [State Archive of the Russian Federation], f. 647, op. 1, d. 218, l. 2 ob. – 8 ob.

22. Polozhenie o pitejnom sbore, vysochajshe utverzhdennoe 4 iyulya 1861 goda, s priso-
vokupleniem vysochajshe utverzhdennyh 20 marta 1862 goda pravil o vzykaniyah za
narushenie postanovlenij o pitejnom sbore i sudoproizvodstve po sim delam [The regulations on
the drinking collection, most highly approved on July 4, 1861, with the addition of the rules on
penalties for violation of the regulations on the drinking collection and judicial proceedings in
these cases, most highly approved on March 20, 1862]. Moscow, Tip. Al. Semena, 1862. 160 p.

23. RGIA, f. 940, op. 1, d. 1, l. 13.

24. Suhonin P. P. Nechto o pitejnom dele v Rossii [Something about the drinking business
in Russia]. St. Petersburg, Tip. V. S. Balasheva, 1881. 31 p.

25. Gercen A. I. Senatskie arestantskie roty (osuzhdennyj Pereverzev) [Senate convict
companies (convicted Pereverzev)]. *Kolokol = Bell*, L. 92, 1861, February 15.

Информация об авторе / Information about the Author

Горюшкина Наталья Евгеньевна, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и социально-культурного сервиса, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: gor046@ya.ru, ORCID: 0000-0003-4042-3529

Natalia E. Goryushkina, Dr. of Sci. (Historical), Associate Professor, Head of the Department of History and Socio-Cultural Service, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: gor046@ya.ru, ORCID: 0000-0003-4042-3529

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-2-198-205>

К вопросу о причинах перехода к новой экономической политике

А. А. Колупаев¹ ✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: kolupaev79@mail.ru

Резюме

Актуальность. Автор в статье доказывает научное мнение о том, что основной причиной, заставившей большевиков отказаться от политики военного коммунизма, стал именно Кронштадтский мятеж. Восстание в Кронштадте создало реальные условия для потери власти большевиками. Масштабный военный протест стал для них неожиданным явлением и заставил пойти на временный отказ от реализуемого внутриполитического курса.

Целью данного исследования является рассмотрение причин перехода к новой экономической политике.

Задачами настоящего научного исследования являются: проведение анализа исторических условий, в которых оказалась Советская Россия в конце Гражданской войны; изучение основных причин перехода страны к новой экономической политике.

Методология. Данная статья основывается на научных принципах системности, объективности и историзма. В своем исследовании автор использует хронологический и историко-сравнительный подходы.

Результаты научного исследования стали объективным доказательством того, что именно социальный протест, проявившийся в форме крестьянских мятежей по всей стране, а главное – Кронштадтское восстание стали основной причиной перехода большевиков к новой экономической политике.

Выводы. К концу 1920 года Советская Россия была фактически разорена вследствие непрекращающегося на протяжении нескольких лет гражданского конфликта, а также в результате экономической политики большевиков. Добившись военной победы над своими основными политическими противниками, большевики собирались продолжать экономический курс – политику военного коммунизма, который помог им победить в Гражданской войне. Однако население страны вовсе не собиралось быть расходным материалом для экономических экспериментов партии большевиков. Свое резкое недовольство проводимым в стране экономическим курсом оно проявило в масштабных крестьянских восстаниях по всей стране и вооруженном выступлении матросов и солдат в Кронштадте. Эти обстоятельства заставили лидера партии большевиков В. И. Ленина отказаться от курса на форсированное строительство коммунизма и перейти к новой экономической политике.

Ключевые слова: политика военного коммунизма; крестьянское восстание; съезд Советов; новая экономическая политика; контрреволюционный мятеж.

Финансирование. Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания на 2023 год «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (№ 0851-2020-0033).

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Колупаев А. А. К вопросу о причинах перехода к новой экономической политике // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 2. С. 198–205. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-2-198-205>.

Поступила в редакцию 27.02.2023

Принята к публикации 24.03.2023

Опубликована 28.04.2023

© Колупаев А. А., 2023

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2023; 13(2): 198–205

To the Issue of the Reasons for the Transition to a New Economic Policy

Andrei A. Kolupaev¹ ✉

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: kolupaev79@mail.ru

Abstract

Relevance. The author in the article proves the scientific opinion that the main reason that forced the Bolsheviks to abandon the very effective policy of war communism, in their opinion, was precisely the Kronstadt rebellion. The uprising in Kronstadt created real conditions for the loss of power by the Bolsheviks. The large-scale military protest was an unexpected phenomenon for the Bolsheviks and forced them to temporarily abandon their domestic political course.

The purpose of this study is to examine the reasons for the transition to a new economic policy.

Objectives The main objectives of this scientific study are: to analyze the historical conditions in which Soviet Russia found itself at the end of the Civil War; study of the main reasons for the country's transition to a new economic policy.

Methodology The main objectives of this scientific study are: to analyze the historical conditions in which Soviet Russia found itself at the end of the Civil War; study of the main reasons for the country's transition to a new economic policy.

Results became objective evidence that it was the social protest, which manifested itself in the form of peasant revolts throughout the country, and most importantly the Kronstadt uprising, that became the main reason for the Bolsheviks to switch to a new economic policy.

Conclusion Thus, by the end of 1920, Soviet Russia was actually devastated due to the ongoing civil conflict for several years, as well as as a result of the economic policy of the Bolsheviks. Having achieved a military victory over their main political opponents, the Bolsheviks were going to continue the economic course - the policy of war communism, which helped them win the Civil War. However, the population of the country was not at all going to be consumables for the economic experiments of the Bolshevik Party. It showed its sharp dissatisfaction with the economic course pursued in the country in large-scale peasant uprisings throughout the country and in the armed uprising of sailors and soldiers in Kronstadt. These circumstances forced the leader of the Bolshevik Party V.I. Lenin to abandon the course towards the accelerated construction of communism and move on to a new economic policy.

Keywords: policy of war communism; peasant uprising; congress of Soviets; new economic policy; counter-revolutionary rebellion.

Funding: The publication was prepared as part of the implementation of the state task for 2023 "Transformation of private and public law in the conditions of evolving personality, society and the state" (No. 0851-2020-0033).

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Kolupaev A. A. To the Issue of the Reasons for the Transition to a New Economic Policy. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2023; 13(2): 198–205. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-2-198-205>.

Received 27.02.2023

Accepted 24.03.2023

Published 28.04.2023

Введение

В 1920 г. на фронтах Гражданской войны все более четко обозначилась победа большевиков. В такой, по их мнению, благоприятной ситуации, когда под

ружьем находилось несколько миллионов человек, а вдали маячил пожар мировой революции, они не могли не воспользоваться сложившимися условиями для того, чтобы понести мировую революцию

на штыках в Европу, а затем и по всему миру. Однако польская авантюра закончилась полным провалом, а перманентные крестьянские восстания, проходившие в стране, заставили партию победителей задуматься над эффективностью проводимого в стране экономического курса.

Для того чтобы перейти к рассмотрению вопроса о реализации новой экономической политики, необходимо изучить обстоятельства перехода к ней. Для этого необходимо выяснить причины, почему большевики пошли на смену своего экономического курса, который показал свою достаточно высокую эффективность в условиях Гражданской войны. В данной статье рассматриваются условия и причины перехода Советской России к новой экономической политике.

Методология

Методологической основой статьи выступают принципы системности, объективности и историзма. Принцип системности позволил автору проследить преемственность событий Гражданской войны и последовавшего за ней нэпа. С помощью принципа объективности были рассмотрены события, предшествовавшие введению новой экономической политики, Тамбовское крестьянское восстание и Кронштадтский мятеж. Принцип историзма позволил рассмотреть условия введения новой экономической политики в тесной связи с конкретно-историческими условиями их реализации.

При работе использовались хронологический и историко-сравнительный методы. Автор в своем исследовании придерживается хронологического метода, который позволил ему выстроить хронологию событий от Гражданской войны до введения в стране новой экономической политики. Историко-сравнительный метод позволил объективно исследовать экономические процессы, происходившие в России в период Гражданской вой-

ны и вызванные условиями политики военного коммунизма.

Результаты и их обсуждение

В ноябре 1920 г. Красная армия, сломив остатки сопротивления на крымских перешейках, устремилась на территорию Крымского полуострова [1, с. 76]. Этому предшествовали попытки большевиков разжечь пожар мировой революции в Европе в ходе летнего наступления 1920 г. на территории Польши [2, с. 122]. Так, председатель Совета Народных Комиссаров В. И. Ленин впоследствии отмечал: «Наступление на Варшаву создало ситуацию, при которой и по отношению к Германии мы прощупали международное положение. И это “прощупывание” показало: а) приближение наших войск к границам Восточной Пруссии привело к тому, что Германия вся “закипела”; б) без гражданской войны советскую власть в Германии не получишь; в) в международном отношении другой силы для Германии, кроме как Советская Россия, нет» [3, с. 18–19].

Однако несмотря на искреннюю веру большевиков в готовность польского пролетариата поддержать мировую революцию, польский народ, в свою очередь, понимая свой исторический шанс отстоять свою независимость, которая уже была гарантирована Версальско-Вашингтонской системой международных отношений, массово поднялся на борьбу с Красной армией. Осенью 1920 г. польская армия нанесла ряд поражений вооруженным силам Советской России, в ходе которых в польский плен попали десятки тысяч советских солдат [4, с. 56–60].

С реализацией идеи «мировой революции» у большевиков на этом этапе не получилось, поэтому они решили сосредоточиться на собственной стране и расправиться с остатками белых армий, чтобы не дать их правительствам создать альтернативу политики «военного коммунизма», при которой так тяжело, прежде всего, материально жилось не только

советскому крестьянину, но и рабочему. Так, в 1920 г. производительность труда, вследствие массового недоедания рабочих, составила 18% от дореволюционного, сократившись более чем в пять раз. Кроме того, за годы Гражданской войны резко снизилась численность городских жителей. Так, например, население Петрограда с 1917 по 1920 г. сократилось в пять раз, составив 799 тыс. человек вместо 2 347 тыс. до революции. Ситуация с производством сельхозпродукции также показывала отрицательную динамику. Так, например, только производство зерновых в 1920 г. по отношению к 1917 г. сократилось в два раза [5, с. 87].

В то же время внутренняя, прежде всего экономическая, политика правительства генерала П. Н. Врангеля представляла собой реальную альтернативу большевистским экономическим экспериментам. Белое правительство Крыма провело земельную реформу, признав крестьян собственниками захваченной ими у помещиков земли, было принято прогрессивное рабочее законодательство [2, с. 81–85]. В политическом отношении предпочтение отдавалось многопартийной системе. Все это не могло не привлекать сторонников по всей России, поэтому большевики и решили как можно скорее закрыть крымский вопрос. В. И. Ленин потребовал от М. В. Фрунзе до зимы 1920 г. покончить с Врангелем и его политикой, которую лидер большевиков называл «стратегией кокона», столь опасной для большевиков с их крайне непопулярной экономической политикой [6, с. 37].

До конца 1920 г. Крымский полуостров был освобожден от людей, думающих и живущих по другим принципам и законам в буквальном смысле этого слова. На полуострове был устроен красный террор, в ходе которого были уничтожены, несмотря на обещания М. В. Фрунзе оставить их в живых, десятки тысяч граждан России. Командовали террором в Крыму венгерский коммунист Бела Кун и

«фурия красного террора» Р. С. Землячка. В результате в Крыму, по разным оценкам, было расстреляно от 50 до 120 тыс. человек [7, с. 203–205].

Этими событиями, согласно советской историографии, завершилась Гражданская война в Европейской части России. Большевикам казалось, что вместе с пароходами, отбывавшими из Крыма (из крымских портов всего было эвакуировано более 150 тыс. человек), и с последними расстрелянными на полуострове закончится и гражданское противостояние [8, с. 307–309]. Однако политическая ситуация в стране стала развиваться несколько по другому сценарию. Если в разгар Гражданской войны исполнение чрезвычайной политики объяснялось большевистской пропагандой острой необходимостью, то теперь конъюнктура изменилась, а враги, т. е. белые и иностранные интервенты, были повержены. Несмотря на одержанные победы большевики не собирались менять проводимую экономическую политику, и она была продолжена. Население ответило на это масштабными выступлениями. Только зимой 1921 г. в стране произошло более 120 восстаний, в ходе которых все чаще выдвигались лозунги «Долой большевиков!» [9, с. 37–38; 10, с. 122]. Ответом на восстания стало навешивание на них контрреволюционных ярлыков и жестокое подавление.

В качестве примера необходимо обратиться к анализу восстания крестьян в Тамбовской губернии, в котором приняли участие сотни тысяч крестьян губернии, некогда одной из самых хлебородных в дореволюционной России. Причиной восстания стали так называемые «перегибы» в политике продразверстки. Восстание было подавлено с особой жестокостью, против крестьян применяли боевые отравляющие газы, артиллерию, авиацию. В подавлении принимали участие лучшие из военачальников Красной армии: М. Н. Тухачевский, И. П. Уборевич, Г. И. Котовский. Жертвами восстания стали более 200 тыс. человек с обеих сто-

рон [11, с. 99–100]. Несмотря на такую высокую цену большевики по-прежнему не собирались менять в стране экономическую политику.

Однако в это же самое время в России произошло событие, которое заставило большевиков отказаться от политики «военного коммунизма» и начать проводить более мягкую экономическую политику, названную новой экономической. Этим событием стало восстание на Балтийском флоте, вошедшее в историю как Кронштадтский мятеж. Восстание произошло в так называемой «колыбели трех революций» – Кронштадте. Накануне восстания, т. е. зимой 1921 г., в Петрограде сложилась очень тяжелая экономическая ситуация. Гражданское население получало 200–400 граммов хлеба и испытывало острую нужду и голод [12, с. 202; 13, с. 45–61]. Кроме того, зима 1920–1921 гг. выдалась очень холодной, и отсутствие топлива сделало жизнь в городе Великого Октября фактически невозможной. К этому следует добавить отсутствие свободной торговли и блокирование города военными патрулями. Положение, в котором оказались жители города, можно сравнить только с блокадным периодом времен Великой Отечественной войны.

В конце февраля 1921 г. в городе начались демонстрации протеста, которые проходили под экономическими и политическими лозунгами. Руководство партии большевиков оценило акции протеста как попытки контрреволюционного мятежа, вследствие чего были арестованы сотни рабочих питерских предприятий [14, с. 76; 15, с. 115–122]. Команды кораблей, стоявших в Кронштадте, внимательно следили за событиями, происходившими в Петрограде. Первого марта 1921 года восставшими матросами и солдатами была принята резолюция, имевшая для всей страны судьбоносные последствия. Она включала в себя следующие требования: провести перевыборы Советов, допустить к выборам представителей других левых партий, разрешить свободу торговли [6, с. 73]. Восставшими

был сформирован Временный революционный комитет (они ошибочно считали, что весь Петроград уже охвачен мятежом). Кронштадтский комитет выпустил резолюцию о ненасильственном характере восстания.

Вместе с тем события в Кронштадте были восприняты руководством партии большевиков очень серьезно. В начале марта 1921 г. должен был открыться свою работу X съезд Советов, поэтому закончить с восстанием большевики планировали как можно скорее [16; 17, с. 51]. В Петроград прибыл народный комиссар по военным и морским делам Советской республики Л. Д. Троцкий. Разработка плана по штурму Кронштадта была поручена М. Н. Тухачевскому [18, с. 62]. Седьмого марта во время первого штурма крепостных бастионов будущий красный маршал успешно использовал десятки самолетов и даже подписал приказ о применении боевых отравляющих газов, уже успешно применяемых им при подавлении Тамбовского крестьянского восстания.

Однако не все наступавшие на крепость красные части были полны решимости, как их высшее командование. Так, например, два полка Омской стрелковой дивизии были расформированы из-за неблагонадежности. На штурм фортов Кронштадта были отправлены в составе сводного отряда из нескольких сотен человек даже делегаты X съезда Советов, 15 из которых погибли. После первого отраженного восставшими штурма стало ясно, что силы были неравны, а ждать помощи им неоткуда, поэтому до начала второго штурма 16 марта 8 тыс. мятежников ушли по льду в Финляндию. Восстание было подавлено со всей большевистской жестокостью. Несколько тысяч восставших были убиты во время штурма, еще более 2 тыс. человек были расстреляны и более 6 тыс. человек получили тюремные сроки [19, с. 37]. Такова была высокая цена, которую заплатила «краса и гордость Русской революции», как называл матросов Балтийского флота

Лев Троцкий за попытку вступить в дискуссию с большевиками.

В то же время, несмотря на то, что восстание потерпело поражение, часть руководства партии большевиков увидела в нем реальную угрозу для своей власти. Ведь, как показал ход событий, оказывается во всей многомиллионной Красной армии нашлось совсем немного надежных частей для подавления вооруженного восстания. В этих чрезвычайных внутривластных условиях председатель СНК РСФСР В. И. Ленин пошел на огромные уступки перед угрозой потери власти в стране и выступил 16 марта 1921 г. на X съезде Советов с докладом о завершении политики «военного коммунизма» и переходе страны к новой экономической политике [16; 20, с. 45–46; 21], в рамках которой на смену столь ненавидимой крестьянским населением страны продразверстки вводился продналог. Неэффективный товарообмен был заменен свободой торговли и товарно-денежными отношениями, а значительная часть мелкой и средней промышленности снова передавалась в частные руки. Все эти огромные изменения стали возможными в результате многочисленных крестьянских восстаний, и в особенности после

Кронштадтского мятежа, когда революционные матросы побеседовали с Лениным при помощи орудий тяжелой корабельной артиллерии и у них это успешно получилось.

Выводы

Таким образом, в годы Гражданской войны большевики как политическая сила, сплоченная единой идеологией, смогла с помощью чрезвычайной экономической политики «военного коммунизма» и террора победить разрозненные силы своих политических оппонентов, входящих в так называемое Белое движение. В то же время большевикам так и не удалось экспортировать пролетарскую революцию за пределы страны. После победы большевиков над белыми армиями они столкнулись, вероятно, с самым главным вызовом за всю историю своего нахождения у власти, а именно с массовыми крестьянскими восстаниями и вооруженными мятежами в армии и на флоте. Перед лицом прямой угрозы потери власти они пошли на беспрецедентные шаги, а именно на временный отказ от политики военного коммунизма и на переход к новой экономической политике.

Список литературы

1. Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 2010. 969 с.
2. Верт Н. История советского государства: 1900–1991: [пер. с фр.]. 2-е изд. М.: Прогресс-Академия, 1995. 544 с.
3. «Я прошу записывать меньше: это не должно попадать в печать»: выступление В. И. Ленина на IX конференции РКП(б) 22 сентября 1920 г. // Исторический архив. 1992. № 1. С. 12–30.
4. Кара-Мурза С. Гражданская война (1918–1921) – урок для XXI века. М.: Алгоритм, 2003. 256 с.
5. Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М.: Наука, 1991. 487 с.
6. Геббс Я. Левые коммунисты в России. М.: НПЦ «Праксис», 2008. 331 с.
7. Красный террор в годы Гражданской войны / под ред. Ю. Фельштинского. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2004. 512 с.
8. Раух Г. фон. История Советской России: очерк русской истории с 1917 года / пер. с англ. Ю. Большухина. Нью-Йорк: Фредерик Прегер, 1962. 486 с.

9. СССР в период восстановления народного хозяйства (1921–1925 гг.): Исторические очерки / под ред. А. П. Кучкина (гл. ред.), Ю. А. Полякова и С. И. Якубовской. М.: ГИПЛ, 1955. 598 с.
10. Трифонов И. Я. Классы и классовая борьба в СССР в начале НЭПа (1921–1923 гг.). Часть I. Борьба с вооруженной кулацкой контрреволюцией. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1964. 314 с.
11. Павлюченков С. А. Крестьянский Брест, или предыстория большевистского НЭПа. М.: Русское книгоизд. тов-во, 1996. 299 с.
12. Корнатовский Н. А. Борьба за Красный Петроград. М.: АСТ, 2004. 602 с.
13. Мервин М. Становление системы привилегий в Советском государстве // Вопросы истории. 1992. № 2/3. С. 45–61.
14. Гоголевский А. В. Петроградский Совет в годы Гражданской войны. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1982. 198 с.
15. Здоров А. А. Гражданская война: потери населения. Опыт сравнительного анализа // Свободная мысль. 1999. № 10. С. 115–122.
16. Авторханов А. X съезд и осадное положение в партии // Новый Мир. 1990. № 3. С. 193–205.
17. Гимпельсон Е. Г. НЭП и советская политическая система, 20-е годы / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. М.: ИРИ, 2000. 437 с.
18. Дважды Краснознаменный Балтийский флот / Н. М. Гречанюк, В. И. Дмитриев, А. И. Корниенко [и др.]. 3-е изд., испр. и доп. М.: Воениздат, 1990. 342 с.
19. Раздолгин А. А., Скорилов Ю. А. Кронштадтская крепость. Л.: Стройиздат, 1988. 419 с.
20. Петров Ю. П. Строительство политорганов, партийных и комсомольских организаций армии и флота (1918–1968). М.: Воениздат, 1968. 544 с.
21. Гимпельсон Е. Г. Советы в годы интервенции и Гражданской войны. М.: Наука, 1968. 512 с.

References

1. Buldakov V. P. Krasnaya smuta. Priroda i posledstviya revolyucionnogo nasiliya [Red troubles. The nature and consequences of revolutionary violence]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. 969 p.
2. Vert N. Istoriya sovetskogo gosudarstva: 1900–1991 [History of the Soviet State: 1900–1991]. 2th ed. Moscow, Progress-Akademiya Publ., 1995. 544 p.
3. "Ya proshu zapisyvay' men'she: eto ne dolzhno popadat' v pechat": vystuplenie V. I. Lenina na IX konferencii RKP(b) 22 sentyabrya 1920 g. ["I ask you to write less: it should not get into print": V. I. Lenin's speech at the IX Conference of the RCP(b) on September 22, 1920]. *Istoricheskij arhiv = Historical Archive*, 1992, no. 1, pp. 12–30.
4. Kara-Murza S. Grazhdanskaya vojna (1918–1921) – urok dlya XXI veka [The Civil War (1918–1921) – a lesson for the XXI century]. Moscow, Algoritm Publ., 2003. 256 p.
5. Kondrat'ev N. D. Rynok hlebov i ego regulirovanie vo vremena vojny i revolyucii [The bread market and its regulation during the war and revolution]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 487 p.
6. Gebbs Ya. Levye kommunisty v Rossii [Left Communists in Russia]. Moscow, NPC "Praksis", 2008. 331 p.
7. Krasnyj terror v gody Grazhdanskoj vojny [Red terror during the Civil War]; ed. by Yu. Fel'shtinskii. Moscow, TERRA-Knizhnyj klub Publ., 2004. 512 p.

8. Rauh G. fon. *Istoriya Sovetskoj Rossii: ocherk russkoj istorii s 1917 goda* [History of Soviet Russia: an Essay on Russian History since 1917]. New York, Frederik Preger Publ., 1962. 486 p.
9. SSSR v period vosstanovleniya narodnogo hozyajstva (1921–1925 gg.): *Istoricheskie ocherki* [The USSR during the restoration of the national economy (1921-1925): Historical essays]; ed. by A. P. Kuchkin, Yu. A. Polyakov i S. I. Yakubovskii. Moscow, GIPL Publ., 1955. 598 p.
10. Trifonov I. YA. *Klasy i klassovaya bor'ba v SSSR v nachale NEPa (1921–1923 gg.)*. Chast' I. Bor'ba s vooruzhennoj kulackoj kontrrevolyuciej [Classes and class struggle in the USSR at the beginning of the NEP. (1921-1923). Part I. The struggle against the armed Kulak counter-revolution]. Leningrad, Izd-vo Leningr. un-ta, 1964. 314 p.
11. Pavlyuchenkov S. A. *Krest'yanskij Brest, ili predystoriya bol'shevistskogo NEPa* [Peasant Brest, or the prehistory of the Bolshevik NEP]. Moscow, Russkoe knigoizd. tov-vo, 1996. 299 p.
12. Kornatovskij N. A. *Bor'ba za Krasnyj Petrograd* [The Struggle for Red Petrograd]. Moscow, AST Publ., 2004. 602 p.
13. Mervin M. Stanovlenie sistemy privilegij v Sovetskom gosudarstve [The formation of the system of privileges in the Soviet State]. *Voprosy istorii = Questions of History*, 1992, no. 2/3, pp. 45–61.
14. Gogolevskij A. V. *Petrogradskij Sovet v gody Grazhdanskoj vojny* [Petrograd Soviet during the Civil War]. Leningrad, Nauka Publ., Leningr. otd-nie, 1982. 198 p.
15. Zdorov A. A. *Grazhdanskaya vojna: poteri naseleniya. Opyt sravnitel'nogo analiza* [Civil War: population losses. The experience of comparative analysis]. *Svobodnaya mysl' = Free thought*, 1999, no. 10, pp. 115–122.
16. Avtorhanov A. X s"ezd i osadnoe polozhenie v partii [The X Congress and the state of siege in the Party]. *Novyj Mir = New World*, 1990, no. 3, pp. 193–205.
17. Gimpel'son E. G. *NEP i sovetskaya politicheskaya sistema, 20-e gody* [NEP and the Soviet political system, the 20s]. Moscow, IRI Publ., 2000. 437 p.
18. Grechanyuk N. M., Dmitriev V. I., Kornienko A. I., eds. *Dvazhdy Krasnoznamennyj Baltijskij flot* [Twice Red Banner Baltic Fleet]. 3th ed. Moscow, Voenizdat Publ., 1990. 342 p.
19. Razdolgin A. A., Skorikov Yu. A. *Kronshtadtskaya krepost'* [Kronstadt Fortress]. Leningrad, Strojizdat Publ., 1988. 419 p.
20. Petrov Yu. P. *Stroitel'stvo politorganov, partijnyh i komsomol'skih organizacij armii i flota (1918–1968)* [Construction of political organizations, party and Komsomol organizations of the army and Navy (1918–1968)]. Moscow, Voenizdat Publ., 1968. 544 p.
21. Gimpel'son E. G. *Sovety v gody intervencii i Grazhdanskoj vojny* [Soviets during the years of intervention and Civil War]. Moscow, Nauka Publ., 1968. 512 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Колупаев Андрей Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и социально-культурного сервиса, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: kolupaev79@mail.ru, ORCID: 0000-0002-9438-3430

Andrej A. Kolupaev, Cand. of Sci. (Historical), Associate Professor, Associate Professor of the Department of History and Socio-Cultural Service, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: kolupaev79@mail.ru, ORCID: 0000-0002-9438-3430

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-2-206-217>

Высшие учебные заведения музыкального профиля в Поволжье во второй половине 1930-х – 1950-х годах: проблемы кадрового обеспечения

И. Н. Суетин¹ ✉

¹Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова
пл. Ленина, д. 4/5, г. Ульяновск 432071, Российская Федерация

✉ e-mail: piazzolla73@gmail.com

Резюме

Актуальность. Государственная политика большинства стран мира направлена на повышение качества и конкурентоспособности отечественных систем образования, развитие отдельных отраслей в сфере образования. Положительным изменениям в данной области может помочь изучение исторического опыта построения национальных моделей образования, использование отечественных образовательно-педагогических традиций прошлого в современной практике.

Цель исследования состоит в освещении и популяризации подходов по обеспечению кадрами музыкально-образовательных учреждений высшего звена в Поволжском регионе во второй половине 1930-х – 1950-х годах.

Задачи исследования: изучить фактологический материал, отражающий пути решения кадровых проблем в отечественных консерваториях во второй половине 1930 – 1950-х годах; выявить степень эффективности данной деятельности.

Методология. В ходе исследования использовались следующие источники: научные статьи, диссертации, сборники документов, материалы архивов. Методологическую основу работы составили принципы объективности и всесторонности, а также ряд научных методов: системного анализа, историко-типологический, историко-сравнительный.

Результаты. В результате настоящего исследования были конкретизированы подходы по кадровому обеспечению музыкальных высших учебных заведений Поволжья во второй половине 1930-х – 1950-х годах.

Вывод. Исследование показало, что в условиях модернизационного развития второй половины 1930-х – 1950-х годов, обусловленного миграционными процессами, в Поволжском регионе эффективно решалась проблема кадрового комплектования музыкальных вузов (консерваторий). Решающая роль в этом вопросе принадлежала государственной системе распределения специалистов. Ключевое значение для пополнения и укрепления штатов Поволжских консерваторий сыграли столичные музыканты (московские, ленинградские и др.), эвакуированные в регион в годы Великой Отечественной войны. Благодаря привлеченным в этот период кадрам были сформированы музыкально-культурные традиции, созданы педагогические и исполнительские региональные школы, воспитаны несколько поколений профессиональных музыкантов.

Ключевые слова: высшее музыкальное образование; проблемы кадрового обеспечения.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Суетин И. Н. Высшие учебные заведения музыкального профиля в Поволжье во второй половине 1930-х – 1950-х годах: проблемы кадрового обеспечения // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 2. С. 206–217. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-2-206-217>.

Поступила в редакцию 19.02.2023

Принята к публикации 31.03.2023

Опубликована 28.04.2023

© Суетин И. Н., 2023

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2023; 13(2): 206–217

Higher Educational Institutions of the Musical Profile in the Volga Region in the Second half of the 1930s – 1950s: Problems of Personnel Support

Ilya N. Suetin¹ ✉

¹Ulyanovsk State Pedagogical University I. N. Ulyanova
4/5 Lenin sq., Ulyanovsk 432071, Russian Federation

✉ e-mail: piazzolla73@gmail.com

Abstract

Relevance. The state policy of most countries of the world is aimed at increasing the qualitative level and competitiveness of domestic education systems, the development of individual industries in the field of education. Positive changes in this area can help studying the historical experience of building national education models, the use of domestic educational traditions of the past in modern practice.

The purpose of the study is to cover and popularize approaches to ensure the staff of the superior musical and educational institutions in the Volga region in the second half of the 1930s-the 1950s.

The objectives of the study: to study factual material reflecting the ways of solving personnel problems in domestic conservatories in the second half of the 1930s – 1950s; identify the degree of effectiveness of this activity.

Methodology. In the course of the study, the following sources were used: scientific articles, dissertations, collections of documents, archive materials. The methodological basis of the work was the principles of objectivity and comprehensiveness, as well as a number of scientific methods: system analysis, historical, typological, historical and comprehensive.

Results. As a result of this study, approaches to the personnel support of the musical higher educational institutions of the Volga region in the second half of the 1930s-1950s were specified.

Conclusion. The study showed that in the conditions of modernization development of the second half of the 1930s and 1950s, due to migration processes, the problem of personnel recruitment of musical universities (conservatories) was effectively solved in the Volga region. The decisive role in this issue belonged to the state system of distribution of specialists. Capital musicians (Moscow, Leningrad, etc.), evacuated to the region during the Great Patriotic War, played key importance for replenishing and strengthening the states of the Volga conservatory. Thanks to the shots involved during this period, musical and cultural traditions were formed, pedagogical and performing regional schools were created, several generations of professional musicians were brought up.

Keywords: higher musical education; personnel support problems.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Suetin I. N. Higher Educational Institutions of the Musical Profile in the Volga Region in the Second Half of the 1930s – 1950s: Problems of Personnel Support. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2023; 13(2): 206–217. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-2-206-217>.

Received 19.02.2023

Accepted 31.03.2023

Published 28.04.2023

*** **

Введение

Совершенствование системы образования – один из ключевых и необходимых векторов внутренней политики большинства современных государств мира. Это обусловлено тем, что в данной динамично развивающейся сфере существуют проблемы. В Российской Федера-

ции, по мнению ряда исследователей (Д. А. Пашенцева [1], О. В. Стульниковой [2] и др.), к настоящему моменту еще не полностью реализован принцип общедоступности образования (разрыв в доступности для сельских и городских обучающихся, для разных социальных слоев населения, для лиц с ограниченными

возможностями здоровья и др.). Учебные заведения различных уровней испытывают трудности с материальным и кадровым обеспечением, что отражается на качестве подготовки обучающихся. Кадровые проблемы наблюдаются и в сфере профессионального образования нашей страны.

Уникальность и самобытность российского (советского) профессионального музыкального образования признаны во всем мире. Отечественная система подготовки профессионалов в области музыкального искусства (музыковедов, композиторов, певцов, дирижеров хора и оркестра, инструменталистов, музыкальных педагогов) прошла длительный путь становления и формирования. Апогеем развития данной системы принято считать период XX столетия, поскольку на этом историческом отрезке времени отечественные специалисты – преподаватели и выпускники российских (советских) учебных заведений музыкального профиля (преимущественно консерваторий) – представляли наивысшую ценность и востребованность на международном уровне, закрепили за Россией (СССР) статус государства, создавшего систему подготовки профессиональных музыкантов, обеспечивающую во многом непревзойденные результаты. Это было бы невозможно без строгих требований к уровню подготовки педагогического корпуса образовательных учреждений, обусловленных отечественными методическими традициями воспитания и обучения практиков-музыкантов.

В этой связи следует отметить, что в нашей стране существовал и существует большой разрыв между организацией преподавания в крупных столичных музыкально-образовательных центрах и в провинциальных консерваториях. Это касается разницы в техническом и художественном мастерстве учащихся, зачастую зависящих от репертуарной ротации, профессионального уровня педагогов, расширения звукового тезауруса

(структурированное знание музыки и о музыке, которое складывается в результате коллективного и индивидуального познания) [3].

В сфере высшего музыкального образования российских регионов на современном этапе одной из проблем является тот факт, что воспитанники творческих вузов столичных городов (Москвы и Санкт-Петербурга) после завершения обучения в них не желают пополнять штаты провинциальных консерваторий, предпочитают оставаться и трудоустроиваться в столицах или мигрировать с целью трудоустройства за рубеж. Опыт показывает, что решить данную проблему естественным путем не представляется возможным. Если в советский период благодаря государственной системе распределения кадров региональные высшие учебные заведения музыкального профиля имели возможность пополнять свои преподавательские штаты представителями московской и ленинградской исполнительских и педагогических школ, то в настоящее время это возможно только посредством заключения с потенциальными обучающимися договоров о целевом обучении, согласно которым лица, получающие высшее музыкальное образование, будут обязаны вернуться в «родные» регионы. Особенно остро эта проблема стоит в случае, когда качественно подготовленный выпускник российской консерватории находит работу в иностранном государстве, обогащая страну въездом «бесплатным» специалистом, учитывая, что на его образование данная страна не затратила никаких материальных ресурсов¹.

В современном отечественном музыкально-профессиональном сообществе существуют острые дискуссии на тему дефицита кадров в регионах. Художе-

¹ Специфика подготовки музыкантов в системе высшего образования. URL: https://akvobr.ru/specifika_podgotovki_muzykantov_v_ysshego_obrazovaniya.html (дата обращения: 14.02.2023).

ственный руководитель и главный дирижер Иркутского филармонического симфонического оркестра И. Лапидус сетует на то, что проблема оттока специалистов-музыкантов из провинции стоит очень остро: «У нас в штате 106 человек, а в наличии сегодня 75 музыкантов. У нас очень хорошее училище. Сейчас там учатся 28 струнников. Многие уезжают в Москву и Санкт-Петербург, но обратно никто не приезжает»¹. Ректор Казанской государственной консерватории В. Р. Дулат-Алеев следующим образом описал состояние кадрового обеспечения вуза: «В искусстве никогда нельзя говорить, что все хорошо и всего хватает. Даже если все хорошо и всего хватает. У нас прекрасный коллектив, есть все специалисты, но мы хотим, чтобы к нам приезжали хотя бы на мастер-классы очень видные музыканты. Я считаю, что в консерватории должны работать все лучшие профессионалы»².

Нехватка квалифицированных специалистов в отечественных музыкально-профессиональных учреждениях, как отмечает автор научной статьи Л. И. Бурдиян, обусловлена, во-первых, падением престижа музыкальной профессии, во-вторых, низким уровнем оплаты труда преподавателей: «В том случае, когда весь долгий путь формирования специалиста завершается трудностями поиска соответствующего места работы, заработной платой на грани прожиточного минимума и отсутствием перспектив карьерного роста, уровень заинтересованности всех вовлеченных в процессы образования сторон заметно снижается. В области музыкального образования обо-

значенная ситуация обычно проявляется в регионах, отдаленных от таких городов-государств, как Москва, Санкт-Петербург, и часто квалифицируется как некая социокультурная неизбежность, экономическая необходимость» [4].

Можно сделать вывод, что на современном этапе необходима разработка комплекса адекватных мер, направленных на решение проблемы кадрового дефицита в музыкальных вузах России, особенно в провинциальных учебных заведениях. Выработке эффективных механизмов может способствовать изучение опыта прошлых поколений. *Цель настоящего исследования* состоит в освещении и популяризации подходов по обеспечению кадрами музыкально-образовательных учреждений высшего звена в Поволжском регионе во второй половине 1930-х – 1950-х гг.

Методология

Основу источниковой базы исследования составили архивные материалы из фондов государственных архивов Российской Федерации (ГАРФ), Нижегородской области (ЦАНО), Республики Татарстан (ГАРТ), Саратовской области (ГАСО). В ходе исследования использовались также следующие опубликованные источники: сборники документов и материалов, диссертации и авторефераты диссертаций, научные статьи. Методологическую основу работы составили принципы объективности и всесторонности, которые позволили исследовать все обстоятельства, повлиявшие на решение кадровых вопросов в музыкально-образовательных учреждениях региона во второй половине 1930-х – 1950-х гг., выделить как достижения, так и недостатки данной деятельности. В ходе исследования использовался ряд научных методов: системного анализа (помог определить основные направления кадровой политики руководства поволжских консерваторий по привлечению в учебные заведения высококвалифицированных специали-

¹ В министерстве культуры обсудили дефицит кадров. URL: <https://minkultrb.ru/news/news/24447-v-ministerstve-kultury-obsudili-defitsit-kadrov/> (дата обращения: 14.02.2023).

² «Подготовка национальных кадров» – сегодня нет такого понятия!». URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/536103> (дата обращения: 14.02.2023).

стов), историко-типологический (позволил произвести типологизацию кадрового потенциала музыкальных высших учебных заведений Поволжья в вышеназванный период, основным критерием для которой выступала принадлежность специалистов к ведущим отечественным консерваторским школам), историко-сравнительный (помог установить различия и аналогии в работе консерваторий Горького, Казани и Саратова по подбору кадров).

Результаты и их обсуждение

Развитие высшего музыкального образования в Поволжье берет свое начало с появления в 1912 г. под патронатом Императорского русского музыкального общества консерватории в Саратове. Данное учебное заведение 5 мая 1918 г. было национализировано и получило название «Саратовская государственная консерватория». Настоящий вуз просуществовал до 1924 г., после чего был реорганизован в музыкальный техникум (учреждение среднего специального образования) в связи с пересмотром сети профессиональных учебных заведений [5]. Новый этап в деле подготовки специалистов-музыкантов высшего звена в регионе был связан с модернизационными процессами второй половины 1930-х – 1950-х гг.

В 1935 г. Саратовской консерватории был возвращен статус высшего учебного заведения. С этого момента образовательное учреждение стало подконтрольно комитету по делам искусств при Совете Министров РСФСР и носит имя известного музыканта Л. В. Собинова [6, л. 219]. Одним из факторов ослабления кадрового потенциала учебного заведения в этот период являлась внутривнутриполитическая обстановка в стране. В частности, некоторые педагоги были репрессированы и подвергнуты депортации. Достаточно привести пример выпускника Московской консерватории по классу скрипки В. Д. Баллода. Данный специалист рабо-

тал в Саратовской консерватории с 1935 г. В 1937 г. особым совещанием при НКВД СССР музыкант был арестован с формулировкой «за проведение контрреволюционной деятельности» и подвергнут высылке на 5 лет в Казахстан. Для сферы музыкального профессионального образования г. Саратова и всего Поволжского региона это была весомая потеря, поскольку В. Д. Баллод являлся не только квалифицированным инструменталистом-скрипачом, но и опытным педагогом-методистом и педагогом-исследователем. К числу его работ относятся публикации в журналах «Советская музыка», «Музыкальное образование» и других по актуальным вопросам музыкальной науки и практики [5].

В этот период руководством вуза предпринимались попытки усилить кадровый состав учебного заведения за счет приглашенных специалистов. С 1935 г. на должность и. о. профессора по классу сольного пения был принят выпускник Санкт-Петербургской консерватории М. П. Томашевский. В этом же году вернулся по приглашению администрации образовательного учреждения выпускник Саратовской консерватории М. Я. Александров (кларнет). В 1936 г. приглашена на должность доцента кафедры сольного пения М. Э. Борейша-Сельдницкая (выпускница Санкт-Петербургской консерватории). В 1938 г. принят на должность преподавателя музыкально-теоретических дисциплин выпускник Московской консерватории Я. К. Евдокимов. Есть и другие примеры приглашения во второй половине 1930-х гг. в вуз высококвалифицированных специалистов [5].

На деятельность саратовского вуза оказали влияние миграционные процессы, вызванные началом Великой Отечественной войны. В вооруженные силы были призваны многие студенты и педагоги, часть из которых погибли и не вернулись в стены учебного заведения (Н. Благовещенский, А. Еланчин, Н. Иванов, П. Петров, Д. Смирницкий, С. Соло-

вьев, В. Тимофеев и др.). Сохранить штатный состав и восполнить кадровые потери музыкально-образовательного учреждения удалось благодаря грамотной государственной политике и эвакуации осенью 1941 г. в город Саратов Московской консерватории, временно саратовский и московский вузы были объединены в одно учебное заведение под названием «Московская государственная консерватория им. П. И. Чайковского» (на основании приказа комитета по делам искусств при Совнарком). В Саратов были перевезены высококвалифицированные музыканты Москвы: С. Н. Кнушевицкий, Л. М. Цейтлин, С. С. Скребков, Ю. В. Келдыш, Г. М. Коган, А. А. Николаев, Б. М. Ярустовский, Г. А. Столяров и др. В городе оказались профессоры и студенты Киевской, Харьковской, Ленинградской, Минской и Кишиневской консерваторий. Так, некоторый период в Саратове работали выдающийся ученый Б. Л. Яворский, классик украинской музыки Б. Н. Лятошинский и др. Московский вуз находился в городе до осени 1943 г. За период его пребывания в Саратове в лучшую сторону изменилась музыкально-культурная жизнь города и всего Поволжского региона [5].

Результатом реорганизации (разъединения двух вузов) стало то, что Саратовская консерватория стала вновь испытывать дефицит квалифицированных кадров. Согласно отчету вуза за 1943 г., потребность профессорско-преподавательского состава составляла 52 штатные единицы при наличии в 43 сотрудника. Отсутствовал преподаватель-арфист (прежде класс арфы вел студент выпускного курса Московской консерватории Рубин). Учебное заведение нуждалось в педагоге-хормейстере по практическим и методическим дисциплинам. Результатом отсутствия специалистов в 1943/1944 учебном году не полностью был выполнен план первого семестра. Многие обучающиеся не имели возможности заниматься с педагогом по специальному

классу. На кафедре вокала в этот период отсутствовал педагог-режиссер по классу оперного искусства – замещающий эту должность доцент М. П. Томашевский был перегружен учебными часами. Структурное подразделение остро нуждалось в специалисте по классу сольного пения, что приводило к необходимости совмещения должностей и к снижению качества подготовки обучающихся [7, л. 67].

Тем не менее в этот период руководство вуза активно решало кадровую проблему. С 1943 г. класс оркестровых струнных инструментов возглавила воспитанница Московской консерватории Л. В. Зайц. Временно был принят на должность доцента выпускник Харьковской консерватории по классу композиции В. А. Барабашов (1943–1944 гг.). С 1944 г. преподавателем дирижерско-хоровых и вокальных дисциплин назначена А. Ф. Гюббенет (выпускница Московской консерватории) [5]. Это только некоторые примеры.

Несмотря на то, что по сравнению с дореволюционным этапом в Саратовской консерватории более чем в 2 раза увеличилось число преподавателей (в 1912/1913 учебном году в вузе работало 16 педагогов, в 1942/1943 – 39 [7, л. 26; 8, л. 3–4]), все отчетливее начинает проявляться необходимость открытия в Поволжском регионе новых музыкальных образовательных учреждений высшего звена. Согласно проекту письма секретарей обкома и горкома партии и председателя горисполкома секретарю ЦК ВКП(б) от 1944 г. г. Горький и Горьковская область ощущали острую потребность в специалистах музыкального профиля среднего и высшего звена (пианистах, оркестрантах, вокалистах, хормейстерах, педагогах, дирижерах и т. д.) и эта потребность впоследствии будет только возрастать, поскольку потребуется пополнять штаты Горьковской филармонии и театра оперы и балета, городского музыкального училища, Горьковского ансамбля песни и пляски, театра эстрады, шести музыкаль-

ных школ города, театра юного зрителя и драматического театра, нескольких музыкальных школ и драматических театров Горьковской области, областных домов культуры и общеобразовательных организаций. Кроме того, кадры требовались при создании театра музыкальной комедии и государственного симфонического оркестра, комплектовании сети музыкальных школ [9, л. 4]. Таким образом, зрел вопрос о расширении в регионе сферы высшего музыкального образования.

Во второй половине 1940-х гг. в сфере высшего профессионального музыкального образования Поволжского региона произошли весомые изменения, связанные с организацией консерваторий в Горьком и Казани. Вместе с саратовским вузом (был основан в 1912 г.) данные образовательные учреждения составили сбалансированную систему подготовки кадров высшего звена (учебные заведения равномерно распределились по территории региона). Важное значение для формирования педагогических традиций всех поволжских консерваторий имела деятельность специалистов из ведущих музыкальных вузов западных регионов СССР, эвакуированных в регион в годы Великой Отечественной войны¹.

Распоряжением СНК СССР от 13 апреля 1945 г. за № 6068-р и согласно Постановлению СНК ТАССР и ОК ВКП(б) от 30 июня 1945 г. за № 473 была образована Казанская государственная консерватория (КГК), которая стала центром подготовки профессиональных музыкантов для Среднего Поволжья в целом и Татарской АССР в частности [6, л. 182]. Ее первым директором (впоследствии ректором) стал популярный татарский

педагог и композитор Н. Г. Жиганов. Контингент настоящего вуза изначально насчитывал 60 студентов [10, с. 86, 135]. «Молодому» вузу требовались квалифицированные кадры. Согласно отчету о работе КГК за 1945/1946 учебный год, профессорско-преподавательский состав вуза в этот период был полностью укомплектован за счет приглашения специалистов из Москвы, Ленинграда, Баку, Свердловска, а также местных казанских музыкантов [10, с. 110]. Руководящий состав вуза составляли известные деятели музыкального искусства: Н. Г. Жиганов – директор; А. М. Лукацкий – заместитель директора; профессор М. А. Юдин – декан дирижерско-хорового факультета; профессор М. А. Пятницкая – декан фортепианного факультета; и. о. профессора В. А. Рошковская – декан вокального факультета; доцент А. Г. Корсунская – декан теоретико-композиторского факультета; доцент А. В. Броун – декан оркестрового факультета [11, л. 47]. Изначально 73% преподавателей вуза составляли специалисты-музыканты с высшим образованием [12, л. 8 об. – 12].

Благодаря столичным педагогам удалось вывести на более высокий уровень образовательную деятельность учебного заведения. В ходе подготовки к новому приему обучающихся в 1946 г. преподавательским коллективом Казанской консерватории были проведены следующие мероприятия: отпечатаны, оперативно расклеены по городу и разосланы в другие города афиши; даны объявления в газеты и по радио; проведена работа по выявлению наиболее одаренных и отвечающих требованиям приема в вуз учащихся старших курсов Казанского музыкального училища [10, с. 113]. В декабре 1948 г. КГК принимала участие в смотре консерваторий РСФСР в г. Москве, где были представлены оркестровый, вокальный и фортепианный факультеты. Члены комиссии мероприятия отметили, что педагогический коллектив вуза организационно окреп (несмотря на свою мо-

¹ Об упорядочении распределения и использования молодых специалистов, оканчивающих высшие и средние специальные учебные заведения: Постановление Совета Министров СССР от 29 мая 1948 г. № 1840 // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4699.htm (дата обращения: 14.02.2023).

лодность), имеет ряд преимуществ и определенные достижения по сравнению с более зрелыми консерваториями Свердловска и Саратова [10, с. 122]. К концу 1940-х гг. в вузе удалось расширить номенклатуру специальностей и увеличить контингент обучающихся. В 1949/1950 учебном году в учебном заведении обучалось 155 студентов (35 человек – 1 курс, 35 – 2 курс, 33 – 3 курс, 43 – 4 курс, 44 – 5 курс) и функционировали 5 факультетов (оркестровый, фортепианный, дирижерско-хоровой, теоретико-композиционный, вокальный) [13, л. 2].

В 1952/1953 учебном году штатный состав консерватории включал 46 единиц (3 преподавателей, 21 старшего преподавателя, 15 доцентов, 7 профессоров), из которых 6 специалистов имели ученую степень (доктора наук – 1, кандидатов наук – 5) [10, с. 136]. За период 1945–1953 гг. вуз окончило 106 человек, из которых 16 – с отличием. На работе в Татарской АССР остался 71 выпускник (пополнили штаты музыкального училища, консерватории, театра оперы и балета, филармонии, музыкальных школ). Оставшиеся 32 специалиста были направлены для работы в иные автономные республики и области РСФСР (Мордовскую АССР, Чувашскую АССР, Удмуртскую АССР и др.) [14, л. 3]. Для последующего обновления кадрового состава казанского вуза ряд выпускников в этот период были рекомендованы и направлены для обучения в аспирантуре при Московской государственной консерватории [10, с. 137].

С 1946 г. образовательную деятельность по программам высшего музыкального образования начала осуществлять Горьковская государственная консерватория (третий региональный вуз), открытие которой позволило многим выпускникам музыкальных училищ Поволжья и всего СССР пройти обучение и стать специалистами высшего звена [6, л. 142]. Уже на второй год своего существования около 2/3 штатного состава учебного за-

ведения комплектовалось преподавателями, имеющими высшее образование в области музыкального искусства [15, л. 5–8]. При комплектовании штата учебного заведения руководством делался акцент на приглашении молодых выпускников ведущих консерваторий СССР. Согласно кадровой справке в 1947 г., кроме местных преподавателей, в вузе работали: Пивоваров (Бакинская консерватория), Бондаренко (Ленинградская консерватория), Вагнер (Московская консерватория), Домрачев (Свердловская консерватория), Шульман (Киевская консерватория). Планировалось пригласить в качестве руководителей кафедр профессоров Московской консерватории: Шацкеса, Оборина, Гинзбурга, Володина, Мостраса, Способина. Подобное сотрудничество должно было увеличить популярность и авторитет поволжского образовательного учреждения [16, л. 5–5 об.]. Благодаря продуманной кадровой политике удалось привлечь в стены учебного заведения иногородних абитуриентов. Есть сведения, что в 1947/1948 учебном году ряды студентов горьковского вуза пополнили бывшие учащиеся ряда музыкальных училищ СССР: Ивановского, Кировского, Днепропетровского, Свердловского, Сталинского и др. [17, л. 7]. На 15 ноября 1947 г. всего в консерватории числилось 64 обучающихся. Среди них из г. Горький были 45 человек, по 1–2 студента из других городов: Кирова, Ижевска, Саратова, Козьмодемьянска, Сергача, Москвы, Артемова, Ярославля, Свердловска, Днепропетровска, Балахны, Пучежа, Сормово, (Горьковская область), Дзержинска, Лысково [18, л. 1–4].

К началу 1950-х гг. окрепла в кадровом отношении (благодаря миграции столичных специалистов в годы войны) и продолжила свою работу Саратовская государственная консерватория им. Л. В. Собинова (СГК). Согласно Постановлению Совета Министров СССР № 1011 от 11.04.1953 г., учебное заведение стало подведомственно Министерству культу-

ры РСФСР. К 1954/1955 учебному году высшее профессиональное образование имели 95,6% преподавателей вуза [19, л. 94–102]. Главной задачей консерватории являлась подготовка квалифицированных специалистов-музыкантов высшего звена. В СГК существовало три отделения (вечернее, дневное, заочное). К 1954 г. в структуре учебного заведения находились следующие 6 кафедр: специального фортепиано, марксизма-ленинизма, вокала, хорового дирижирования, оркестровых инструментов, историко-теоретическая. Позже (в 1955 г.) были образованы еще две кафедры: камерного ансамбля и оперной подготовки. В 1962 г. были организованы оркестровое отделение (на основании приказа Министерства культуры РСФСР №5 от 03.01.1962 г.) и кафедра народных инструментов (на основании приказа Министерства культуры РСФСР №592 от 01.06.1962 г.). На базе последней создается студенческий оркестр.

Содержание архивных документов показало, что в 1954/1955 учебном году Саратовская государственная консерватория им. Л. В. Собинова нуждалась в преподавательских кадрах. Требовались дирижер оркестра, ведущий педагог по классу скрипки, педагог-хормейстер с ученой степенью, преподаватель по оперному классу. Однако приглашению новых сотрудников мешало отсутствие жилого фонда. Дирекция консерватории в минувшем году проводила конкурс на замещение должностей штатного состава педагогов. Отобранные специалисты приехали в г. Саратов, но убедившись, что им сложно будет получить квартиру, предпочли вернуться на свои прежние места работы [19, л. 82].

Согласно отчету о работе СГК за 1959/1960 учебный год, в образовательной организации наблюдались в этот период проблемы с кадровым обеспечением. Давая оценку состоянию кафедры струнных инструментов, администрация вуза отмечала такие недостатки, как ста-

рение профессорско-преподавательского состава, внешнее совместительство сотрудников и др. Так, «старейший педагог вуза Н. Э. Цедлер (имел стаж работы более 30 лет) несмотря на то, что занимается исполнительской работой в г. Саратове и выпускает хорошие кадры виолончелистов, в силу возраста (67 лет) уже не сможет подготовить докторскую диссертацию, а следовательно, представить его к присвоению звания профессора кафедры не имеет возможности. <...> И. о. доцента Н. А. Гольденберг показывает хорошие результаты в работе и активно занимается исполнительством, но в силу молодого возраста не считает необходимым и возможным заняться написанием кандидатской диссертации, поэтому перспектив по получению ученого звания у данного преподавателя нет. <...> Молодой педагог И. С. Делиникайтис недавно начал работать в консерватории, зарекомендовал себя с положительной стороны, ведет исполнительскую работу, но наличие тяжелой болезни (инфаркт миокарда) не позволяет ему задуматься о подготовке диссертационной работы. <...> И. о. доцента Л. В. Зайц хотя и выпускает сильные кадры, но работает по совместительству в течение 15 лет концертмейстером симфонического оркестра филармонии, имеет много гастрольных поездок и не может в полную силу работать в вузе. <...> К. И. Бабаев утвержден в должности и. о. профессора кафедры струнных инструментов, но при этом является заведующим кафедрой камерного ансамбля, что обязывает его продвигаться в научной сфере по данному структурному подразделению. <...> В 1949 году утвержден в должности и. о. профессора, имеющий степень кандидата наук (1948), В. К. Бездельев. Данный сотрудник представлен к званию профессора и его аттестационное дело уже находится в ВАКе. Значительное число его выпускников показывают великолепные результаты, являясь концертмейстерами в оперных и симфонических оркестрах страны. В

настоящее время педагог готовит учебно-методическое пособие «Школа игры на контрабасе». Этот труд приравнивается к докторской диссертации, его издание запланировано на 1963 год. <...> В настоящее время на кафедре ввиду увеличения состава студентов не хватает педагога по классу скрипки (профессора или доцента) и преподавателя по ряду дисциплин специального цикла (старшего преподавателя или доцента): «Квартетный класс», «Методика обучения игры на скрипке», «История и теория смычкового искусства». На данный момент эту потребность компенсируют педагоги-почасовики преподаватель по классу скрипки музыкального училища А. М. Мандель и артист филармонического оркестра Б. И. Харитонов (квартетный класс)» [20, л. 47–49].

По итогам государственных экзаменов критике были подвергнуты преподаватели кафедры камерного ансамбля. Председатель ГЭК профессор С. Н. Кнушевицкий отмечал слабую профессиональную подготовку педагогов. Ряд недостатков старшего преподавателя Рудницкой были сформулированы следующим образом: в игре обучающихся отсутствуют качество штрихов и уравновешенность звучания, педагог использует не все возможности струнных инструментов при работе с ансамблем, некоторые воспитанники обладают недостаточно развитым чувством ритма и т. д. У педагога наблюдалась однобокость и дублирование работы по специальности, разрыв в качестве исполнения у пианистов и струнников. Профессор С. Н. Кнушевицкий отмечал, что молодые сотрудники кафедры Рудницкая и Ванеев недостаточно занимаются исполнительством, слабо разбираются в литературе для камерного ансамбля, что приводит к совершению ими ошибок и промахов в педагогической работе. Рудницкая, по мнению эксперта, имеет под своим руководством слишком много ансамблевых составов, что не позволяет ей обеспечить со

всеми студентами должное качество обучения. Работа кафедры вокала в целом отвечала требованиям высшего учебного заведения. Председатель комиссии выразил пожелание структурному подразделению включить в его состав имеющихся в городе специалистов-практиков – артистов театра оперы и балета имени Н. Г. Чернышевского А. А. Шевелеву (Заслуженный артист РСФСР) и М. А. Юрьянова (Заслуженный артист РСФСР) [20, л. 67–68, 93].

Тем не менее в 1950-х гг. в сфере высшего музыкального образования Поволжья проблема обеспечения квалифицированными специалистами учебных заведений решалась за счет кадровой ротации и привлечения дипломированных музыкантов. Так, кафедра оркестровых струнных инструментов Саратовской консерватории в этот период приросла следующими приглашенными педагогами: Н. А. Гольденберг (с 1950 г.), К. И. Бабаев (с 1955 г.), И. С. Делиникайтис (с 1957 г.) и др. [5]

Выводы

Исследование показало, что в условиях модернизационного развития второй половины 1930-х – 1950-х гг., обусловленного миграционными процессами, в музыкально-образовательных учреждениях высшего звена Поволжского региона (Саратова, Казани, Горького) эффективно решалась проблема кадрового обеспечения. Был налажен процесс по привлечению для работы в вузы (консерватории) ведущих специалистов-музыкантов. Решающая роль в этом вопросе принадлежала государственной системе распределения специалистов. Ключевую роль в комплектовании и укреплении штатов Поволжских консерваторий сыграли столичные музыканты (московские, ленинградские, киевские и др.), эвакуированные в регион в годы Великой Отечественной войны. Во многом благодаря данным специалистам были сформированы музыкально-культурные традиции,

созданы региональные педагогические и исполнительские школы, воспитано несколько поколений музыкантов – дирижеров, инструменталистов, певцов, композиторов.

В настоящее время в условиях падения престижа музыкальной профессии,

когда отечественные вузы музыкального профиля в провинции испытывают трудности с кадровым обеспечением, необходимо пересматривать подходы к комплектованию их штатов, чему призваны помочь результаты проведенного нами исследования.

Список литературы

1. Пашенцев Д. А. Право на образование и проблемы его реализации // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2014. № 2. С. 8–13.
2. Стульникова О. В. Конституционное право граждан на образование и проблемы его реализации в субъектах Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008. 225 с.
3. Дорошенко С. И. Диалог культур столицы и провинции в отечественном музыкальном образовании XIX–XX веков: дис. ... д-ра пед. наук. Владимир, 2012. 465 с.
4. Бурдиян Л. И. Высшее музыкальное образование: проблемы и перспективы приобретения к Болонскому процессу // Педагогика и психология образования. 2018. № 1. С. 71–83.
5. Саратовская государственная консерватория им. Л. В. Собинова: 1912–2012: энциклопедия. Саратов: Изд. ИП Везмегинова, 2012. 444 с.
6. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. А-501. Оп. 1. Д. 1082.
7. ГАСО (Государственный архив Саратовской области). Ф. Р-2330. Оп. 1. Д. 46.
8. ГАСО. Ф. 1221. Оп. 1. Д. 119.
9. ЦАНО (Центральный архив Нижегородской области). Ф. Р-6100. Оп. 6. Д. 88.
10. Развитие музыкального образования в Татарстане : сб. док. / отв. сост. Л. В. Горохова; сост.: О. В. Федотова, Н. А. Шарангина; под общ. ред. Д. И. Ибрагимова. Казань: Главное архивное управление при Кабинете министров Республики Татарстан, 2011. 216 с.
11. ГАРТ (Государственный архив Республики Татарстан). Ф. Р-6832. Оп. 1. Д. 6.
12. ГАРТ. Ф. Р-6832. Оп. 1. Д. 1.
13. ГАРТ. Ф. Р-6832. Оп. 1. Д. 97.
14. ГАРТ. Ф. Р-6832. Оп. 1. Д. 186.
15. ЦАНО. Ф. Р-6099. Оп. 4. Д. 31.
16. ЦАНО. Ф. Р-6099. Оп. 4. Д. 30.
17. ЦАНО. Ф. Р-6099. Оп. 4. Д. 55.
18. ЦАНО. Ф. Р-6099. Оп. 4. Д. 34.
19. ГАСО. Ф. Р-2330. Оп. 1. Д. 44.
20. ГАСО. Ф. Р-2330. Оп. 1. Д. 107.

References

1. Pashencev D. A. Pravo na obrazovanie i problemy ego realizacii [The right to education and the problems of its realization]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki = Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Legal Sciences*, 2014, no. 2, pp. 8–13.

2. Stul'nikova O. V. Konstitucionnoe pravo grazhdan na obrazovanie i problemy ego realizacii v sub"ektah Rossijskoj Federacii. Avtoref. diss. kand. jurid. nauk [The constitutional right of citizens to education and the problems of its implementation in the subjects of the Russian Federation. Cand. legal sci. abstract diss.]. Saratov, 2008. 225 p.

3. Doroshenko S. I. Dialog kul'tur stolicy i provincii v otechestvennom muzykal'nom obrazovanii XIX–XX vekov. Diss. dokt. ped. nauk [The dialogue of cultures of the capital and the province in the Russian musical education of the XIX–XX centuries. Dr. legal sci. adiss.]. Vladimir, 2012. 465 p.

4. Burdijan L. I. Vysshee muzykal'noe obrazovanie: problemy i perspektivy priobshcheniya k Bolonskomu processu [Higher music education: problems and prospects of joining the Bologna process]. *Pedagogika i psihologiya obrazovaniya = Pedagogy and psychology of education*, 2018, no. 1, pp. 71–83.

5. Saratovskaya gosudarstvennaya konservatoriya im. L. V. Sobinova: 1912–2012 [Saratov State Conservatory named after L. V. Sobinov: 1912–2012]. Saratov, Izd. IP Vezmetinova, 2012. 444 p.

6. GARF (Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii) [State Archive of the Russian Federation], f. A-501, op. 1, d. 1082.

7. GASO (Gosudarstvennyj arhiv Saratovskoj oblasti) [The State Archive of the Saratov region], f. R-2330, op. 1, d. 46.

8. GASO, f. 1221, op. 1, d. 119.

9. CANO (Central'nyj arhiv Nizhegorodskoj oblasti) [Central Archive of the Nizhny Novgorod region], f. R-6100, op. 6, d. 88.

10. Razvitie muzykal'nogo obrazovaniya v Tatarstane [Development of music education in Tatarstan]; ed. by L. V. Gorohova; D. I. Ibragimov. Kazan, Glavnoe arhivnoe upravlenie pri Kabinete Ministrov Respubliki Tatarstan, 2011. 216 p.

11. GART (Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Tatarstan) [State Archive of the Republic of Tatarstan], f. R-6832, op. 1, d. 6.

12. GART, f. R-6832, op. 1, d. 1.

13. GART, f. R-6832, op. 1, d. 97.

14. GART, f. R-6832, op. 1, d. 186.

15. CANO, f. R-6099, op. 4, d. 31.

16. CANO, f. R-6099, op. 4, d. 30.

17. CANO, f. R-6099, op. 4, d. 55.

18. CANO, f. R-6099, op. 4, d. 34.

19. GASO, f. R-2330, op. 1, d. 44.

20. GASO, f. R-2330, op. 1, d. 107.

Информация об авторе / Information about the Author

Суетин Илья Николаевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теоретических основ экономики и правопедания, Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова, г. Ульяновск, Российская Федерация, e-mail: piazzolla73@gmail.com, ORCID: 0000-0002-2792-9085, ResearcherID: AAH-1589-2020

Ilya N. Suetin, Dr. of Sci. (Historical), Associate Professor, Professor of the Department of Theoretical Fundamentals of Economics and Law, Ulyanovsk State Pedagogical University I. N. Ulyanova, Ulyanovsk, Russian Federation, e-mail: piazzolla73@gmail.com, ORCID: 0000-0002-2792-9085, ResearcherID: AAH-1589-2020

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-2-218-227>

К вопросу об охране материнства и детства в первые десятилетия Советской власти (по материалам Государственного архива Курской области)

А. С. Третьяк¹✉, В. В. Волобуев¹

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: anna_tretyak@bk.ru

Резюме

Актуальность представленной статьи обусловлена процессами реализации Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года и формированием комплекса мер по поддержке женщины-матери. Целостная поддержка материнства и детства в современной России была бы невозможна без исследования истории охраны материнства и детства советского периода.

Целью статьи является изучение мероприятий, проводимых учреждениями здравоохранения города Курска в 1920–1930-е годы в сфере обеспечения охраны материнства и младенчества.

Задачи: определить степень охраны материнства и младенчества к началу исследуемого периода; дать характеристику мероприятиям советской власти по организации сети родильных домов; изучить процесс создания и развития детских яслей в Курске.

Методология. В работе применялись методы объективности, научности, историзма. Кроме того, использовались историко-сравнительный и хронологический подходы.

Результаты. Негативные последствия войн и революций свели на нет результаты деятельности по охране материнства и детства земского периода. Советская власть поставила своей целью улучшение демографической ситуации. С этой целью была организована борьба с детской смертностью, поддержка женщин в период беременности и родов, организация женских и детских консультаций, родильных домов и отделений.

Выводы. В рассматриваемый период шло становление системы охраны материнства и детства. Государство направило в эту сферу значительные денежные средства, обеспечило ее кадрами, что позволило в сжатые сроки улучшить демографическую ситуацию в регионе и в России в целом.

Ключевые слова: здравоохранение; медицина; история; материнство; младенчество; родовспоможение; родильный дом; ясли.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Третьяк А. С., Волобуев В. В. К вопросу об охране материнства и детства в первые десятилетия Советской власти (по материалам Государственного архива Курской области) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 2. С. 218–227. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-2-218-227>.

Поступила в редакцию 27.02.2023

Принята к публикации 27.03.2023

Опубликована 28.04.2023

© Третьяк А. С., Волобуев В. В., 2023

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2023; 13(2): 218–227

On the Issue of the Protection of Motherhood and Childhood in the First Decades of Soviet Power (Based on the Materials of the State Archive of the Kursk Region)

Anna S. Tretyak¹, Vitalii V. Volobuev¹ ✉

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: anna_tretyak@bk.ru

Abstract

The relevance of the presented article is due to the processes of implementing the Concept of state family Policy in the Russian Federation for the period up to 2025 and the formation of a set of measures to support a mother woman. Holistic support of motherhood and childhood in modern Russia would be impossible without a study of the history of maternal and child protection of the Soviet period.

The purpose of the article is to study the activities carried out by healthcare institutions in Kursk in the 1920s and 1930s in the field of maternity and infancy protection.

Objectives: to determine the degree of protection of motherhood and infancy by the beginning of the study period, to characterize the activities of the Soviet government to organize a network of maternity hospitals, to study the process of creating and developing nurseries in Kursk.

Methodology. The methods of objectivity, scientific, historicism were used in the work. In addition, historical-comparative and chronological approaches were used.

Results. The negative consequences of wars and revolutions have nullified the results of activities for the protection of motherhood and childhood of the Zemstvo period. The Soviet government aimed to improve the demographic situation. To this end, the fight against child mortality, support for women during pregnancy and childbirth, the organization of women's and children's consultations, maternity homes and departments were organized.

Conclusions. During the period under review, the system of maternity and childhood protection was being established. The state has sent significant funds to this area, provided it with personnel, which made it possible to improve the demographic situation in the region and in Russia as a whole in a short time.

Keywords: healthcare; medicine; history; motherhood; infancy; maternity care; maternity hospital; nursery.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Tretyak A. S., Volobuev V. V. On the Issue of the Protection of Motherhood and Childhood in the First Decades of Soviet Power (Based on the Materials of the State Archive of the Kursk Region). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2023; 13(2): 218–227. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-1-218-227>.

Received 27.02.2023

Accepted 27.03.2023

Published 28.04.2023

Введение

Охрана материнства и младенчества – это одно из важнейших условий решения демографической проблемы страны, при этом организовать успешно функционирующую систему мероприятий в этой сфере можно лишь только с помощью государственной поддержки системы здравоохранения. В дореволюционный

период организация системы народного здоровья предусматривала меры по улучшению медицинского обслуживания по большей части взрослого населения и достигла здесь значительных успехов. При этом охране материнства и младенчества не уделялось должного внимания, несмотря на то, что передовые земские врачи и иные представители прогрессивной русской общественности отчетливо понима-

ли, что существующая проблема детской смертности стоит крайне остро [1].

До 1917 г. данная проблема оставалась одной из важнейших проблем земского здравоохранения. Земствами предпринимались попытки улучшить качество акушерской помощи путем создания фельдшерско-акушерских школ, а также создавались такие учреждения, как приюты для подкидышей и воспитательные дома, однако этих действий было крайне мало. Родильных домов в Курской губернии было явно недостаточно, причем в уездах их не существовало вовсе, и только к концу XIX в. при отдельных земских больницах стали предусматриваться 1–2 родильные койки [2, с. 95].

Даже в начале XX в. ситуация осталась практически неизменной, например, в Курском уезде за 1910 г. родилось 9811 детей, и лишь в 3,2% случаев родовспоможение было оказано стационарно [3, с. 9]. Безусловно, таких мер было крайне мало для уменьшения социально-демографических проблем, и перед советской властью стояли острые вопросы охраны материнства и младенчества. Решить их можно было только путем создания государственной централизованной системы таких учреждений, как родильные дома, женские и детские консультации, ясли, детские сады, образовательные организации и т. д.

Методология

В нашем исследовании применялся метод объективности и научности с опорой на принцип историзма. Это позволило достичь обозначенной цели путем выполнения поставленных задач. Кроме того, нами использовались историко-сравнительный и хронологический подходы для анализа исторических материалов. Использование перечисленного методологического аппарата позволило выявить особенности и проблемы в ходе реализации политики поддержки материнства и детства в г. Курске в первые десятилетия советской власти.

Результаты и их обсуждение

Охрана материнства и детства – это система мер государственного, муниципального, общественного и частного характера, направленных на сохранение и укрепление здоровья женщин и детей, создание оптимальных условий для выполнения женщиной ее важнейшей социальной функции – рождения и воспитания ребенка.

До 1917 г. в Курске не было женских консультаций, детских яслей [4, с. 154]. При губернской земской больнице существовал приют для подкидышей на 30 мест, куда полицией доставлялись брошенные дети, при этом смертность в данном приюте была чрезвычайно высока. Кроме этого, в городе было 2 приюта на 100 детей «мещан, крестьян и нижних чинов» [5, с. 4] – отдельно для мальчиков и девочек, и приют на 100 дворянских детей, на содержание которого выделялись средства, в четыре раза превышавшие расходы на другие приюты.

После революции вопросы охраны материнства и детства получили заслуженное внимание. Молодое советское государство строило централизованную систему здравоохранения, в которой важное место отводилось организации поддержки матери и ребенка. Так, например, Е. С. Шахова в своей работе приходит к выводу о том, в первые годы советской власти была подготовлена соответствующая нормативно-правовая база и мобилизованы буквально все материальные ресурсы для борьбы с последствиями недостаточного внимания к вопросам охраны материнства и детства, что подтверждается архивными документами. При общих тяжелых условиях жизни в стране правительство выделяло огромные средства для помощи детям [6, с. 37].

В 1919 г. в Курске были открыты следующие учреждения: детская больница на 30 коек, дом матери и ребенка на 25 коек, женская и детская консультации. Существовавший ранее приют для подкидышей при губернской больнице в

1919 г. был расширен до 65 мест. Кроме этого, были организованы убежища для матерей-одинок с грудными детьми и для беременных, что позволяло женщинам после родов восстановиться в гигиенических условиях. При убежищах функционировала белошвейная мастерская.

Подобные учреждения имели прогрессивное значение в первые годы советской власти, ведь до революции при практически полном отсутствии государственных организаций по охране матери и ребенка положение беременной женщины было незавидным, роды проводились повивальными бабками в отсутствие должных гигиенических условий, что приводило к высокому уровню смертности как матери, так и новорожденного. Так, в дореволюционном Курске не существовало полноценного учреждения родовспоможения, только при лечебнице, организованной Обществом курских врачей, функционировали 5 коек родильного приюта.

К сожалению, после того, как Курск был захвачен денкидцами в сентябре 1919 г., новым учреждениям по вопросам охраны материнства и детства был нанесен большой урон, и несмотря на непродолжительное пребывание белогвардейцев у власти, эти учреждения были практически полностью разрушены [7, с. 79]. Советскому государству пришлось буквально по крупицам создавать, по сути, новую систему охраны здоровья населения, и все это усугублялось нехваткой квалифицированных кадров на фоне общего экономического кризиса [8].

Многие исследователи считают, что в начале XX в. охрана материнства и детства стала неким катализатором общественной активности и мерилom (лакмусовой бумажкой) уровня состояния гражданского общества и возможностей проявления индивидуальных и групповых инициатив, как в столицах, так и в провинции. Отношение к защите прав матери и ребенка, заботе об их здоровье переставало быть направлением деятельности

лишь медицинской общественности, приобретая глубокое социальное звучание и общественный резонанс [8, с. 188].

Одним из первых шагов было создание Подотдела охраны материнства и младенчества, который начал свою работу в июне 1920 г., при этом под его контроль попали организации, ранее находящиеся в ведении органов соцобеспечения. Подотдел охраны материнства и младенчества начал работать в тесной связи с медицинским подотделом и ставил вопрос об охране материнства и младенчества во всей широте, признавая мать-роженицу и ее ребенка объектом особых забот, стремясь обеспечить матери нормальные условия существования в период беременности, родовом и послеродовом периодах.

В самом начале возникновения подотдела его деятельность ограничивалась только одним учреждением – детским очагом им. Крупской, бывшем приюте подкидышей. Далее поле деятельности существенно расширилось, по постановлению коллегии врачей в январе 1921 г. был открыт Дом матери и ребенка [9, л. 7]. В доме №27 по улице Ленина открылся родильный приют на 25 кроватей, здание отремонтировано и снабжено необходимым инвентарем. Здесь же открылась и консультация для беременных. Для заведывания родильным приютом и консультацией приглашены врач-акушер и 5 акушерок. Помимо этих отделений Дому матери и ребенка принадлежали «Капля Молока», консультации для матерей по уходу за детьми и показательная выставка. Молочная кухня ежедневно выдавала по 500 пузырьков стерилизованного молока детям грудного возраста беднейших слоев населения [9, л. 8].

Кроме того, Подотдел заботился о тех матерях, которые в силу трудного материального положения не могли воспитывать своих детей и обращались за оказанием помощи. Такие прошения после обстоятельного обследования положения матери удовлетворялись в размере 100–

130 рублей, после чего матери получали возможность приобретать молоко или в случае нахождения их на службе нанять себе няню для ухода за ребенком [9, л. 10].

Подотдел также защищал права беременных женщин. Так, 5 февраля 1921 г. Подотделом было направлено сообщение заведующей школой при Флоровской церкви: «Ввиду поступившего в Подотдел охраны материнства и младенчества заявления гражданки Стефании Потуга, беременной на 7 месяце, о чрезмерной тяжелой работе исполняемой ею, как-то: рубка и носка дров, Подотдел [...] сообщает Вам, что по правилам беременные женщины должны быть освобождены от тяжелой работы, в особенности во второй период, и могут исполнять только легкую работу» [10, л. 30].

Таким образом, очевидно, что в первое десятилетие установления советской власти наиболее острыми проблемами были голод, массовые эпидемии, крайне высокий уровень младенческой смертности и детская беспризорность, поэтому основное внимание государства по охране материнства и детства было направлено на решение указанных проблем. В этот период в городе заработали 2 женские консультации. Еще одна консультация объединяла в себе работу и с женщинами, и с детьми. При консультации №1 в марте 1925 г. была открыта молочная кухня, а при консультации №2 – раздаточный пункт. Кроме этих учреждений горздравотдела, действовали две консультации дорздравотделов МК и МКВ железных дорог [10, с. 8–14].

В советский период для безотрывного процесса работы кормящей матери создавались такие учреждения, как детские ясли. Как правило, они были расположены неподалеку от крупных заводов, фабрик и иных учреждений, чтобы у женщины была возможность отлучаться для кормления ребенка и возвращаться опять к своим рабочим обязанностям [12, с. 246]. В 1927 г. начали работать первые постоянные ясли на 50 детей и двое яслей при кожевенном

заводе и обувной фабрике для детей работниц. Кроме этого, при жилищно-арендных кооперативных товариществах действовали двое дневных яслей на 15–20 детей, обслуживание которых осуществлялось женами рабочих и домашними хозяйками. Следует отметить, что в те годы необходима была и определенная просветительно-разъяснительная работа, направленная на определение роли яслей не только как учреждений, позволяющих женщине совмещать работу на производстве с уходом за ребенком, но и как организаций, имеющих большое значение в процессе воспитания детей и создания условий для их развития.

Родовспоможение в г. Курске обеспечивал родильный дом № 1 на 30 коек и родильное отделение народной больницы (бывшей губернской земской) на 25 коек. В 1932 г. был открыт второй родильный дом, в котором предусматривалось 20 коек [13]. Помимо этого, сеть организаций по охране материнства и детства включала в себя дом ребенка и дом матери и ребенка на 75 и 100 мест соответственно. Было организовано и трудовое общежитие на 25 коек для матерей, нуждающихся в поддержке. Стоит отметить появление в этот период таких организаций присмотра за младенцами, как сезонные ясли, функционирующие в период летних работ, кроме этого продолжили работать молочные кухни по программе «Капля молока», а также женские и детские консультации. В результате предпринимаемых мер значительно улучшилась ситуация с охраной материнства и младенчества – мы можем сделать вывод о снижении детской заболеваемости и улучшении демографических показателей.

В декабре 1925 г. в Курске было открыто новое лечебно-профилактическое учреждение – детская профилактическая лаборатория [14, л. 64], созданная с целью оказания квалифицированной помощи детям, а также проведения различных мероприятий по оздоровлению подрастающего поколения.

Стоит отметить, что новым органам здравоохранения, созданным советской властью, приходилось решать свои задачи по охране здоровья населения в критически сложных условиях, ведь Первая мировая война существенно подорвала состояние медицинской и санитарной организации страны, а революции, Гражданская война и связанные с этими событиями (голод, движение беженцев), к сожалению, способствовали распространению эпидемий, на борьбу с которыми направлялись колоссальные силы и средства [15]. В этой связи необходимо признать, что, конечно же, страна не могла сразу организовать медицинскую помощь на достаточном уровне и, в частности, проводить мероприятия по охране материнства и детства в том объеме, который требовался для удовлетворения всех потребностей населения, однако мы видим, что дело охраны здоровья неуклонно двигалось вперед и активно развивалось в первые десятилетия установления советской власти [11].

Примером этого может послужить факт резкого увеличения рождаемости к середине 1930-х гг. Предпосылками к этому можно назвать ряд причин: это и повышение уровня жизни, и развитие законодательной базы, направленной на поддержку семьи (в частности, закон о запрете абортов), и систематические мероприятия по санитарному просвещению населения. При этом сеть родовспоможения Курской области состояла из трех роддомов на 75 коек, 828 коек в родильных отделениях больниц и 171 акушерского пункта. По данным Курского областного управления народнохозяйственного учета, в первом квартале 1935 г. родилось 40 662 ребенка, а в первом квартале 1936 г. – 46 295 детей. Такое резкое увеличение рождаемости повлияло на планы по организации родовспоможения, т. к. все имевшиеся к тому времени родильные дома и отделения при больницах были переполнены.

Постановление о запрещении абортов советское правительство подкрепило огромным финансированием работ по охране материнства и младенчества. Так, Курская область в 1936 г. получила около 5 млн рублей на строительство роддомов, яслей и молочных кухонь [16]. Для сравнения: Курская и Воронежская области никогда до этого более 250 тыс. рублей в год на указанные нужды не получали. В течение ближайших двух лет планировалось построить в области 7 новых родильных домов, 21 ясли, 5 молочных кухонь, дополнительно открыть 70 родильных колхозных роддомов на 210 коек и 1000 постоянных яслей, а также выделить в уже существовавших больницах 500 коек для рожениц. И уже через 3 месяца после выделения финансирования в колхозах области были открыты 55 родильных домов и свыше 50 яслей, в больницах выделено 270 родильных коек.

В областном центре в августе 1936 г. были выбраны площадки для двух новых двухэтажных зданий яслей по типовым проектам Наркомздрава, каждое на 120 мест. Стройки шли ударными темпами, и одно здание было сдано уже через год, а еще спустя год – и второе.

На зиму 1936–1937 года за колхозами были закреплены 1000 яслей на 25 тыс. мест. На специальных курсах с отрывом и без отрыва от производства были подготовлены 330 ясельных сестер, а все заведующие новыми яслями прошли трехмесячные курсы. За последующие годы в районах Курской области было выстроено еще 7 колхозных роддомов и открыто 60 новых акушерских пунктов, а в родильных отделениях при больницах число коек было увеличено до 500 [17, с. 98].

В конце 1936 г. началась реконструкция курского роддома №1, на расширение которого Наркомздрав выделил 175 тыс. рублей. В итоге это позволило довести количество коек в роддоме до 100, и кроме акушерского открыть еще и гинекологическое отделение. Стоит от-

метить, что в обновлённом роддоме появилось и отделение патологии беременности на 15 коек [18]. В августе 1937 г. облисполком утвердил строительство в Курске нового родильного дома на 80 коек по ул. Пионеров, и весной 1940 г. он был открыт. Таким образом, за весьма короткий период количество родильных коек в Курске выросло до 230 [17, с. 125].

Одновременно со строительством родильных домов и детских яслей открывались новые молочные кухни, а существующие значительно расширяли свои услуги. Так, например, Курская молочная кухня помимо обслуживания детей на дому отпускала питание и находившимся на лечении в детской больнице. Для грудных детей, живущих на окраинах, ею было открыто несколько раздаточных пунктов [19].

В 1937 г. был открыт специальный санаторий для беременных, на организацию которого было выделено облздравотделом 320 тыс. рублей. Беременные женщины направлялись в санаторий на 56 дней по путевкам женских консультаций, находились под наблюдением специалистов и в случае каких-либо отклонений от нормы проходили соответствующее лечение. Кроме этого, с беременными проводились специальные занятия по уходу за новорожденными [20].

Расширение сети учреждений охраны материнства и младенчества непрерывно продолжалось все предвоенные годы. К 1940 г. в областном центре работали 4 родильных дома на 230 коек. В течение указанного года в Курске было принято 4425 родов, из них 4221 – в родильных домах. Средняя продолжительность пребывания рожениц в стационаре составила 9,7 дня. В областном центре вели прием 1 женская консультация, 1 детская и 2 смешанные. Детские ясли были укомплектованы полностью, всего их было 14 на 748 мест [17, с. 134].

Выводы

В земский период поддержка материнства и детства относилась, скорее, к сфере благотворительности и зависела от «доброй воли» общественных объединений. Безусловно, прогрессивная часть общества осознавала важность и необходимость проведения мероприятий по защите материнства и младенчества, однако процесс не мог развиваться без главного – поддержки на государственном уровне. Последствия Первой мировой и Гражданской войн привели к практически полному уничтожению всех результатов по охране материнства и детства земского периода, и молодому советскому государству предстояло кардинально решать вопросы здравоохранения и социальной поддержки одних из наиболее уязвимых групп общества – женщин и детей.

Первоначальной задачей ставилась борьба с младенческой смертностью, поэтому прежде всего необходимо было обеспечить на необходимом уровне ведение беременности и родов, организовать работу женских и детских консультаций, родильных домов и отделений. Проблема была и с медицинскими кадрами. Большое количество врачей было мобилизовано на фронт, а средний медицинский персонал зачастую не обладал необходимыми знаниями и навыками, поэтому активно начиналась работа по организации высших и средних медицинских учебных заведений.

Таким образом, в первые десятилетия советской власти были определены основные направления развития института охраны материнства и младенчества – создана структура управления, а также успешно решался вопрос с материальным и кадровым обеспечением здравоохранения.

Список литературы

1. Третьяк А. С. Социальная политика курского земства во второй половине XIX – начале XX века. Курск: Университетская книга, 2019. 125 с.
2. Третьяк А. С. History of maternity and infancy in zemsky period (based on the central chernozem (black earth region) files) // Былые годы. Российский исторический журнал. 2015. №1 (35). С. 94–99.
3. Земская медицина, заболеваемость и движение населения в Курском уезде за 1910 год: доклад уездного врачебного Совета 47 очередному уездному собранию. Курск: Изд. Курского уездного земства, 1911. 26 с.
4. Третьяк А. С. Становление и развитие земской медицины и ветеринарии в Центральном Черноземье: 1865–1914 гг. Курск: Университетская книга, 2018. 162 с.
5. Язвин М. А. Очерки по истории здравоохранения Курской области. Ч. 1: Здравоохранение в Курской губернии до Великой Октябрьской социалистической революции. 1796–1917 гг. / Курский обл. отд. здравоохранения; Курский гос. мед. ин-т. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1965. 156 с.
6. Шахова Е. С. Правовые и организационные мероприятия в области охраны материнства и детства как основные направления борьбы с детской беспризорностью в советской России // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2014. № 3 (40). С. 36–39.
7. Третьяк А. С., Бурцева Е. С. Особенности организации здравоохранения в годы Первой мировой и Гражданской войн (по материалам Центрального Черноземья) // Известия Юго-Западного государственного университета. 2014. № 4 (55). С. 78–80.
8. Щербинин П. П. Охрана материнства и младенчества в первое десятилетие советской власти на Тамбовщине (1918–1928 гг.) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки, 2019. Т. 24, № 179. С. 186–197.
9. ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. Р-202. Оп. 1. Д. 109.
10. ГАКО. Ф. Р-202. Оп.1. Д. 97.
11. Введенский Е. К. Статистико-экономический обзор Курской губернии. Вып. 1. Курск: Изд. Курского губстатбюро и губплана, 1926. 144 с.
12. Никифоров С. А. Здравоохранение в Советском Союзе в 30-х – начале 40-х годов XX века (на примере Курской области) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9, № 6. С. 241–249.
13. Третьяков А. Ф. О состоянии и перспективах развития здравоохранения в Курской области: доклад на 1-м съезде Советов Курской области // Курская правда. 1935. 13 января.
14. ГАКО. Ф. Р-202. Оп.1. Д. 103.
15. Третьяк А. С. Некоторые аспекты кадрового и материального обеспечения системы здравоохранения в период становления советской власти (на примере Курской губернии) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2020. Т. 10, № 4. С. 177–185.
16. ГАКО. Ф. Р-202. Оп. 1. Д. 627. Л. 25
17. Язвин М. А. Очерки по истории здравоохранения Курской области. Ч. 3, вып. 1: Организация охраны здоровья населения в довоенные годы, в период оккупации и ликвидации ее санитарных последствий после освобождения области. (1934–1946 гг.) / Курский обл. отд. здравоохранения; Курский гос. мед. ин-т. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1968. 195 с.
18. Курская правда. 1937. 23 ноября.
19. Курская правда. 1937. 8 июля.
20. Курская правда. 1937. 11 февраля.

References

1. Tret'yak A. S. Social'naya politika kurskogo zemstva vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka [Social policy of the Kursk Zemstvo in the second half of the XIX – early XX century]. Kursk, Universitetskaya kniga Publ., 2019. 125 p.
2. Tret'yak A. S. History of maternity and infancy in zemsky period (based on the central chernozem (black earth region) files). *Bylye gody. Rossijskij istoricheskij zhurnal = The old years. Russian Historical Journal*, 2015, no. 1 (35), pp. 94–99.
3. Zemskaya medicina, zaboлеваemost' i dvizhenie naseleniya v Kurskom uezde za 1910 god. Doklad uezdnogo vrachebnogo Soveta 47 ocherednomu uezdnomu sobraniyu [Zemstvo medicine, morbidity and population movement in Kursk County for 1910. Report of the County Medical Council 47 to the next county meeting]. Kursk, Izd. Kurskogo uezdnogo zemstva, 1911. 26 p.
4. Tret'yak A. S. Stanovlenie i razvitie zemskoj mediciny i veterinarii v Central'nom Chernozem'e: 1865–1914 gg. [Formation and development of Zemstvo medicine and veterinary medicine in the Central Chernozem region: 1865–1914]. Kursk, Universitetskaya kniga Publ., 2018. 162 p.
5. Yazvin M. A. Ocherki po istorii zdravoohraneniya Kurskoj oblasti. Pt. 1. Zdravoohranenie v Kurskoj gubernii do Velikoj Oktyabr'skoj socialisticheskoy revolyucii. 1796–1917 gg. [Essays on the history of healthcare in the Kursk region. Part 1. Healthcare in the Kursk province before the Great October Socialist Revolution. 1796–1917]. Voronezh, Centr.-Chernozem. kn. izd-vo, 1965. 156 p.
6. Shahova E. S. Pravovye i organizacionnye meropriyatiya v oblasti ohrany materinstva i detstva kak osnovnye napravleniya bor'by s detskoj besprizornost'yu v sovetskoj Rossii [Legal and organizational measures in the field of maternity and childhood protection as the main directions of combating child homelessness in Soviet Russia]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of Omsk University. Series: Law*, 2014, no. 3 (40), pp. 36–39.
7. Tret'yak A. S., Burceva E. S. Osobennosti organizacii zdravoohraneniya v gody Pervoj mirovoj i Grazhdanskoj vojn (po materialam Central'nogo Chernozem'ya) [Features of the organization of health care during the First World War and the Civil War (based on the materials of the Central Chernozem region)]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta = Proceedings of the Southwest State University*, 2014, no. 4 (55), pp. 78–80.
8. Shcherbinin P. P. Ohrana materinstva i mladenchestva v pervoe desyatiletie sovetskoj vlasti na Tambovshchine (1918–1928 gg.) [Protection of motherhood and infancy in the first decade of Soviet power in the Tambov region (1918–1928)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities*, 2019, vol. 24, no. 179, pp. 186–197.
9. GAKO (Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti) [The State Archive of the Kursk region], f. R-202, op. 1, d. 109.
10. GAKO, f. R-202, op. 1, d. 97.
11. Vvedenskij E. K. Statistiko-ekonomicheskij obzor Kurskoj gubernii [Statistical and economic review of Kursk province]. Is. 1. Kursk, Izd. Kurskogo gubstatbyuro i gubplana, 1926. 144 p.
12. Nikiforov S. A. Zdravoohranenie v Sovetskom Soyuze v 30-h – nachale 40-h godov XX veka (na primere Kurskoj oblasti) [Healthcare in the Soviet Union in the 30s – early 40s of the XX century (on the example of the Kursk region)]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2019, vol. 9, no. 6, pp. 241–249.
13. Tret'yakov A. F. O sostoyanii i perspektivah razvitiya zdravoohraneniya v Kurskoj oblasti. Doklad na 1-m s"ezde Sovetov Kurskoj oblasti [On the state and prospects of health care

development in the Kursk region. Report at the 1st Congress of Councils of the Kursk region]. *Kurskaya pravda*, 1935, January 13.

14. GAKO, f. R-202, op. 1, d. 103.

15. Tret'yak A. S. Nekotorye aspekty kadrovogo i material'nogo obespecheniya sistemy zdavoohraneniya v period stanovleniya sovetskoj vlasti (na primere Kurskoj gubernii) [Some aspects of personnel and material support of the healthcare system during the formation of Soviet power (on the example of Kursk province)]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2020, vol. 10, no. 4, pp. 177–185.

16. GAKO, f. R-202, op. 1, d. 627, l. 25

17. Yazvin M.A. Oчерки po istorii zdavoohraneniya Kurskoj oblasti. Ch. 3, vyp. 1: Organizaciya ohrany zdorov'ya naseleniya v dovoennye gody, v period okkupacii i likvidacii ee sanitarnyh posledstvij posle osvobozhdeniya oblasti. (1934–1946 gg.) [Essays on the history of healthcare in the Kursk region. Part 3, vol. 1. Organization of public health protection in the pre-war years, during the occupation and elimination of its sanitary consequences after the liberation of the region. (1934–1946)]. Voronezh, Centr.-Chernozem. kn. izd-vo, 1968. 195 p.

18. *Kurskaya pravda*, 1937, November 23.

19. *Kurskaya pravda*, 1937, July 8.

20. *Kurskaya pravda*, 1937, February 11.

Информация об авторах / Information about the Authors

Третьяк Анна Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и социально-культурного сервиса, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: anna_tretyak@bk.ru, ORCID: 0000-0001-5204-613X

Anna S. Tretyak, Cand. of Sci. (Historical), Associate Professor, Associate Professor of the Department of History and Social and Cultural Service, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: anna_tretyak@bk.ru, ORCID: 0000-0001-5204-613X

Волобуев Виталий Валерьевич, преподаватель кафедры истории и социально-культурного сервиса, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: volobuev.vit98@gmail.com, ORCID: 0000-0002-8996-736X

Vitalii V. Volobuev, Lecturer of the Department of History and Social and Cultural Service, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: volobuev.vit98@gmail.com, ORCID: 0000-0002-8996-736X

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-2-228-243>

Курская крепость: к вопросу о границах и внешнем облике Знаменского мужского монастыря

А. А. Петров¹ ✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: beliyfecity@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Настоящая статья представляет собой попытку сравнительного анализа изменений каменного архитектурного ансамбля Знаменского монастыря в период со второй половины XVII века до начала XIX века. Эта тема мало исследована, а потому актуальна и востребована.

Цель – на основе имеющихся материалов определить границы и облик Курского Знаменского мужского монастыря с момента основания и до начала XIX века.

Задачи: сопоставить местонахождение монастырских построек с современным городским рельефом и установить вид строений.

Методология. Статья основана на принципах историзма, научной объективности и системности, которые дополнены методом реконструкции, сравнительно-историческим методом. В работе, помимо прочего, использована техника виртуального 3D-моделирования.

Результаты. Путем наложения городских планов разных времен и современных спутниковых снимков определено возможное местонахождение построек Знаменского монастыря, описан внешний вид строений. Установлено, что вид «курского кремля» в течение времени его существования постоянно менялся. Сравнение границ фундаментов и изучение принципов строительства схожих сооружений с сохранившимися изображениями монастыря позволило воссоздать границы и внешний облик курской святыни. Благодаря технике 3D-моделирования воссоздан архитектурный облик ансамбля Знаменского монастыря XVII – XVIII веков.

Вывод. Проведенное исследование дало основания утверждать, что архитектурный Знаменский монастырь с момента его основания являлся «осью» городской застройки. Его внешний вид был, с одной стороны, типичен для храмов средневековой России, с другой – выделял Курск из множества других российских городов.

Ключевые слова: Курск; древний город; Знаменский монастырь; крепость; рельеф.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Петров А. А. Курская крепость: к вопросу о границах и внешнем облике Знаменского мужского монастыря // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 2. С. 228–243. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-2-228-243>.

Поступила в редакцию 27.02.2023

Принята к публикации 27.03.2023

Опубликована 28.04.2023

© Петров А. А., 2023

Kursk Fortress: on the Question of the Boundaries and Appearance of the Znamensky Monastery

Aleksander A. Petrov¹ ✉

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: beliyfecity@yandex.ru

Abstract

Relevance. This article is an attempt to compare the changes in the stone architectural ensemble of the Znamensky Monastery in the period from the second half of the XVII century to the beginning of the XIX century. This topic has been little studied, and therefore it is relevant and in demand.

The purpose is to determine the boundaries and appearance of the Kursk Znamensky Monastery from the moment of its foundation until the beginning of the XIX century on the basis of available materials.

Objectives: to compare the location of the monastery buildings with the modern urban relief and to establish the type of buildings.

Methodology. The article is based on the principles of historicism, scientific objectivity and consistency, which are supplemented by the method of reconstruction, the comparative historical method. In the work, among other things, the technique of virtual 3d modeling is used.

Results. By superimposing city plans of different times and modern satellite images, the possible location of the buildings of the Znamensky Monastery is determined, its appearance of buildings is described. It is established that the appearance of the "Kursk Kremlin" has been constantly changing during the time of its existence. Comparing the boundaries of the foundations and studying the principles of construction of similar structures with the preserved images of the monastery allowed us to recreate the boundaries and appearance of the Kursk shrine. Thanks to the 3d modeling technique, the architectural appearance of the ensemble of the Znamensky Monastery of the XVII – XVIII centuries has been recreated.

Conclusion. The conducted research gave grounds to assert that the architectural Znamensky Monastery has been the "axis" of urban development since its foundation. Its appearance was, on the one hand, typical of the temples of medieval Russia, on the other, Kursk stood out from many other Russian cities.

Keywords: Kursk; ancient city; Znamensky monastery; fortress; relief.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Petrov A. A. Kursk Fortress: on the Question of the Boundaries and Appearance of the Znamensky Monastery. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2023; 13(2): 228–243. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-2-228-243>.

Received 27.02.2023

Accepted 27.03.2023

Published 28.04.2023

Введение

Курск – один из древнейших городов России, выполняющих функцию оборонительного форпоста Российского государства. После восстановления крепости в 1597 г. Курск в жестоких осадах не дал сломить оборону России. Духовным центром средневековой крепости стал Знаменский монастырь, основанный в 1612 г. С этого времени исторический центр го-

рода неоднократно перестраивался, проведение археологических исследований всегда было затруднительно. Однако сохранность некоторых исторических документов дает возможность подробно изучить городскую инфраструктуру и внешний городской облик до утверждения генерального плана 1782 г.

Определению внешнего облика Курского Знаменского мужского монастыря

до начала XIX века посвящена данная статья.

Методология

Статья основана на принципах историзма, научной объективности и системности. Благодаря принципу историзма современный вид курской крепости представляется как результат самых разнообразных исторических процессов, происходящих в курской истории с момента ее основания и вплоть до начала XIX в. Принцип научной объективности нацелил на проверку и перепроверку имеющихся в данном объекте сведений. Принцип системности дал возможность показа курской крепости как неотъемлемой части оборонной системы Московского государства.

Помимо названных принципов, в статье был применен сравнительно-исторический метод. На его основе описаны временные перемены в размерах и внешнем виде каменных строений центра Курска. Большое значение имел в данной статье метод реконструкции, благодаря ему воссоздан исторический отрезок, когда Курский Знаменский монастырь строился и развивался. Новаторской выглядит использованная в статье техника виртуального 3D-моделирования, с ее помощью монастырские постройки, дошедшие до нас или уже не сохранившиеся, «привязаны» к современному городскому ландшафту.

Результаты и их обсуждение

На протяжении всей средневековой истории Курский Знаменский монастырь, основанный в 1612 г., был надежной защитой внутри оборонительных городских стен [1, с. 5]. Данный аспект не раз освещался в трудах курских историков [2; 3; 4]. Интересные обобщающие труды о крепостях Южной России были созданы И. А. Воротниковой и В. М. Неделиным [5], а также Г. И. Булгаковым [6]. Именно эти авторы сумели воссоздать облик курской крепости на основе обнаруженных

ими в центральных архивах документов. Памятники Знаменского монастыря были описаны дореволюционным исследователем Н. И. Троицким [7]. Самое раннее из известных изображений курской крепости, так называемый абрис города Курска 1722 г., был «обретен» С. И. Федоровым и стал на сегодняшний день весьма известным историческим источником [8; 9; 10].

Каменное строительство монастыря было начато по велению царя Алексея Михайловича в 1649 г., при настоятеле Варлааме II [11, с. 24]. Монастырь являлся сердцем города и составлял общий внешний облик средневекового города-крепости. После расширения границ государства дальше на юг Курск утратил свое военного значение и крепость в 1724 г. была упразднена. Однако только в 1782 г. вступивший в силу новый генеральный план города поставил точку в истории крепости и превратил Курск в современный губернский центр с развитой инфраструктурой. Расцвет искусства регулярной планировки и застройки городов и их общественных центров во второй половине XVIII в. был обусловлен укреплением военного и экономического могущества России, общим подъёмом науки, техники, искусства и литературы [10, с. 39].

Новый градостроительный план полностью стер былую военную мощь города, безвозвратно уничтожив все оборонительные сооружения и постройки.

Архитектурные особенности Курского Знаменского монастыря конца XVIII столетия недостаточно хорошо изучены. До сих пор неизвестны точное местоположение его построек и их внешний вид. Документы, дошедшие до наших дней, не дают подробного внешнего описания. Исходя из этого посыла, нами сделана попытка сопоставить местонахождение архитектурных построек с городским рельефом, установить внешний вид и размеры каменных строений. Помимо традиционных методов, нами был применен метод наложения планов исторического

центра Курска в разные периоды времени.

На первом этапе исследования мы совместили современный спутниковый

снимок городского центра с фрагментом немецкого аэрофотоснимка Курска, сделанного летом 1943 г. (рис. 1)

Рис. 1. Немецкая аэрофотосъёмка г. Курска лета 1943 г. (слева) и спутниковый снимок (справа)

Fig. 1. German aerial photography of Kursk in the summer of 1943 (leftward) and Satellite image (on the right)

Для точности наложим обведём синим цветом линии фасадов существующих построек, присутствующих одновременно на двух снимках: 1 – Знамен-

ский кафедральный собор, 2 – восточная башня монастыря, 3 – Воскресенская церковь (рис. 2).

Рис. 2. Немецкая аэрофотосъёмка г. Курска июля 1943 г. с сохранившимися приметными объектами (слева) и спутниковый снимок (справа)

Fig. 2. German aerial photography of Kursk in July 1943 with preserved and notable objects (leftward) Satellite image (on the right)

На снимке 1943 г. запечатлена южная башня Знаменского монастыря, разрушенная в 60-е годы прошлого столетия. Благодаря произведенному наложению двух снимков мы можем выяснить её местоположение на современном спутнико-

вом снимке. Для этого на аэрофотоснимке 1943 г. синим цветом обведем фасад южной башни монастыря (4) и соответственно отметим её возможное местонахождение на современном снимке (рис. 3)

Рис. 3. Предполагаемое месторасположение южной и восточной башен Знаменского монастыря

Fig. 3. The estimated location of the southern and eastern towers of the Znamensky Monastery

Таким образом, на спутниковом снимке мы получили границы фасадов двух каменных построек Знаменского монастыря конца XVIII столетия.

Чтобы понять, в каких границах располагался Знаменский монастырь до начала XIX столетия, рассмотрим «План каменных строений в Губернском городе Курске» от 1798 г. (рис. 4) [12].

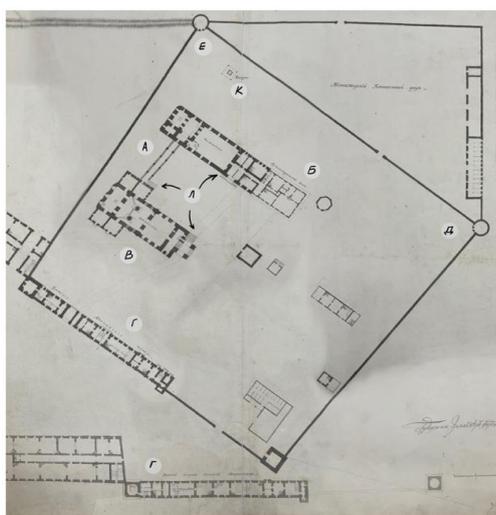

Рис. 4. План каменных строений в Губернском городе Курске от 1798 г. с приметными объектами

Fig. 4. Plan of stone buildings in the Provincial city of Kursk from 1798 with notable objects

Церковь Богоявления и Знаменская церковь на плане 1798 г. соединены переходом (А) и, судя по лестнице (Л), отмеченной на плане, этот переход был на уровне второго этажа. Лестница (Л) на входе церкви Богоявления (Б) и Знаменской церкви (В) указывает на то, что на плане 1798 г. изображены верхние этажи. Однако планировка Братских монашеских келий на въезде в монастырь является планировкой первого этажа. Второй этаж келий вынесен за план монастыря и изображен отдельно (Г). Весь Знаменский монастырь окружен каменным огражде-

нием и по углам построены башни. Круглые фасады у южной (Д) и восточной башен (Е), прямоугольные – у северной и западной башен, которые, в свою очередь, являются неотъемлемой частью двухэтажных монашеских келий (Г).

Отметим, что неподалеку от восточной башни находится колодец с водой (К).

Для подробного изучения изменений в планировке монастыря в конце XVIII в., детально рассмотрим более ранний и предлагаемый к возобновлению «План Курского Знаменского монастыря от 1785 года» (рис. 5) [13].

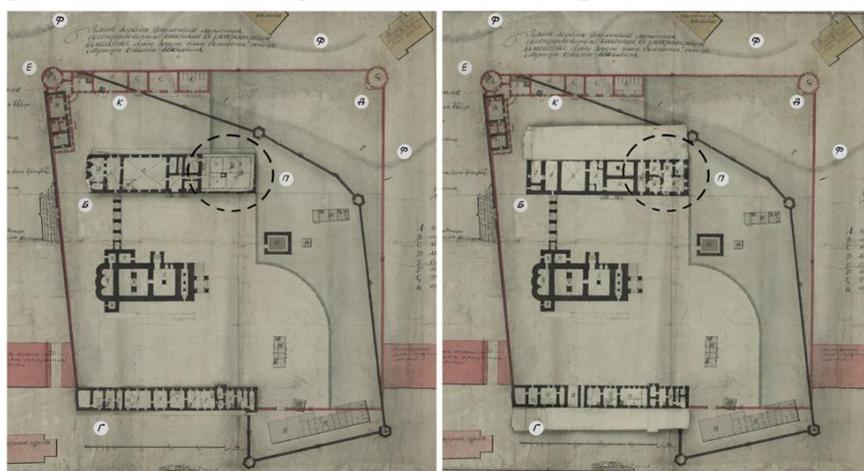

Рис. 5. План верхнего (слева) и нижнего (справа) этажей Курского Знаменского монастыря от 1785 г. с приметными объектами

Fig. 5. The plan of the upper (left) and lower (right) floors of the Kursk Znamensky Monastery from 1785 with notable objects

План имеет свою особенность. В нем существует вклейка верхних этажей Монашеских келий (Г) и церкви Богоявления господине (Б). Красным цветом отмечены планируемые строения, а серым цветом – существующие на момент составления плана.

Обратим внимание на планы церкви Богоявления Господня (Б) и Знаменской церкви (В). Церковь Богоявления была в два этажа, с пристройкой на втором этаже (П), в которой находились Покои настоятелей. Судя по планировке здания, можно предположить, что первый этаж был полностью каменный, а вот второй каменным был только частично. Пристройка с южной стороны была деревянная, но сна-

ружи заштукатурена, потому как по наружной стене на плане нет никаких различий и перепадов толщины стен. Также имеются входы без лестниц на первом этаже. Один из них изображен в том же месте, где изображен переход, соединяющий Знаменскую церковь и церковь Богоявления. По всей вероятности, на плане 1798 г. изображен вид его верхней части, ведущей сразу на второй этаж, а на плане 1785 г. изображены его опоры. Судя по конструкции, этот переход между двумя церквями напоминает мост с пристроенной лестницей вдоль стены Знаменской церкви.

План Знаменской церкви (В) от 1785 г. отличается от плана 1798 г. На плане

1798 г. изображен верхний этаж с церковными приделами, а на плане 1785 г. изображен нижний этаж с погребями и отдельным входом. По всей вероятности, этаж с погребями правильнее называть цокольным. Он частично находился под землей, а лестница на плане 1798 г. вела на первый, т. е. верхний этаж самой церкви. Колодец (К) около восточной башни еще только должен возобновиться.

Следовательно, он находился в этом месте до 1785 г., но по каким-то причинам был утрачен. Еще стоит обратить внимание на ограду Знаменского монастыря в 1785 г. Она каменная, соединяет, по всей видимости, небольшие оборони-

тельные шестиугольные башни и имеет полукруглую форму на юго-западе, связанную с неровностью рельефа (Ф) [14, с. 39]. Можно предположить, что как раз именно эта каменная ограда, ставшая ветхой к 1785 г., имела не декоративный, а военный характер, как и неровности рельефа, которые могли быть частью фортификационных оборонительных укреплений.

Следует отметить, что южная (Д) и восточная (Е) башни были построены после 1785 г. Отмечены они красным цветом, как только планируемые, и подписаны как «Житница» и «Кухня» (рис. 6).

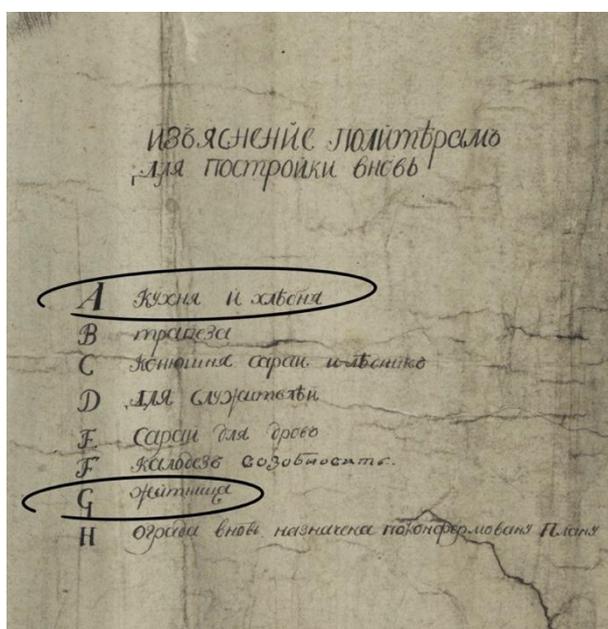

Рис. 6. Изъяснения на плане Курского Знаменского монастыря от 1785 г.

Fig. 6. Explanations on the plan of the Kursk Znamensky Monastery from 1785

По всей видимости, башни изначально строились как хозяйственные постройки. В связи с тем, что упразднение Курской крепости произошло в 1733 г., их возникновение после 1785 г. не могло иметь военного значения. Скорее всего, они имели декоративный характер и визуально украшали Знаменский монастырь, придавая традиционный средневековый вид его архитектурной композиции.

Чтобы определить границы фасадов построек Знаменского монастыря конца

XVIII столетия на современном снимке, воспользуемся таким же методом совмещения и сравним спутниковый снимок с нанесенными нами отметками фасадов башен с «Планом каменных строений в Губернском городе Курске» от 1798 г.

На плане конца XVIII столетия изображены фасады южной и восточной башен, отмеченные на современном спутниковом снимке. Совместим по фасадам башен два изображения и нанесем план 1798 г. на современный снимок (рис. 7).

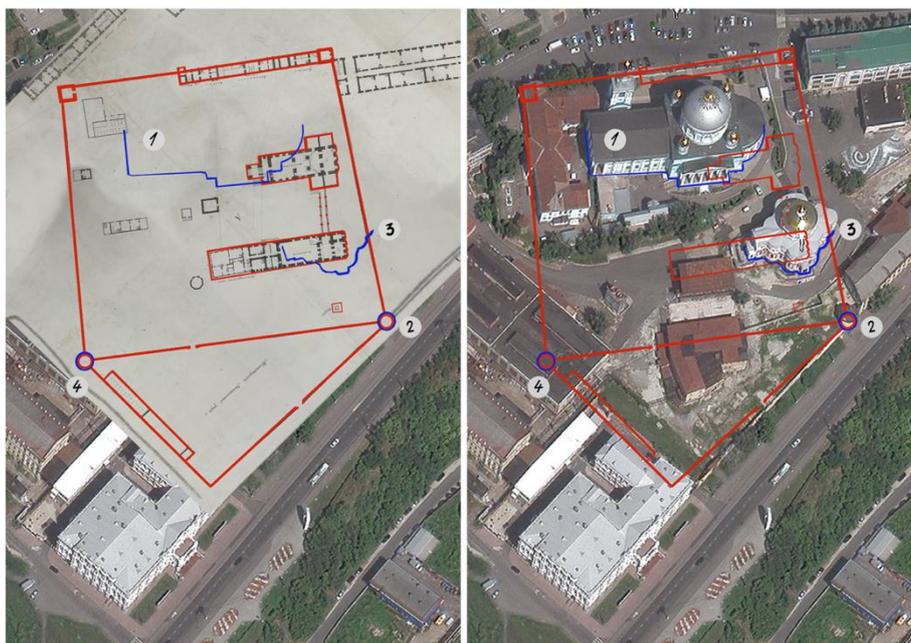

Рис. 7. Предполагаемое месторасположение границ Знаменского монастыря на современном спутниковом снимке

Fig. 7. The estimated location of the borders of the Znamensky Monastery on a modern satellite image

В итоге мы получаем вероятное расположение утраченных церковных построек средневекового Курска относительно современных строений.

На втором этапе исследования мы определим возможный внешний вид утраченной Знаменской церкви и обра-

тимся к типовой церковной постройке второй половины XVII в. Каменные церкви строились по схожему проекту приглашенными из соседних уездов мастерами. Постройка состояла из колокольни 1, трапезной 2, храма 3 и апсиды 4 (рис. 8).

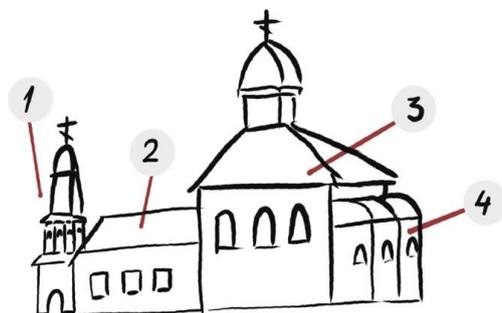

Рис. 8. Основные элементы православного храма XVII–XVIII вв.

Fig. 8. The main elements of the Orthodox church of the XVII–XVIII centuries

«Для надзирания над оным строением, определен, по Царской грамоте 19 ап-

реля 1649 г. курский протопоп Григорий» [11, с. 35].

Фундамент Знаменской церкви закончили строить к лету, а стены начали возводить уже 9 июля того же 1649 г. Часть материалов для строительства стен были взяты из развалин на земляном валу около реки Рать. «С оных палат ломан был кирпич, и дикой камень, часть которого пережигана была на известь» [11, с. 36].

Шатровой колокольни у Знаменской церкви не было, и предположим, что на

ее месте находился вход с двумя лестничными пролетами, отмеченными на плане 1798 г. (рис. 9, А). Пристройка в виде отдельного входа-крыльца 1 не предполагалась при изначальной планировке. Её отсутствие очевидно на «Чертеже вновь выстроенной каменной церкви Знамения Богородицы» от 10 августа 1653 г. (рис. 9, Б) [15].

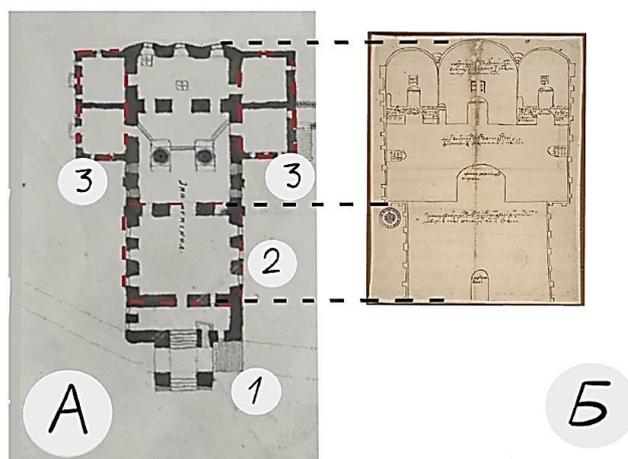

Рис. 9. Сравнение чертежей Знаменской церкви 1798 (А) и 1653 гг. (Б)

Fig. 9. Comparison of drawings of the Znamenskaya Church of 1798 (A) and 1653 (B)

Помимо входной группы перестраивалась и расширялась трапезная 2 и достраивались боковые пристройки 3, прилегающие к храму и апсиде.

Отсутствие колокольни подтверждается на самом первом из известных изображений Курска, которое относится к 1722 г. (рис. 10) [16].

Рис. 10. Фрагмент изображения Курской крепости в 1722 г.

Fig. 10. Fragment of the image of the Kursk fortress in 1722

На «абрисе Курска», выполненном Михайлом Золотиловым в 1722 г. (см. рис. 10), в центре монастыря изображены на переднем плане пятикупольная Знаменская церковь и на заднем плане церковь Богоявления господня. Автор показал вид на Знаменский монастырь с северной стороны. На старинном «Абрисе»

колокольня отсутствует. Изображение начала XVIII в. не является геометрически верным, однако внешние признаки пятикупольной Знаменской церкви совпадают с другим, более поздним изображением центральной части Курска, но уже с южной стороны (рис. 11) [17].

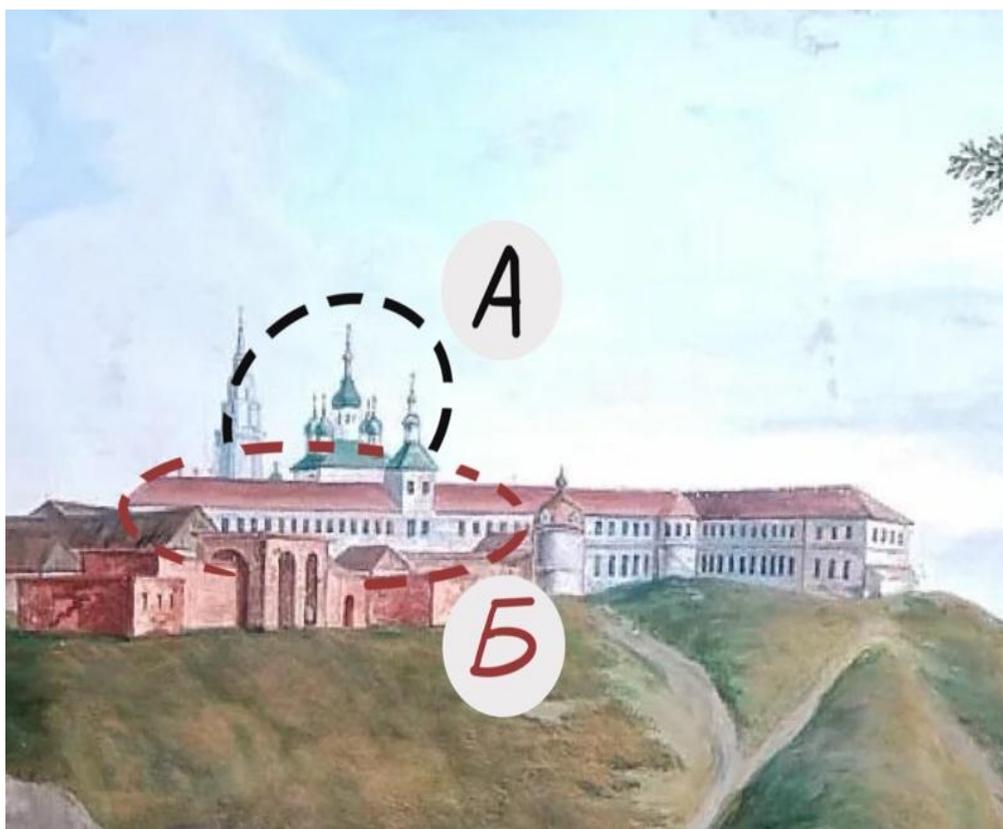

Рис. 11. Фрагмент акварели из альбома К. Бороздина «Рисунки и чертежи к путешествию по России» 1809–1810 гг.

Fig. 11. A fragment of a watercolor from K. Borozdin's album "Drawings and drawings for a trip to Russia" 1809-1810

На акварели начала XIX в. на первом плане церковь Богоявления Господня (Б) хорошо просматривается и находится немного ниже Знаменской церкви (А). Никакой колокольни возле Знаменской церкви не изображено. Её внешний вид совпадает со старинным описанием монастыря. Приведем его небольшую часть: «Новый собор был 82 аршин длины и 16 аршин ширины, стены храма снаружи

были покрыты белой краской, крыша сделана из сибирского железа и выкрашена зеленой краской. Над нею было пять глав, на средней самой большой главе был водружен медный крест, вызолоченный червонным золотом» [18, с. 391]. Однако прикрепленный чертеж и фасад Знаменской церкви наглядно отличаются от описания (рис. 12) [18, с. 388–389]

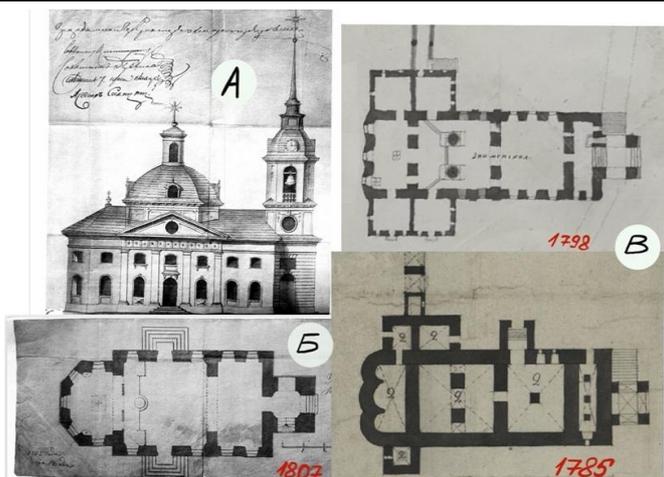

Рис. 12. Изображение Знаменской церкви в разные периоды времени

Fig. 12. The image of the Znamenskaya Church in different periods of time

На рисунке 12 изображен Курский Знаменский собор (А) в 1807 г. с пристроенной колокольней и без пяти куполов. Однако планировка этой постройки (Б) значительно отличается от хранящихся в архивах планировок Знаменской

церкви за другие периоды времени (В). Можно предположить, что на изображении 1807 г. показана каменная «Соборная церковь», находившаяся рядом со Знаменской церковью и указанная на плане 1785 г. (рис. 13).

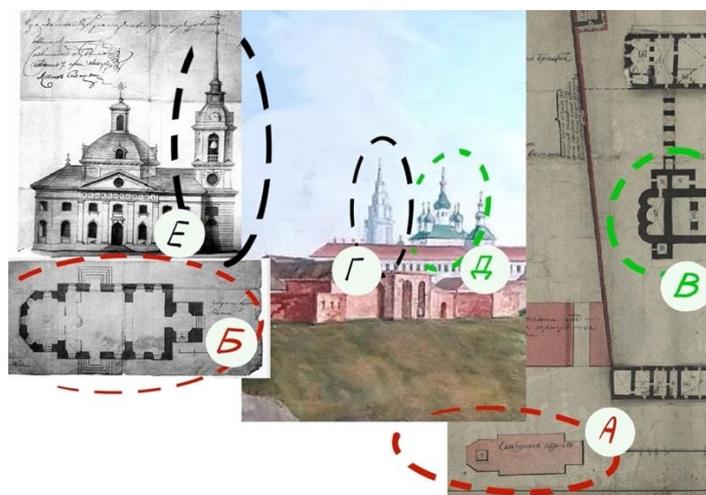

Рис. 13. Сравнение внешнего вида и расположения Соборной и Знаменской церквей

Fig. 13. Comparison of the appearance and location of the Cathedral and Znamenskaya churches

Планировка 1807 г. (Б) имеет схожие черты с Соборной церковью (А), находящейся рядом со Знаменской церковью (В) на плане монастыря 1785 г. Таким образом объясняется происхождение колокольни (Г), стоящей за пятикупольной Знаменской церковью (Д) на акварели

1810 г. Эта колокольня имеет схожие черты с изображением 1807 г. (Е)

Подробно рассмотрев план монастыря, стоит обратить внимание на то, что планировка Знаменской церкви схожа с планировкой храма Иоана Богослова в Костроме, который был возведен в 1687 г. (рис. 14)

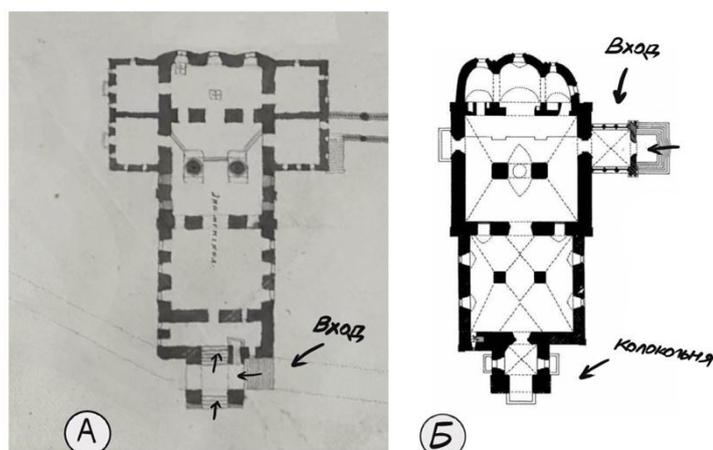

Рис. 14. Сравнительный анализ двух планов церковных построек

Fig. 14. Comparative analysis of two plans of church buildings

Изначальный план Знаменской церкви (А) и план храма Иоана Богослова (Б) практически идентичны, за исключением расположения основного входа и наличия колокольни. У Знаменской церкви вход

расположен в виде пристройки к трапезной части, на месте возможной колокольни, а у храма Иоана Богослова вход расположен в виде отдельной боковой пристройки (рис. 15).

Рис. 15. Фотография храма Иоана Богослова до перестройки в начале XX в.

Fig. 15. Photo of the Church of St. John the Theologian before perestroika in the early XX century

Еще одним фактором предполагаемого внешнего вида Знаменской церкви является то, что при её строительстве курский воевода велел церковь Пречистые Богородицы «обложить с того об-

разца, как строена и воздвигнута каменная церковь с пределы и с трапезной на Москве за Чертолскими вороты в Зачатейском монастыре» [19, с. 135].

В XVII в. Зачатьевский монастырь состоял из храма Зачатия святой Анны с приделами великомученика Феодора, церкви Рождества Пресвятой Богородицы с приделом святителя Алексия и шатровой колокольней. Собор и колокольня

были взорваны в 1934 г., а другие строения и храмы были разрушены и перестроены. Из сохранившихся изображений монастыря до начала XIX в. осталась старинная гравюра (рис. 16) [20, с. 341].

Рис. 16. Изображение Московского Зачатьевского монастыря в XVII–XVIII вв.

Fig. 16. The image of the Moscow Conception Monastery in the XVII–XVIII centuries

Стоит отметить явную схожесть внешних особенностей Зачатьевского монастыря и изображений Знаменской церкви в XVIII и XIX вв. Сопоставив все

вышеизложенные факты, можно предположить, как мог выглядеть монастырский двор Знаменского монастыря к концу XVIII столетия в 3D-редакторе (рис. 17).

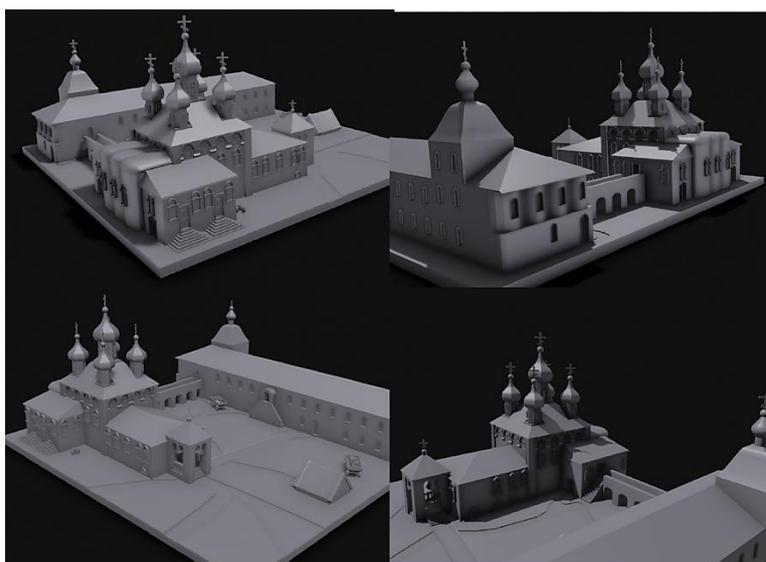

Рис. 17. Возможное изображение части внутреннего двора Знаменского монастыря в конце XVIII в.

Fig. 17. A possible image of a part of the courtyard of the Znamensky Monastery at the end of the XVIII century

В настоящее время на территории «кремля» располагаются: Воскресенская церковь; Архиерейский дом, занятый областным музеем; восточная башня Знаменского монастыря; здание бывшего Дворянского собрания; перестроенные под заводские корпуса здания бывших Присутственных мест и Мужская гимназия; Знаменский собор, возведенный на месте каменной Знаменской церкви, построенной в 1649 г. Эта территория является историческим центром Курска и прилегающих окрестностей.

Выводы

Проведенное нами исследование позволяет утверждать, что архитектурный ансамбль Знаменского монастыря с первой половины XVII в. выступал «осью» городской застройки. Он в полной мере соответствовал «духу» средне-

вековых храмов и идентифицировал Курск как один из российских городов. Благодаря проведенному исследованию методом наложения нескольких городских и монастырских планов были определены приблизительные границы средневекового монастыря, его местоположение и возможные размеры. Сравнив между собой границы фундаментов и разобрав общий принцип строительства подобных церквей и храмов того времени с сохранившимися изображениями монастыря, была применена техника виртуального 3D-моделирования. Благодаря этой технике был воссоздан возможный архитектурный облик ансамбля Знаменского монастыря XVII–XVIII вв. Таким образом, мы имеем представление об утраченном внешнем облике южного города-крепости, каким являлся Курск основную часть своей истории.

Список литературы

1. Истомин И. Историческое описание Курского Знаменского первоклассного монастыря. Курск: Тип. Губ. правл., 1857. 97 с.
2. История земли Курской: социокультурный экскурс: монография / [Е. Л. Алферова и др.]; под общ. ред. Б. Д. Беспарточного. Курск, 2015. С. 250.
3. Горюшкина Н. Е., Евлогий К. Рыльский Свято-Николаевский мужской монастырь – узловой центр православной топографии Курского края // Качество и жизнь. 2016. № S4 (12). С. 476–480.
4. Авилова Н. Л., Апанасенок А. В., Горюшкина Н. Е. Исчезнувшая обитель: из истории движения «ревнителей старины» в Южной России второй половины XVII века // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 23 (161). С. 38–43.
5. Воротникова И. А., Неделин В. М. Кремли, крепости и укрепленные монастыри Русского государства XV–XVII веков Т. 2, кн. 1: Крепости юга России. М.: Буксмарт, 2016. 555 с.
6. Булгаков Г. И. Внешний вид Курского Знаменского монастыря в прошлом по архивным документам. Курск: Епарх. тип., 1913. 18 с.
7. Троицкий Н. И. Памятники Знаменского монастыря в Курске. Курск: Тип. Н. Г. Домарева, 1884. 32 с.
8. Габель В.Ф., Федоров С. И. Марьино: Историко-архитектурный очерк. Курск: Курское кн. изд-во, 1956. 47 с.
9. Федоров С. И. Архитектурные очерки Курского края. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1982. 112 с.
10. Федоров С. И. Центры городов Орла, Курска и Белгорода – комплексные памятники истории и культуры, 1975. 200 с.

11. Амвросий. История о городе Курске о явлении чудотворной Знамения пресвятыя богородицы иконы, нарицаемая Курския, о Курском Знаменском монастыре и его настоятелях. Курск: Тип. Курскаго приказа общественного призрения, 1792. 55 с.
12. РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 1356. Оп. 1. Д. 2012. Л. 1.
13. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 1399. Оп. 1. Д. 450. Л. 1.
14. Ларионов С. И. Описание Курского наместничества из древних и новых разных о нем известий. В Москве: В вольной тип. Пономарева, 1786. 188 с.
15. РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ед. хр. 358. Л. 70.
16. РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив). Ф. 349. Оп. 17. Д. 4559. Л. 1.
17. Бороздин К. М. Рисунки и чертежи с описанием (24) к путешествию по России. М., 1810. Ч. 4. 50 с.
18. Танков А. А. Историческая летопись курского дворянства. М.: Изд. курского дворянства, 1913. Т. 1. 632.
19. Сперанский А. Н. Очерки по истории приказа каменных дел Московского государства. М.: РАНИОН, 1930. 221 с.
20. Древнерусское искусство. Идея и образ. Опыт изучения византийского и древнерусского искусства. М.: Северный паломник, 2009. 478 с.

Refernces

1. Istomin I. Istoricheskoe opisanie Kurskogo Znamenskogo pervoklassnogo monastyrya [Historical description of the Kursk Znamensky first-class monastery]. Kursk, Tip. Gub. pravl., 1857. 97 p.
2. Alferova E. L., eds. Istoriya zemli Kurskoj: sociokul'turnyj ekskurs [The history of the Kursk land: a socio-cultural excursion]; ed. by B. D. Bespartochnyi. Kursk, 2015. P. 250.
3. Goryushkina N. E., Evlogij K. Ryl'skij Svyato-Nikolaevskij muzhskoj monastyr' – uzlovoj centr pravoslavnoj topografii Kurskogo kraja [Rylsky St. Nicholas Monastery nodal center of Orthodox topography of the Kursk Region]. *Kachestvo i zhizn' = Quality and life*, 2016, no. S4 (12), pp. 476–480.
4. Avilova N. L., Apanasenok A. V., Goryushkina N. E. Ischeznuvshaya obitel': iz istorii dvizheniya "revnitelej stariny" v Yuzhnoj Rossii vtoroj poloviny XVII veka [The Vanished Monastery: from the history of the "zealots of antiquity" movement in Southern Russia in the second half of the XVII century]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2009, no. 23 (161), pp. 38–43.
5. Vorotnikova I. A., Nedelin V. M. Kremli, kreposti i ukreplennye monastyri Russkogo gosudarstva XV–XVII vekov. T. 2, kn. 1. Kreposti yuga Rossii [Kremlins, fortresses and fortified monasteries of the Russian state of the XV–XVII centuries. Vol. 2, book 1. Fortresses of the South of Russia]. Moscow, Buksmart Publ., 2016. 555 p.
6. Bulgakov G. I. Vneshnij vid Kurskogo Znamenskogo monastyrya v proshlom po arhivnym dokumentam [The appearance of the Kursk Znamensky Monastery in the past according to archival documents]. Kursk, Eparh. tip., 1913. 18 p.
7. Troickij N. I. Pamyatniki Znamenskogo monastyrya v Kurske [Monuments of the Znamensky Monastery in Kursk]. Kursk, Tip. N. G. Domareva, 1884. 32 p.
8. Gabel' V. F., Fedorov S. I. Mar'ino: Istoriko-arhitekturnyj ocherk [Marino: Historical and architectural essay]. Kursk, Kurskoe kn. izd-vo, 1956. 47 p.

9. Fedorov S. I. Arhitekturnye ocherki Kurskogo kraja [Architectural sketches of the Kursk Region]. Voronezh, Centr.-Chernozem kn. izd-vo, 1982. 112 p.

10. Fedorov S. I. Centry gorodov Orla, Kurska i Belgoroda – kompleksnye pamyatniki istorii i kul'tury [The centers of the cities of Orel, Kursk and Belgorod are complex monuments of history and culture], 1975. 200 p.

11. Amvrosij. Istoriya o gorode Kurske o yavlenii chudotvornoj Znameniya presvyatyya bogorodicy ikony, naricaemyya Kurskiya, o Kurskom Znamenskom monastyre i ego nastoyatelyah [The story of the city of Kursk about the appearance of the miraculous Sign of the Most Holy Theotokos icon, the Kursk Icon, about the Kursk Znamensky Monastery and its infusions]. Kursk, Tip. Kurskago prikaza obshchestvennago prizreniya, 1792. 55 p.

12. RGADA (Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov) [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 1356, op. 1, d. 2012, l. 1.

13. RGIA (Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv) [Russian State Historical Archive], f. 1399, op. 1, d. 450, l. 1

14. Larionov S. I. Opisanie Kurskogo namestnichestva iz drevnih i novyh raznyh o nem izvestij [Description of the Kursk viceroyalty from ancient and new various news about it]. V Moskve, V vol'noj tip. Ponomareva, 1786. 188 p.

15. RGADA, f. 210, op. 12, ed. hr. 358, l. 70.

16. RGVA (Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv) [Russian State Military Historical Archive], f. 349, op. 17, d. 4559, l. 1.

17. Borozdin K. M. Risunki i chertezhi s opisaniem (24) k puteshestviyu po Rossii [Drawings and drawings with a description (24) for a trip to Russia]. Moscow, 1810, pt. 4. 50 p.

18. Tankov A. A. Istoricheskaya letopis' kurskogo dvoryanstva [Historical chronicle of the Kursk nobility]. Moscow, Izd. kurskogo dvoryanstva, 1913, vol. 1. 632.

19. Speranskij A. N. Ocherki po istorii prikaza kamennyh del Moskovskogo gosudarstva [Essays on the history of the order of the stone affairs of the Moscow State]. Moscow, RANION Publ., 1930. 221 p.

20. Drevnerusskoe iskusstvo. Ideya i obraz. Opyty izucheniya vizantijskogo i drevnerusskogo iskusstva [Ancient Russian art. Idea and image. Experiments in the study of Byzantine and Ancient Russian art]. Moscow, Severnyj palomnik Publ., 2009. 478 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Петров Александр Александрович, аспирант кафедры истории и социально-культурного сервиса, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: beliyfecity@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-9509-9538

Aleksander A. Petrov, Post-Graduate Student of the Department of History and Socio-Cultural Service, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: beliyfecity@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-9509-9538

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-2-244-258>

Боевая экипировка русского пехотинца: от кольчуги до «Ратника»

А. П. Абрамов¹ ✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: abramov_ap@inbox.ru

Резюме

Актуальность. Исследование военного дела и боевой экипировки может рассматриваться в прямой зависимости от состояния и развития социальной, политической, экономической и технологической сфер жизнедеятельности российского общества в тот или иной исторический период времени. Боевое оснащение отдельного воина позволяет судить о возможностях промышленности и различных ремесел, об особенностях ее изготовления, о развитии торговых отношений, о восприимчивости к технологическим инновациям, как своим, так и чужим.

Боевое применение экипировки в ходе прямых столкновений обостряет конкурентную борьбу враждующих сторон и открывает новые возможности в ее совершенствовании, поэтому обращение к историческому опыту эволюции боевой экипировки русского пехотинца представляется весьма плодотворным, поскольку перед исследователем предстают волнующие иллюстрации полей сражений, героизма и подвигов конкретных людей, наших побед и неудач, конкурентной борьбы технологий.

Цель – провести экскурс в историю боевой экипировки русской пехоты и наметить пути ее совершенствования в будущем.

Задачи: раскрыть историческую эволюцию, логику и закономерности совершенствования боевого снаряжения русской пехоты; представить современные разработки боевой экипировки российской армии, определив ее перспективы.

Методология. Общенаучная методология с использованием метода периодизации, системного и ретроспективного методов позволили воссоздать с позиций современного знания эволюцию боевой экипировки русской пехоты в единстве исторических событий и явлений прошлого.

Результаты. Историкогеография боевой экипировки русской пехоты подтверждает состоятельность доводов научного сообщества, что в его основу положены вековые традиции и культурная матрица народа, пронизывающая все сферы деятельности военной организации общества. Главными характеристиками боевой экипировки современного воина выступают: надежность, функциональность, универсальность, легкость и невысокая стоимость.

Вывод. Боевая экипировка русского пехотинца прошла сложный эволюционный путь и выступает как часть материальной культуры, которой присущи свои национальные черты.

Ключевые слова: боевая экипировка; вооружение; русская пехота; «Ратник».

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Абрамов А. П. Боевая экипировка русского пехотинца: от кольчуги до «Ратника» // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 2. С. 244–258. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-2-244-258>.

Поступила в редакцию 28.02.2023

Принята к публикации 27.03.2023

Опубликована 28.04.2023

© Абрамов А. П., 2023

Combat Equipment of the Russian Infantryman: from Chain Mail to the "Warrior"

Alexander P. Abramov¹ ✉

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: abramov_ap@inbox.ru

Abstract

Relevance. The study of military affairs and combat equipment can be considered in direct dependence on the state and development of the social, political, economic and technological spheres of life of Russian society in a particular historical period of time. The combat equipment of an individual warrior makes it possible to judge the capabilities of industry and various crafts, the peculiarities of its manufacture, the development of trade relations, and the susceptibility to technological innovations, both their own and others'. The combat use of equipment during direct clashes exacerbates the competitive struggle of the warring parties and opens up new opportunities for its improvement. Therefore, the appeal to the historical experience of the evolution of the combat equipment of the Russian infantryman seems very fruitful, since the researcher is presented with exciting illustrations of battlefields, heroism and exploits of specific people, our victories and failures, the competitive struggle of technologies.

The purpose – to conduct an excursion into the history of the combat equipment of the Russian infantry and outline ways to improve it in the future.

Objectives: to reveal the historical evolution, logic and patterns of improving the combat equipment of the Russian infantry; to present modern developments of the combat equipment of the Russian army, defining its prospects.

Methodology. The general scientific methodology using the method of periodization, systematic and retrospective methods allowed us to recreate from the standpoint of modern knowledge the evolution of the combat equipment of the Russian infantry in the unity of historical events and phenomena of the past.

Results. The historiography of the combat equipment of the Russian infantry confirms the validity of the arguments of the scientific community that it is based on age-old traditions and the cultural matrix of the people, permeating all spheres of activity of the military organization of society. The main characteristics of the modern warrior's combat equipment are: reliability, functionality, versatility, lightness and low cost.

Conclusions. The combat equipment of the Russian infantryman has passed a complex evolutionary path and acts as part of the material culture, which has its own national features.

Keywords: combat equipment; weapons; Russian infantry; "Warrior".

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Abramov A. P. Combat Equipment of the Russian Infantryman: from Chain Mail to the "Warrior". *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2023; 13(2): 244–258. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-2-244-258>.

Received 28.02.2023

Accepted 27.03.2023

Published 28.04.2023

Введение

Вся история человечества – это бесконечная череда войн и вооруженных конфликтов. Технологическая эволюция непосредственным образом отражалась на стратегии и тактике ведения боя, сопровождалась совершенствованием систем, средств и методов вооруженной

борьбы, что, в свою очередь, приводило к прогрессу вооружения. Пешие воины (пехота) во многих армиях мира составляли ее основу, поэтому боевая экипировка этого рода войск постоянно совершенствовалась.

Известный историк оружия А. Кирпичников достаточно точно подметил:

«Вооружение – особая область материальной культуры, которой присущи свои, зачастую интернациональные особенности. К таковым относятся активный технический прогресс, постоянная выработка новинок, направленных к тому, чтобы увеличить наступательные и оборонительные способности воина; не знающая преград быстрота распространения и единство форм оружия и снаряжения на огромных территориях; восприимчивость к наднациональным техническим заимствованиям; стремление к организации высококвалифицированного индивидуального и коллективного военного ремесла с целью производства наиболее передовых и в то же время долговечных образцов оружия» [1, с. 374–375]. Совершенствование боевой экипировки не только влияло на тактику ведения боя, но и во многом определяло победу в сражении.

Изучение истории вооружения пехоты важно как для понимания эволюции искусства ведения войны, так и для определения перспектив ее совершенствования. Исследование боевой экипировки русской пехоты и военного дела в целом могут рассматриваться в прямой зависимости от состояния и развития социальной, политической, экономической и технологической сфер жизнедеятельности российского общества в тот или иной исторический период времени. Боевое оснащение отдельного воина позволяет судить о возможностях промышленности и различных ремесел, об особенностях ее изготовления, о развитии торговых отношений, о восприимчивости к технологическим инновациям, как своим, так и чужим.

Боевое применение экипировки в ходе прямых столкновений обостряет противоборство враждующих сторон и открывает новые возможности в ее совершенствовании, поэтому обращение к историческому опыту эволюции боевой экипировки русского пехотинца представляется весьма плодотворным, по-

скольку перед исследователем предстают волнующие иллюстрации полей сражений, героизма и подвигов конкретных людей, наших побед и неудач, конкурентной борьбы технологий.

Методология

Общенаучная методология с использованием метода периодизации, системного и ретроспективного методов позволили воссоздать с позиций современного знания эволюцию боевой экипировки русской пехоты в единстве исторических событий и явлений прошлого. Методы сравнения, сопоставления и обобщения данных дали возможность охарактеризовать основные исследовательские подходы к изучению вооружения и боевой экипировки русской пехоты в контексте определения их научной и практической значимости. Процесс модернизации боевого снаряжения рассматривается, исходя из авторского универсального социокультурного концепта, позволяющего раскрыть его во всем многообразии условий и факторов [2].

Научные работы отечественных историков, военных экспертов, посвященные вооружению русских воинов с IX в. до настоящего времени, предоставили возможность рассмотреть развитие боевого оснащения воина-пехотинца через междисциплинарную оптику истории, социологии, культурологии и политологии. Боевая экипировка исследуется как наиболее значимая часть организации военного дела, находящаяся в прямой зависимости от структурных, институциональных, технологических, социально-политических, социально-экономических и социокультурных изменений.

Результаты и их обсуждение

Обращение к литературным и научным источникам дает достаточно полное представление о вооружении русской армии, которое имеет свои традиции и национальные черты. Как утверждает А. Кирпичников в предисловии к книге

В. Семенова и А. Юрасовского, история оружия как научная дисциплина зародилась в конце первого десятилетия XIX в. (1808 г.), когда исследователями были добыты артефакты (шлем и кольчуга) с места Липицкого сражения 1216 г. [3] Впоследствии советские и российские историки посвятили немало своих работ, в которых раскрывались не только способы ведения боя в войнах прошлого, но и состав боевого снаряжения русской пехоты. В частности, в вышеназванной книге достаточно наглядно на 32-х цветных иллюстрациях представлены русские доспехи X–XVII вв.

Историография отечественного оружия, входящего в состав боевой экипировки, и технологий его изготовления в средние века достаточно подробно изложены в исследовании Т. Петракова [4] и О. Двуреченского [5].

Типичное сочетание тех или иных видов оружия, входящего в боевую экипировку русского воина пехоты тех времен, выглядит следующим образом: копье и топор; топор и стрелы; копье, топор и стрелы; копье, топор, меч, стрелы (рис. 1)¹.

Как видим, в боевом оснащении пехотинцев Руси наиболее распространенным видом оружия был топор. Лучники и копейщики составляли основу пехоты. Деревянный миндалевидный щит с навершием, лук со стрелами, рогатина, поясной нож, меч – главное вооружение пехоты на Руси.

Особое место в снаряжении воинов того времени уделялось средствам защиты. Неоспоримое первенство принадлежало кольчуге, которая входила в состав экипировки вплоть до XVII столетия и была надежным прикрытием от колючих и рубящих ран. С XIII в. стала получать распространение экипировка из пластинчатой и чешуйчатой брони. В качестве средств усиления для защиты головы и

тела воина использовались шлем с полумаской, шлем с бармицей или наносником, наручи, наколенники, поножи и нагрудные бляхи.

Татаро-монгольское иго во многом затормозило развитие военных ремесел. Вместе с тем значение пехоты на поле боя заметно усилилось, что привело к большей значимости в боевой экипировке самострелов и луков.

В эпоху позднего Средневековья и Нового времени боевая экипировка воинов имела свои национальные черты. На основе изучения батальных композиций с участием казаков и татарских воинов, освещающих события этого времени, Ю. Худяков приходит к заключению, что оружие дистанционного боя и воинское снаряжение вполне соответствовало общему уровню технического развития того или иного народа [6].

Появление огнестрельного оружия предъявило новые требования к боевой экипировке пехоты (рис. 2)².

В этой связи определенный интерес представляет исследование Б. Мегорского, в котором собраны и научно интерпретированы данные о вооружении 25 пехотных полков, выявлена тенденция перехода от раннего комплекса фузея – багинет к комплексу фузея – штык – шпага с доминированием последнего, уточнены сведения о бытовании пик в русской пехоте в ранний период Великой Северной войны 1700–1721 гг. [7]

В литературе представлено большое количество работ, раскрывающих различные аспекты военного строительства во времена царствования Петра I, Екатерины II, Павла I и других российских самодержцев. Анализ различных источников позволяет заключить, что боевая экипировка не всегда обеспечивала достаточную защиту от пулевого поражения, от осколков снарядов и мин. Довольно

¹ Русские доспехи X–XVII веков. URL: <https://formaodezhda.com/encyclopedia/russkie-dospehi-x-xvii-vekov/> (дата обращения: 22.02.2023).

² Из истории русского оружия. URL: <https://i.pinimg.com/originals/29/70/4d/29704db3207781006316db9167a2ed81.jpg> (дата обращения: 22.03.2023).

часто следование европейской моде в армейской униформе (напудренные парики, яркие мундиры, громоздкие головные уборы и т.п.) побеждало над здравым смыслом и не соответствовало требова-

ниям боя с нарастающим огневым поражением от винтовочного и артиллерийского огня, что приводило к большим потерям.

Рис. 1. Вооружение и снаряжение славян IX–XI вв. (слева) и русских дружин XIII в. (справа)

Fig. 1. Armament and equipment of the Slavs of the IX–XI centuries (left) and Russian squads of the XIII century (right)

Рис. 2. Боевая экипировка русской пехоты конца XVIII – начала XIX в.

Fig. 2. Combat equipment of the Russian infantry of the late XVIII – early XIX centuries

Со второй половины XIX в. эта проблема в целом была преодолена и к началу Первой мировой войны армии мира, в том числе и российская, приняли унифицированную боевую экипировку для пехотных частей. Экипировка русского пехотинца этого периода представлена на рисунке 3¹.

В ее состав входили:

- винтовка калибра 7,62 системы С. И. Мосина образца 1891 г.;
- четырехгранный штык;
- магазин на 5 патронов и нагрудный патронташ;
- подсумок на 30 патронов;
- саперная лопата;
- шинель, запасная пара сапог и башлык;
- алюминиевая фляга и котелок;
- 1/6 часть палатки и колышки к ней;
- вещевой мешок с двумя комплектами белья, набором продовольствия, комплектом для личного пользования и четырьмя пачками патронов.

Достаточно подробно организация вооружения русской армии с конца XIX – начала XX в. показана Ю. Лещенко [8]. Подробный разбор формирования конкретного формирования 321-й Новгородской дружины, вооружения и снаряжения ратников в начальный период Первой мировой войны 1914–1918 гг. представлен В. Бондаревой [9].

Следует отметить, что каждое воинское формирование русской армии, особенно гвардейское, в это время имело свои специфические черты, что подтверждается исследованием А. Смирнова, в котором на основе обширного исторического материала дана характеристика неофициального статуса каждой гвардейской пехотной части, служебных и боевых традиций, индивидуальных черт в обмундировании, снаряжении и воинских ритуалах [10]. Но ни в гвардии, ни в про-

стых линейных частях русской армии периода Первой мировой войны стальной шлем в состав боевой экипировки не входил. Его первая разработка в России появилась в 1917 г. и до фронта так и не дошла. В состав походного и боевого снаряжения стальной шлем вошел уже для пехотинца РККА.

В 1930-е гг. стальной шлем неоднократно модернизировался и в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. шлем СШ-40 вошел в состав боевой экипировки РККА, а затем длительное время оставался в снаряжении солдата Советской армии.

Боевое снаряжение бойца Красной армии периода 1941–1945 гг. представлено на рисунке 4².

Стандартный состав боевой экипировки пехотинца к 1945 г. включал в себя:

- 7,62 мм Автомат ППШ-41;
- сумку для 3-х коробчатых магазинов по 35 патронов;
- шлем стальной;
- котелок круглый;
- вещевой мешок «сидор»;
- противогазную сумку образца 1939 г.;
- малую пехотную лопату;
- сумку гранатную;
- топор и нож разведчика НР-40;
- флягу (стеклянную или алюминиевую).

Тематика исторических исследований представлена не только вопросами комплексного освещения вооружения армии и флота, но и фрагментами боевой экипировки. Так, например, в работе О. Тиханычева вполне аргументированно доказывается, что малая пехотная лопатка – один из самых востребованных элементов экипировки, в том числе и современного военнослужащего. Как утверждает автор: «...при разработке оснащения, современного шанцевого инстру-

¹ Экипировка русского пехотинца Первой мировой войны. URL: https://yandex.ru/images/search?img_url (дата обращения: 04.02.2023).

² Боевое снаряжение бойца Красной армии 1941–1945 гг. URL: <http://shpagin.gaspiko.ru/media/> (дата обращения: 13.02.2023).

мента и других элементов экипировки военнослужащего приходится выбирать между инновациями и проверенными на практике надёжными и простыми решениями, между функциональностью и про-

стойкой, стоимостью и возможностями. И обоснованию такого выбора может помочь анализ исторического опыта» [11, с. 51]. К подобному выводу приходят и западные ученые [12].

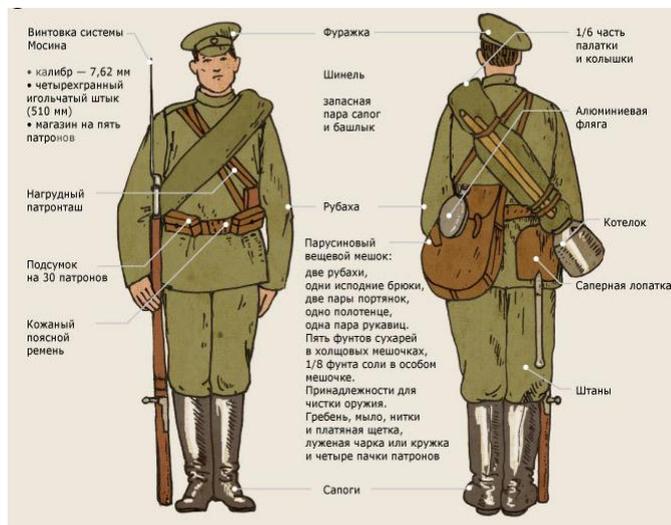

Рис. 3. Экипировка русского пехотинца Первой мировой войны 1914–1918 гг.

Fig. 3. Equipment of the Russian infantryman of the First World War 1914–1918

Рис. 4. Боевое снаряжение бойца Красной армии 1941-1945 гг.

Fig. 4. Combat equipment of a soldier of the Red Army 1941-1945

В исследованиях О. Чикирева и И. Карпова даётся сравнительный анализ разработок в области комплексной эки-

пировки военнослужащих в России и за рубежом, раскрываются особенности научно-исследовательских работ по со-

зданию базового комплекса боевой экипировки для военнослужащих Вооруженных сил Российской Федерации [13].

Во время проведения специальной военной операции на Украине характер боевых действий кардинально изменился, прерогативу в военных действиях заняла артиллерия, которая вынуждает военнослужащих зачастую укрываться от артиллерийских атак. Вследствие этого, как отмечают российские военные эксперты, возникает необходимость перенести всю полезную нагрузку на спину и бока, потому что подсумки могут затруднять передвижение военнослужащего в лежачем положении, или вовсе потеряться, на передней части обмундирования можно оставить минимальное количество административных подсумков, которые в случае потери никак не повлияют на боеспособность военнослужащего.

Вместе с тем авторы отмечают, что широкого распространения тактической экипировки в общевойсковых подразделениях Российской Федерации так и не произошло. Лишь в настоящее время происходит реализация идеи по снабжению каждого военнослужащего экипировкой, которая будет соответствовать современным реалиям ведения боевых действий, а именно отказ от системы ременно-плечевых портупей и внедрение новых образцов, таких как РПС «Смерш», тактических поясов различных вариаций [14, с. 130].

В настоящее время завершены основные мероприятия по созданию боевой экипировки, отвечающей требованиям современного боя. Учитывая большую номенклатуру входящих в него элементов (более 60), комплект разделен по функциональному назначению на пять основных систем: поражения, защиты, управления, жизнеобеспечения и энергообеспечения (рис. 5) [15, с. 46].

К средствам поражения относятся: ручное стрелковое и холодное оружие, боеприпасы и оптические прицелы. К средствам защиты относятся: индивиду-

альные комплекты бронезащиты головы, туловища и конечностей; средства индивидуальной защиты от оружия массового поражения и нелетального оружия; поиска и обнаружения. Подобные средства должны обеспечивать защиту от различных боеприпасов и осколков, быть удобными и практичными в использовании, а также не быть тяжелыми и громоздкими.

Средства разведки и управления включают в себя комплекты разведки и связи, которые предназначаются для эффективного выполнения служебно-боевых задач (СБЗ) в условиях быстро меняющейся обстановки на основе полученных данных о противнике. К средствам жизнеобеспечения относятся: индивидуальное боевое и инженерное снаряжение, вещевое имущество, медицинский комплект [16, с. 58].

Основные направления развития боевой экипировки военнослужащих Российской Федерации, по мнению военных экспертов, включают в себя следующие пути ее развития:

1) снижение массы боевой индивидуальной экипировки:

– создание перспективных баллистических материалов и технологий изготовления бронезащитных структур нового поколения;

– обоснование рациональной компоновки элементов экипировки;

2) снижение демаскирующих свойств боевой индивидуальной экипировки: разработка и использование новых материалов, обеспечивающих снижение заметности элементов экипировки в диапазонах радио- и оптического спектров излучения;

3) повышение защитных свойств средств индивидуальной бронезащиты:

– увеличение площади броневой защищенности военнослужащего (в том числе защиту конечностей);

– создание высокопрочных защитных материалов нового поколения;

– исследование технических возможностей защиты от контузионного воздействия;

4) унификация существующих средств индивидуальной бронезащиты:

– разработка унифицированного общевойскового штурмового бронежилета с улучшенными ТТХ;

– разработка унифицированного общевойскового защитного шлема;

5) обеспечение управления на поле боя командирами подразделений: разработка индивидуального комплекса для командиров отделений, взводов и рот, который позволяет сканировать поле боя и управлять подчиненными в режиме реального времени

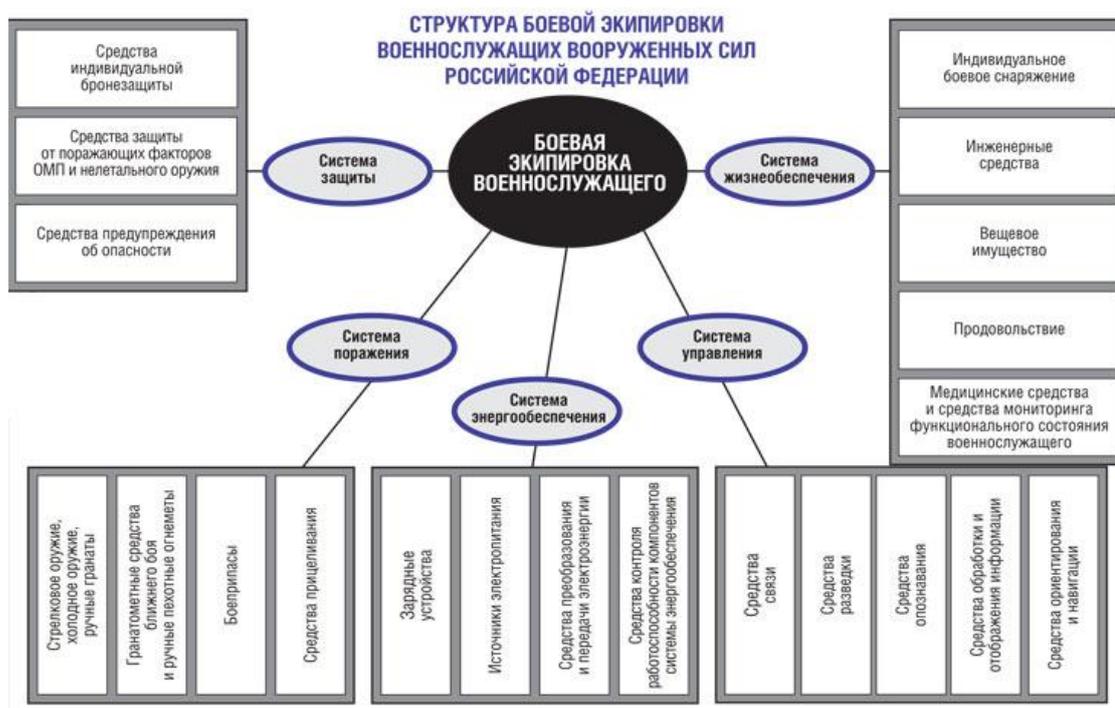

Рис. 5. Структура боевой экипировки военнослужащего РФ

Fig. 5. The structure of military equipment of the Russian military

Все они направлены, с одной стороны, на то, чтобы максимально исключить человека из вооруженного противостояния, с другой – расширить возможности и рядовых солдат, и военного командования, потому что без людей здесь пока что не обойтись. Лучше всего это видно на примере военной экипировки: разные страны соревнуются в самых надежных защитных костюмах, продвинутых экзоскелетах и интерактивных шлемах, умных приборах для ориентирования и наведения целей [17].

Российская боевая экипировка «Ратник» объединяет новейшие разработки в области стрелкового оружия, защитного обмундирования, систем разведки, управления и связи. Она состоит из модулей, которые можно менять в зависимости от поставленной задачи, выдерживает температуры от -50 до $+50^{\circ}$ C (рис. 6)¹ [18].

¹ Российская оборонная промышленность. URL: <https://ruxpert.ru/index.php?title> (дата обращения: 12.02.2023).

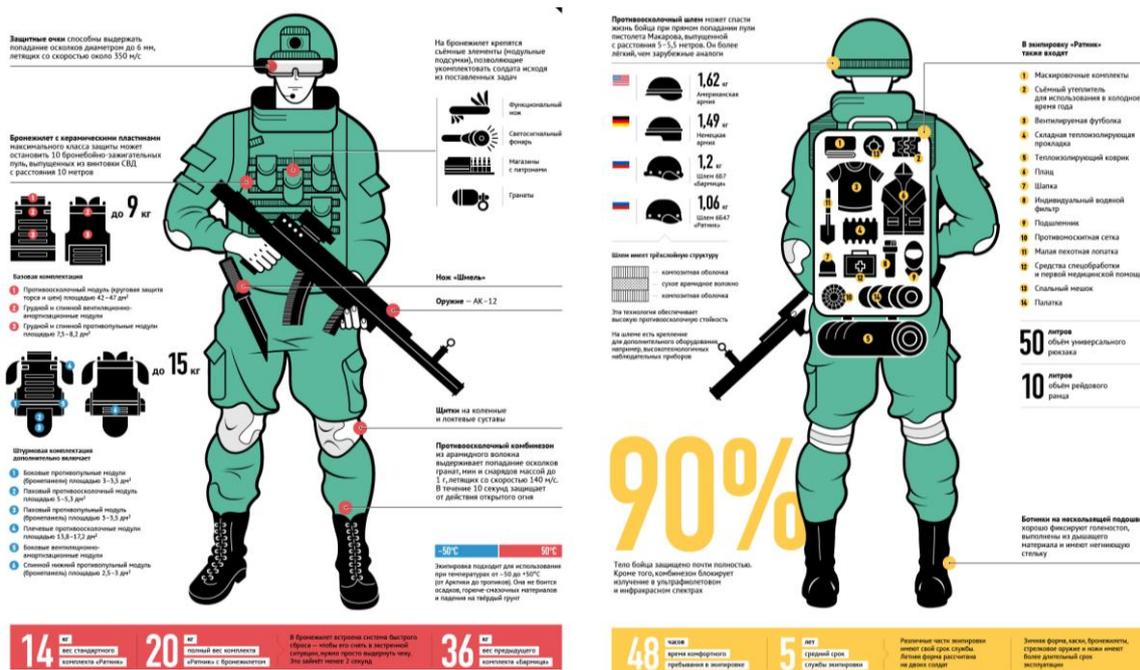

Рис. 6. Боевой костюм «Ратник»

Fig. 6. Combat suit "Ratnik"

В 2019 г. на выставке IDEX-2019, прошедшей в Объединённых Арабских Эмиратах, был представлен российский комплект боевой экипировки «Ратник-2». Эта экипировка создавалась по специальной технологии, которая предполагает наличие особых бронепанелей, размещаемых в бронезилете. Данная разработка российских ученых обеспечивает надежную защиту бойца от снайперских и иных пулевых поражений. Боевой шлем также обладает уникальными характеристиками, как по весу, так и по восприимчивости к попаданию осколков гранат, снарядов и мин. Использование подобной экипировки существенно снижает вероятность ранения, контузии и смерти солдата.

В настоящее время в российской армии используется экипировка второго поколения. По итогам боевого применения не зафиксировано ни одного пробития бронезащиты. Реальный опыт боевого использования «Ратника-2» потребовал некоторых дополнений, которые косну-

лись шлема (на нем установили специальное забрало) и обуви. Кроме того, боец получил возможность получать информацию по установленным на снаряжении датчикам о своем самочувствии [19].

В разработке находится боевой костюм «Ратник-3» (рис. 7)¹. Данный комплект представляет собой инновационную перспективную разработку, выполненную из специальных материалов с использованием титановых пластин. Интерактивный дисплей и система наведения, расположенные на шлеме, позволяют воину сканировать местность, распознавать противника, отслеживать все изменения на поле боя. В состав боевой экипировки включены система видеонаблюдения и беспилотники.

¹ «Ратник-3»: Умные латы солдата будущего. URL: <https://nosoldat.net/wp-content/uploads/a/2/4/a24d81a416d1a9587e77c46cfda08ab8.jpeg> (дата обращения: 12.02.2023).

Рис. 7. Боевое снаряжение «Ратник-3»

Fig. 7. Military equipment "Ratnik-3"

Костюм обещают ввести в эксплуатацию к 2025 г., а пока в российской армии используют предыдущую версию — «Ратник-2». Полностью укомплектовать Вооруженные силы РФ «Ратником-2» планировалось к 2020 г. Базовая стоимость комплекта с полной экипировкой, включая оружие, 200 тыс. рублей. Для сравнения: базовая стоимость французской экипировки под названием «Феллин» составляет примерно столько же (20–30 тыс. евро) [20, с. 153].

Как показывает боевой опыт, использование «Ратника» существенно снизило безвозвратные потери среди личного состава сухопутных частей и подразделений российской армии в ходе выполнения специальной военной операции на Украине. Лишь около 5% потерь от пулевых поражений. Вместе с тем открываются перспективы в продолжении работ по совершенствованию боевой экипировки, где главными характеристиками выступали бы надежность, функциональность, универсальность, легкость и невысокая стоимость.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы и обобщения:

1. Вооружение и боевое снаряжение армии выступают частью материальной культуры, которой присущи свои национальные черты.

2. Боевая экипировка русской пехоты прошла сложный эволюционный путь, на каждом этапе которого последовательно происходило ее совершенствование в зависимости от меняющейся стратегии и тактики ведения войны.

3. Боевая экипировка наглядно иллюстрирует готовность государства отразить внешнюю агрессию, обеспечить высокий уровень безопасности участников боевых действий.

4. Боевая экипировка определяет общее состояние армии, вооружения и боевой техники, фиксирует возможности оборонно-промышленного комплекса, уровень научно-технического прогресса, способность страны наладить ее серийный выпуск.

Боевая экипировка современного воина наиболее ярко отражает научный потенциал, готовность государства к ее совершенствованию с использованием су-

персовременных материалов и средств защиты, передовых компьютерных и цифровых технологий. Кроме того, вне всякого сомнения, изучение истории

предметов боевой экипировки может стать предметом отдельного исследования.

Список литературы

1. Кирпичников А. Н. Об изучении русского вооружения. Заметки и размышления // Археологические вести. 2020. № 27. С. 367–376.
2. Абрамов А. П., Осадчая Г. И. Социокультурный подход к проблеме модернизации среднего специализированного военного образования: диалектика традиционного и современного // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2016. № 2 (19). С. 184–190.
3. Семенов В., Юрасовский А. Русские доспехи X–XVII веков. М.: Изобразительное искусство, 1983. 68 с.
4. Петраков Т. В. История исследования технологии производства вооружения в средневековой Руси: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2016. 22 с.
5. Двуреченский О. В. Холодное оружие Московского государства XV–XVII веков. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле», 2015. 498 с.
6. Худяков Ю. С. Оружие дистанционного боя и воинское снаряжение сибирских татарских лучников (по сибирским летописным и изобразительным источникам) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, № 3. С. 83–92.
7. Мегорский Б. В. Вооружение и снаряжение русской пехоты в 1704 г.: о реконструкции комплекса по документальным источникам // История военного костюма: от древнего мира до наших дней : материалы Международной военно-исторической конференции / под ред. А. В. Арановича, Д. Ю. Алексева. СПб.: С.-Петербургский гос. ун-т промышленных технологии и дизайна, 2016. С. 129–146.
8. Лещенко Ю. Н. Организация вооружения русской армии стрелковым оружием (конец XIX – начало XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 34 с.
9. Бондарева В. В. К истории формирования 321-й Новгородской дружины в г. Тихвине (июль-август 1914 г.) // Клио. 2018. № 7 (139). С. 89–98.
10. Смирнов А. А. Индивидуальные черты частей русской гвардейской пехоты в начале XX в. // Пространство и Время. 2017. № 2–4 (28–30). С. 147–166.
11. Тиханычев О. В. Малая пехотная лопатка: история длиной в полтора века // Военный сборник. 2022. № 10 (1). С. 43–53.
12. McChristian D. C. Uniforms, arms and equipment: weapons and accouterments. Norman, USA, University of Oklahoma Press, 2007. P. 128–142.
13. Чикирев О. С., Карпов И. А. О создании боевой экипировки военнослужащих Вооруженных сил России // Защита и безопасность. 2009. № 3 (50). С. 23–25.
14. История, классификация и практика применения тактической разгрузки в вооруженных конфликтах / А. С. Стазаев, Н. М. Андреев, С. В. Репков, А. В. Гаенко // Современная наука: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей XXVIII Международной научно-практической конференции: 2 ч. Ч. 1. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2022. С. 128–130.
15. Основные направления развития боевой экипировки военнослужащих сухопутных войск, воздушно-десантных войск и морской пехоты ВМФ / И. В. Зубарев, М. В. Самородский, В. П. Бойко, С. Ю. Черябкин // Вопросы оборонной техники. Серия 16: Технические средства противодействия терроризму. 2013. № 3/4 (57/58). С. 45–54.

16. Утиулиев Ж. А. Состав боевой экипировки военнослужащих и перспектива её развития // Известия Саратовского военного института войск национальной гвардии. 2020. № 1. С. 57–59.

17. Пономарев Д. А., Королева А. Г., Шамаева И. И. Экзоскелеты – новый и перспективный вид военного снаряжения // Дискуссии в области гуманитарных, естественно-научных аспектов современности: материалы XXXV Всероссийской научно-практической конференции. Ростов н/Д: Профпресслит, 2022. С. 129–131.

18. Гончаров Н. С. Военная экипировка будущего «Ратник» // Научное образование. 2022. № 2 (15). С. 123–125.

19. Солдат будущего. Экипировка современного бойца / В. П. Краснослободцев, А. В. Раскин, И. А. Рахубовский, И. В. Тарасов // Стратегическая стабильность. 2022. № 1 (98). С. 60–63.

20. Катков А. А., Угрянский В. В. Экипировка солдата XXI века // Повышение обороноспособности государства 2022: материалы заочной научной конференции / отв. ред. В. И. Богданов. СПб.: ООО «Полторак», 2022. С. 149–154.

References

1. Kirpichnikov A. N. Ob izuchenii russkogo vooruzheniya. Zametki i razmyshleniya [On the study of Russian weapons. Notes and reflections]. *Arkheologicheskiye vesti = Archaeological news*, 2020, no. 27, pp. 367–376.

2. Abramov A. P., Osadchaya G. I. Sotsiokul'turnyy podkhod k probleme modernizatsii srednego spetsializirovannogo voyennogo obrazovaniya: dialektika traditsionnogo i sovremennogo [Sociocultural approach to the problem of modernization of secondary specialized military education: dialectics of traditional and modern]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economy. Sociology. Management*, 2016, no. 2 (19), pp. 184–190.

3. Semenov V., Yurasovsky A. Russkiye dospekhi X–XVII vekov [Russian armor of the X–XVII centuries]. Moscow, Izobrazitel'noe iskusstvo Publ., 1983. 68 p.

4. Petrakov T. V. Istoriya issledovaniya tekhnologii proizvodstva vooruzheniya v srednevekovoy Rusi. Avtoref. diss. kand. ist. nauk [History of the research of the technology of armament production in medieval Russia. Cand. hist. sci. abstract diss.] Moscow, 2016. 22 p.

5. Dvurechenskii O. V. Kholodnoe oruzhie Moskovskogo gosudarstva XV–XVII vekov [Cold weapons of the Moscow state of the XV–XVII centuries]. Tula, State Museum-Reserve "Kulikovo field" Publ., 2015. 498 p.

6. Khudyakov Yu. S. Oruzhiye distantsionnogo boya i voinskoye snaryazheniye sibirskikh tatarskikh luchnikov (po sibirskim letopisnym i izobrazitel'nym istochnikam) [Remote combat weapons and military equipment of Siberian Tatar archers (according to Siberian chronicle and pictorial sources)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya = Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology*, 2015, vol. 14, no. 3, pp. 83–92.

7. Megorskii B. V. [Armament and equipment of the Russian infantry in 1704 on the reconstruction of the complex according to documentary sources]. *Istoriya voennogo kostyuma: ot drevnego mira do nashih dnei. Materialy Mezhdunarodnoj voenno-istoricheskoy konferentsii* [History of military costume: from the ancient world to the present day. Materials of the Interna-

tional Military-Historical Conference]; ed. by A. V. Aranovich, D. Y. Alekseev. St. Petersburg, St. Petersburg St. Univ. of Industrial Technology and Design, 2016, pp. 129–146. (In Russ.)

8. Leshchenko Yu. N. Organizatsiya vooruzheniya russkoy armii strelkovym oruzhiyem (konets XIX – nachalo XX vv.) Avtoref. diss. kand. ist. nauk [Organization of arming the Russian army with small arms (late XIX – early XX centuries). Cand. hist. sci. abstract diss.]. Moscow, 2009. 34 p.

9. Bondareva V. V. K istorii formirovaniya 321-y Novgorodskoy druzhiny v g. Tikhvine (iyul' – avgust 1914 g. [On the history of the formation of the 321st Novgorod squad in Tikhvin (July-August 1914)]. *Klio = Klio*, 2018, no. 7 (139), pp. 89–98.

10. Smirnov A. A. Individual'nyye cherty chastey russkoy gvardeyskoy pekhoty v nachale XX v. [Individual features of the Russian Guards Infantry units at the beginning of the XX century]. *Prostranstvo i Vremya = Space and Time*, 2017, no. 2–4 (28–30), pp. 147–166.

11. Tikhanychev O. V. Malaya pekhotnaya lopatka: istoriya dlinoy v poltora veka [Small infantry shovel: a century and a half long story]. *Voyennyi sbornik = Military collection*, 2022, no. 10 (1), pp. 43–53.

12. McChristian D. C. Uniforms, arms and equipment: weapons and accouterments. Norman, USA, University of Oklahoma Press, 2007, pp. 128–142.

13. Chikirev O. S., Karpov I. A. O sozdanii boyevoy ekipirovki voyennosluzhashchikh vooruzhennykh sil Rossii [On the creation of combat equipment for servicemen of the Armed Forces of Russia]. *Zashchita i bezopasnost' = Protection and Security*, 2009, no. 3 (50), pp. 23–25.

14. Stazaev A. S., Andreev N. M., Repkov S. V., Gaenko A. V. [History, classification and practice of tactical unloading in armed conflicts]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovacii. Sbornik statej XXVIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Modern science: topical issues, achievements and innovations. Collection of articles of the XXVIII International Scientific and Practical Conference]. Penza, 2022, pt. 1, pp. 128–130. (In Russ.)

15. Zubarev I. V., Samorodsky M. V., Boyko V. P., Cheryabkin S. Yu. Osnovnye napravleniya razvitiya boevoi ekipirovki voennosluzhashchikh sukhopotnykh voisk, vozdušno-desantnykh voisk i morskoi pekhoty VMF [The main directions of development of combat equipment of servicemen of the ground forces, airborne troops and marines of the Navy]. *Voprosy oboronnoy tekhniki. Seriya 16: Tekhnicheskiye sredstva protivodeystviya terrorizmu = Issues of defense technology. Series 16: Technical means of countering terrorism*, 2013, no. 3–4 (57–58), pp. 45–54.

16. Utiuliev Zh. A. Sostav boevoi ekipirovki voennosluzhashchikh i perspektiva ee razvitiya [Composition of military combat equipment and the prospect of its development]. *Izvestiya Saratovskogo voyennogo instituta voysk natsional'noy gvardii = News of the Saratov Military Institute of the National Guard Troops*, 2020, no. 1, pp. 57–59.

17. Ponomarev D. A., Koroleva A. G., Shamaeva I. I. [Exoskeletons – a new and promising type of military equipment]. *Diskussii v oblasti gumanitarnykh, estestvenno-nauchnykh aspektov sovremennosti. Materialy XXXV Vserossijskoy nauchno-prakticheskoy konferencii* [Discussions in the field of humanitarian, natural-scientific aspects of modernity. Materials of the XXXV All-Russian Scientific and Practical Conference]. Rostov-on-Don, Profpresslit Publ., 2022, pp. 129–131.

18. Goncharov N. S. Voyennaya ekipirovka budushchego "Ratnik" [Military equipment of the future "Warrior"]. *Nauchnoye obrazovaniye = Scientific education*, 2022, no. 2 (15), pp. 123–125.

19. Krasnoslobodtsev V. P., Raskin A. V., Rakhubovsky I. A., Tarasov I. V. Soldat budushchego. Ekipirovka sovremennogo boytsa [Soldier of the Future. Equipment of a modern fighter]. *Strategicheskaya stabil'nost' = Strategic stability*, 2022, no. 1 (98), pp. 60–63.

20. Katkov A. A., Uglyanskij V. V. [Equipment of a soldier of the XXI century]. *Povyshenie oboronosposobnosti gosudarstva 2022. Materialy zaochnoj nauchnoj konferencii* [Improving the defense capability of the state 2022. Materials of the correspondence scientific conference]; ed by V. I. Bogdanov. St. Petersburg, OOO "Poltorak" Publ., 2022, pp. 149–154. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Абрамов Александр Петрович, доктор социологических наук, профессор кафедры философии и социологии, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: abramov_ap@inbox.ru,
ORCID: 0000-0001-9913-2449

Alexander P. Abramov, Dr. of Sci. (Sociology), Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy and Sociology, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: abramov_ap@inbox.ru,
ORCID: 0000-0001-9913-2449

К сведению авторов

1. К публикации в журнале «Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право» принимаются актуальные материалы, содержащие новые результаты научных и практических исследований, соответствующие профилю журнала, не опубликованные ранее и не переданные в редакции других журналов.

2. Авторы статей должны представить в редакцию журнала:

- статью, оформленную в соответствии с правилами оформления статей, представляемых для публикации в журнале;

- разрешение на опубликование в открытой печати статьи от учреждения, в котором выполнена работа.

- сведения об авторах (фамилия, имя отчество, место работы, должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, телефон, e-mail);

- лицензионный договор.

3. Бумажный вариант статьи подписывается всеми авторами.

4. Редакция не принимает к рассмотрению рукописи, оформленные не по правилам.

5. **Публикация бесплатная.**

6. Основной текст рукописи статьи (кроме аннотации и ключевых слов) набирают в текстовом редакторе MS WORD шрифтом «Times New Roman» размером 14 пт с одинарным интервалом, выравнивание по ширине. Поля с левой стороны листа, сверху и снизу – 2,5 см, с правой стороны – 2 см. Абзацный отступ – 1,5 см.

7. Схема построения публикации: УДК (индекс по универсальной десятичной классификации), фамилия и инициалы автора(ов), места работы (полностью), почтового адреса места работы, электронного адреса (телефона), название (полужирный), аннотация и ключевые слова, текст с рисунками и таблицами, список литературы. Авторы, название, аннотация и ключевые слова, список литературы приводятся на русском и английском языках.

Перед основным текстом печатается аннотация (200-250 слов), отражающая краткое содержание статьи. Аннотация должна быть рубрицирована (актуальность, цель, задачи, методология, результаты, выводы). Текст статьи должен иметь следующую структуру: введение, методология, результаты и их обсуждение, выводы (рекомендации).

Например:

УДК 004.9:519.8

Построение модели прогнозирования обеспеченности кадрами градообразующего предприятия

А.Л. Иванов¹✉

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: ivanov@gmail.com

Актуальность. В статье рассматривается агентная модель прогнозирования обеспеченности кадрами градообразующего предприятия, основанная на структуризации поведения агента и определения влияния его внутреннего представления об окружающем мире на его деятельность.

...

Ключевые слова: агентное моделирование; градообразующее предприятие; событие.

В конце статьи приводятся сведения об авторе(ах) на русском и английском языках: фамилия, имя, отчество полностью, ученое звание, ученая степень, должность, организация, город, страна, e-mail.

8. При формировании текста не допускается применение стилей, а также внесение изменения в шаблон или создание собственного шаблона. Слова внутри абзаца следует разделять одним пробелом; набирать текст без принудительных переносов; не допускаются разрядки слов.

12. **Список литературы к статье обязателен** и должен содержать все цитируемые и упоминаемые в тексте работы (не менее 20). Пристатейные библиографические списки оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Ссылки на работы, находящиеся в печати, не допускаются. При ссылке на литературный источник в тексте приводится порядковый номер работы в квадратных скобках.

13. В материале для публикации следует использовать только общепринятые сокращения.

Все материалы направлять по адресу: 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94. ЮЗГУ, редакционно-издательский отдел.

Тел.(4712) 22-25-26, тел/факс (4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

Изменения и дополнения к правилам оформления статей и информацию об опубликованных номерах можно посмотреть на официальном сайте журнала: <https://swsu.ru/izvestiya/serieshistory/>